

Н. Н. Платошкин

История Мексиканской революции

Время радикальных реформ
1928—1940 гг.

том III

Университет Дмитрия Пожарского

Н.Н. Платошкин

История Мексиканской революции

Время радикальных реформ
1928–1940 гг.

Том 3

Москва
Университет Дмитрия Пожарского
2011

Печатается по решению Ученого совета
Университета Дмитрия Пожарского

Платошкин Н.Н.

История Мексиканской революции. Время радикальных реформ 1928–1940 гг. Том 3. / Н.Н. Платошкин – М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2011. – 376 с.

ISBN 978-5-91244-036-6

Период 1928–1940 годов находится в центре внимания последнего тома трилогии автора, посвященной мексиканской революции XX века. Мексика, как и СССР, предпринимает рывок в сторону резкого ускорения экономического развития страны и создания собственной индустриальной базы. То же самое происходило в то время в Советском Союзе. И в Мексике и в СССР ставка была сделана на радикализацию революционного процесса: на аграрную реформу и создание мощной национальной промышленности. Правительство президента Мексики Ласаро Карденаса проводило глубокие реформы под лозунгом выполнения обещаний революции и с учетом опыта советских преобразований. Именно поэтому изучение этого периода мексиканской истории – пика революции – представляет несомненный интерес для российского читателя. В результате событий 30-х годов были созданы политические системы, которые просуществовали в Мексике до 2000 года, в СССР – до 1991 года.

Итог революционной модернизации 30-х годов в Мексике и СССР был различным. Книга пытается дать ответ на главный вопрос – почему так произошло?

На обложке: фрагмент фрески Диего Риверы
«Арсенал. Раздача оружия»

Содержание

Предисловие.....	5
<i>Глава 1.</i> Кризис 1928–1929 годов	9
<i>Глава 2.</i> «Максимат». 1930–1934 годы.....	87
<i>Глава 3.</i> Президентство Карденаса в 1935–1936 годах: разгром «максимата».....	165
<i>Глава 4.</i> Президентство Карденаса: коренные реформы 1936–1940 годов	241
Краткая хронология истории Мексики (1928–1940 годы)	358
Список источников и литературы	360

Предисловие

Настоящий том книги посвящен самым радикальным преобразованиям в истории Мексики, которые ознаменовали одновременно пик и конец мексиканской революции, начавшейся в 1910 году.

Речь идет о правлении президента Ласаро Карденаса и предшествовавшем этому периоду, времени так называемого максимата, когда судьбы Мексики находились в руках Плутарко Кальеса.

Почти двадцать лет с начала революции мексиканские рабочие и крестьяне ждали удовлетворения своих сокровенных чаяний – земли, бесплатного образования и достойных условий труда. Но только после прихода к власти Карденаса в 1934 году эти мечты смогли осуществиться, хотя и далеко не полностью. К сожалению, довольно радикальные реформы 30-х годов держались в Мексике на воле одного человека, и после того, как согласно Конституции Карденас покинул свой пост в 1940 году, в стране наступили совсем другие, уже не революционные, а эволюционные времена.

До сих пор Ласаро Карденас остается главным героем мексиканской истории, личностью, о которой спорят и по сей день. Оценки его деятельности полярны: кто-то считает его коммунистом, кто-то – чуть не сторонником фашизма.

В отечественной историографии есть всего одна, зато прекрасная и не потерявшая своей актуальности работа по истории Мексики 30-х годов – фундаментальный труд А. Ф. Шульговского «Мексика на крутом повороте своей истории» (М., 1967). Именно Шульговский ввел в научный оборот термин «революционный каудильизм» для описания механизма политической власти в Мексике в 20-е – 30-е годы. Этот термин прижился и во многих зарубежных, в том числе мексиканских исследованиях.

Думается, что для российского читателя особый интерес представляет схожесть исторических судеб Советского Союза и Мексики в 30-е годы. Обе страны считали себя революционными, обе стремились совершить мощный рывок в социально-экономическом развитии. Подход СССР был гораздо радикальнее, сопровождался серьезными лишениями для населения страны, но результат был достигнут блестящий – примерно за 10 лет аграрная и отсталая Россия превратилась в мощное индустриальное государство, с ко-

торым приходилось считаться всем державам того времени. Без трудного успеха 30-х годов СССР не смог бы противостоять сильнейшей армии гитлеровской Германии, на которую работала экономика почти всей Европы. Но Советский Союз не только выстоял, но и победил, доказав, что выбор пути в 20-е – 30-е годы был верным.

Мексика при Карденасе тоже пыталась идти к социализму, но постепенно, включая «островки» социалистического образа жизни (школа и кооперативы) в море капиталистической экономики. Этот путь был обречен – симбиоз двух противоположных по целям общественных систем пока еще не удалось построить ни в одной стране на планете Земля. Попытки Карденаса апеллировать к совести предпринимателей, к их патриотизму не увенчались успехом – и не могли им увенчаться. Если целью человека является максимальное извлечение прибыли, то ему нет никакого дела до целей общества. Сограждане воспринимаются такими людьми только как объект для наращивания за их счет собственного благополучия. У автора нет сомнения, что Карденас это понимал. Но пойти на окончательный разрыв с имущими классами он не сумел, в чем и заключалась известная ограниченность реформ этого безусловно честного и достойного человека. Человека, который умел чувствовать несчастье других людей как свое собственное.

Однако при всех неудачах Карденаса Мексика всегда будет воспринимать его как национального героя, как символ нации, как пример беззаветного служения трудящимся классам – тем, кто своими руками и головой создает то, что мы именуем прогрессом. Такие люди, как Карденас, – соль земли, и автор надеется, что у читателей сложится схожее мнение после знакомства с жизнью этого человека.

Глава 1

Кризис 1928–1929 годов

Убийство Обрегона 17 июля 1928 года коренным образом поменяло расклад политических сил в Мексике и ввергло страну в опасный кризис.

В своей предвыборной борьбе Обрегон опирался на Национальную аграристскую партию во главе с Сото-и-Гамой и Аурелио Манрике. Естественно, Обрегона поддерживали также большинство армейских генералов и многие губернаторы штатов. Компартия Мексики тоже рекомендовала своим членам и сочувствующим поддержать Обрегона как представителя национальной буржуазии. Действующего президента Кальеса коммунисты примерно с 1927 года однозначно относили к марионеткам США.

Главным противником Обрегона во время предвыборной борьбы были КРОМ во главе с Моронесом и представляющая политические интересы КРОМ Лабористская партия.

Сначала лабористы в Конгрессе безуспешно пытались не допустить принятия поправки к Конституции, которая дала бы Обрегону возможность баллотироваться на второй срок¹. Полемика между Моронесом и Обрегоном достигла наивысшего начала в мае 1928 года, когда первый пообещал вывести свой профцентр на баррикады в случае победы последнего. Обрегон, как мы помним, не жалел, в свою очередь, самых презрительных эпитетов в адрес Моронеса, обвиняя лидера КРОМ в коррупции и моральном разложении.

Неудивительно, что после убийства Обрегона многие газеты и общественность Мексики приписали КРОМ и лично Моронесу «интеллектуальное авторство» убийства.

Но пикантность ситуации состояла в том, что Моронес был еще и министром промышленности в кабинете президента Кальеса, причем считался близким другом последнего. Кроме того, сам Кальес в 1923 году был выдвинут на пост президента именно Лабористской партией. Естественно, возбужденные люди на улицах мексиканских городов и сел открыто обвиняли

¹ Соколов А. А. Рабочее движение Мексики (1917–1929). М., Издательство МГУ, 1978. С. 213

Кальеса в том, что он стоит за убийством Обрегона. В Мексике прекрасно помнили, что в 1923 году отдельные депутаты Конгресса обвинили Кальеса в убийстве Панчо Вильи. Мнение улицы и сейчас разделяли многие депутаты², а также некоторые генералы. В воздухе носились все более сгущавшиеся слухи о предстоящем военном мятеже против Кальеса.

Действительно, многие офицеры-обрегонисты, узнав о покушении, перестали ночевать дома, опасаясь, что Кальес прикажет их расстрелять. Через два дня после покушения Рикардо Топете, глава Националистического обрегонистского блока, куда входили партии, поддержавшие Обрегона на выборах, предложил своему брату, генералу Фаусто Топете, только что избранному на пост губернатора штат Сонора, немедленно начать вооруженное восстание против Кальеса в столице Мексики, где можно было рассчитывать на помощь некоторых военных частей³. Брат в принципе не возражал, но предлагал начать вооруженное выступление не в Мехико, а в северных штатах.

Узнав о покушении на Обрегона, несколько групп обрегонистов, вооруженных пулеметами, по всей столице искали Моронеса, чтобы убить его на месте. Поиски оказались безуспешными только потому, что Кальес приказал Моронесу и его соратникам укрыться в подвале одного из военных заводов.

В этой непростой для себя обстановке Кальес полностью проявил основные черты своего характера: решительность, твердость, бескомпромиссность и трезвый политический расчет. Он немедленно собрал 30 наиболее влиятельных генералов мексиканской армии и заверил их, что будет советоваться с армией при выборе нового кандидата в президенты⁴. Одновременно Кальес предложил, чтобы будущим президентом стал гражданский политик. Конечно, он не обманывался на тот счет, что мятежа удастся избежать совсем, однако теперь был уверен, что не все генералы примут участие в путче.

Разобзив армейскую верхушку, президент решил поступить точно так же с политическими лидерами обрегонистского движения. Кальес прекрасно понимал, что ни один из соратников Обрегона даже отдаленно не может сравниться с убитым вождем по влиянию на умы населения. Поэтому здесь для президента главным было успокоить общественное мнение, для чего он решил пожертвовать Моронесом.

17 июля 1928 года, в день убийства своего вождя, в Мехико на совещание собрались самые видные обрегонисты: губернатор штата Нуэво-Леон Аарон Саенс, губернатор штата Тамаулипас Эмилио Портес Хиль, полити-

² В Конгрессе Мексики в июле 1928 года большинство депутатов причисляли себя к обрегонистам и были настроены решительно против Кальеса.

³ Medin T. El minimato presidencial: historia politica del Maximato 1928–1935. Mexico, 1982. P. 30

⁴ Krauze E. Plutarco Calles. Reformar desde el origen. 1992. P. 87

ки Марте Гомес и Луис Леон, генерал Антонио Риос Зертуче.⁵ По воспоминаниям Портеса Хиль, группа решила обсудить с Кальесом сложившуюся ситуацию⁶.

Президент встретил обрегонистов в компании генерала Франсиско Мансо и был настроен не очень приветливо. Портес Хиль от имени всей группы констатировал наличие в стране серьезного кризиса. Лично он, дескать, не верит, что Моронес и «его группа» стоят за покушением на Обрегона, но не считаться с настроенным иначе общественным мнением тоже нельзя. Поэтому следует немедленно заменить генерального инспектора полиции⁷, который будет вести расследование событий 17 июля. В беспристрастность нынешнего шефа полиции генерала Роберто Круса никто не верит. Кальес был неприятно поражен таким требованием: По его личному указанию Крус еще осенью 1927 года проводил расстрелы без суда участников так называемого путча генералов Гомеса и Серрано. Этот человек, отвечавший за правопорядок в столице, был безоговорочно предан Кальесу.

Не скрывая раздражения, Кальес спросил, почему, собственно, Крису нельзя доверять. В ответ Портес Хиль прямо сказал, что Крус «не был другом сеньора генерала Обрегона в последние месяцы»⁸ и в ходе предвыборной кампании проявил себя как противник Обрегона. Президенту пришлось спросить, кого обрегонисты предлагают на пост шефа полиции. В ответ была названа кандидатура генерала Зертуче⁹. Кальес согласился, чем выбил из рук сторонников Обрегона главный козырь: правительство якобы мешает следствию и скрывает неудобные для него факты.

Зертуче немедленно отправился на место покушения, чтобы сохранить все улики. Репортерам и взволнованным гражданам, осаждавшим ресторан «Ла Бомбия», он посоветовал успокоиться. В штаб-квартире полиции фактически обосновались лидеры аграристов Сото-и-Гама и Аурелио Манрике, которые ждали хотя бы малейшего факта, подтверждавшего их версию о причастности Кальеса и Моронеса к смерти Обрегона.

⁵ Генерал Зертуче (р. 1894), уроженец родного штата бывшего президента Каррансы Коауилы, с 1914 года воевал в конституционалистской армии и принял участие в 130 боях. Был инспектором кавалерии, командующим 7-м военным округом с центром в Монтеррее. Camp R. A. Mexican political Biographies. University of Texas Press, 1995. P. 592. Марте Гомес был уроженцем штата Тамаулипас, инженером. Считался одним из самых активных сторонников аграрной реформы в стране.

⁶ Книга Портеса Хиль *Autobiografía de la Revolución Mexicana* цитируется здесь и далее по сайту www.antorcha.net/.../autobiografia/bibliografia.html

⁷ Так в Мексике именовали шефа всей полиции страны.

⁸ Portes Gil E. *Autobiografía de la Revolución Mexicana* // www.antorcha.net/.../autobiografia/bibliografia.html

⁹ Portes Gil E. *Autobiografía de la Revolución Mexicana* // www.antorcha.net/.../autobiografia/bibliografia.html

Однако после разговора с убийцей Зертуче быстро объявил мексиканской и иностранной прессе официальную версию следствия: «Генеральная инспекция полиции, в настоящее время находящаяся под моим управлением... официально заявляет, что ответственным за преступление является римско-католический клир»¹⁰. Эту версию в своем собственном официальном заявлении немедленно подхватил и Кальес: «Преступник полностью сознался, что его акция была мотивирована религиозным фанатизмом. Больше того, власти нашли еще больше сведений, подтверждающих прямое участие клерикалов в этом преступлении»¹¹.

Такую версию косвенно подтверждало и неуклюжее заявление главы мексиканского епископата архиепископа Леопольдо Руиса-и-Флореса, находившегося в эмиграции: «К сожалению, более чем естественно, что избранный президент погиб от насилия. Он вызвал смерть стольких людей, что рано или поздно друзья тех, чью кровь он пролил, убили бы его». Примечательно, что официальный печатный орган Ватикана «Оссерваторе Романо» с версией архиепископа не согласился: «В дополнение к преследованиям, которым подвергаются сейчас мексиканские католики, добавляется еще и оскорбительное утверждение, приписывающее им преступление, которого они не совершали, так же как и в первые столетия существования Церкви Нерон, который хотел предать христиан смерти, приписал им поджог Рима»¹².

Интересно, что сожаление по поводу смерти Обрегона выразил некогда ближайший его друг, живший тогда в эмиграции США бывший временный президент Мексики Адольфо де ла Уэрта. Правда, мотивация этого сожаления отнюдь не была преисполнена сочувствием к самому Обрегону. Смерть этого человека, по мнению де ла Уэрты, не дала возможности привлечь его к ответственности за совершенные преступления.

Тем не менее иностранные, прежде всего американские СМИ благожелательно комментировали следствие. Они отмечали, что обвиняемого не пытаются, его даже показали журналистам через три дня после покушения. В прессе нет цензуры, уличным митингам никто не препятствует. Приятно удивило американцев и то, что убийцу будет судить гражданский суд: в США прекрасно помнили, как еще осенью 1927 года без всякого разбирательства были расстреляны десятки участников так называемого мятежа генералов Гомеса и Серрано. Характерно, что американские СМИ приписывали такое «благоприятное» развитие событий в Мексике положительному влиянию посла США в Мехико Морроу на президента Кальеса.

¹⁰ Time, 30.07.1928

¹¹ Time, 30.07.1928

¹² Time, 30.07.1928

Морроу действительно убеждал Кальеса подготовить максимально открытый судебный процесс над убийцей Обрегона, чтобы Мексика выглядела в мировом общественном мнении цивилизованной страной¹³.

Однако если Кальес и выиграл время, передав следствие в руки обрегонистов, его политическое положение продолжало оставаться весьма шатким. В резиденцию президента почти никто не приходил, что ясно сигнализировало: политический истеблишмент ждет отставки главы государства.

27 июля 1928 года к Кальесу пришли Портес Хиль, Марте Гомес и Луис Леон. Вежливо, но твердо они потребовали отставки Моронеса и прочих недругов Обрегона в правительстве¹⁴, чтобы спасти самого Кальеса от «сползания в бездну». Поначалу Кальес был тверд и по-своему логичен: если он уберет Моронеса из кабинета, то только подтвердит этим его причастность к убийству Обрегона, а для этого у следствия пока нет никаких оснований. К тому же Моронес его друг, а он друзей в беде не бросает. Однако, сославшись на «мнение улицы» и на то, что сами друзья президента не сообщают ему истинных настроений в стране, делегации обрегонистов удалось убедить Кальеса, у которого, кстати, уже имелось заявление Моронеса об отставке. Кроме Моронеса в отставку с государственных постов подали его ближайшие соратники по «группе действия» КРОМ Гаска и Монеда. Публично этот шаг был мотивирован «самопожертвованием» во имя сохранения единства «революционной семьи»¹⁵.

Поражает объяснение Кальеса того факта, что он как президент разрешал членам кабинета министров, особенно Моронесу и заместителю министра обороны генералу Мигелю Пинье во время предвыборной кампании выступать с нападками на Обрегона. Он якобы таким образом хотел дать понять общественности, что кандидатура Обрегона не навязывается правительством. Однако с такой аргументацией плохо вяжутся слова тогдашнего министра промышленности и торговли Моронеса: КРОМ не допустит Обрегона до президентского кресла.

Неудивительно, что обрегонисты продолжали считать Кальеса причастным к убийству их лидера. Особенно усердствовали в этом отношении лидеры аграристской партии, депутаты Конгресса Сото-и-Гама и Манрике, который обвинял Кальеса у трупа Обрегона в присутствии самого прези-

¹³ Spencer D. The impossible Triangle. Mexico, Soviet Russia and the United States in the 1920s. Duke University Press, 1999. P. 144

¹⁴ К таковым обрегонисты причисляли консервативного министра финансов Монте-са де Ока (большого друга посла Морроу) и радикального министра образования Пуига Касауранка (большого друга лидера мексиканской компартии художника Диего Ривера, хотя Ривера дружил и с самим Обрегоном).

¹⁵ Соколов А. А. Рабочее движение Мексики (1917–1929). М., Издательство МГУ, 1978. С. 217

дента. В конце июля 1928 года в Мехико состоялась встреча видных обрегонистов, среди которых были губернаторы Синалоа и Соноры, а также глава военного командования в Соноре генерал Франсиско Мансо. Собравшиеся решили предъявить Кальесу прямой ультиматум с требованием уйти в отставку. Портесу Хилью удалось убедить обрегонистов в том, что лучше пока добиться от Кальеса отставки наиболее враждебно настроенных по отношению к Обрегону членов правительства, что и было сделано на описанной выше встрече Портеса Хилья с Кальесом.

Однако Портес Хиль не обманывался насчет истинных настроений ближайших соратников Обрегона: Манрике и Сото-и-Гама были непримиримыми противниками президента. В тот период именно эти два человека считались выразителями интересов обрегонистского лагеря. Отсюда вытекало, что мятеж обрегонистов против Кальеса – лишь вопрос времени.

Кальес и здесь обыграл своих оппонентов. 18 августа 1928 года он назначил министром внутренних дел (фактически вторым человеком в правительстве после самого президента) губернатора Тамаулипаса Портеса Хилья, считавшегося не только истинным обрегонистом, но и непримиримым противником КРОМ. Теперь лагерь обрегонистов оказался расколотым: им пришлось бы идти на путч против своего собственного сторонника в кресле министра внутренних дел.

Кальесу удалось обмануть даже американскую разведку: военный атташе посольства США в Мехико полагал, что в правительстве теперь тон будут задавать радикалы-обрегонисты. Американцы отмечали, что один из новых министров Луис Леон был в Советской России в 1921 году (что уже наводило военную разведку США на неприятные подозрения), а Аурелио Манрике они характеризовали как «театрального большевика»¹⁶.

Таким образом, в июле – августе 1928 года Кальес в полной мере проявил свое недюжинное политическое мастерство. Ему удалось не только остаться у власти, но и расколоть лагерь своих противников. Теперь президент фактически превращался в арбитра споров между различными политическими группами страны. Правда, этот успех объяснялся еще и тем, что после убийства Обрегона в стране просто не было другого политического деятеля, который мог бы сравниться с Кальесом по влиянию в стране.

Точно к таким же выводам пришел советский полпред в Мексике Макар, когда сообщал в Москву о политической обстановке в Мексике в июле-августе. Макар писал о разрозненности обрегонистского лагеря, в который входят «официальная» аграристская партия, «часть бюрократической машины, местные почти самостоятельные «князьки», то есть губернаторы, и небольшая часть военной верхушки. Все эти силы, объединенные

¹⁶ Spencer D. The impossible Triangle. Mexico, Soviet Russia and the United States in the 1920s. Duke University Press, 1999. P. 144

Обрегеном, вряд ли могут остаться едиными после смерти вождя; но их может еще на некоторое время объединить общий враг, лидер рабочего реформистского движения Моронес»¹⁷. Именно этого общего врага Кальес и убрал, лишив обрегонистов общего знаменателя. К тому же Национальная крестьянская лига, которая руководилась коммунистами и была отнюдь не менее влиятельной, чем аграристская партия, «в специальном воззвании отмежевывалась от агрессивных намерений аграристской партии, направленных против КРОМа, настаивая только на смене лидеров КРОМа».

Макар совершенно верно отмечал: «Кальес пожертвовал Моронесом и другими (которые подали в отставку, как только обрегонисты официально бросили им ответственность в моральном соучастии), в значительной мере уменьшил возможность дальнейшего наступления обрегонистов на КРОМ. То, что, может быть, удалось бы Обрегону (разгром организации КРОМа), конечно, не удастся его наследникам. Да Кальес теперь, когда нет Обрегона, никогда и не допустит этого. А он теперь в стране единственная моральная и физическая сила (армия в общем и целом в его руках, Обрегон не успел еще сделать необходимую ему перестановку). Лавируя между обрегонистами и КРОМом, сделав некоторую уступку первым (отставка Моронеса и других, назначение нового начальника полиции – обрегониста и прочее) без больших жертвований со стороны КРОМа, Кальесу удалось занять среднюю линию поведения, обеспечивающую ему несомненный успех. Если бы обрегонисты теперь, когда волна возмущения значительно остыла, вздумали предъявить Кальесу неприемлемые для него требования, они натолкнулись бы на непреодолимое сопротивление: вызвать гражданскую войну им, вероятно, не удалось бы, несмотря на то влияние, которое они имеют в правой крестьянской партии»¹⁸. Под «правой крестьянской партией» полпред имел в виду аграристов.

Этот блестящий анализ не оправдался только в одном аспекте – позже выяснилось, что Кальес готов пожертвовать не только Моронесом и его окружением, но и КРОМом как таковым. Однако в августе 1928 года президент еще считал, что КРОМ как базу его личного влияния можно сохранить.

В августе начала распадаться объединенная Обрегеном разношерстная коалиция политических сил. 3 августа 1928 года Аарон Саенс распустил Национальный директивный центр обрегонистов, который отвечал за предвыборную кампанию Обрегона и был своего рода ставкой соратников убитого «каудильо». Саенс мотивировал свой шаг тем, что у центра более нет никаких задач¹⁹. На самом деле он просто хотел лишить инструмента по-

¹⁷ Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 226, л. 30–31

¹⁸ Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 191, д. 211, л. 31

¹⁹ Diaz R. L. La crisis Obregón-Calles y el estado mexicano. Mexico, Siglo XXI, 1980.

литического влияния Сото-и-Гаму и Манрике, которые считали себя идейными наследниками Обрегона и непримиримыми противниками Кальеса. А вот Саенс уже был не прочь договориться с президентом.

1 сентября 1928 года президент Кальес должен был выступить со своим последним посланием к Конгрессу (срок его полномочий истек 1 декабря). Выступление президента произвело сенсацию. К удивлению многих, Кальес заявил, что трагическая смерть Обрегона имеет для Мексики и позитивное значение. Умер последний вождь-«каудильо», власть которого держалась не на законах, а на личном влиянии. Другого такого вождя в стране не осталось. Поэтому у Мексики появляется уникальная возможность стать страной, где главенствуют не личности, а закон. Кальес подчеркнул, что мог бы, «если бы... совесть не запрещала» ему, «под маской желания содействовать общественному благу продолжать исполнять обязанности» президента²⁰. Однако теперь он торжественно заявляет, что никогда больше не займет президентское кресло.

Вторая часть речи Кальеса была не менее сенсационной. Впервые с момента триумфа революции в 1917 году он, видный революционер, предложил, чтобы побежденная «реакция» (сторонники Порфирио Диаса и католическая церковь) получили представительство в Конгрессе страны, став своего рода легальной оппозицией. Присутствие реакционеров в обеих палатах парламента «не представляет опасности для гегемонии Революции, которая уже триумфально победила, завоевав сознание общественности, и может открыть себя для конкуренции, которая в конечном итоге принесет благо всей нации»²¹.

Фактически своей речью Кальес объявил о завершении революции и переходе Мексики на путь поступательного эволюционного развития. Нет сомнения, что по крайней мере вторая часть выступления была если не инспирирована послом США Морроу, то согласована с ним. После выступления президента Морроу, в нарушение принятого дипломатического этикета, открыто аплодировал. В ходе длительных бесед в 1927–1928 годах послу США удалось убедить Кальеса, что все социально-экономические преобразования, прежде всего аграрная реформа, вносят в экономику Мексики только сумбур и не дают стране активно развиваться.

Однако в этом аспекте с Кальесом и Морроу не соглашались подавляющее большинство мексиканцев. Да, страна жаждала внутреннего мира, но основная часть ее населения, рабочие и крестьяне еще более страстно желали, чтобы революция наконец удовлетворила их многолетние чаяния –

²⁰ Krauze E. Mexico. Biography of Power. A History of Modern Mexico, 1810–1996. New York, 1997. P. 427

²¹ Krauze E. Mexico. Biography of Power. A History of Modern Mexico, 1810–1996. New York, 1997. P. 427

Эмилио Портес Хиль родился 3 октября 1890 года в штате Тамаулипас. Получив юридическое образование в Мехико, Портес Хиль в 1915 году стал адвокатом. Еще до этого, в декабре 1914 года он прибыл в Веракрус и представил себя в распоряжение Каррансы, который в тот момент, казалось, вот-вот проиграет гражданскую войну против Вильи и Сапаты. Карранса, никогда не доверявший военным и, наоборот, всячески выдвигавший молодых образованных гражданских политиков, назначил адвоката заместителем начальника Департамента военной юстиции. Затем Портес Хиль занимал ряд постов в судебной системе. Работая в 1917 году официальным юрисконсульт-ом Военного министерства, он близко сошелся с тогдашним главой этого ведомства Альваро Обрегеном.

Неудивительно, что Портес Хиль поддержал мятеж Обрегона в 1920 году и стал в результате временным губернатором своего родного штата Тамаулипас. Затем, будучи депутатом Конгресса, Портес Хиль сделался одним из лидеров Национальной кооперативистской партии. Однако когда партия в 1923 году поддержала кандидатуру де ла Уэрты на президентских выборах, Портес Хиль перешел на сторону соперника де ла Уэрты и ставленника Обрегона Кальеса, чего тот, естественно, не забыл. В качестве награды Портес Хиль в 1925 году стал постоянным губернатором Тамаулипаса, где его и застало известие о смерти Обрегона²³.

Следует отметить, что Портес Хиль по мексиканским меркам был прогрессивным губернатором. Он активно проводил аграрную реформу²⁴ и покровительствовал рабочим организациям, с одним, правда, исключением – был ярким противником КРОМ. Интересно, что владельцы первой же асиенды, у которой губернатор Портес Хиль отобрал 426 гектаров для распределения среди крестьянских общин, в свое время финансово поддерживали его учебу в Мехико.

Портес Хиль всячески содействовал деятельности в Тамаулипасе Национальной крестьянской лиги, во главе которой стоял член мексиканской компартии Урсуло Гальван²⁵. Причем и Портес Хиль, и Марте Гомес, в отличие от федерального правительства Кальеса, делали ставку не на частного мелкого собственника, а на общинное, коллективное землевладение в рамках «эхидо». За время своего губернаторства (1925–1928 годы) Портес Хиль передал крестьянам на временной основе 57 706 га земли (по закону губернатор мог принять решение только о временной передаче, окончатель-

²³ См. биографию Портеса Хилья на сайте www.memoriapoliticademexico.org

²⁴ За проведение аграрной реформы в штате отвечал тогда Марте Гомес, который считал себя марксистом.

²⁵ Хотя советский полпред Макара справедливо отмечал, что связь Национальной крестьянской лиги с компартией ненадежна, и ее нельзя считать коммунистической организацией.

ную передачу утверждала федеральная Национальная аграрная комиссия в Мехико) и 5359 га – в постоянное владение.

У Портеса Хиль не было ни военного опыта, ни влияния в армии, хотя он и имел военный чин еще с 1914 года. Как и многие губернаторы штатов в то время, Портес Хиль создал собственную региональную партию – Социалистическую приграничную партию²⁶. Она оказалась первой в истории Мексики, куда принимали и женщин, достигших 18-летнего возраста. На тот момент это была самая прогрессивная и радикальная массовая партия в стране наряду с Социалистической партией Юго-Востока в Юкатане.

В апреле 1924 года Портес Хиль предложил создать объединение региональных партий Мексики, чтобы судьбы штатов в столице не решали без их участия.

В 32 года он случайно встретил на железнодорожной станции молоденькую девушку из штата Нуэво-Леон. Кармен Гарсиа Гонсалес было всего 17 лет, и она приезжала в Тамаулипас навестить свою сестру. Портес Хиль активно взялся ухаживать за красавицей и довольно быстро получил согласие на брак. В 1928 году 23-летняя Кармен Гарсиа Гонсалес стала первой леди Мексики.

Советский полпред Макар в августе 1928 года называл среди кандидатов в президенты Аарона Саенса, формально возглавлявшего предвыборный штаб Обрегона, губернатора Веракруса Техеду – «от левых крестьян и части рабочих... Над всеми ними пока все еще стоит признанный всеми «организациями революции» нынешний президент Плутарко Элиас Кальес. Останется ли он президентом на ближайшие два года (в качестве временно назначенного) или уступит эти два года другому кандидату с тем, чтобы в 1930 году быть выбранным на 6 лет – во всяком случае, это будет определять Кальес и его приверженцы»²⁷.

После того как Сото-и-Гама и Манрике стали активно продвигать кандидатуру Портеса Хиль на пост временного президента, Техеда, пользовавшийся среди крестьян не меньшим авторитетом, чем Портес Хиль, снял в его пользу свою кандидатуру. 25 сентября 1928 года Конгресс единогласно избрал временным президентом страны Эмилио Портеса Хиль²⁸. Правда, лидеры аграристов Сото-и-Гама и Манрике покинули зал заседаний в момент голосования и тем самым оказались единственными депутатами, кто не поддержал нового президента. Таким образом они выразили Портесу Хилью свое недовольство тем, что он отказался убрать Кальеса из политической жизни страны.

²⁶ Arena S. Z. Aspectos socioeconomocos de la problematica en Mexico. Mexico, 2003. P. 249

²⁷ Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 191, д. 211, л. 32

²⁸ Очерки новой и новейшей истории Мексики. М., 1960. С. 366

В целом избрание Портеса Хиль на пост временного президента было обусловлено тем обстоятельством, что он оказался единственным обрегонистом, который поддерживал с Кальесом тесные отношения. Однако он считался независимым от Кальеса, поскольку никогда не входил в его правительство²⁹. К тому же Портес Хиль был ярким врагом КРОМ.

Еще на посту министра внутренних дел Портес Хиль потребовал от Кальеса прекратить ненужные преследования священников со стороны властей, если те не нарушают закон. Став министром, он убедился, что военные и полицейские проводят активные аресты сторонников «кристерос», а потом вымогают с них деньги за прекращение уголовного дела. В тюрьмах страны широко практиковались пытки, с помощью которых от арестованных добивались любого признания. Кальес не возражал, заметив, что «устал» от действий своих подчиненных, извращающих смысл законов, касающихся взаимоотношений государства и церкви³⁰.

При вступлении в должность Портес Хиль обещал организовать президентские выборы 1929 года так, чтобы исключить всякое вмешательство в них органов государственной власти. В своей деятельности президент обещал руководствоваться «высокими идеалами равенства и социальной справедливости».

Уже через несколько дней после вступления в должность президента Портес Хиль дал понять Кальесу, что не собирается быть марионеткой в его руках. Новый президент узнал, что министр финансов Монтез де Ока, который поддерживал тесные связи с послом США Морроу, предложил впервые с момента победы революции заложить в бюджет на 1929 год 10 миллионов песо для выплаты компенсации помещикам и иностранцам, потерявшим землю в ходе аграрной реформы. Несомненно, это предложение было согласовано с Кальесом, который до 1 декабря 1928 года все еще оставался президентом. Как юрист Портес Хиль заявил Кальесу, что ни Конституция республики, ни закон об аграрной реформе от 6 января 1915 года не обязывают государство выплачивать такую компенсацию. К тому же земель уже конфисковано столько, что никаких 10 миллионов песо для компенсаций не хватит³¹. Кальес возражал, считая, что надо прекратить распределение земли, так как это вносит «беспорядок» в экономику Мексики³². Однако его

²⁹ Diaz R. L. La crisis Obregón-Calles y el estado mexicano. Mexico, Siglo XXI, 1980. P. 113

³⁰ Portes Gil E. Autobiografía de la Revolución Mexicana // www.antorcha.net/.../autobiografia/bibliografia.html

³¹ В 1929 году, когда Портес Хиль был президентом, а его друг Марте Гомес – министром сельского хозяйства и развития, среди крестьян было распределено столько земли, что на компенсацию пришлось бы потратить 80 миллионов песо.

³² Бесспорно, здесь явно прослеживается идейное влияние посла США Морроу.

не мог не убедить следующий аргумент Портеса Хилья: военный мятеж все равно неминуем, и только вооруженные крестьяне смогут, как и в 1923 году во время мятежа де ла Уэрты, противостоять регулярной армии путчистов. Но если прекратить аграрную реформу, то на вооруженную поддержку крестьян рассчитывать не приходится. Однако Кальес продолжал упираться и сдался только тогда, когда Портес Хиль пригрозил отказаться от поста временного президента.

Но разногласия Портеса Хилья и Кальеса отнюдь не носили антагонистического характера, что и показали состав правительства и программа нового президента. 30 ноября 1928 года Портес Хиль принес присягу в качестве временного президента и впервые в истории Мексики выступил с программой своего правительства. Он подчеркнул, что имеет честь «принадлежать к радикальной группе» политического спектра и к партии, которая проповедует самые передовые принципы, но страна находится в такой ситуации, в которой главной задачей кабинета является продолжение политики президентов Обрегона и Кальеса³³. «Священной хартией» мексиканской революции Портес Хиль назвал статьи 27 и 123 Конституции (содержавшие принципы аграрной реформы и трудового законодательства).

Портес Хиль похвалил Кальеса и Морроу за их работу по налаживанию хороших отношений между Мексикой и США и пообещал продолжать этот курс, не поступаясь национальным суверенитетом.

В целом взвешенная программа Портеса Хилья встретила благосклонные отклики мексиканской и зарубежной прессы. Американская газета «Нью-Йорк Таймс» 3 декабря 1928 года с удовлетворением констатировала, что 37-летний глава государства готов содействовать «сердечности» в отношениях между Мексикой и США: «Новый президент – не диктатор»³⁴.

Состав кабинета Портеса Хилья еще более успокоил американцев, которые в то время уже твердо сделали ставку на Кальеса как «сильного человека» Мексики. На своих постах остались министр обороны Амаро и министр иностранных дел Эстрада. Друг посла Морроу министр финансов Монтес де Ока также сохранил свой пост. Подозрение вызвало лишь появление Марте Гомеса в кресле министра сельского хозяйства, что предвещало активизацию аграрной реформы³⁵. Министерство промышленности и торговли, которое занималось и трудовыми спорами, вместо Моронеса возгла-

³³ За теми мексиканскими политиками, которые поддерживали и Кальеса и сторонников Обрегона, вскоре закрепилось прозвище «обрекальисты».

³⁴ Portes Gil E. Autobiografía de la Revolución Mexicana// www.antorcha.net/.../autobiografia/bibliografia.html

³⁵ На одной из своих монументальных фресок Диего Ривера увековечил Марте Гомеса, изобразив его в виде землемера в окружении крестьян. См. Осповат Л. Диего Ривера, М., 1969. С. 222

вил человек, также имевший репутацию радикала, – друг первого советского полпреда в Мексике Пестковского Рамон де Негри.

Обрегонисты были представлены министром внутренних дел Ортисом Рубио, министром образования Эзекилем Падильей и упоминавшимся выше Марте Гомесом.

Главным вопросом осени 1928 года в Мексике был, однако, не состав временного правительства, которое должно было передать власть законно избранному президенту в феврале 1930 года. Всех интересовало, кого правящая элита выдвинет кандидатом в президенты на срок в 6 лет. В условиях Мексики того времени, когда результаты выборов полностью подтасовывались государственным аппаратом, человек власти становился президентом автоматически.

Сразу же после убийства Обрегона Кальес обещал пост постоянного президента Аарону Саенсу, при условии, что тот согласится с Портесом Хилем в качестве временного президента. Как совершенно верно отмечал в своих отчетах в Москву полпред Макар, Кальес мастерски использовал противоречия в лагере обрегонистов. Ибо Портеса Хиля и Саенса объединяла только дружба с Обрегоном: политические взгляды этих людей были прямо противоположными. Если Портес Хиль искренне верил в идеалы революции и действительно заботился о нуждах обездоленного большинства населения Мексики (что и показало его губернаторство в штате Тамаулипас), то Аарон Саенс был человеком совсем иного толка. Для него революция была лишь средством добиться власти и приумножить личное состояние. Правда, в этом смысле Саенс шел по пятам самого Обрегона, ставшего после революции богатым, хотя и не очень удачливым бизнесменом.

Саенс родился в 1891 году в индустриальном центре севера Мексики городе Монтеррей в зажиточной семье³⁶. Как и Портес Хиль, он был адвокатом. Участвия в боях за революцию Саенс не принимал. Он занимал пост посла в Бразилии, Адольфо де ла Уэрта назначил его в 1920 году заместителем министра иностранных дел, а при Кальесе Саенс уже возглавлял внешнеполитическое ведомство. Сын Кальеса Плутарко-младший женился на сестре Саенса, который с 1927 года был губернатором штата Нуэво-Леон и возглавлял, как уже упоминалось, предвыборную кампанию Обрегона. В отличие от Портеса Хиля, Саенса поддерживали промышленники Монтеррея, так как новый губернатор и сам был не прочь заняться бизнесом.

Став губернатором, Саенс немедленно отменила акциз на пиво (Монтеррей по американской лицензии производил почти все пиво Мексики) и пригласил предпринимателей разработать новую налоговую систему, поощрявшую частный бизнес. Он возродил практиковавшуюся до революции систему предоставления предпринимателям различных налоговых льгот. Тем самым

³⁶ Tobler H. W. Die mexikanische Revolution. Frankfurt am Main, 1984. S. 503

Саенс помогал и себе: еще до губернаторства его величали «сахарным бароном», так как он активно торговал этим товаром. Когда Саенс стал губернатором, принадлежавшая ему строительная фирма FYUSA получала подряды на строительство школ, обустройство тротуаров. Профсоюзное движение в штате Саенс не поощрял³⁷.

Саенс был протестантом, за что его ценили в США, и активно применял в Нуэво-Леоне законодательство, направленное против католической церкви.

В советском полпредстве справедливо считали Саенса одним из тех политиков, кто не был заинтересован в развитии отношений с СССР по идеологическим соображениям.

Собственно, он не устраивал Кальеса только в одном отношении: это была слабая фигура, и в случае избрания президентом Саенс мог стать игрушкой в руках военных, резко настроенных против Кальеса.

Кальес решил использовать Портеса Хиль в борьбе против Саенса, зная их диаметрально противоположные политические взгляды. И он не ошибся. Когда Портес Хиль стал министром внутренних дел, а потом и временным президентом, он перешел к открытым нападкам против Саенса, обвиняя его в реакционных взглядах и связи с бизнес-элитой Монтеррея, которая ненавидела революцию³⁸.

В октябре 1928 года Кальес и Портес Хиль совершили поездку по северным штатам. Кальес хотел прощупать настроения политической элиты на севере, где было наиболее сильно влияние обрегонистов и зрел антиправительственный мятеж. Во время этого турне Портес Хиль прямо сказал Кальесу, что генералы-обрегонисты Эскобар, Топете, Мансо, Крус (бывший начальник полиции) готовят мятеж и остановить их может только выдвижение в президенты кандидата-обрегониста. В настоящее время наиболее подходящей кандидатурой для обрегонистского лагеря является Саенс. Портес Хиль подчеркнул, что у него с этим человеком разные политические взгляды. И Кальес, и Портес Хиль во время поездки встретились с Саенсом и рекомендовали ему не волноваться и не пропагандировать свою кандидатуру, чтобы не нагнетать обстановку в стране. Саенс сделал ошибочный вывод, что его выдвижение в президенты от правящего лагеря – дело решенное. Вывод Кальеса был иным и верным – военный мятеж на севере неизбежен, и к нему надо готовиться.

В свою очередь, Кальес стремился углубить разногласия в стане обрегонистов, незаметно подбрасывая общественному мнению других кандида-

³⁷ Snodgrass M. Deference and defiance in Monterrey. Workers, Paternalism and Revolution in Mexico 1890–1950. Cambridge University Press, 2003. P. 130

³⁸ Medin T. El minimato presidencial: historia politica del Maximato 1928–1935. Mexico, 1982. P. 43

тов в президенты. Одним из них был убежденный кальист Мануэль Перес Тревиньо³⁹, но именно поэтому его шансы на выдвижение правящей «революционной семьей» были весьма призрачными. Одно время Кальес даже хотел выдвинуть кандидатуру Мануэля Тельеса, посла в США. Тельес был другом Моронеса, что еще раз подтверждает анализ советского полпреда, согласно которому Кальес все же не хотел «сдавать» обрегонистам КРОМ как свою политическую базу. Однако при открытой ненависти подавляющего числа мексиканских избирателей к США кандидатура посла в этой стране была заведомо непроходной.

Скрытно Кальес продолжал подыскивать угодного себе кандидата, в то же время давая понять Саенсу, что не видит другой кандидатуры кроме него. В конце концов, выбор Кальеса пал на посла Мексики в Бразилии, инженера по образованию, «старого революционера» Паскуаля Ортиса Рубио.

В отличие от молодых Саенса и Портеса Хилья, Ортис Рубио был почти ровесником Кальеса. Он родился в 1877 году в штате Мичоакан – бастионе католического влияния в Мексике. Еще в 1895 году Ортиса Рубио исключили из университета за то, что он был противником переизбрания диктатора Диаса на пост президента. Тем не менее потом ему удалось получить высшее образование по специальности горного инженера. После победы революции в 1911 году Ортис Рубио был избран депутатом Конгресса и попал в тюрьму как активный сторонник Мадеро после переворота генерала Уэрты в 1913-м. Присоединившись к Каррансе, Ортис Рубио получил чин полковника и был отправлен в США с поручением организовать там печатание бумажных денег для конституционалистов. В 1917 году он стал губернатором Мичоакана, а после победы Обрегона над Каррансой в 1920 году занимал пост министра связи и общественных работ.

Интересно, что в 1920 году Ортис Рубио был избран Конгрессом временным президентом Мексики, но отказался от этого поста в пользу Адольфо де ла Уэрты⁴⁰. Однако после того, как в триумvirате Обрегон – де ла Уэрта – Кальес вспыхнули разногласия, Ортис Рубио не захотел становиться на чью-либо сторону и попросил назначить его послом в какую-нибудь страну. В 1923 году он стал послом в Германии. Либерально-конституционалистская партия предложила поддержать его кандидатуру на пост президента, но Ортис Рубио отказался, поддержав Кальеса.

³⁹ Мануэль Перес Тревиньо родился в 1890 году, был инженером и в боях против Вильи в 1916 году командовал артиллерийскими частями. Придя к власти в 1920 году, Обрегон назначил его начальником генерального штаба. В правительстве Обрегона Тревиньо в 1923–1924 годах занимал пост министра промышленности и торговли. С 1925 года был губернатором штата Коауила.

⁴⁰ Medin T. El minimato presidencial: historia politica del Maximato 1928–1935. Mexico, 1982. P. 45

Таким образом, к 1928 году Ортис Рубио отсутствовал в стране 6 лет и, естественно, не имел на родине никакой политической базы. Власти он не жаждал, что продемонстрировали события 1920 и 1923 годов, когда он мог стать президентом, и в этом смысле был идеальным кандидатом для Кальеса. В 1928 году Ортис Рубио опубликовал в мексиканской прессе несколько статей в поддержку Обрегона, что делало его кандидатуру приемлемой и для обрегонистов.

К началу декабря Кальес и Портес Хиль договорились, что Ортис Рубио должен стать следующим президентом страны. Но Саенс продолжал тешить себя надеждой, что его кандидатуре нет альтернативы, и Кальес не спешил его в этом разубеждать. 1 декабря 1928 года Ортис Рубио получил в Бразилии срочную телеграмму, в которой Министерство иностранных дел сообщало о его назначении министром внутренних дел и предлагало немедленно выехать в Мехико. Ортис Рубио поехал через Нью-Йорк, где его встретили как собственные сторонники, так и друзья Саенса, настоятельно советовавшие отклонить назначение. В Нью-Йорке с Ортисом Рубио переговорил личный секретарь Кальеса Торребланка (оставшийся на посту секретаря президента Портеса Хиль). Торребланка попросил избегать контактов с прессой и по приезду в Мехико немедленно встретиться с Кальесом. Эту же рекомендацию уже в мексиканской столице дал Ортису Рубио и Портес Хиль⁴¹.

Между тем перед Кальесом стояла непростая задача: поставить Саенса и поддерживавших его генералов перед фактом и не спровоцировать военный переворот. В ноябре 1928 года Кальес предложил Саенсу и ряду видных обрегонистов перед лицом единого фронта реакции создать единую политическую партию сторонников революции, которая и выдвинет единого кандидата в президенты от «революционной семьи». Эта партия должна была вобрать в себя две общенациональные партии – Национальную аграристскую и Лабористскую, но без их нынешних лидеров, а также все существовавшие в отдельных штатах региональные партии.

Саенсу идея понравилась. Он и сам тяготился тем, что радикальные апологеты аграрной реформы и лидеры партии аграристов Манрике и Сото-и-Гама говорили от имени всего обрегонистского лагеря. Лабористская же партия была филиалом ненавистного обрегонистам КРОМ и никакой перспективы не имела. К тому же следует отметить, что обе эти партии нормальными партиями в современном смысле этого слова не являлись. Аграристская партия представляла собой небольшую группу интеллектуалов, говоривших от имени многочисленных местных крестьянских лиг. Но эти лиги ориентировались в основном на правительства местных штатов,

⁴¹ Medin T. El minimato presidencial: historia politica del Maximato 1928–1935. Mexico, 1982. P. 45

особенно тех (Веракрус, Мичоакан, Морелос, Тамаулипас), правительства которых активно раздавали землю крестьянам. Никаких собственных структур на местах у аграристской партии не было.

То же самое относилось к лабористам. Эта партия была политическим представительством КРОМ в Конгрессе, и у нее тоже не было никаких местных организаций. Сам КРОМ всецело зависел от милости властей. Фактически все влияние этого профцентра базировалось на дружбе Моронеса с Кальесом. Теперь, когда Моронес потерял свой пост и его фактически открыто обвиняли в причастности к покушению на Обрегону, КРОМ стал стремительно распадаться. Из него выходили целые профсоюзы, причем Портес Хиль активно поощрял эту тенденцию.

Поэтому Кальес и Саенс решили объединить все крестьянские и профсоюзные организации, а также региональные партии уже под своим непосредственным руководством.

21 ноября 1928 года в доме кальиста и одновременно сторонника Портеса Хиль Луиса Леона состоялась встреча видных политиков, на которой Кальес предложил создать новую единую партию сторонников революции. Всем собравшимся он предложил остаться на своих государственных постах. Это согласно законодательству автоматически лишало их возможности баллотироваться в президенты, выборы которого должны были состояться ровно через год – 21 ноября 1929 года. Из всех присутствовавших государственно-го федерального поста не имел только Саенс, который лишний раз убедился, что именно его кандидатура будет выдвинута властями.⁴²

1 декабря 1928 года, в день, когда Ортис Рубио получил телеграмму из Мехико, в газетах появилось обращение организационного комитета по созданию новой единой партии сторонников революции – Национально-революционной партии (НРП). Подписали этот документ Кальес (как лидер оргкомитета), генерал Тревиньо (кальист), Аарон Саенс (лидер обрегонистов), Луис Леон (сторонник Портеса Хиль), Базилио Вадильо (первый посол Мексики в СССР) и ряд других политических деятелей⁴³. Авторы обращения утверждали, что в Мексике существует только два политических течения – реакционное и революционное. Чтобы объединить всех сторонников революции перед лицом реакции, лидеры оргкомитета предлагали собраться на учредительную конференцию новой партии, выработать ее программу и устав, избрать руководящие органы и выдвинуть единого кандидата в президенты⁴⁴.

⁴² См. Buchenau J. Plutarco Elias Calles and the Maximato in Revolutionary Mexico: A Reinterpretation // www.gewi.uni-graz.at/jbla/JBLA_Band.../jbla06_229_254.pdf

⁴³ Текст воззвания см. на сайте www.memoriapoliticademexico.org

⁴⁴ В самом манифесте утверждалось, что оргкомитет новой партии не создан с целью поддержки какой-то конкретной кандидатуры на пост президента.

Теперь все зависело от того, кто будет утвержден кандидатом в президенты на предстоящем учредительном съезде единой революционной партии. Саенс лишился возможности самовыдвижения.

Между тем Ортис Рубио встретился с Кальесом, и тот предложил ему стать кандидатом в президенты. Сам Ортис Рубио насчет истинных мотивов Кальеса уже тогда не обманывался: он понимал, что уходящий президент хочет сделать его своей марионеткой. Похоже, что Ортис Рубио просто испугался ответить отказом. Он, по его собственным словам, помнил, что имя Кальеса связывали со странной смертью ближайшего друга Обрегона генерал Хилла в 1920 году, а также со смертью соперника Кальеса на президентских выборах 1924 года генерала Флореса. Говорили и о причастности Кальеса к убийству Панчо Вильи и, наконец, самого Обрегона. Ортис Рубио понимал, что согласиться с предложением Кальеса значит связать себя «неразрывной цепью» с президентом и его группой. Отказаться значило «вызвать ненависть этих людей»⁴⁵. Ортис Рубио выбрал первое, так как сознавал, что отказ может стоить ему жизни⁴⁶.

В в начале декабря в Мексике возник острый политический кризис, который едва не превратил в макулатуру все планы Кальеса по созданию единой партии.

Пока Кальес вел искусную тактическую борьбу, усыпляя бдительность обрегонистов вокруг Саенса, в контрнаступление решил перейти ослабленный после покушения на Обрегона КРОМ. 4 декабря 1928 года уже бывший президент неожиданно появился на 9-м съезде КРОМ, где кромисты обрушились с резкой критикой на президента Портеса Хилья.⁴⁷ Поводом была поставленная одним из столичных театров комедия под названием «Деморонизация», в которой высмеивался Моронес. КРОМ требовал от Портеса Хилья немедленно прекратить нападки на рабочее движение (КРОМ скромно отождествлял себя с мексиканским пролетариатом) и запретить буффонаду. В противном случае лидер КРОМ угрожал направить к театру профсоюзных активистов и силой сорвать представление. Кроме того, Моронес обвинил Портеса Хилья в антирабочей политике на посту губернатора Тамаулипаса и в том, что на посту временного президента он при помощи коммунистов хочет ликвидировать КРОМ⁴⁸.

⁴⁵ Medin T. El minimato presidencial: historia politica del Maximato 1928–1935. Mexico, 1982. P. 46

⁴⁶ Примечательно, что, к удивлению Портеса Хилья, Ортис Рубио попросил у него 20 человек вооруженной охраны для поездки к Кальесу в Куэрнаваку, хотя никаких бандитов или «кристерос» в той местности не было.

⁴⁷ Garrido L. J. El partido de la revolucion institucionalizada. La formacion el Nuevo estado en Mexico (1928–1945). Mexico, 1982. P. 76

⁴⁸ На самом деле компартия, несмотря на то, что многие ее активистов погибли от рук боевиков КРОМ, осудила репрессии против этой организации и направила съезду

Уже само присутствие Кальеса на съезде (он был избран почетным президентом КРОМ и получил из рук Моронеса медаль) создавало впечатление, что бывший президент разделяет критику в адрес властей. В своем выступлении на съезде КРОМ Кальес заявил: «Я ожидаю и желаю, чтобы все элементы Региональной Рабочей Конфедерации Мексики (то есть КРОМ – прим. автора) оставались едиными. Они будут продолжать бороться за свою идею... и не будет никого и ничего, кто сможет этому помешать...» Ничто, подчеркнул Кальес, не заставит его отказаться от «сердечности», которую он питает по отношению к КРОМ⁴⁹. Естественно, эти слова были встречены овацией, и делегаты съезда решили, что Кальес, так же как и они, настроен против Портеса Хилья.

Назревал скандал.

Портес Хиль на посту губернатора Тамаулипаса (крупнейшего центра нефтедобычи в Мексике) действительно препятствовал КРОМ, когда Моронес силой пытался подчинить себе профсоюзы нефтяников незаконными методами⁵⁰. Теперь, даже не дожидаясь поступления официального ультиматума с требованием запретить одиозную, с точки зрения Моронеса, театральную постановку, президент выступил с заявлением для прессы. Он подчеркнул, что стоит на страже свободы мнений, и направил к театру 50 вооруженных полицейских, чтобы воспрепятствовать любым выходам боевиков КРОМ. Одновременно Портес Хиль отметил, что ничего не имеет против какой бы то ни было рабочей организации, если она действует в рамках закона.

Ответ Портеса Хилья вызвал негодование съезда КРОМ. Выступивший на нем член руководства КРОМ Ломбардо Толедано предложил, чтобы все кромисты в знак протеста ушли в отставку со всех занимаемых ими государственных постов, а также покинули совместную комиссию рабочих и предпринимателей, обсуждавшую проект федерального Трудового кодекса⁵¹.

Временный президент всерьез опасался, что ультиматум Моронеса является началом государственного военного переворота. На съезде КРОМ взял слово бывший начальник полиции генерал Крус, в то время – командующий войсками в Мичоакане. Крус, и ранее открыто выступавший против прави-

КРОМ предложение о сотрудничестве. Однако Моронес сорвал на съезде обсуждение этой инициативы. Соколов А. А. Рабочее движение Мексики (1917–1929). М., Издательство МГУ, 1978. С. 222

⁴⁹ Diaz R.L. La crisis Obregón-Calles y el estado mexicano. Mexico, Siglo XXI, 1980, p.118

⁵⁰ В воспоминаниях Портес Хиль прямо писал, что КРОМ боролся против профсоюзов нефтяников «кровавыми методами».

⁵¹ Diaz R. L. La crisis Obregón-Calles y el estado mexicano. Mexico, Siglo XXI, 1980. P 118

тельства, на сей раз заявил, что «его шпага» находится в полном распоряжении КРОМ.

Кальес, видимо, выжидал, чтобы увидеть, сможет ли КРОМ перейти в контрнаступление и навязать властям свою волю. Вероятно, в случае успеха он намеревался сделать именно КРОМ базой будущей единой революционной партии. Однако ненависть к КРОМ и особенно его лидерам в обществе была столь сильной, что Моронес просчитался.

6 декабря 1928 года Портеса Хиль посетил генерал-обрегонист Фаусто Топете, только что избранный губернатором Соноры, и сообщил от имени других генералов-обрегонистов (Эскобара, Агирре и Мансо), что Кальес, Моронес и министр обороны Амаро готовят военный мятеж в столице с опорой на КРОМ⁵². Но вскоре президента посетил и Амаро, который заявил, что находится на стороне президента вне зависимости от той позиции, которую занимает Кальес. Таким образом, армия твердо стояла на стороне правительства. Генералы не скрывали своей ненависти к КРОМ еще и потому, что ходили упорные слухи: Кальес и Моронес хотят заменить регулярные вооруженные силы батальонами КРОМ.

На КРОМ обрушился с единодушной критикой и мексиканский Конгресс. Депутаты не стеснялись в выражениях в адрес Моронеса и Кальеса. Первого, например, они называли «спрутом, высасывающим кровь из рабочего движения». 7 декабря делегация Конгресса посетила Портеса Хиль и выразила ему свою полную поддержку в противостоянии с КРОМ. Также в поддержку Портеса Хиль проходили уличные манифестации.

В этих условиях временный президент перешел в контрнаступление на КРОМ, пытаясь одновременно вывести из-под удара Кальеса. Вечером 6 декабря Портес Хиль направил Луиса Леона в резиденцию Кальеса, чтобы побудить бывшего президента высказаться публично относительно возникшего острого внутривластного кризиса.

Кальес понял, что просчитался и его сложная комбинация по объединению всех революционных политических сил под собственным руководством может потерпеть крах. Поэтому 8 декабря ему пришлось выступить с двумя заявлениями. В первом он подтверждал, что поддерживает КРОМ, так как всегда испытывал «солидарность с рабочим движением»⁵³, но его присутствие на съезде «понято неправильно».

Во второй декларации Кальес, подтвердив призыв всей «революционной семье» объединиться вокруг НРП, неожиданно провозгласил, что не видит себя в роли лидера организационного комитета и, чтобы облегчить

⁵² Medin T. El minimato presidencial: historia politica del Maximato. 1928–1935. Mexico, 1982. P. 57

⁵³ Garrido L. J. El partido de la revolucion institucionalizada. La formacion el Nuevo estado en Mexico (1928–1945). Mexico, 1982. P. 76

основание по-настоящему единой партии, слагает с себя полномочия главы оргкомитета и «удаляется» из политической жизни. Отныне он намерен вести существование обычного среднего гражданина.

Теперь формально обрегонисты не могли упрекнуть Кальеса в том, что он дирижирует подготовкой организационного съезда. 8 декабря стало известно, что из оргкомитета вышел и Саенс. Он, видимо, уже ощущая себя кандидатом в президенты, тоже не хотел, чтобы его упрекали в режиссуре съезда. Саенс открыто заявил, что выходит из оргкомитета в связи с возможным выдвижением своей кандидатуры на пост президента.

К тому времени кандидатуру Саенса официально выдвинули несколько общественных организаций и партий в штатах Табаско, Чьяпас, Коауила, Халиско и Керетаро. В основном это были организации, ранее поддерживавшие кандидатуру Обрегона⁵⁴.

Новым главой оргкомитета стал третий по весу подписант учредительного манифеста генерал Тревиньо – активный сторонник Кальеса. Таким образом, Кальес из-за кулис фактически продолжал руководить подготовкой учредительного съезда НРП.

Тревиньо не хотел видеть президентом Саенса. Такого же мнения придерживался по идеологическим соображениям левый губернатор Веракруса Техеда. Против Саенса был настроен и генерал Сатурнино Седильо, опиравшийся на несколько тысяч вооруженных крестьян в штате Сан-Луис-Потоси.

9 декабря 1928 года все генералы, командующие военными округами, подтвердили свою лояльность правительству. Ультиматум КРОМ не возымел действия, но Моронесу и его группе надо было хотя бы сохранить лицо. По инициативе одного из молодых лидеров КРОМ Ломбардо Толедано съезд профцентра все-таки принял судьбоносное решение об отзыве всех кромовских функционеров с занимаемых ими государственных постов. Толедано предложил даже распустить Лабористскую партию, чтобы вывести ее из-под удара властей.

Добровольно устранившись от реальных рычагов влияния, КРОМ окончательно проиграл. 11 декабря 1928 года из КРОМ вышел очень влиятельный профсоюз редакторов газет столичного федерального округа (за ним ушли и рабочие типографий, где печатались газеты). В тот же день примеру редакторов последовали не менее влиятельные трамвайщики, забастовка которых могла бы парализовать столицу. Ушли из КРОМ и рабочие военных заводов. Это был особенно чувствительный удар – ведь еще недавно этими заводами руководили функционеры КРОМ.

Почти все ушедшие из КРОМ профсоюзы выразили поддержку Портесу Хилью.

⁵⁴ Diaz R. L. La crisis Obregón-Calles y el estado mexicano. Mexico, Siglo XXI, 1980. P. 127

Американские СМИ правильно передали настроение мексиканского общественного мнения в тот период: «Большинство мексиканцев интерпретировали это в том смысле, что КРОМ объявил политическую войну обregonистам или аграристской партии – партии президента Портеса Хиля»⁵⁵.

20 декабря 1928 года мексиканские газеты опубликовали сенсационное известие: Ортис Рубио принял пост министра внутренних дел. По неписаной мексиканской традиции того времени это означало, что именно он и станет кандидатом в президенты. И действительно, 29 декабря сам Ортис Рубио подтвердил эти слухи. Саенс начал понимать, что его обвели вокруг пальца.

Потерпев тактическое поражение в декабрьском кризисе, Кальес не утратил стратегической инициативы. Он решил сделать программу будущей единой партии такой радикальной, чтобы на ее фоне кандидатура умеренного и консервативного Саенса показалась большинству делегатов нонсенсом. По части радикальной революционной фразеологии Кальесу действительно не было равных: не зря еще пару лет тому назад многие в США считали его «большевиком».

В проекте программы НРП, в частности, говорилось: «...НРП является инструментом политического действия, с помощью которого большие массы крестьян и рабочих Мексики борются за сохранение контроля над государственной властью в своих руках: контроля отобранного у помещиков и привилегированного меньшинства в ходе великого вооруженного движения, начавшегося в 1910 году». Декларация принципов новой партии была не менее радикальной: «НРП... будет стремиться улучшить ситуацию народных масс путем введения в действие статей 123 и 27 Конституции, так как партия считает рабочий и крестьянский классы самыми важными элементами мексиканского общества»⁵⁶. Одновременно конкретная социально-экономическая программа нацеливала Мексику на довольно консервативный эволюционный путь индустриализации и модернизации. Например, провозглашалось поощрение национального и иностранного капитала, работающего на благо Мексики («честного капитала», как это формулировали кальисты). В аграрной части провозглашалось продолжение политики распределения помещичьих земель среди крестьян и общин эхидо.

С точки зрения организационного строения будущая НРП походила на лейбористскую партию Великобритании. Новая партия состояла как из местных комитетов, так и из коллективных членов – региональных партий и групп.

Проекты учредительных документов НРП появились в мексиканской прессе в конце января 1929 года. Работа над ними твердо находилась в руках

⁵⁵ Time, 17.12.1928

⁵⁶ См. Buchenau J. Plutarco Elias Calles and the Maximato in Revolutionary Mexico: A Reinterpretation // www-gewi.uni-graz.at/jbla/JBLA_Band.../jbla06_229_254.pdf

кальистов: Базилио Вадильо⁵⁷, Луиса Леона и Пуига Касауранка. Перед опубликованием в прессе все документы утвердил лично Кальес.

В середине февраля глава оргкомитета НРП Тревиньо заявил, что оргкомитет не ведет работы в пользу какого-либо кандидата в президенты. Это заявление явно было рассчитано на то, чтобы успокоить Саенса.

Учредительный съезд НРП наметили провести в марте 1929 года в городе Керетаро, где в 1867 году были разгромлены остатки марионеточной армии императора Максимилиана, державшегося у власти с помощью иностранных штыков. Таким образом, новая партия демонстрировала свою приверженность идеалам Бенито Хуареса. На съезде ожидалось присутствие 148 партий и групп со всей страны⁵⁸. Фактически вне рамок съезда остались только две политические силы – компартия и КРОМ. Из губернаторов штатов в НРП не вошел только глава Веракруса Техеда, которого считали скрытым коммунистом.

Большинство из 1800 делегатов съезда начали прибывать в Керетаро уже в конце февраля 1929 года. Повестка дня съезда НРП состояла из трех пунктов:

- выдвижение кандидата в президенты от партии;
- учреждение самой партии;
- выбор руководства (исполнительного комитета) НРП.

Между тем Кальеса и Портеса Хиля занимала уже другая проблема. К бывшему и временному президенту поступали сведения о готовящемся военном мятеже генералов-обрегонистов. 25 января 1929 года губернатор Соноры Топете направил письмо губернатору штата Нижняя Калифорния Абелярдо Родригесу с предложением присоединиться к восстанию. В письме перечислялись все генералы и губернаторы штатов, которые уже дали свое согласие. Родригес передал письмо Кальесу.

Все стало окончательно ясно, когда Кальес вызвал в Мехико генерала Франсиско Мансо, а тот просто отказался приехать. Кальес и не пытался расстроить заговор, предпочитая уничтожить мятежных генералов одним махом, как это уже удалось ему осенью 1927 года.

Видя неизбежность вооруженной борьбы, Кальес и Портес Хиль поспешили заручиться поддержкой США. Они помнили, что именно американские поставки вооружения помогли быстро подавить мятеж де ла Уэрты в 1923–1924 годах.

14 февраля 1929 года посол США в Мехико Морроу доложил госдепартаменту, что министр иностранных дел Эстрада по поручению Портеса Хиля

⁵⁷ Над уставом НРП работал в основном посол Мексики в Москве Вадильо, который много перенял из устава ВПК(6).

⁵⁸ Garrido L. J. El partido de la revolucion institucionalizada. La formacion el Nuevo estado en Mexico (1928–1945). Mexico, 1982. P. 92

сообщил о готовящемся мятеже генерала Топете, губернатора Соноры. В связи с этим правительство Мексики просило правительство США разрешить закупку на частных американских заводах самолетов и другого вооружения⁵⁹.

Самолеты были ключевым средством вооруженной борьбы именно в Соноре. Между центром страны и этим пограничным штатом по-прежнему отсутствовало железнодорожное сообщение, и перебросить войска туда было очень сложно. Это давало возможность любым мятежникам в Соноре закрепиться и нарастить силы. В то же время, как показал мятеж де ла Уэрты, бомбовые удары с воздуха по повстанцам производили сильнейший психологический эффект, деморализуя мятежников. Кстати, это понимал и Топете, который тоже закупал в США самолеты и нанимал американских пилотов.

В США ценили Кальеса и уже 16 февраля 1929 года согласились предоставить лицензии на закупку требуемого вооружения⁶⁰ (6–9 самолетов «Корсар»), пулеметов, патронов и бомб. В тот же день военный атташе Мексики в Вашингтоне генерал Аскарате отбыл на завод для подписания договора о приобретении 9 аэропланов.

Как и в 1923 году, мятежных генералов подвела несогласованность. Мятеж планировался на 27 марта одновременно в Веракрусе и в Соноре (как это имело место и в 1923-м). Но Кальес решил сам спровоцировать мятежников на выступление, приурочив его к открытию съезда НРП в Керетаро. На съезде ожидалась ожесточенная борьба кальистов и сторонников Саенса. Мятеж генералов-обрегонистов, которые тоже были сторонниками Саенса, именно в этот момент практически подрывал шансы последнего на выдвижение кандидатом в президенты. Кальес получал все основания апеллировать к единству «революционной семьи» перед лицом военного мятежа.

Поэтому в начале марта 1929 года генералу Агирре (командующему армией в штате Веракрус) был отдан приказ направить часть вверенных ему сил в столицу. Если бы Агирре подчинился, то не смог бы поднять мятеж, поскольку в Веракрусе у губернатора Техеды было под ружьем несколько тысяч вооруженных крестьян, которые уже сорвали мятеж де ла Уэрты в 1923 году.

⁵⁹ Foreign Relations of the United States (FRUS). Volume III, 1929. P. 336–337

⁶⁰ Foreign Relations of the United States (FRUS). Volume III, 1929. P. 337. Бипланы «Корсар» были современными. Их разработали в 1925 году по заказу ВМС США как первые самолеты для авианосцев. Сухопутные войска использовали их для патрулирования границы. Первоначально «Корсары» могли нести только две 50-фунтовые бомбы и были вооружены тремя пулеметами. Потом бомбовую нагрузку увеличили. Крейсерская скорость «Корсара» составляла 135 миль в час, радиус действия – 680 миль. В 1928 году американцы использовали эти самолеты для борьбы с партизанами Сандино в Никарагуа.

Пожалуй, впервые за время революции в плане не содержалось никаких социально-экономических требований. Правда, Эскобар выступил со специальным воззванием к крестьянству Мексики, в котором обещал продолжение аграрной реформы.

Военный мятеж развивался по классическому мексиканскому образцу: все части регулярной армии, подчинявшиеся мятежным генералам, автоматически встали на сторону своих командиров. Это означало, что около 28% мексиканской армии выступило против правительства⁶³. Штаты Сонора, Чиуауа, Дуранго, Халиско, Оахака и Веракрус и частично Сакатекас и Синалоа путчисты, которые были там либо губернаторами, либо командующими войсками, захватили без единого выстрела. Такие крупные и промышленно развитые города Мексики, как Монтеррей, Веракрус и Торреон, оказались в руках восставших. Когда Эскобар занимал Торреон, он объявил, что подавляет мятеж другого генерала Альмасана, который на самом деле был верен правительству. Чтобы усыпить бдительность Портеса Хилья, Эскобар направил ему телеграмму, в которой выражал готовность выступить на подавление мятежа Агирре.

Мятежники быстро конфисковали большие средства в банках и, имея границу с США в своих руках, могли бы закупать там практически неограниченное количество оружия. Однако правительство США с самого начала встало на сторону Кальеса и Портеса Хилья.

В первый же день мятежа, используя как предлог то обстоятельство, что министр обороны Амаро во время игры в поло повредил глаз и отбыл на лечение в США, Портес Хиль назначил Кальеса министром обороны и поручил ему подавить восстание. Все части из Мехико выступили на фронт, и в столице оставалось не более 300 солдат и офицеров.

Мятежники немедленно уведомили США, что намерены поддерживать с американцами самые дружественные отношения. Восстание началось незадолго до инаугурации нового президента США республиканца Гувера, и мятежники рассчитывали, что успеют разгромить Кальеса до тех пор, пока в Вашингтоне приступит к своим обязанностям новый кабинет.

Однако уже 4 марта 1929 года министр иностранных дел Эстрада передал через Морроу четыре пожелания мексиканского правительства к США:

– строгое соблюдение эмбарго на поставки оружия в Мексику, за исключением заказов мексиканского правительства;

⁶³ Мексиканская регулярная армия в то время состояла из 21 дивизии, одной из которых командовал Эскобар. Однако «дивизии» мексиканской армии по численности не соответствовали нормальным дивизиям европейских армий. Так, под командованием Эскобара к моменту начала мятежа было примерно 3500 человек. Всего в восстании приняли участие примерно 30 тысяч солдат и офицеров, или 22 пехотных батальона и 21 кавалерийский полк.

- прекращение любого движения людей и грузов через порты и таможни, захваченные мятежниками;
- гарантии правительства США по продаже Мексике любых вооружений;
- выражение со стороны правительства США «дружественного отношения» к правительству Мексики⁶⁴.

Морроу поддержал просьбу и добавил, что желательно пресечь все каналы финансирования мятежников. Также американский посол передал просьбу Кальеса и Портеса Хилья немедленно продать Мексике 10 тысяч винтовок (5000 – для пехоты и 5000 – для кавалерии), а также 2 миллиона патронов.

Сначала в Вашингтоне колебались и запросили у Морроу общую оценку ситуации (по всей вероятности, в США не исключали военную победу генералов-обрегонистов). 5 марта посол сообщил, что восстали 10 тысяч человек, или одна шестая армии (эти данные были явно заниженными). Правительство, по мнению Морроу, может и самостоятельно подавить мятеж. Если же «нынешняя администрация падет, то наши проблемы в республике (в Мексике – прим. автора) только начнутся». Посол имел в виду, что победившие генералы рассорятся между собой и ситуация станет очень похожей на 1914–1915 годы, когда Вилья воевал с Каррансой. Поэтому Морроу рекомендовал правительству США занять такую же позицию, как и во время мятежа де ла Уэрты, – то есть помочь центральному правительству Мексики⁶⁵.

Вашингтон согласился, и с этого момента повстанцы были обречены на поражение.

Американские СМИ писали о новой «революции» в Мексике, которая, к сожалению, затронула Сонору – приграничный штат, откуда измученные «сухим законом» граждане США получали спиртное и где можно было легко развестись⁶⁶. Подчеркивалось, что обе «революции» – в Веракрусе и на Севере – «были полностью бескровными».

Восставшие генералы попытались образовать единый фронт с «кристерос», изрядно потрепанные отряды которых в то время все еще насчитывали около 25 тысяч человек. Эскобар даже издал декрет, отменяющий антирелигиозное законодательство Кальеса.

Командующий силами «кристерос» генерал Горостиета сообщал своим войскам, что Эскобар и его сообщники представляют собой «беспринципных генералов», с победой которых «ситуация в республике только

⁶⁴ Foreign Relations of the United States (FRUS). Volume III, 1929. P. 341

⁶⁵ Foreign Relations of the United States (FRUS). Volume III, 1929. P. 344

⁶⁶ Time, 11.03.1929

ухудшится»⁶⁷. Однако у «кристерос» катастрофически не хватало боеприпасов, и поэтому Гороститета разрешил заключать тактические соглашения о взаимодействии с мятежниками с целью пополнения боезапаса. В любом случае «кристерос» надлежало сохранять самостоятельное командование и участвовать только в таких совместных операциях, в которых у них будет численное преимущество над эскобаристами. Эта директива осталась без последствий, поскольку наладить тактическое взаимодействие мятежникам и «кристерос» так и не удалось.

Бои в начале мятежа шли с переменным успехом. Эскобар был толковым генералом и действовал решительно. Он немедленно отдал приказ командующему войсками в Соноре генералу Мансо двигаться на штат Синалоа и захватить важный тихоокеанский порт Масатлан⁶⁸. Взятие этого важного порта лишило бы правительство важного пункта по приему возможных поставок оружия из США, а также помешало бы правительственным войскам быстро прибыть из центральных районов в Сонору морем. Одновременно другой генерал-мятежник Урбалехо (индеец яки) должен был из Дуранго ударить на юг в направлении Сакатекаса. Сам Эскобар, как уже упоминалось, с помощью военной хитрости 4 марта занял Монтеррей.

Однако главная роль отводилась Агирре в Веракрусе. По железной дороге его войска должны были быстро выдвинуться к Мехико, занять столицу и арестовать Портеса Хиля и Кальеса. Но если мексиканский флот поддержал Агирре, то некоторые армейские части в Веракрусе оказали сопротивление. У Агирре было численное превосходство (три полка против двух, оставшихся лояльными правительству), однако уличные бои в городе могли бы затронуть собственность иностранных граждан.

В этих условиях Агирре попросил консула США в Веракрусе Майерса о посредничестве. Майерс предупредил, что не потерпит причинения ущерба американской собственности в городе, и настоятельно рекомендовал Агирре воздержаться от боев. После этого Агирре покинул город, и мятеж в Веракрусе, а значит, и в целом в Мексике, фактически провалился. 7 марта Майерс доложил в госдепартамент: «Веракрус снова под контролем федеральных властей»⁶⁹. Теперь Кальес мог беспрепятственно принимать военную помощь США через этот важнейший порт Мексики. Агирре с двумя тысячами бойцов ушел из Веракруса на юг, и по пути его части просто разбежались. Когда федералы настигли генерала 20 марта, он был уже один. 21 марта Агирре расстреляли.

⁶⁷ Medin T. El minimato presidencial: historia politica del Maximato 1928–1935. Mexico, 1982. P. 51

⁶⁸ De La Pedraja Toman, R. Wars of Latin America 1899–1941. McFarland and company Inc Publishers, 2006. P. 299

⁶⁹ Foreign Relations of the United States (FRUS). Volume III, 1929. P. 349

Кальес быстро остановил двигавшиеся на Веракрус войска (2000 человек под командованием генерала Акосты) и перебросил их под Монтеррей.

Уже 5 марта Эскобару пришлось оставить город, он отступил на Салтильо, а оттуда – на Торреон. Подошедший к городу с 14 полками верный правительству генерал Альмасан начал преследование мятежников. Правда, перед тем как уйти, повстанцы реквизировали в местных банках по всему северу Мексики (некоторые из них были филиалами американских «Нешнал Сити Бэнк» и «Эквитэбл Траст Компани») около 2,5 миллиона песо серебром и золотом.

Кальес сосредоточил 8 тысяч солдат в центре Мексики, в важном железнодорожном узле Ирапуато, откуда их по железной дороге быстро можно было перебросить на любой участок фронта.

8 марта Кальес лично отбыл на северный фронт и сохранял общее руководство операциями. Непосредственно боевые действия вел генерал Альмасан. Основные силы мятежников (около 4 тысяч человек) под командованием Эскобара находились в Торреоне, и Кальес направил к городу сильные группировки по всем железнодорожным линиям, чтобы не допустить продвижения Эскобара из города на соединение с другими частями.

8 марта 1929 года повстанцы начали штурм приграничного города Сьюдад-Хуарес в Чиуауа и быстро прижали небольшой федеральный гарнизон к реке, за которой уже находился американский город Эль-Пасо. Федералы готовились к капитуляции, но тут опять вмешались американцы. Командующий воинскими частями США вдоль границы пригрозил командиру мятежников, что не допустит его атаки на прижатых к реке федералов, так как в результате может пострадать Эль-Пасо. После этого 267 федеральных солдат, включая двух генералов и 35 офицеров, спокойно перешли на американскую сторону и были интернированы.

В Соноре части федералов были окружены в городе Нако превосходящими силами мятежников численностью 1500 человек. Как и Сьюдад-Хуарес, Нако находился прямо на границе и был отделен от американского города только рядом колючей проволоки. Гарнизон давно бы сдался, если бы американцы не разрешили ему закупать продукты по ту сторону границы. Командующий мятежниками Топете попытался сломить сопротивление защитников Нако с помощью ежедневных бомбежек, которые осуществляла эскадрилья мятежников «Янки Дудль», состоявшая из американских наемников⁷⁰. Однако командующий американскими войсками в этом районе фактически запретил мятежникам бомбежки Нако, так как во время одной из них пострадал один человек на территории США. Причем сами окруженные федералы из Нако продолжали совершать налеты на позиции мятежников.

⁷⁰ Ragsdale K. B. *Wings over the Mexican Border*. University of Texas Press, 1997. P. 38

Эскадрилья «Янки Дудль» появилась у Эскобара в конце марта, после того как правительственные силы стали использовать авиацию. На севере Мексики Кальесу действительно оченьгодились американские самолеты. 16 марта два правительственных самолета, в том числе один «Корсар», бомбили Торреон (было сброшено 6 или 8 небольших бомб) и расстреливали с воздуха части мятежников. На следующий день было совершено уже несколько налетов. Американский консул в Торреоне оценивал потери повстанцев как нулевые, зато были убиты или ранены около 20 мирных жителей⁷¹.

23 марта в Сьюдад-Хуаресе Эскобар встретился с группой из пяти американских летчиков и предложил каждому из них по 1000 долларов в неделю за участие в боях, плюс концессии на ведение бизнеса в Мексике после победы восстания. Американцы хотели 1250 долларов плюс 600 за каждый боевой вылет, но потом все же согласились. Так появилась эскадрилья «Янки Дудль». Среди летчиков были и участники Первой мировой войны, один из которых сбил четыре немецких самолета. Несмотря на эмбарго, Эскобар с помощью американских бизнесменов приобретал в США самолеты. Они закупались от имени какого-нибудь американца и перегонялись в Эль-Пасо. Там их встречали пилоты «Янки Дудль» и тайно перелетали через границу. Американцы делали бизнес и на самих самолетах. Так, двухместный биплан типа «Америкэн Игл», стоивший тогда 1000 долларов, продавали повстанцам почти за 4000.

Правда, в отличие от правительственных сил, «Янки Дудль» состояла из разномастных гражданских самолетов, которых никогда не было больше десятка. Наемникам приходилось атаковать правительственные части, держа в руках обычные пулеметы или автоматы. Не имелось у повстанцев и бомб, и им пришлось делать самоделки на фабрике в Кананеа, где была взрывчатка⁷². Обычно второй пилот держал самодельные бомбы на коленях. Когда самолет находился над целью, он аккуратно снимал предохранитель и сбрасывал бомбу через проделанную в полу кабины дырку. После возвращения с операции пилотам платили за каждый предъявленный отвинченный предохранитель⁷³.

Конечно, в то время авиация не могла еще решительно влиять на ход боевых действий и оказывала скорее психологическое воздействие. В ходе

⁷¹ Ragsdale K. B. *Wings over the Mexican Border*. University of Texas Press, 1997. P. 26

⁷² Узнав об этом, мексиканское правительство запретило импорт взрывчатых веществ из США, без которых горнодобывающая фабрика в Кананеа могла остановиться. Тем не менее власти США сообщили мексиканскому послу, что готовы запретить экспорт взрывчатки в Кананеа.

⁷³ Самодельную бомбу обычно изготавливали из куска 10-дюймовой водопроводной трубы, наполненной шрапнелью. Концы заливали свинцом, проделывали дыру для фитиля, куда вставляли бикфордов шнур. Во время полета второй пилот по сигналу основного летчика поджигал шнур сигарой.

одной из бомбардировок Нако 4 апреля летчики «Янки Дудль» с высоты 4000 футов попали бомбой в траншею и убили двух солдат, но такие успехи были скорее исключением, чем правилом. Причем одновременно пилот-американец Патрик Мэрфи по ошибке сбросил три бомбы на американскую территорию. Одна из них угодила в частный гараж, а другая – в здание почты. Это была первая бомбардировка территории США за всю историю страны.

23 марта 1929 года Морроу предложил, чтобы в порт Масатлан для защиты жизни и имущества американцев прибыл эсминец ВМС США⁷⁴. Уже через день командир эсминца «Роберт Смит» получил соответствующий приказ. Однако после того как Масатлан 27 марта заняли правительственные войска под командованием генерала Ласаро Карденаса, американский консул сразу успокоился и рекомендовал направить эсминец в другой порт.

В начале апреля стало ясно, что город Нако бомбят американские летчики на американских же самолетах. Министр обороны США на специальной пресс-конференции предупредил своих соотечественников, сражавшихся на стороне повстанцев, что правительство США не будет их защищать, если они попадут в плен. Однако по дипломатическим каналам американцы попросили мексиканское правительство все же не расстреливать захваченных в плен наемников. Такое заверение было дано.

Между тем под давлением правительственных сил основная группа мятежников в главе с Эскобаром 17 марта покинула Торреон в полном порядке, несмотря на попытку федеральной кавалерии перерезать железнодорожные пути. 19 марта в город прибыл Кальес, в то время как Эскобар, разрушая за собой железнодорожное полотно, отступал к городу Хименес. В Торреоне Кальес разделил федеральные силы на три боевые группы. Одна из них, численностью около 8000 человек под командованием Альмасана, продолжала преследовать Эскобара. 9000 человек во главе с генералом Ласаро Карденасом через Ирапуато были направлены на запад, на помощь Масатлану, откуда они должны были наступать на север, на Сонору. Группа генерала Седильо, состоявшая в основном из вооруженных крестьян, оставалась в резерве в штатах Халиско, Дуранго и Сакатекас и должна была держать под постоянным давлением отряды «кристерос», не давая им установить оперативное взаимодействие с мятежниками.

29 марта Карденас, деблокировав Масатлан, двинулся на север. Числом его силы настолько превосходили мятежников, что те не рискнули дать правительственным войскам генеральное сражение.

Ключевая битва между мятежниками во главе с Эскобаром и федеральными силами под командованием генерала Альмасана состоялась 1 апреля у города Хименес.

⁷⁴ Foreign Relations of the United States (FRUS). Volume III, 1929. P. 370

В ней приняли участие примерно 8000 бойцов⁷⁵ со стороны восставших и 8613 солдата и офицера федералов. Эскобар решил повторить успех Обрегона при Селайе. Половину его сил составляла кавалерия, и он расположил ее прямо за фронтом своих частей. Предполагалось дать возможность правительственным войскам атаковать, измотать их в обороне и затем разгромить свежей кавалерией. Атаки армии Альмасана 1 апреля создали впечатление, что мятежники вот-вот побегут. Еще 31 марта генерал послал кавалерийский отряд, чтобы он разрушил железнодорожные пути к северу от Хименеса и таким образом помешал разбитым повстанцам бежать с поля боя в эшелонах. Когда командующий отрядом сказал, что у него нет инструментов для разбора путей, Альмасан в ярости приказал сделать это руками, если понадобится⁷⁶.

На 2 апреля Альмасан назначил генеральное наступление против центрального участка фронта противника, но вдруг изменил решение и приказал ждать атаки противника. Эскобар понимал, что с каждым днем восстания преимущество противника в боеприпасах становится все ощутимее. К тому же его войскам нужен был хотя бы какой-то успех, чтобы поднять боевой дух. Поэтому 2 апреля кавалерия Эскобара ударила по флангам федералов, а в центре перешли в наступление пехотинцы. Однако сильным артиллерийским и пулеметным огнем конница мятежников была рассеяна. Пехота Эскобара подобралась к траншеям противника на 80 метров. Вот тут-то по ней и ударила свежая кавалерия правительственных сил.

Несмотря на практически полную гибель кавалерии, пехота Эскобара стойко отражала контратаки федеральных сил. Но примерно в 3 часа пополудни эшелоны с мятежниками начали покидать Хименес. Вечером окопы оставила основная масса мятежников. Силы Альмасана тоже были крайне истощены, и он решил не преследовать противника ночью. Тем более что железнодорожные пути были разрушены, и враг не мог далеко уйти.

3 апреля Альмасан послал разделенную на две части кавалерию вдогонку мятежникам с востока и запада от железнодорожных путей. Коннице предстояло настичь врага у станции Эстасьон Реформа. Как раз там, где по приказу генерала разобрали пути, и должны были скопиться эшелоны Эскобара. Сам Альмасан с пехотой двигался прямо по путям на север.

Западная колонна кавалерии прибыла на Эстасьон Реформа чуть раньше и увидела, как мятежники выгружаются из эшелонов. Была проведена немедленная атака. Ошеломленные повстанцы, тем не менее, около двух часов успешно отбивали натиск. Но тут с другой стороны на них набросилась по-

⁷⁵ По данным посольства США, повстанцев было всего 6 тысяч. Foreign Relations of the United States (FRUS). Volume III, 1929. P. 423

⁷⁶ De La Pedraja Toman, R. Wars of Latin America 1899–1941. McFarland and company Inc Publishers, 2006. P. 302

дошедшая с востока вторая колонна конницы. Началась настоящая резня, и в 14.00 битва завершилась полным разгромом частей Эскобара. Трупов было так много, что их не могли захоронить и просто сжигали в больших кучах. По официальным данным, мятежники потеряли 1136 человек убитыми, 2058 – ранеными и пленными. Спаслись только 200 мятежников во главе с Эскобаром, усакавав на чудом уцелевших лошадях.

Судьба мятежа была решена. Хотя Эскобар с трудом и собрал в Чиуауа около 2000 новых солдат, но с такими силами он не мог противостоять Альмасану, поэтому направился к американской границе.

После битвы при Эстасьон Реформа внушительные силы мятежников оставались только в Соноре. 7 марта наступавшие из этого штата на юг мятежники подошли к порту Масатлан. Но разногласия среди восставших генералов помешали атаке на город. Затем туда подошли правительственные подкрепления с юга из штата Халиско. Именно в Халиско бушевало восстание «кристерос», и если бы эскобаристы договорились с ними о скоординированных действиях, Кальес не смог бы перебросить под Масатлан ни одного солдата. 21 и 23 марта повстанцы атаковали уже опоясанный траншеями Масатлан, но были отогнаны артиллерийским и пулеметным огнем. Со стороны правительственных сил активно действовала канонерская лодка «Прогресо». После неудачной осады сонорская группировка мятежников стала отходить на север и угрозу уже не представляла.

После разгрома Эскобара у Хименеса Кальес во главе 1000 солдат присоединился к Карденасу, и объединенная группировка правительственных сил численностью примерно 8000 человек стала преследовать около 2000 мятежников в Соноре. Когда повстанцы приготовились дать оборонительное сражение, чреватое серьезными потерями для правительственных сил, в полной мере проявила себя полученная из США авиация. Занявшие оборону мятежники были подвергнуты массированным бомбардировкам, что, по сообщению посольства США в Мехико, произвело на них «потрясающий деморализующий эффект»⁷⁷. Когда к позициям противника 25 апреля приблизилась федеральная кавалерия, выяснилось, что мятежники почти полностью рассеялись, а оставшиеся на позициях готовы капитулировать. Как отмечало посольство США, «по-видимому, первый раз за всю историю Мексиканской революции была использована бомбардировка с аэропланов, и во время последних дней мятежа она оказала решающее воздействие»⁷⁸.

Еще в начале апреля, после битвы при Хименесе, стало ясно, что подавление мятежа является вопросом ближайших дней. Среди мятежников участились случаи дезертирства, причем на сторону федералов переходили целые подразделения. 12 апреля два генерала мятежников перешли амери-

⁷⁷ Foreign Relations of the United States (FRUS). Volume III, 1929. P. 424

⁷⁸ Foreign Relations of the United States (FRUS). Volume III, 1929. P. 424

канскую границу и попросили политическое убежище. 20 апреля в США сбежал один из лидеров мятежа генерал Урбалехо. В последнюю неделю апреля федералы добивали остатки мятежников, прижатых к американской границе. Эскобар перешел в Калифорнию и попытался договориться с губернатором штата Нижняя Калифорния Абеярдо Родригесом, чтобы тот снова пропустил его на мексиканскую территорию. Однако Родригес (тот самый, который еще в январе предупредил власти о готовящемся мятеже), естественно, отказался. Эскобар заявил, что провал восстания произошел по вине США: «У нас было полно денег... но Соединенные Штаты были против нас. Мы неоднократно пытались купить боеприпасы за границей (в США – прим. автора), однако нам это не удалось из-за жесткого контроля границы американцами»⁷⁹.

Эскобар был прав, особенно если учесть масштабы военной помощи США мексиканскому правительству. За время восстания США продали Мексике 2500 25-фунтовых осколочных авиабомб, 500 50-фунтовых авиабомб, 200 100-фунтовых авиабомб, 5000 винтовок «энфилд», 48 пулеметов (в том числе авиационных), более 3 миллионов патронов, бомбосбрасывающие механизмы, запчасти, горюче-смазочные материалы и гранаты со слезоточивым газом⁸⁰.

Эскобар переехал в Канаду, где жил, не зная стеснения в материальных средствах (видимо, помогли «реквизиции» в банках)⁸¹. В 1937 году президент Карденас, который в 1929 году отличился при разгроме мятежа, амнистировал всех бывших повстанцев, но Эскобар не вернулся. Он возвратился только в 1942 году, чтобы «предоставить себя в распоряжение нации» в тяжелое время Второй мировой войны.

Так закончилось последнее крупное восстание регулярной армии в истории Мексики. Кальес использовал его на сто процентов: из вооруженных сил были удалены 9 дивизионных и 8 бригадных генералов, а также 51 бригадир⁸²; из Конгресса – 52 депутата и 4 сенатора, которым инкриминировали поддержку мятежников⁸³. Из 227 депутатов Конгресса 221 теперь были членами только что основанной Кальесом НРП.

В четырех ключевых штатах – Соноре, Чиуауа, Дуранго и Сакатекасе – были сменены правительства. Сторонники Обрегона лишились всех сво-

⁷⁹ Ragsdale K. B. *Wings over the Mexican Border*. University of Texas Press, 1997. P. 56

⁸⁰ *Foreign Relations of the United States (FRUS)*. Volume III, 1929. P. 428–429

⁸¹ Кальес утверждал, что Эскобар взял с собой полмиллиона долларов.

⁸² Средний чин между полковником и бригадным генералом. См. Tobler H. W. *Die mexikanische Revolution*. Frankfurt am Main, 1984. S. 409

⁸³ Советский полпред Макап отмечал, что как «контрреволюционер» был удален из Конгресса единственный коммунистический депутат Лаборде. Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 227, л. 4–5

их позиций в государстве. Кальес как победитель мятежников стал самым сильным человеком страны и пользовался куда большим авторитетом, чем временный президент Портес Хиль, который во время мятежа не покидал Мехико.

Мятеж вошел в историю Мексики как «восстание банков и железных дорог» (потому что восставшие генералы грабили банки, а потом сбежали по железной дороге). Он обошелся стране в 2000 убитых и 13,8 миллиона песо ущерба⁸⁴, которые, как с гордостью вспоминал Портес Хиль, удалось погасить из бюджета, не прибегая к чрезвычайным мерам вроде экстренных налогов.

В США прекрасно понимали, что восстание только сыграло на руку Кальесу. Не случайно статья в американском журнале «Тайм» от 13 мая 1929 года называлась «Выгодный мятеж». В статье цитировались слова Портеса Хиль: «Восстание, которое мы – или, скорее, генерал Кальес – только что подавили, окажется, я уверен, очень благоприятным для страны». Теперь сила противников Кальеса в армии и государстве была сломлена⁸⁵.

Мятеж поставил крест на одном из кандидатов в президенты. В конце 1928 года в Мексику вернулся мексиканский посол в Великобритании Гильберто Валенсуэла, которого сразу стали рассматривать как возможного наследника Обрегона. Немаловажным был тот факт, что Валенсуэла родился в 1892 году в Соноре, родном штате Обрегона. Он получил степень адвоката, служил директором школы. С 1910 года активно участвовал в борьбе против диктатуры Диаса, то есть был «старым революционером». В то время когда Обрегон был министром обороны, Валенсуэла занимал пост главного военного прокурора. После прихода к власти в 1920 году Обрегон сделал Валенсуэлу министром внутренних дел, то есть фактически главой кабинета. В 1924 году Валенсуэла был направлен послом в Бельгию. В 1925–1928 годах, во время президентства Кальеса, он снова стал министром внутренних дел, а затем послом в Англии.

Понимая популярность Валенсуэлы как твердого и хорошо известного всей стране обрегониста, Портес Хиль предложил ему в конце 1928 года пост судьи Верховного суда. Тот, кто его занимал, по законодательству автоматически лишался права баллотироваться в президенты. Валенсуэла попросил на раздумье три дня, посоветовался за это время с генералами-обрегонистами и предложение любезно отклонил⁸⁶. Когда разразился военный мятеж, Валенсуэла поддержал его и тем самым оказался вне зако-

⁸⁴ Как писал американский журнал «Тайм», это гораздо меньше, «чем американские домохозяйки тратят каждый сезон на красные спелые мексиканские помидоры». Time, 13.05.1929

⁸⁵ Time, 13.05.1929

⁸⁶ Portes Gil E. Autobiografía de la Revolución Mexicana // www.antorcha.net/.../autobiografia/bibliografia.html

на. Подавление мятежа поставило крест на его президентских амбициях. Валенсуэла отправился в эмиграцию в Аризону, где и жил до 1935 года, пока его не помиловал президент Карденас.

Однако главной жертвой мятежа Эскобара стал Саенс. 1 марта 1929 года открылся учредительный съезд НРП в Керетаро. Саенс прибыл на съезд уже как официальный кандидат в президенты от аграристской партии, которая должна была войти в НРП.

По сути, Кальесу удалось руками Саенса разрушить ненавистную ему Национальную аграристскую партию. В конце 1928 года аграристы во главе с непримиримыми противниками Кальеса Сото-и-Гамой и Манрике образовали Конфедерацию обрегонистских партий республики как противовес НРП. Однако Саенс, уверенный, что НРП без проблем одобрит именно его кандидатуру, организовал раскол аграристской партии, и 17 января 1929 года Манрике и Сото-и-Гама были исключены из партии вместе со своими сторонниками. Оставшиеся вместе с Саенсом аграристы вошли в НРП. Манрике решил поддержать Валенсуэлу, что и закрепило после подавления военного мятежа окончательный распад партии.

После декабрьского кризиса 1928 года фактически раскололась и Лабористская партия. Некоторые ее организации в штатах (имевшие по американскому образцу статус самостоятельных партий), например в Халиско, Сан-Луис-Потоси и Пуэбле, присоединились к НРП⁸⁷.

Против образования НРП резко выступили мексиканские коммунисты. Они охарактеризовали новую партию как силу «национальной буржуазии», которая хочет объединить под своим руководством массы рабочих и крестьян, лишив их собственных организаций. В этом смысле коммунисты, собственно, предельно точно разгадали замысел Кальеса, которого, как мы помним, еще с 1927 года, когда тот под давлением Морроу фактически отменил прогрессивный «нефтяной закон», считали реакционером и наймитом Уолл-Стрит.

Итак, Саенс ехал на съезд в Керетаро, уверенный в своей победе. Он, как и большинство политической элиты Мексики, полагал, что Кальес одобряет его кандидатуру. Сам Кальес, предполагалось, станет президентом НРП, то есть фактически возглавит «революционную семью».

По мнению влиятельной газеты «Эксельсьиор», в день открытия съезда НРП кандидатуру Саенса поддерживали делегации штатов Халиско, Синалоа, Табаско, Колима, Нуэво-Леон, Наярит, Морелос, Герреро, Нижняя Калифорния, Тласкала, Юкатан, Кампече, Агуаскальентес, Коауила, Чьяпас, Идальго, столичного федерального округа, и частично – делегации некоторых других штатов.

⁸⁷ Garrido L. J. El partido de la revolucion institucionalizada. La formacion el Nuevo estado en Mexico (1928–1945). Mexico, 1982. P. 84

Однако для многих делегатов кандидатура Саенса была неприемлемой, так как он являлся протестантом (а значит, по расхожему мнению, агентом США) и консерватором. К тому же делегатов на съезд фактически отбирали губернаторы штатов, большинство которых были на стороне Кальеса. Тем не менее к началу съезда 21 из 31 региональных делегаций высказалась в пользу Саенса, поскольку многие думали, что так же считает и Кальес⁸⁸. За Ортиса Рубио, по оценкам прессы, были 6 делегаций. Портес Хиль рекомендовал делегатам своего штата Тамаулипас предварительно не высказываться в пользу того или иного кандидата⁸⁹.

Однако сам Кальес в конце февраля уже твердо встал на сторону Ортиса Рубио, и оргкомитет неожиданно заявил, что будет допускать на съезд только те партии, которые зарегистрированы в соответствии с законом. Под этим предлогом оргкомитет старался не допустить к участию в съезде независимые рабочие и крестьянские организации, и большинство делегатов оказались профессиональными военными и политиками, абсолютно лояльными Кальесу.

Неудивительно, что в день открытия съезда несколько региональных организаций (в том числе и из Тамаулипаса) заявили, что поддерживают уже не Саенса, а Ортиса Рубио.

3 марта Саенс сделал заявление для прессы, в котором обвинил председателя оргкомитета съезда Тревиньо в том, что тем делегатам, которые стоят за него, отказывают в признании полномочий⁹⁰. К тому же, по мнению, Саенса, на всех делегатов съезда оказывалось серьезное давление, чтобы заставить их голосовать за Ортиса Рубио. Саенс пригрозил, что уйдет со съезда, который превратился в «фарс».

Тревиньо все обвинения в свой адрес отверг. Съезд оказался на грани срыва. Но 4 марта, как нельзя более кстати, пришло известие о начале мятежа генералов-обрегонистов. Практически все они были друзьями Саенса. На съезде стали открыто называть Саенса предателем, и он, похоже, всерьез опасался за свою жизнь: некоторые делегаты были вооружены. Кальес позвонил из Мехико Тревиньо и рекомендовал ему срочно свернуть съезд, выбрав перед этим кандидата в президенты. Обсуждение же программных документов фактически не состоялось. Председателем руководства партии (комитета из 7 членов) быстро избрали Тревиньо, который был правой рукой Кальеса в стране.

⁸⁸ Garrido L. J. El partido de la revolucion institucionalizada. La formacion el Nuevo estado en Mexico (1928–1945). Mexico, 1982. P. 88

⁸⁹ Однако основанная им Приграничная социалистическая партия высказалась в пользу Саенса.

⁹⁰ Из 1434 прибывших региональных делегатов оргкомитет признал только 873. На второй день работы съезда, когда он уже был прочно в руках кальистов, были допущены еще 109 делегатов.

В этих чрезвычайных условиях во имя единства «революционной семьи» Саенс уже 4 марта снял свою кандидатуру, и Ортис Рубио был единогласно утвержден как кандидат на пост президента от НРП.

Влияние Кальеса на новую единую и квазигосударственную партию Мексики проявилось в том, что ему был вручен членский билет за номером один. Сразу же после основания партии ее руководство стало потихоньку насаждать во всех штатах региональные комитеты, которые должны были со временем заменить местные региональные партии – члены НРП.

Через 4 месяца после основания НРП контролировала 5000 органов местной власти, имела 280 региональных комитетов во всех штатах⁹¹.

В начале 1929 года подавляющее большинство мексиканских партий, которых насчитывалось около 1000, либо вошло в НРП, либо находилось под прочным контролем местных властей. Пользуясь обстановкой, Кальес решил нанести смертельный удар по единственной общенациональной партии, которая находилась в открытой оппозиции властям, – Коммунистической партии Мексики.

Формально в коммунистическую партию входили не так уж и много членов – около тысячи, однако видные коммунисты играли главенствующую роль в ряде ключевых крестьянских, рабочих и творческих организациях. Так, Национальной крестьянской лигой, в которую входили около 300 тысяч человек, руководил коммунист Урсуло Гальван. С учетом того, что лидерами компартии были выдающиеся мексиканские художники с мировым именем, Диего Ривера и Давид Альфаро Сикейрос, коммунисты были властителями дум студенчества и творческой интеллигенции.

В рабочем движении во время президентства Кальеса у компартии дело обстояло не так хорошо, потому что руководство КРОМ всеми средствами – от увольнения до физического уничтожения – препятствовало тому, чтобы коммунисты избирались в руководство местных профсоюзов. Тем не менее в самых крупных независимых профцентрах страны, например в профсоюзе железнодорожников, позиции коммунистов были также очень сильны. Наконец, на стороне компартии был престиж СССР, пользовавшегося в те годы невероятной популярностью среди трудящихся масс Мексики.

На протяжении всех 20-х годов влияние компартии непрерывно возрастало. И особенно сильно это проявилось как раз в 1928 году. Уже весной этого года во время обострения предвыборной борьбы Обрегон фактически начал демонтаж КРОМ, из которого стали выходить отдельные профсоюзы, не боявшиеся теперь репрессий со стороны властей. Убийство Обрегона придало этому процессу лавинообразный характер. Пропорционально упадку КРОМ возрастало влияние на профсоюзное движение именно

⁹¹ Villafane V. L. La formacion del sistema politico mexicano. Mexico, 1986. P. 43

коммунистов, которые всегда были ярыми противниками Моронеса и его «группы действия».

Отношения компартии с мексиканскими властями также были, пожалуй, уникальными для того времени в несоциалистическом мире. Коммунисты поддержали Обрегона во время мятежа де ла Уэрты в 1923 году, в том числе и формируя из «своих» аграрных лиг вооруженные отряды. После этого Обрегон относился к компартии весьма благосклонно и в качестве ответного жеста установил дипломатические отношения с СССР. Интересы компартии и Обрегона в аграрном вопросе совпадали: и Обрегон, и Национальная крестьянская лига стояли за продолжение аграрной реформы.

Когда Кальес стал президентом, его отношения с коммунистами резко ухудшились, так как он с помощью полиции и армии подавлял независимые профсоюзы и любую конкуренцию КРОМ в рабочем движении. Именно КРОМ спровоцировал в 1926 году кризис в отношениях между Мексикой и СССР, который привел к отзыву первого советского полпреда Пестковского, обвиненного кромистами в поддержке коммунистического движения в Мексике. Тем не менее компартия поддержала правительство в борьбе против церкви, и вооруженные отряды во главе с коммунистами принимали участие в боевых действиях против «кристерос». Уже в то время (1926–1927 годы) Кальес попытался разоружить отряды местных крестьянских лиг, но восстание «кристерос» помешало ему это сделать.

В 1927 году, когда Кальес повернул в сторону тесных отношений с США и фактически отказался от аграрной реформы, отношения между коммунистами и президентом обострились до предела. Компартия именвала Кальеса не иначе, как «лакей» или «наймит» американского империализма⁹². Власти в ответ, по сути, блокировали работу возглавляемой коммунистами Антиимпериалистической лиги, пытавшейся объединить народы Латинской Америки в борьбе против империализма США.

На выборах 1928 года коммунисты поддержали Обрегона как представителя национально-ориентированной буржуазии (в отличие от ориентированного на США Кальеса) и как единого кандидата революционных сил перед лицом реакции⁹³. Соответственно, коммунисты осудили и убийство Обрегона, возложив ответственность за него на клерикально-помещичьи круги, за которыми стоял американский империализм⁹⁴. Тем более что

⁹² Заметим, что в такой оценке Кальеса коммунисты были отнюдь не одиноки. Кандидат в президенты в 1929 и бывший министр образования в правительстве Обрегона Васкоселос именвал Кальеса агентом «проконсула» США в Мексике Морроу.

⁹³ Соколов А. А. Рабочее движение Мексики (1917–1929). М., Издательство МГУ, 1978. С. 234–235

⁹⁴ Соколов А. А. Рабочее движение Мексики (1917–1929). М., Издательство МГУ, 1978. С. 238

у Риверы и Сикейроса были с Обрегоном дружеские отношения, а это в условиях мексиканской политической традиции играло отнюдь не последнюю роль.

Политика коммунистов по установлению союза с прогрессивной национальной буржуазией до конца 1928 года вполне отвечала и генеральной линии Коммунистического интернационала (КИ). По терминологии Коминтерна Мексика относилась к категории «колониальные, полуколониальные и зависимые страны», что было абсолютно верно, если учесть практически тотальное господство иностранного (прежде всего американского) капитала⁹⁵ в экономике страны. Соответственно, с точки зрения Коминтерна такие страны находились на этапе буржуазно-демократической революции под руководством антиимпериалистически настроенной национальной буржуазии⁹⁶. Задачей коммунистов было в этом случае помогать такой буржуазии в борьбе против внешнего империализма. Сотрудничество с Обрегоном как вождем национальной буржуазии Мексики прекрасно вписывалось в эту стратегию.

Что касается политики коммунистов по отношению к другим отрядам рабочего движения, то Коминтерн ориентировал свои партии на единый фронт с социал-демократически настроенными рабочими. Именно поэтому коммунисты пытались все время договориться с КРОМ, несмотря на явную враждебность руководства последнего.

Однако с конца 1927 года Коминтерн переходит в своей стратегии и тактике абсолютно на новые позиции, что с некоторым опозданием сказалось и на мексиканских коммунистах. Сейчас принято именовать эту смену век Коминтерна «левацким загибом», которым руководил Сталин и который чуть ли не привел к торжеству нацизма в Германии. Дело обстояло, как представляется, совсем не так.

В конце 1927 года партия Гоминьдан в Китае (то есть национально-ориентированная буржуазия) обрушила на компартию чудовищные репрессии. Коммунисты оказались к ним фактически не готовы, так как по рекомендации Коминтерна входили в Гоминьдан на правах коллективного члена и никакой самостоятельной политики не вели⁹⁷. Примерно в то же время от сотрудничества с коммунистами отказались британские (социал-

⁹⁵ Например, в 1928 году из 1 млрд песо капиталовложений в нефтяную отрасль (важнейшую с точки зрения доходов мексиканского бюджета) на компании США приходилось 606 млн песо, на британские фирмы – 354 млн песо. Мексиканский же капитал был представлен 11.6 млн песо. См. Григорьева З. К. Иностранный капитал в экономике Мексики. М., 1976. С.28

⁹⁶ Маккензи К. Коминтерн и мировая революция 1919–1943. М., 2008. С. 101

⁹⁷ Гоминьдан был поразительно похож по идеологии и организационному строению на НРП в Мексике.

демократические) профсоюзы. В Германии социал-демократы предпочли единому фронту с коммунистами участие в правительственной коалиции с буржуазными партиями, монетаристская политика которых и привела страну к кризису и обеспечила приход Гитлера к власти.

Получалось, что коммунисты во всех странах добровольно подчинялись либо национальной буржуазии, либо социал-демократическим партиям в рамках «единого фронта», но не приобретали взамен никакого влияния, а наоборот, подвергались гонениям со стороны своих «союзников».

Под влиянием абсолютно негативного опыта стратегии «единого фронта» VI Конгресс Коминтерна принял в августе 1928 года новую программу КИ и полностью изменил стратегию мирового коммунистического движения. Новая линия Коминтерна получила название «класс против класса». По сути, теперь коммунисты должны были сплавивать массы рабочих, крестьян и прогрессивной буржуазии только под своим руководством на основе программы компартии. Тактика «единого фронта» ценой отказа от собственных принципов и организационной независимости отменялась. Социал-демократически настроенных рабочих следовало убеждать переходить в ряды коммунистов, что предполагало борьбу против руководства социал-демократических партий.

В зависимых странах теперь именно коммунисты должны были возглавить буржуазно-демократические революции, привлекая под свои знамена рабочих, крестьян и интеллигенцию. Эти революции должны были быстро перерасти в социалистические и завершаться установлением советской власти.

Коренную смену стратегии Коминтерна в Москве воочию наблюдал один из лидеров мексиканских коммунистов Давид Альфаро Сикейрос, которого еще в конце 1927 года пригласили для участия в праздновании 10-летия Октябрьской революции и в качестве делегата IV Конгресса Профинтерна⁹⁸. В это же время в Москве находился и Диего Ривера.

Отношение к себе Кальеса Сикейрос почувствовал сразу же после того, как ступил на берег родины в порту Веракрус. Его задержали и препроводили в тюрьму. Вскоре Сикейроса выпустили, но он правильно понял сигнал: правительство демонстрировало, что готово пойти на любые меры, если коммунисты перейдут в открытую оппозицию властям.

Тем не менее компартия активно взялась за дело. Сикейросу удалось организовать профцентр горняков в штате Халиско, очаге восстания «кристерос», а вскоре на его базе и единый профцентр штата, стоявший на коммунистических позициях. Сикейрос отмечал: «Профсоюзный и политический контроль над рудниками штата Халиско находился в наших руках»⁹⁹.

⁹⁸ Сикейрос Д. А. Меня называли лихим полковником. М., 1986. С. 143

⁹⁹ Сикейрос Д. А. Меня называли лихим полковником. М., 1986. С. 152

Пленум руководства компартии в сентябре 1928 года принял решение на фоне развала КРОМ создать новый единый профцентр трудящихся Мексики – Мексиканскую унитарную профсоюзную конфедерацию (испанская аббревиатура КСУМ)¹⁰⁰. На правах оргкомитета был учрежден Комитет содействия рабочему единству, к которому присоединились ряд автономных профсоюзов, транспортники, ВКТ (стоявшая на анархистских позициях) и Национальная крестьянская лига. В сентябре коммунисты создали Комитет пролетарской защиты, с целью не допустить перерастания борьбы правительства против КРОМ в борьбу против рабочего движения как такового. В программе Комитета, в частности, говорилось об очищении профсоюзного движения от соглашателей и агентов правительства. В декабре 1928 года Комитет обратился к упоминавшемуся выше 6-му конгрессу КРОМ с предложением об единстве действий. Но Моронес, все еще считая, что Кальес не даст КРОМ в обиду, отказался обсуждать предложение.

Однако основную опасность для Кальеса представляло решение коммунистов создать массовый рабоче-крестьянский блок для самостоятельного участия в выборах 1929 года. До этого, как уже отмечалось выше, коммунисты поддерживали на президентских выборах представителя властей. За основу коммунисты взяли уже существовавшую в штате Веракрус при поддержке тамошнего губернатора Техеды Революционную партию «Рабоче-крестьянский союз».

Коммунисты осудили избрание временным президентом Портеса Хиль, которого, в общем, правильно считали ставленником Кальеса, а также правой части национальной буржуазии. Вторая часть оценки вряд ли была справедливой. Однако если предположить, что Портес Хиль был марионеткой Кальеса, то и она была верной: ведь сам Кальес в 1927–1928 годах не без влияния Морроу действительно сильно «поправал». К тому же коммунисты подозревали, что Портес Хиль хочет ликвидировать не только КРОМ, но и профсоюзное движение как таковое.

Сейчас многие исследователи считают такую жесткую линию коммунистов сектантством, но представляется, что компартия была права. Деятели революции 1910–1917 годов, накопив огромные богатства и приобретя власть, не были заинтересованы в дальнейших реформах и действительно переходили на консервативные, охранительные позиции. Не зря Кальес в 1927 году фактически приостановил аграрную реформу и пытался разоружить крестьян. Портес Хиль стоял за продолжение аграрной реформы лишь потому, что опасался военного мятежа, от которого правительство должны были защищать получившие землю крестьяне.

В сентябре 1928 года пленум Национального комитета КПМ окончательно определил, что буржуазия предала революцию и продолжать преоб-

¹⁰⁰ Соколов А. А. Рабочее движение Мексики (1917–1929). М., 1978. С. 229

разования должны рабочие и крестьянские массы под руководством самой компартии.

Из этого плавно вытекал вывод о необходимости образования собственного политического блока в противовес НРП – единого блока буржуазии (то есть «класс против класса»). Рабоче-крестьянский блок должен был организовать в Мексике социалистическую революцию и установить рабоче-крестьянскую республику Советов. Такая программа не могла не восприниматься Кальесом и НРП как открытый вызов в борьбе за власть. К тому же коммунисты стремились к роспуску органов исполнительной и законодательной власти и замене их Советами¹⁰¹. Должна была быть ликвидирована и регулярная армия (как опора буржуазии). Вместо нее коммунисты предлагали создать народное ополчение.

Программа КПМ была воспринята Кальесом как стремление свергнуть существующий строй. В этих условиях правящая элита решила фактически ликвидировать компартию, не гнушаясь и физическим устранением ее наиболее активных членов.

В конце декабря 1928 года КПМ, Комитет содействия рабочему единству, Комитет пролетарской защиты и Национальная крестьянская лига раздельно опубликовали манифесты о созыве в конце января 1929 года Ассамблеи рабоче-крестьянского единства¹⁰². На этой ассамблее предполагалось организовать рабоче-крестьянский блок и выдвинуть единого кандидата в президенты.

Таким образом, это действительно был прямой вызов Кальесу, предложившему почти в то же самое время всем «революционным» силам объединиться в НРП. Правительственная пропаганда стала именовать коммунистов «контрреволюционерами» и агентами иностранной державы (СССР).

За пропагандой вскоре последовали и более конкретные действия. 10 января 1929 года вечером на улице Мехико был убит двумя выстрелами член руководства компартии Мексики молодой кубинский эмигрант Хулио Антонио Мелья¹⁰³. Скорее всего, само убийство совершили агенты кубинского диктатора Мачадо. Однако то, как мексиканская полиция расследовала это покушение, не оставляло сомнений в отношении властей к КПМ. Мелья шел по улице со своей возлюбленной фотографом Тиной Модотти, и мексиканская полиция сразу выдвинула версию об убийстве на почве ревно-

¹⁰¹ VI Конгресс Коминтерна разработал специальную программу для коммунистических партий Латинской Америки, в которой содержался прямой призыв к борьбе за образование на континенте советских рабоче-крестьянских республик.

¹⁰² Соколов А. А. Рабочее движение Мексики (1917–1929). М., Издательство МГУ, 1978. С. 244

¹⁰³ Погосов Ю. В. Мелья. М., 1968. С. 132

сти. Прессе передали откровенные фотографии Модотти, которые должны были представить ее женщиной легкого поведения и скомпрометировать тем самым и убитого Мелью¹⁰⁴. Высказывалась и версия ограбления.

11 января тело Мельи перевозили из больницы Красного Креста в больницу имени Хуареса. Несколько сотен коммунистов и сочувствовавших под красными флагами решили сопровождать убитого товарища. Однако полиция жестоко разогнала манифестацию.

Коммунисты, тем не менее, не отреагировали на убийство одного из своих руководителей так, как хотел бы Кальес: компартия не дала спровоцировать себя на массовые беспорядки. Напротив, была объявлена компания по массовому призыву в партию. Ответственность за смерть Мельи компартия возложила на кубинское правительство диктатора Мачадо, являвшееся «марионеткой Уолл-стрита»¹⁰⁵.

Ассамблея рабоче-крестьянского единства собралась в Мехико 26–30 января 1929 года. В ее работе принимали участие 392 делегата, которые представляли организации, объединявшие 100 тысяч рабочих и 300 тысяч крестьян. На ассамблее была официально образована КСУМ, председателем которой был избран Сикейрос. Так в Мексике наряду с КРОМ и ВКТ появился третий профцентр¹⁰⁶. КСУМ быстро приобрела определенное влияние среди учителей и сельскохозяйственных рабочих в столичном округе, в Лагуне (хлопководческий район на севере Мексики), штате Мичоакан¹⁰⁷.

На съезде ассамблеи был образован и Рабоче-крестьянский блок, который возглавил другой выдающийся мексиканский художник Диего Ривера.¹⁰⁸ В то время он встретил главную любовь своей жизни, Фриду Кало и был на

¹⁰⁴ Попутно фото должны были компрометировать и советское полпредство, частым гостем которого была Модотти. Она фотографировала, в частности, советского полпреда Макара.

¹⁰⁵ Думпьерре Э., Крус Ф. П. Умираю за революцию. М., 1986. С. 97. Строго говоря, никем иным Мачадо и не являлся.

¹⁰⁶ Интересно, что в руководстве КПМ идее создания третьего профцентра наиболее настойчиво пропагандировал как раз Мелья, которого поэтому именовали «терсеристом» (от испанского слова «третий»). Причем Мелья выступал за это еще тогда, когда Коминтерн рекомендовал коммунистам работать внутри уже существующих профсоюзов.

¹⁰⁷ The Cambridge History of Latin America. Volume VII, edited by Leslie Bethell. Cambridge University Press, 1990. P. 14

¹⁰⁸ Ривера не разделял критического отношения компартии к Портесу Хилью. Художник отдыхал в штате Тамаулипас, когда его губернатором был Портес Хиль, по приглашению друга последнего Марте Гомеса. Губернатор встретил Ривера как дорогого гостя и заявил, что ценит его творчество гораздо выше других видных художников-мuralистов – Ороско и Сикейроса. Они-де разрушители, а он, Ривера, созидатель. Когда Портес Хиль стал временным президентом, Диего Ривера от радости пустился в пляс. См. Осповат Л. Диего Ривера. М., 1969. С. 258

седьмом небе от счастья. Фрида была членом Лиги коммунистической молодежи Мексики. Тогда же лидер оппозиционного блока Ривера расписывал своими бессмертными фресками здание Министерства образования – 1500 квадратных метров.

Кандидатом в президенты от блока стал председатель Братской социалистической лиги рабочих и крестьян Коауилы генерал Педро Родригес Триана. Триана родился в 1890 году. Работал бухгалтером на одной из асиенд, выплачивая батракам зарплату. Ужасные условия труда так потрясли Триану, что он решил примкнуть к революционерам.

Уже в 1908 году Триана принял участие в знаменитом нападении революционеров-магонистов на Лас-Вакас¹⁰⁹. В 1910 году под влиянием идей братьев Флорес Магон примкнул к революционерам Мадеро. В 1912 году он сражался в рядах «красных» Ороско, а затем – в «Северной дивизии» Панчо Вильи. В октябре 1914 года Триана участвовал в Конвенте лидеров революции в Агуаскальентесе, а в 1915-м примкнул к Сапате. Участвовал в многочисленных боях Освободительной армии Юга, был серьезно ранен. Входил в аграристскую партию, которая в 20-е годы считала себя идейной наследницей убитого в 1919 году Сапаты. В 1922-м участвовал в подавлении мятежа генерал Мургуи против правительства Обрегона, а годом позже стал координатором президентской компании Кальеса.

Триана был очень сильным кандидатом, сподвижником Сапаты и Обрегона, заслуженным генералом революции, которого, конечно, сложно представить агентом Москвы. Он пользовался популярностью в разваленной Кальесом аграристской партии, многие сторонники которой вполне были готовы отдать свой голос за Триану.

В феврале 1929 года возник еще один фронт конфликта между коммунистами и правительством. Бастовали шахтеры Халиско и местные предприниматели, в основном иностранцы, жаловались правительству, что комиссар (то есть представитель властей по арбитражу между рабочими и предпринимателями) коммунист Макарио Уисар занимает предвзятую позицию в пользу рабочих¹¹⁰. Кальес очень внимательно относился к нуждам американских предпринимателей и в 1928 добился того, что практически все забастовки были объявлены незаконными и запрещены. По официальной статистике, в Мексике в этом году прошло всего 7 стачек, в которых участвовали 496 человек. В 1929 году власти разрешили 14 забастовок (3473 участника)¹¹¹.

¹⁰⁹ Hodges D. E. Mexican Anarchism after the Revolution. University of Texas Press, 1995. P. 23

¹¹⁰ Одну свою дочь Уисар назвал Уэльга (то есть «забастовка» по-испански), а сына – Синдикато (то есть «профсоюз»). Сикейрос Д. А. Меня называли лихим полковником. М., 1986. С. 152

¹¹¹ Craven D. Art and Revolution in Latin America 1910–1990. Yale University Press,

Во главе многих стачек были коммунисты. 5 февраля 1929 года лидер КСУМ Сикейрос обратился к рабочим с призывом поддержать полмиллиона нелегально бастовавших трудящихся горнодобывающих, текстильных и транспортных предприятий. 17 февраля он предложил перевести в фонд бастующих половину дневной заработной платы каждого рабочего – члена КСУМ. Такие призывы правительство расценивало как поддержку незаконной деятельности¹¹². Однако авторитет коммунистов благодаря их принципиальной позиции только рос. О силе компартии говорил хотя бы тот факт, что под руководством коммунистов бастовали около 150 тысяч горняков. Причем, руководя забастовкой в Халиско, коммунисты еще и организовывали вооруженные отряды, которые помогали армии отбивать атаки «кристерос» на шахтерские поселки.

Власти отвечали в характерной для них манере. Например, 11 февраля 1929 года из засады был застрелен коммунист Сиксто Кадена, рабочий-текстильщик и крестьянский лидер в регионе Тлакотепек. В убийстве явно прослеживался почерк кромовских «пистолерос».

Тем не менее коммунисты активно поддерживали правительство во время мятежа Эскобара. Особенно ценной была помощь вооруженных крестьянских отрядов коммунистов в штате Дуранго и в Халиско, где они не дали «кристерос» развернуть широкое наступление и пробиться на соединение с составшими генералами.

В своих отчетах в центр советский полпред Макар также четко давал понять, на чьей стороне его симпатии: «Еще в начале этого года на юге, севере и северо-западе Мексики вспыхнуло восстание «старой гвардии» Обрегона, непримиримых врагов Кальеса, которого они обвиняли в организации убийства их вождя. К ним присоединились заведомо католические элементы, мечтавшие о возрождении «великой эпохи» Порфирио Диаса, и восстание, хотя заранее обреченное на неудачу, приняло было значительные размеры. Восстание... представляло попытку военного переворота и в случае удачи способствовало бы возвращению огромных земельных богатств старым латифундистам, у которых они были отняты революцией 1910 года – и переданы латифундистам новой «революционной» эпохи»¹¹³.

Мнение Макара важно, если учесть постоянные подозрения властей Мексики, что советское полпредство якобы настраивает коммунистов на борьбу против правительства.

Однако Кальес все же решил использовать мятеж Эскобара для окончательной расправы с компартией.

¹¹² Stein P. Siqueiros: his life and works. International Publishers and Co, 2004. P. 63

¹¹³ Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 227, л. 1–2

Еще в ходе мятежа, как упоминалось, из Конгресса как «контрреволюционер» и пособник мятежников(!) был исключен единственный депутат-коммунист Лаборде. 4 апреля 1929 года «Правда» откликнулась на эти события заметкой «Поход против коммунистов в Мексике». Главный орган ВКП(б) отмечал: на самом деле с Лаборде расправились потому, что он агитировал против приезда в Мексику президента США Гувера¹¹⁴. В Халиско от коммунистов был «зачищен» местный конгресс, и его депутатов-коммунистов выслали из штата. Обращает на себя внимание то, что Кальес начал расправу с коммунистами сразу же после того, как они помогли ему подавить мятеж.

Следует подчеркнуть, что при этом «Правда» характеризовала мятеж Эскобара в Мексике как «реакционное восстание»¹¹⁵. Однако были и комментарии, явно не отражавшие суть происходящих событий. Так, например, из некоторых сообщений «Правды» можно было сделать вывод, что мятеж Эскобара представляет собой противоборство американского империализма, который «выступил в защиту центрального правительства Мексики» и Великобритании: «Британский империализм не успел оглянуться, как восстание, на которое он возлагал было свои надежды, было подавлено. Английская печать откровенно выражала свои сожаления по поводу неудачи восстания и вмешательства Соединенных Штатов»¹¹⁶.

Точка зрения на мексиканскую революцию 1910 года как продукт соперничества между США и Великобританией за влияние в Мексике давно была распространена в Коминтерне. Формально для такого взгляда на вещи имелись все основания. Известно, что англичане поддерживали в 1910 году Диаса, а США – революцию Мадеро. Затем американцы отказались признать Уэрту, а Лондон это сделал. Во время мятежа де ла Уэрты против Обрегона в 1923–1924 годах США активно поддерживали правительство, а Великобритания хотела помочь повстанцам. Все это было верно. Ошибкой было, однако, считать англо-американское соперничество основной чертой мексиканской революции.

Повод для расправы с коммунистами Кальесу дала неверная тактика, которую компартия проводила во время мятежа под влиянием Коминтерна. Компартия заклеила восстание как реакционное и призвала своих членов организовывать вооруженные отряды для борьбы с мятежом. Само по себе это являлось для Мексики делом обычным: многие крестьяне (в том числе и находившиеся под влиянием Национальной крестьянской лиги) и так были вооружены правительством именно для того, чтобы в случае реакционного мятежа поддержать регулярную армию. Еще до путча Эскобара крестьян-

¹¹⁴ Правда, 4.04.1929

¹¹⁵ См. Правда, 6.04.1929

¹¹⁶ Правда, 6.04.1929

ские отряды, в том числе и коммунистические, активно боролись вместе с армией против «кристерос» и несли основные потери, так как были плохо вооружены.

Однако в 1929 году компартия публично призвала своих членов организовывать отряды и бороться с мятежниками независимо от властей, использовать эти вооруженные отряды для захвата помещичьих земель и заменять местные органы власти рабоче-крестьянскими комитетами. Такой призыв при некоторой доле воображения можно было расценить как организацию государственного переворота. Тем не менее правительство благосклонно принимало помощь рабочих и крестьянских отрядов, но только при условии их четкого подчинения армейскому командованию.

«Правда» охарактеризовала мятеж Эскобара как «поворотный пункт» в истории Мексики. В результате его подавления усилились позиции основных противоборствующих сил в Мексике – американского империализма (марионеткой которого было правительство Кальеса – Портеса Хилья) и массовых рабоче-крестьянских организаций под руководством компартии. Теперь именно эти силы должны были бороться за власть.

Точно так же, видимо, считал и Кальес. 24 и 25 марта были убиты активисты рабоче-крестьянского блока в Пуэбле. 1 мая 1929 года полиция в Мехико расстреляла мирную демонстрацию рабочих под руководством компартии под лозунгами борьбы против империализма США. Три человека были арестованы¹¹⁷. В специальном воззвании Сикейрос заклеил правительство, которое организовало «белый и фашистский террор» против активистов рабоче-крестьянского блока, «арестовывая, высывая и убивая храбрых членов» рабочих и крестьянских организаций¹¹⁸.

В Москве были потрясены майскими событиями в Мексике еще и потому, что в этот же день расстреляли демонстрацию коммунистов в Берлине. Причем и в Мехико, и в столице Германии приказ стрелять по мирным людям полиции давали недавние союзники по «единому фронту» – национальная буржуазия (в Мексике) и социал-демократы (в Германии)¹¹⁹.

В мае 1929 года, когда лидер мексиканских коммунистов Сикейрос находился в Уругвае и Аргентине на встречах латиноамериканских компартий и профсоюзов, правительство Мексики перешло к планомерным действиям по ликвидации компартии. 14 мая в штате Дуранго без суда и следствия по

¹¹⁷ Правда, 8.05.1929

¹¹⁸ Stein P. Siqueiros: his life and works, International Publishers and Co. 2004. P. 64

¹¹⁹ В Германии полиция израсходовала 11 тысяч патронов и убила 33 человека, 198 были ранены. Полиция пыталась впоследствии оправдать свои «несоразмерные» действия тем, что коммунисты первыми применили оружие, но никто из демонстрантов не стрелял. Единственный полицейский с огнестрельным ранением, как выяснилось, сам нанес его себе в результате несчастного случая еще до демонстрации.

законам военного времени были расстреляны коммунисты Хосе Гуадалупе Родригес и Сальвадор Гомес. Они возглавляли крестьянский отряд, боровшийся против мятежников. Приказ о расстреле 13 мая отдал лично военный министр Кальес. Коммунистам инкриминировался смехотворный по мексиканским реалиям деликт – якобы для боевых действий они реквизировали нескольких лошадей на одной из асиенд. Однако такими реквизициями в ходе мексиканской революции занимались все – от Обрегона и самого Кальеса до Панчо Вильи.

В докладе Портесу Хилью расстрелявший коммунистов начальник военных операций в этой зоне Мадинавейтия сообщал также, что Гуадалупе Родригес и Гомес тайно занимались скупкой оружия у местных властей и вели подрывную пропаганду против существующего государственного строя.

Характерно, что при этом Портес Хиль гарантировал амнистию практически всем сдавшимся в плен генералам и офицерам мятежников, против которых и воевал отряд Гуадалупе Родригеса.

Неудивительно, что конференция латиноамериканских компартий осудила это преступление мексиканских властей. Сикейрос послал из Уругвая телеграмму протеста Кальесу, адресованную ему, «где бы он ни находился»¹²⁰. Гуадалупе Родригеса знали и в Москве, куда он был приглашен в составе мексиканской делегации на празднование 10-летия Октябрьской революции. Поэтому 21 мая 1929 года «Правда» опубликовала материал «Мексиканское правительство выслуживается перед помещиками»¹²¹. В газете совершенно верно отмечалось, что в случае с Гуадалупе Родригесом речь идет об оружии, «розданном крестьянам для отражения нападения реакционных генералов против правительства». Гомес был к тому же одним из лидеров абсолютно легальной и созданной при поддержке властей Национальной крестьянской лиги. Компартия Мексики призвала все крестьянские отряды не сдавать оружие и оказывать сопротивление властям.

24 мая 1929 года «Правда» напечатала некролог о Гуадалупе Родригесе, написанный бывшим полпредом СССР в Мексике Станиславом Пестковским под псевдонимом Вольский. В статье справедливо отмечалось, что во время мятежа штат Дуранго оказался во власти реакционных путчистов и Гуадалупе Родригес отправился туда, чтобы с риском для жизни организовать партизанские отряды. Он «разоружил значительное количество белых банд, отнял у них лошадей и оружие. На лошадях ставили советское клеймо: серп и молот. Своей деятельностью он значительно способствовал победе правительственных войск над восставшими. Но когда восстание было подавлено, и в штате Дуранго была восстановлена «законная власть», помещики пожаловались ей на «притеснения» товарища Родригеса, и вот «ре-

¹²⁰ Stein P. Siqueiros: his life and works. International Publishers and Co. 2004. P. 64

¹²¹ Правда, 21.05.1929

волюционное правительство», которое призвало крестьян на борьбу с контрреволюцией... арестует по наущению... помещиков товарища Родригеса и выдвигает против него нелепое обвинение в «незаконном присвоении правительственного оружия». Товарищ Родригес предстал перед военным судом, и... его расстреляли, несмотря на заслуги в борьбе против врагов правительства... Изменнически пролитая кровь товарища Родригеса не пропадет даром. Она убедит мексиканское крестьянство в том, что лишь революционная борьба масс не только против помещиков и империалистов, но и против всех правительств, именующих себя революционными, а на деле агентов крупных землевладельцев и иностранных капиталистов, борьба за подлинное рабоче-крестьянское правительство освободит окончательно крестьян Мексики от помещичьего ига»¹²².

Многие коммунистические партии в различных странах протестовали против убийства Гуадалупе Родригеса и Гомеса. Демонстрации перед мексиканскими посольствами состоялись в Стокгольме, Амстердаме, Монтевидео, Буэнос-Айресе и других городах. В некоторых случаях демонстранты швыряли в здания, где располагались дипмиссии, камни. Портес Хиль, осуждая демонстрации в своих воспоминаниях, почему-то не упоминает, в связи с чем они состоялись.

20 июня 1929 года правительство Мексики заявило о запрете компартии и объявило ее распущенной. Был закрыт центральный орган КПМ газета «Эль Мачете». 26 июня 1929 года «Правда» писала жирным шрифтом, что «жизнь видных мексиканских коммунистов в опасности»¹²³. Всех иностранцев, уличенных в связи с компартией, высылали из Мексики. В это же время при поддержке властей активисты КРОМ напали на рабочих в некоторых городах штата Пуэбла. В столкновениях погибли 4 человека, полиция арестовала 28 рабочих.

13 июля 1929 года с жестким заявлением, касающимся Мексики, выступил Исполком Коминтерна (ИККИ) – высший руководящий орган всемирного объединения компартий. Было осуждено убийство Гуадалупе Родригеса «фашистским» режимом Портеса Хиль. Воззвание Коминтерна призывало мексиканских рабочих спланировать вокруг компартии, а крестьян – не отдавать оружие эксплуататорам, которые используют его, чтобы «сокрушить» их¹²⁴. Конечно, характеристика режима Портеса Хиль как фашистского является явным преувеличением, однако сама реакция Коминтерна на убийство без суда своих соратников представляется более чем естественной.

¹²² Правда, 24.05.1929

¹²³ Правда, 26.06.1929

¹²⁴ The Communist International 1919–1943 Documents. Volume 3, 1929–1943. Frank Cass and Company Limited, 1971. P. 70–73

Заявление Коминтерна почему-то привело к протесту мексиканского правительства, поданному НКВД СССР. В ноте посольства Мексики в Москве от 20 июля 1929 года говорилось о нападках, которым подвергалась Мексика в советской печати на протяжении «примерно трех месяцев» «как в редакционных статьях, так и в информационных, публиковавшихся в органах официальной и полуофициальной прессы Советского Союза. Манифест Коммунистического Интернационала против моего правительства, опубликованный в «Правде» 13-го числа текущего месяца, помимо многочисленных неточностей и клеветы, содержит концепции, которые роняют честь и достоинство Мексики»¹²⁵. В ноте содержалось предложение, чтобы комиссия из СССР посетила Мексику для ознакомления на месте с ситуацией в стране.

В Москве явно не хотели обострения советско-мексиканских отношений. Мексиканского посла Сильву Эрцого принял заместитель наркома иностранных дел Карахан и дал логичные с точки зрения международного права разъяснения: правительство СССР не отвечает за заявления общественной международной организации, пусть и со штаб-квартирой в Москве. СССР не хочет, чтобы полемика в печати отразилась на межгосударственных отношениях.

Сильва Эрцог, однако, настаивал на письменном ответе, который получил 26 октября 1929 года в виде ноты. В ней, в частности, говорилось: «Могу лишь подтвердить, что Союзное Правительство, как и всякое другое правительство, не может считать себя ответственным за содержание статей, заметок и сообщений в органах печати. Союзное Правительство со своей стороны не склонно считать антисоветские статьи и заметки в мексиканских органах печати выражением взглядов и чувств мексиканского правительства»¹²⁶. «Упоминание в Вашей ноте Манифеста Коммунистического Интернационала не может не вызвать серьезного изумления. Вам, господин Посланник, неизвестно, что Коммунистический Интернационал является совершенно самостоятельной, независимой от каких бы то ни было правительств и государств, международной организацией, руководимой представителями коммунистических партий почти всех стран мира. Действия этой организации не имеют отношения к Союзному Правительству и ни в коем случае не могут служить предметом для переписки с Н.К.И.Д.»¹²⁷.

¹²⁵ Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, фонд 04, опись 28, папка 192, дело 228, л. 3

¹²⁶ Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 227, л. 12.

Действительно, если бы советское полпредство в Мехико реагировало на статьи хотя бы только в органах КРОМ, то пришлось бы заявлять протест как минимум каждую неделю.

¹²⁷ Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 227, л. 1

В своих мемуарах Портес Хиль совершенно безосновательно обвинял советского полпреда в Мексике Макара во вмешательстве во внутренние дела страны. К тому же, в отличие от своей предшественницы Коллонтай, Макар был, мол, человеком «малокультурным» и не стремился понять традиции и обычаи Мексики. Эти голословные утверждения Портеса Хиль не выдерживают никакой проверки фактами.

Александр Михайлович Макар был журналистом и, как показывают его докладные записки в центр, блестяще владел слогом. Имея опыт дипломатической работы в Италии, он уже перед приездом в Мехико знал немецкий, французский, английский языки, латынь и греческий. В Мексике он сразу же взялся за испанский и уже 3 сентября 1928 года перед показом в полпредстве фильма «Октябрь» произнес на нем вступительное слово, что с удовлетворением отметила отнюдь не левая мексиканская газета «Эль Универсаль»¹²⁸. Никто из европейских дипломатов да и тот же Морроу знанием языка страны пребывания не блистал.

Кстати, 18 февраля 1929 года советское полпредство посетил Портес Хиль, что было единственным случаем такого рода – обычно в иностранные посольства президент страны не ходил. Что касается стремления познать традиции Мексики, то за себя говорит факт присвоения Макару 13 августа 1929 года звания почетного члена мексиканского географического и статистического общества. В декабре того же года Макар прочел в обществе лекцию на испанском языке об экономике СССР. «Уважаемый дипломат сделал интереснейшее сообщение, – писала газета «Эксельсиор»¹²⁹.

Наиболее красноречиво об авторитете Макара в Мехико свидетельствует тот факт, что 7 ноября 1929 года на прием по случаю очередной годовщины Октябрьской революции в советское полпредство пришли 7 министров правительства, а также кандидат на пост президента от НРП Ортис Рубио. Таким вниманием не могло похвастаться ни одно посольство в Мехико.

Казалось, летнее обострение в отношениях между СССР и Мексикой прошло, хотя аресты мексиканских коммунистов в стране не прекращались, а напротив, даже усиливались. В этих условиях кандидат в президенты от Рабоче-крестьянского блока фактически был вынужден выйти из борьбы.

Естественно, меры мексиканских властей против компартии не могли не сказаться на отношениях между Мексикой и СССР, причем инициативу обострения взяло на себя именно мексиканское правительство.

Во время своих встреч с Макаром Портес Хиль приводил в пример Италию: там существует антикоммунистический режим, однако СССР под-

¹²⁸ Сизоненко А. И. В стране ацтекского орла: Первые советские полпреды в Мексике. М., 1969. С. 64–65

¹²⁹ Сизоненко А. И. В стране ацтекского орла: Первые советские полпреды в Мексике. М., 1969. С. 68

держивает с этой страной хорошие отношения. И только с самыми дружественными СССР странами – Китаем и Мексикой – Москва ведет ожесточенную полемику. Пример Китая характерен, хотя говорит скорее против аргументации Портеса Хиль – и там, и в Мексике коммунистов не только арестовывали, но и убивали, и никаких хороших отношений с Чан Кайши Советский Союз, конечно, в то время не поддерживал. Наоборот, дело дошло до вооруженного советско-китайского конфликта на КВЖД, который спровоцировала именно китайская сторона.

Пишет Портес Хиль и о шпионаже против мексиканской дипмиссии в Москве, хотя ни один мексиканский посол протестов на этот счет не заявлял¹³⁰.

В декабре 1929 года мексиканское правительство решило разорвать дипломатические отношения с СССР. В конце года Москву покинул мексиканский посланник Сильва Эрцог, объяснивший Литвинову свой отъезд поручением правительства Мексики изучить ряд вопросов в Центральной Европе. В Берлине Сильва Эрцог встретился с поверенным в делах СССР в Германии Бродовским и говорил, что с оптимизмом смотрит на будущее советско-мексиканских отношений и скоро вернется в Москву¹³¹. Это было неправдой.

6 января 1930 года Макар присутствовал на традиционном новогоднем приеме для дипкорпуса во дворце Чапультепек, который устраивал Портес Хиль. А уже 23 января мексиканское правительство отозвало из Москвы весь состав своей дипмиссии, аргументировав это выступлениями против мексиканских посольств в ряде городов Европы и Латинской Америки. Всю ответственность за демонстрации протеста, не приводя каких-либо конкретных фактов, администрация Портеса Хиль свалила на СССР.

Но Москва все еще пыталась спасти положение. В беседе с корреспондентом ТАСС 2 февраля 1930 года Литвинов отметил, что «отношения между обеими странами и правительствами все время не оставляли желать ничего лучшего... Само собой разумеется, никаких конфликтов, ни политических, ни экономических, между Советским Союзом и дальней Мексикой не возникало и возникать не могло».¹³² Приведенный мексиканским правительством аргумент о коммунистических интригах против Мексики, якобы поощряемых и направляемых СССР, Литвинов счел смехотворным: «Повод слишком смешной, чтобы на нем долго останавливаться, но так как ника-

¹³⁰ В то время дипломатическая миссия Мексики в Москве возглавлялась дипломатом в ранге посланника – наименование «посол» употребляется в тексте для простоты понимания, когда речь идет о главе диппредставительства.

¹³¹ Сизоненко А. И. В стране ацтекского орла: Первые советские полпреды в Мексике. М., 1969. С. 73

¹³² «Известия», 2.02.1930

ких других причин для разрыва отношений не существует и мексиканским правительством не приведено, то остается предположить, что мексиканское правительство в данном случае действовало под давлением внешних сил»¹³³. Намек на США был более чем прозрачным.

Однако правительство Мексики все же пошло на разрыв и предписало советскому полпредству покинуть страну. 8 февраля 1930 года Макар выехал из Мехико в Веракрус. Его провожали друживший и с первым полпредом Пестковским, и с самим Макаром министр промышленности и торговли де Негри и много других видных представителей общественной жизни Мексики.

9 февраля 1930 года мексиканская полиция совершила налет на советское полпредство, а в конце апреля был арестован и выслан торговый представитель СССР¹³⁴. Установленные в 1924 году советско-мексиканские дипломатические отношения оказались разорванными по инициативе мексиканской стороны.

Взвалив на СССР ответственность за рост авторитета и активную деятельность мексиканской компартии, правительство Мексики весь 1929 год проводило аресты коммунистов, стараясь полностью ликвидировать партию.

К сожалению, и сама МКП ослабила себя. В июле 1929 года в подполье прошел пленум руководства партии, принявший решение о «большевизации» компартии. Под разными предлогами за прежние ошибки из партии исключили самых видных ее членов. Урсуло Гальван, лидер Национальной крестьянской лиги и опора коммунистического влияния на крестьянство, был исключен из партии как «агент буржуазии, предавший интересы пролетариата».¹³⁵ Гальван считал, что надо продолжать сотрудничать с правительством в реализации аграрной реформы.

Мотивы исключения Сикейроса были еще более странными: он поддерживал отношения с уругвайской поэтессой Бланкой Лус Брум, а та, в свою очередь, – с находившимся в Мексике в эмиграции никарагуанским патриотом Аугусто Сесаром Сандино. Однако МКП в то время прохладно относилась к Сандино, так как он поддерживал хорошие отношения с правительством Портеса Хиля. В связи с этим Сикейросу предписали по сооб-

¹³³ «Известия», 2.02.1930

¹³⁴ Торгового договора, в котором за персоналом торгпредств признавался бы дипломатический статус, между СССР и Мексикой тогда не существовало. Переговоры о его заключении только велись, и камнем преткновения был как раз дипломатический статус сотрудников торговых представительств, на котором настаивал Советский Союз. Мексиканцы не хотели на это идти.

¹³⁵ Concheiro E., Modonesi M., Crespo H. G. El comunismo: otras miradas desde América Latina. Mexico, UNAM, 2007. P. 573

ражениям безопасности порвать контакты с Бланкой Лус Брум, которая в то время была его гражданской женой и имела трехлетнего ребенка от прежнего брака. Партия опасалась, что через Сандино мексиканская полиция сможет найти и арестовать последних находившихся еще на свободе членов руководства компартии. Сикейрос не захотел бросить свою жену без денег в чужой для нее стране, за что и был исключен как нарушитель партийной дисциплины.

Сам Сикейрос укрывался от полиции в консульстве Уругвая, но каждую ночь, обманывая бдительность полиции, навещал жену. 1 мая 1930 года его все же арестовали, когда он покинул консульство, чтобы принять участие в первомайской демонстрации¹³⁶.

На июльском пленуме 1929 года Диего Ривера пытался возражать против новой левацкой линии партии. Он доказывал, что не вся мексиканская буржуазия, как считал Коминтерн, переродилась и стала контрреволюционной. Такие министры правительства, как Марте Гомес и Рамон де Негри, являются твердыми сторонниками социальных реформ, и партия не должна прекращать с ними сотрудничество. Однако июльский пленум МКП заклеил Марте Гомеса наряду с Кальесом и Портесом Хилем как «могильщиков революции». Репрессии против коммунистов и разоружение крестьянских организаций, по мнению компартии, указывали на то, что, маскируясь левой фразой, правительство Мексики стало приобретать фашистские формы.

В области профсоюзной политики пленум решил трансформировать борьбу за экономические интересы рабочих в политическую борьбу против правительства, империализма, реформизма и за социализм.

Эта точка зрения и победила. Компартия констатировала обострение классовой борьбы и постановила готовить восстание против реакционного режима с целью установления в Мексике советской власти. Такая линия, по сути, обрекала партию на нелегальное положение.

Основания для исключения из партии Диего Риверы были серьезными. Когда власти запретили компартию, он расписывал фрески в Национальном дворце. Газеты обрушились на правительство с критикой: почему «бездарный мазила»¹³⁷ и лидер антинациональной партии расписывает Национальный дворец? Портес Хиль был хитрее: он решил предложить Ривере государственный пост, зная, что компартия в знак протеста против репрессий запретила своим членам занимать любые должности в госаппарате. Ривере был предложен пост директора Академии изящных искусств, он без разрешения руководства МКП согласился и был исключен из компартии. Ривера позднее считал, что его исключили за дело: «Если бы

¹³⁶ Stein P. Siqueiros: his life and works. International Publishers and Co, 2004. P. 67

¹³⁷ Так назвал Риверу губернатор штат Дуранго Террронес Бенитес 3 августа 1929 года в газете «Универсаль». Осповат Л. С. Диего Ривера. М., 1969. С. 282

я оставался в рамках партийной дисциплины, то сам бы голосовал за мое исключение... Отбирая у меня членский билет, партия лишь выполнила свой долг»¹³⁸.

В результате репрессий правительства и сектантской политики «самоочищения» численность компартии, которая в 1927–1928 годах выросла в 4 раза до 2,5 тысячи человек, после лета 1929 года упала до 600 членов¹³⁹. Позднее мексиканская компартия осудила решения собственного июльско-го пленума 1929 года как «левацкий загиб». Справедливости ради надо отметить, что сектантские решения коммунисты Мексики приняли под давлением Коминтерна. В Мексику был направлен работник Коминтерна Михаил Грольман (оперативный псевдоним Освальд), который и подготовил пленум МКП в июле 1929-го. Осенью того же года Грольмана выслали из страны, причем существует даже точка зрения, что в полицию на него донес не кто иной, как Диего Ривера¹⁴⁰.

Если Портес Хиль без колебаний разорвал дипломатические отношения с СССР, страной, настроенной к Мексике весьма дружелюбно, даже несмотря на репрессии против коммунистов, то «сердечные» отношения с США, установившиеся по время последнего года президентства Кальеса, он старался поддерживать любой ценой. Такая линия помогла правительству Мексики подавить опасный военный мятеж Эскобара.

Американцы, однако, не преминули запросить за свою помощь при подавлении восстания ряд уступок.

В 1923 году были заключены мексиканско-американские соглашения, по которым, в частности, создавалась смешанная комиссия по разбирательству претензий граждан США, чье имущество пострадало во время революционных событий в Мексике, особенно в ходе аграрной реформы. Срок работы комиссии истек 17 августа 1929 года, и 17 июня Вашингтон предложил Мексике продлить его еще на два года¹⁴¹. Портесу Хиллю не оставалось ничего другого, как согласиться, и 2 сентября была подписана двусторонняя конвенция о продлении сроков работы смешанной комиссии.

Добились американцы от Мексики и уступки по главному для себя на тот момент внешнеполитическому вопросу. В апреле 1929 года, когда мятеж Эскобара был еще не подавлен, посол Морроу запросил аудиенцию у Портеса Хилья и потребовал, чтобы Мексика признала марионеточное правительство Никарагуа, пришедшее к власти в результате военного переворота и державшееся исключительно на штыках американской морской пехоты. Против

¹³⁸ Осповат А. С. Диего Ривера, М., 1969, С. 285

¹³⁹ Очерки новой и новейшей истории Мексики. М., 1960. С. 384

¹⁴⁰ Concheiro E., Modonesi M., Crespo H. G. El comunismo: otras miradas desde América Latina. Mexico, UNAM, 2007. P. 572

¹⁴¹ Foreign Relations of the United States (FRUS). Volume III, 1929. P. 434

правительства президента Монкады боролись никарагуанские патриоты во главе с генералом Аугусто Сесаром Сандино. При Кальесе Мексика оказывала сандинистам военную помощь, однако сближение Кальеса с США в 1927–1928 годах, по сути, эту помощь прекратило. Сандино испытывал острую нужду в оружии и боеприпасах в условиях существенного превосходства морской пехоты США (американцы использовали против сандинистов авиацию) и мог надеяться только на военные поставки из Мексики.

Портес Хиль в признании Монкаде отказал и даже попросил Морроу на миг представить, что иностранные войска находятся на территории США и поддерживают там удобное себе правительство. Разве можно его признавать?¹⁴² В качестве компромисса Портес Хиль предложил, чтобы американские войска покинули Никарагуа, и тогда Сандино под гарантии Мексики немедленно сложит оружие. Морроу пообещал передать это предложение в Вашингтон, откуда вскоре пришел отрицательный ответ. В США понимали, что как только морская пехота покинет Никарагуа, режим Монкады немедленно падет. Сам Монкада в интервью «Нью-Йорк Таймс» заявил: «Американская морская пехота является единственной гарантией свободы и процветания. Если она покинет Никарагуа, воцарится анархия...»¹⁴³ Мексиканское посольство в Коста-Рике направило своего представителя в Манагуа, чтобы убедить Монкаду пойти на мирное урегулирование внутривластного кризиса, но тот наотрез отказался.

Тогда мексиканцы согласовали с Сандино еще более выгодный для США и их ставленника компромисс: Сандино готов сложить оружие только в обмен на обещание государственного департамента США вывести войска из Никарагуа. Но американцы были не готовы и на это. Видимо, они не сомневались в военном успехе своей кампании против Сандино.

В марте 1929 года в Мехико прибыл личный представитель Сандино капитан Паредес, мексиканец по национальности. Он попросил Портеса Хиль помочь никарагуанским патриотам оружием. Однако президент Мексики отказался, заявив, что не хочет осложнять отношения с США. Зато Портес Хиль предложил, чтобы Сандино оставил Никарагуа и эмигрировал в Мексику. Выбора у Сандино фактически не было, и в первых числах июня 1929 года он покинул территорию Никарагуа, а 25 июня въехал в Мексику.

Американцы торжествовали. В никарагуанской столице Манагуа американская морская пехота осквернила городское кладбище, чем вызвала даже протест Монкады.

В июне 1929 года Морроу поинтересовался у Портеса Хиль, верны ли слухи о том, что Мексика предоставила Сандино политическое убежище.

¹⁴² Portes Gil E. Autobiografia de la Revolucion Mexicana // www.antorcha.net/.../autobiografia/bibliografia.html

¹⁴³ Гонионский С. А. Сандино. М., 1965. С. 77

Портес Хиль, стараясь представить свою капитуляцию как моральную победу, «предупредил» Морроу, что Сандино находится под защитой правительства Мексики, и оно не допустит возможных покушений на его жизнь.

Самой главной внутриполитической проблемой правительства Портеса Хилья был продолжавшийся конфликт между церковью и государством, на фоне которого не утихало восстание «кристерос».

Как уже упоминалось, еще будучи министром внутренних дел в кабинете Кальеса, Портес Хиль отдал указание прекратить пытки и незаконные аресты верующих. Однако на местах и армейские, и гражданские власти продолжали преследования, пополняя тем самым ряды восставших.

В ноябре 1928 года начался процесс над убийцей Обрегона Торалем, который проходил в условиях открытого давления сторонников покойного президента на суд. Адвокату подсудимого не давали говорить, прерывая его выступления криками «Смерть убийце!» и «Смерть проститутке Конче!»¹⁴⁴. Судьям приходилось вести заседания, вооружившись, чтобы воспрепятствовать суду Линча над Торалем прямо в зале. Вдова Обрегона попросила помиловать молодого убийцу, но ее никто не слушал. Толпа угрожала судьям расправой, если те помилют обвиняемого. В этих условиях смертный приговор был предreshен.

7 февраля 1929 года Портес Хиль получил прошение адвокатов Тораля с просьбой о помиловании. Одновременно в полицию пришло письмо, в котором Портесу Хилью, его жене, матери и двухлетней дочке угрожали смертью, если он отклонит прошение. В это время Портес Хиль совершал поездку по стране в президентском поезде. Письмо с угрозами подписала Лига защиты религиозной свободы – политическое крыло «кристерос». Последние были известны как раз тем, что активно подрывали поезда, не обращая внимания на количество жертв.

Портес Хиль, однако, не испугался и в тот же день отклонил прошение о помиловании Тораля. 9 февраля 1929 года убийца Обрегона был казнен.

Утром 10 февраля примерно в половине седьмого утра, когда президент одевался, раздался сильный взрыв. Поезд находился тогда в штате Гуанахуато, где позиции «кристерос» были довольно сильны. Портесу Хилью повезло. «Кристерос» взорвали локомотив, когда он проезжал через мост, отчего сам паровоз упал с моста, но вагон президента не пострадал.

Через светских дам из Лиги защиты религиозной свободы полиция довольно легко вышла на исполнителей подрыва президентского поезда. Подрывником оказался молодой парень 17 лет Фернандо Ислас, которого религиозные фанатики толкнули на самоубийственное преступление, пре-

¹⁴⁴ Meyer M., Sherman W. The Course of Mexican History. New York, 1987. P. 590. Имелась в виду монахиня Консепсьон Асеведо де Льята («матушка Кончита»), которой приписывали подстрекательство Тораля к покушению на Обрегона.

доставив 300 песо на закупку взрывчатки. Портес Хиль опасался, что парня убьют без суда, и распорядился отправить его на отдаленный остров Трех Марий. Там находилась в заключении «матушка Кончита», а вскоре туда же начали ссылать коммунистов.

Портес Хиль понимал, что продолжавшийся внутривластный конфликт серьезно ослабляет международные позиции Мексики, особенно по отношению к США, подрывает финансовую стабильность,¹⁴⁵ и каждый день приводит к человеческим жертвам. Если от добычи нефти государство получило в 1924 году 57 миллионов песо, то в 1928 году – лишь 19,9 миллиона. По официальным данным военного министерства Мексики, в стычках с «кристерос» каждый месяц с обеих сторон погибали 800–1000 человек.

В мае 1929 года Морроу сообщал в Вашингтон, что настроение общества в Мексике подавленное и никто не верит в способность правительства подавить движение «кристерос»¹⁴⁶. Правительству Мексики нужен был мир.

Еще Кальес весной 1928 года через посредничество Морроу пытался найти общий язык с находившимся в США в эмиграции мексиканским епископатом, однако смерть Обрегона и последовавший за ней острый внутриполитический кризис прервали переговоры.

Весной 1929 года после подавления мятежа Эскобара у «кристерос» исчезла последняя надежда на победу или хотя бы почетный мир. Освободившаяся после разгрома мятежа армия нанесла измотанным отрядам «кристерос» ряд чувствительных поражений. Это дало возможность Портесу Хилью предложить католикам мир с позиции силы.

1 мая 1929 года в интервью иностранному корреспонденту ряда европейских и американских газет Дюбосе Портес Хиль заявил, что не считает церковь как таковую ответственной за кровавые акты фанатиков-«кристерос»: «...правительство не обвиняет в этом католические элементы страны...оно ни в коем случае не преследует религию»¹⁴⁷. А если во главе банд «кристерос» и стоят отдельные священники – то это отбросы духовенства. Правительство Мексики, подчеркнул Портес Хиль, не будет препятствовать возобновлению богослужений в храмах, если священники будут уважать закон и воздерживаться от политической пропаганды.

Уже 2 мая архиепископ Мексики Леопольдо Руис-и-Флорес ответил на интервью Портеса Хилья заявлением в примирительном духе: «Религиозный

¹⁴⁵ В августе 1928 года Мексика была вынуждена прекратить обслуживание внешнего долга. Промышленность страны работала только на 50% своей мощности. См. Meyer J. *La cristiada: el conflicto entre la Iglesia y el Estado 1926–1929*. Mexico, 2005. P. 365

¹⁴⁶ Meyer J. *La cristiada: el conflicto entre la Iglesia y el Estado 1926–1929*. Mexico, 2005. P. 366

¹⁴⁷ Ларин Н. С. *Борьба церкви с государством в Мексике (Восстание «кристерос» в 1926–1929 гг.)*. М., 1965. С. 283

конфликт в Мексике не мотивирован причинами, которые не могли бы разрешить люди доброй воли. В качестве доказательства этой доброй воли слова Президента Портеса Хиль имеют большое значение»¹⁴⁸.

Мосты, таким образом, были наведены. 8 мая 1929 года на встрече с прессой в Мехико Портес Хиль одобрительно отозвался о заявлении архиепископа и выразил готовность встретиться с ним для урегулирования конфликта между государством и церковью. Текст заявления Портеса Хиль был передан через американское посольство в Мехико в госдепартамент и Ватикан.

11 мая 1929 года Морроу рекомендовал архиепископу Руису-и-Флоресу обратиться с письмом на имя Портеса Хиль. Проект письма американский дипломат заготовил заранее¹⁴⁹. В нем фактически уже содержался искомый компромисс: церковь соглашалась на обязательную регистрацию властями священников, но при условии, что те предварительно будут утверждены епископатам. Признавая светский характер образования, церковь обязалась также заниматься преподаванием религиозной доктрины вне школ «в подходящем для этого месте». Со своей стороны, мексиканское правительство подтверждало, что Конституция 1917 года не направлена на разрушение церкви.

Почти месяц архиепископ Руис-и-Флорес советовался с госдепартаментом и Ватиканом и, получив «добро», 8 июня 1929 года в сопровождении епископа Паскуаля Диаса прибыл в Мексику. Для обеспечения безопасности католической делегации к поезду, в котором ехал Руис-и-Флорес, был прицеплен вагон посла США. Опасаясь эксцессов, оба священнослужителя сошли еще до того, как поезд достиг Мехико, и проделали остаток пути на автомобиле. В столице гости остановились в доме военно-морского атташе посольства США.

12 и 13 июня 1929 года епископы встретились с президентом Мексики и в ходе бесед с Портесом Хилем выработали компромисс. За основу было взято письмо Морроу, которое 18 июня Портес Хиль фактически представил как свое предложение по урегулированию конфликта. Епископы для соблюдения приличий подождали три дня и согласились.

Согласно совместной декларации¹⁵⁰ от 21 июня 1929 года положение закона 1926 года, по которому государственные власти регистрировали священников (что означало разрешение на богослужение), оставалось в силе. Однако государство в качестве уступки обязалось не регистрировать тех,

¹⁴⁸ Portes Gil E. Autobiografia de la Revolucion Mexicana // www.antorcha.net/.../autobiografia/bibliografia.html

¹⁴⁹ Ларин Н. С. Борьба церкви с государством в Мексике (Восстание «кристерос» в 1926–1929 гг.). М., 1965. С. 286

¹⁵⁰ Она была оформлена в виде отдельных заявлений для прессы обеих сторон переговоров.

кто предварительно не был бы одобрен епископатом. Религиозное образование в государственных школах по-прежнему запрещалось, однако церкви разрешалось проповедовать свою доктрину детям в храмах. Наконец, за служителями культа как обычными гражданами сохранялось полное право обратиться в Конгресс с требованием об отмене закона 1926 года или его отдельных положений.

Таким образом, обе стороны сохранили лицо, хотя главное требование церкви, которое и привело к восстанию «кристерос», – отмена закона 1926 года, выполнено не было. Генерал Роберто Крус так оценил достигнутый компромисс: «Они (церковь – прим. автора) нарушают Конституцию, но немножко. Мы притворяемся дураками, но тоже немножко»¹⁵¹.

После достижения соглашения с церковью была объявлена амнистия всем бойцам отрядов «кристерос», которой воспользовались примерно 14 тысяч человек. Характерно, что Портес Хиль не стал подписывать с «кристерос» никаких документов, не желая признавать их воюющей стороной. Он лишь устно согласился на предложения об условиях прекращения борьбы, которые от имени «кристерос» были переданы ему одним из руководителей Лиги защиты религиозной свободы Луисом Бельтраном.

Рядовым участникам банд «кристерос» оплачивался проезд в любой конец Мексики, где они хотели поселиться. «Офицерам» «кристерос» было даже позволено сохранить личное оружие. За каждую сданную винтовку правительство выплачивало 25 песо.

По всей Мексике 26–27 июня 1929 года после трехлетнего перерыва возобновились богослужения.

12 июля с манифестом к мексиканскому народу обратилась Лига защиты религиозной свободы, подчеркнувшая с горечью, что узнала о соглашении правительства и епископата из газет. Будучи поставленной церковью перед фактом, лига объявила о прекращении вооруженной борьбы.

В августе 1929 года командующий Национальной гвардией (так именовали себя «кристерос») Дегольядо издал приказ о роспуске своей армии. В приказе ясно говорилось о предательстве церкви: «Национальная гвардия перестает существовать, будучи не побежденной ее врагами, но покинутой теми, кто должен был бы в первую очередь получить ценные плоды ее самоотверженности и жертв»¹⁵².

В манифесте от 25 июня 1929 года мексиканская компартия осудила соглашение правительства с церковью: «Церковь, которая в течение веков представляла феодально-латифундистские порядки, теперь будет представлять также интересы класса капиталистов, класса предпринимателей-

¹⁵¹ Krauze E. Plutarco Calles. Reformar desde el origen. Mexico, 1992. P. 98

¹⁵² Ларин Н. С. Борьба церкви с государством в Мексике (Восстание «кристерос» в 1926–1929 гг.). М., 1965. С. 297

эксплуататоров. Церковь – вечный инструмент, необходимый для удержания в темноте и подчинении широкие народные массы, теперь снова с удвоенной силой возьмется за дело разрушения среди народных масс той небольшой доли политической сознательности, которую они приобрели в ходе революции»¹⁵³.

26 июня 1929 года «Правда» откликнулась на окончание религиозно-го конфликта в Мексике заметкой «Мексиканское правительство капитулировало перед реакцией», тональность которой объяснялась, бесспорно, только что произошедшим запретом компартии Мексики. Отмечалось, что «соглашение, заключенное между правительством и духовенством вызвало недовольство в ряде районов. В штате Мичоакан крестьяне заявили о своем возмущении соглашением и в знак протеста пытались занять церкви»¹⁵⁴. 28 июня «Правда» сообщила под заголовком «Мексиканское правительство в союзе с реакционерами», что «в Мексике отменен закон, которым ограничивались имущественные права католической церкви. Церковные здания возвращаются духовенству»¹⁵⁵.

Действительно, после того как церковь в августе 1926 года прекратила богослужения в храмах, они были переданы под надзор местных комитетов граждан тех населенных пунктов, где находились. Теперь все здания были возвращены церкви.

Ликвидация церковного конфликта была большим достижением Портеса Хилья. Временный президент попытался также решить и рабочий вопрос в стране.

Статья 123 Конституции 1927 года провозглашала основные права рабочих, однако на местах трудовое законодательство должны были принимать правительства штатов. А они с этим не спешили. В 1928 году только четыре штата – Сонора, Юкатан, Веракрус и Тамаулипас – приняли местные трудовые кодексы¹⁵⁶. Рабочие требовали принятия федерального трудового законодательства. Однако КРОМ и лабористы, которые при Кальесе имели в стране огромное влияние, с этим не торопились. В самом же Конгрессе ненависть к Моронесу и КРОМ большинства депутатов была настолько сильной, что они блокировали принятие федерального трудового законодательства подчас только затем, чтобы насолить Моронесу.

15 ноября 1928 года Портес Хиль предложил созвать встречу профсоюзов и представителей предпринимателей для того, чтобы выработать взаи-

¹⁵³ Ларин Н. С. Борьба церкви с государством в Мексике (Восстание «кристерос» в 1926–1929 гг.). М., 1965. С. 292–293

¹⁵⁴ Правда, 26.06.1929

¹⁵⁵ Правда, 28.06.1929

¹⁵⁶ Принятие трудового кодекса было одним из первых шагов Портеса Хилья на посту губернатора Тамаулипаса.

моприемлемый проект трудового кодекса, который после этого должен был быть представлен на рассмотрение Конгресса. В качестве платформы для обсуждения Портес Хиль предложил правительственный вариант, который был весьма радикальным по меркам того времени даже в мировом масштабе (например, в США ничего подобного в тот период даже не обсуждалось).

Инициатива Портеса Хиль именно в тот период объяснялась еще и политическими соображениями – он хотел показать общественности, что не КРОМ, а правительство по-настоящему заботится о нуждах рабочих.

Проект закреплял 8-часовой рабочий день (работа в ночное время была ограничена семью часами), обязательный еженедельный отдых, оплачиваемый отпуск после пяти лет работы¹⁵⁷. Предприниматели были обязаны образовать страховой фонд, из которого осуществлялись выплаты в случаях производственного травматизма. В этот фонд направлялась и часть зарплаты рабочих. Портес Хиль предлагал даже создать на каждом частном предприятии смешанные советы из представителей рабочих и предпринимателей для оперативного решения возникающих конфликтов. Одновременно проект трудового кодекса провозглашал отмену всех законов штатов, выходящих за рамки статьи 123 Конституции. Забастовки могли иметь только экономический характер, и их законность определяли власти. Для объявления забастовки было необходимо, чтобы за нее высказались не менее двух третей рабочих данного предприятия. В случаях с предприятиями транспорта, электро- и водоснабжения необходимо было предупредить власти о начале стачки за 10 дней, в остальных отраслях – за 5. Профсоюзам запрещалось заниматься политикой и принимать в свои ряды «...агитаторов или лиц, которые пропагандируют разрушительные идеи»¹⁵⁸.

Проект предусматривал создание разветвленной системы государственного арбитража трудовых конфликтов, включая Федеральный трудовой суд на правах Верховного суда, члены которого назначались президентом страны.

Портес Хиль надеялся, что первая в истории страны встреча рабочих и предпринимательских союзов поможет установить в Мексике классовый мир. КРОМ, ВКТ и коммунисты согласились принять участие в обсуждении проекта трудового кодекса.

Представители КРОМ быстро покинули рабоче-предпринимательскую конференцию в знак протеста против действий президента Портеса Хиль по «преследованию» их организации.

Коммунисты, которые образовали на конференции Рабочий блок из 47 делегатов, отвергли проект трудового кодекса как недостаточно радикаль-

¹⁵⁷ Соколов А. А. Рабочее движение Мексики (1917–1929). М., Издательство МГУ, 1978. С. 220

¹⁵⁸ Соколов А. А. Рабочее движение Мексики (1917–1929). М., Издательство МГУ, 1978. С. 221

ный. Компартия представила собственный проект, который сразу же натолкнулся на обструкцию предпринимателей. Например, коммунисты предлагали приравнять к рабочим домашнюю прислугу, госслужащих и сельскохозяйственных рабочих, которых в Мексике было гораздо больше, чем фабричных пролетариев. Рабочая неделя должна была быть ограничена 44 часами с оплатой как за 48 часов, минимальная заработная плата, вводимая в обязательном порядке, – составлять не менее 2 песо в день. Социальное страхование рабочих предполагалось осуществлять только за счет средств предпринимателей и правительства. Государственные власти не должны были вмешиваться во внутренние дела профсоюзов.

Сикейрос использовал трибуну конференции для резкой критики правительства, а компартия в целом абсолютно неправомерно охарактеризовала правительственный проект кодекса как «фашистский»¹⁵⁹. К тому же коммунисты считали бесперспективным обсуждать кодекс с предпринимателями, так как последние были не только против варианта Рабочего блока, но и против основных положений проекта правительства.

Как сообщал в Москву Макар, «буржуазия» решительно отвергала положение проекта, согласно которому при увольнении рабочему было необходимо выплатить заработную плату за три месяца, а если денег не было, следовало продавать с публичных торгов имущество предприятия. «На совещании капиталистов было официально заявлено, что на таких условиях иностранные инвестирования невозможны»¹⁶⁰. Напрочь отвергли предприниматели и предложение об образовании на предприятиях паритетных советов из рабочих и представителей нанимателя. Не согласны были представители капитала и с обязательным заключением на любом предприятии двухгодичного коллективного договора и обязательным членством всех рабочих в профсоюзе. Они считали это нарушением свободы договора и конституционных прав и свобод. Причем в проекте предусматривалось заключение отраслевых коллективных договоров между двумя третями членов профсоюза определенной местности и таким же количеством предпринимателей. Такие коллективные договоры автоматически становились обязательными для всех предприятий данной отрасли.

Возражали предприниматели и против положения об уплате ими штрафов при нарушении положений коллективного договора¹⁶¹.

В конце концов, из задуманного Портесом Хилем классового мира ничего не получилось: бизнес, прежде всего иностранный был решительно против кодификации трудового законодательства на федеральном уровне. Конечно,

¹⁵⁹ Соколов А. А. Рабочее движение Мексики (1917–1929). М., Издательство МГУ, 1978. С. 231

¹⁶⁰ Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 227, л. 8

¹⁶¹ Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 227, л. 12

правительство могло бы внести проект кодекса в Конгресс и без всякого обсуждения, тем более что после подавления мятежа Эскобара и исключения из парламента оппозиционных кандидатов, НРП имела там подавляющее большинство. Но этот вопрос решал не Портес Хиль, а «сильный человек» Мексики и вождь НРП Кальес. Он же, похоже, не хотел принятия столь радикального трудового законодательства, опасаясь протестов американских предпринимателей и ухудшения отношений с США.

Предприниматели выступили с официальным публичным заявлением, что если правительственный вариант трудового кодекса будет принят, то мексиканская промышленность погибнет. Обсуждение прекратилось – гора родила мышь.

В целом рабочая политика правительства развивалась в 1929 году без серьезной оппозиции со стороны самого рабочего движения. КРОМ разваливался, и Портес Хиль этому активно способствовал. Представители КРОМ были изгнаны из Министерства промышленности и торговли вместе с Моронесом. Очистили от кромистов и правительственные хунты – арбитраж трудовых споров. Если раньше с помощью этих хунт КРОМ объявлял незаконными любые забастовки неподконтрольных ему профсоюзов, то теперь эти хунты стали объявлять незаконными забастовки самого КРОМ. В течение 1929 года численность КРОМ сократилась наполовину. Однако этому профцентру, все еще остававшемуся самым крупным в стране, удалось сохранять преобладающие позиции в ряде регионов, например среди текстильщиков в Орисабе.

Компартия была разгромлена, и ее влияние на независимые профсоюзы, например транспортников, существенно ослабло. Это позволило Кальесу нанести наконец удар по железнодорожникам, которые так досаждали ему забастовками в 1926–1927 годах. К тому же железнодорожники в союзе с коммунистами образовали собственную политическую партию, резко критиковавшую Кальеса. Кальес «попросил» Портеса Хилья назначить его главой правительственного Комитета по реорганизации железных дорог. На этом посту Кальес быстро «оздоровил» финансовое положение железных дорог, уволив 10 тысяч рабочих (особенно наиболее активных членов профсоюза) и сократив оставшимся заработную плату. При этом рекомендации Кальесу по «оздоровлению» финансового положения железных дорог давали американские эксперты. Мексиканские железные дороги якобы тратили слишком много на заработную плату.

На самом деле если в США на заработную плату шло 58,8% всех расходов американских железных дорог, то в Мексике – 61,5%, что было явно сопоставимо. Главной причиной бедственного финансового положения мексиканских железных дорог были не зарплаты рабочих, а несоразмерные платежи, которые направлялись на обслуживание внешнего долга, держателем которого были, естественно, американцы.

«Оздоровление» не помогло – уже в 1929 году железные дороги ощутили на себе последствия мирового экономического кризиса. 33% доходов железных дорог были связаны с перевозкой металлов и минерального сырья, которые шли на экспорт, прежде всего в США. В 1930 году экспорт резко снизился, что не замедлило сказаться на доходах «оздоровленных» Кальесом железных дорог.

К началу 30-х годов протяженность железных дорог составила 23 345 км¹⁶². Частные владельцы, которым Кальес вернул железные дороги еще в 1926 году, особого рвения в развитии этой сети не проявляли.

Аграрная политика Портеса Хилья была успешнее и принесла временному президенту довольно большую популярность среди крестьянства. Именно поэтому Урсуло Гальван и не хотел рвать контакты с правительством. В 1929 году правительство распределило среди крестьян около 2 миллионов гектаров земли – больше, чем за все революционные годы до этого. В немалой степени такой радикализм администрации объяснялся личной позиций министра земледелия Марте Гомеса и тем, что с середины 1929 года Кальес был на лечении в Европе. Макар полагал, что политика в деревне свидетельствует о «ловкости и находчивости» правительства Мексики: «...мелкие, но бросающиеся в глаза уступки обнищавшему крестьянству, развернутая реклама и широкообещательные обещания, наряду с действительными мерами по обеспечению крупного землевладения: разоружение, где можно, крестьянства, защита земельной собственности и борьба с аграристами там, где они принимают всерьез призыв правительства к самодеятельности... после раздачи правительством около 2 миллионов гектар земли мельчайшими участками Министерство земледелия объявило двухмесячный срок для заявок претензий на землю, после чего «передел» объявлен законченным»¹⁶³.

Прогноз Макара на будущее оказался поистине пророческим: «Конечно, через короткое время земельная нужда скажется вовсю, и мексиканскому крестьянству еще не раз придется распутывать тугой узел ненормальных экономических отношений на землю. Однако на ближайшее время оно (правительство – прим. автора) привлекло к себе симпатии крестьянства, и правительство Портеса Хилья сдаст власть в ореоле защитника и представителя огромных масс рабочего и крестьянского трудящегося населения»¹⁶⁴.

В конце декабря 1929 года вернувшийся в страну Кальес в очередной раз публично выразил сомнение в необходимости дальнейшей ликвидации крупных поместий и их раздела между крестьянами. В июне 1930 года в беседе с «группой друзей» «лидер мексиканской революции» провозгласил, согласно сообщениям газет, что в каждом штате необходимо установить

¹⁶² Krauze E. Plutarco calles. Reformar desde origin. Mexico, 1992. P. 117

¹⁶³ Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 227, л. 14

¹⁶⁴ Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 227, л. 14

короткий срок, после которого дальнейшие заявки безземельных и мало-земельных крестьян приниматься уже не будут¹⁶⁵.

Даже довольно активная аграрная политика Портеса Хиль, как совершенно правильно считал Макар, не изменила принципиально отношения собственности в мексиканской деревне. Согласно переписи 1930 года 83% земельного фонда страны (10 миллионов гектаров) находилось в руках 15,5 тысячи крупных латифундистов. В то же время на 770,2 тысячи крестьянских хозяйств с наделом до 50 га приходилось 3,2% земли (4,2 млн га)¹⁶⁶.

Как и раньше, темпы аграрной реформы сильно разнились в штатах, и это было связано прежде всего с политической позицией того или иного губернатора. Из 1335 заявок, поданных крестьянами на наделение их земель в 1929 году, больше всего – 276 – пришлось на Веракрус где правил, пожалуй, самый радикальный губернатор Мексики Техеда. 134 заявки было подано в штате Мехико (некогда центре сапатистского движения) и 193 в Мичоакане, которым тоже управлял губернатор-радикал – Ласаро Карденас¹⁶⁷.

Портес Хиль пытался реформировать и другие стороны весьма безрадостной мексиканской действительности. Каждое правительство Мексики со времен Порфирио Диаса пыталось бороться против алкоголизма. Взялся за решение этой сложной проблемы и Портес Хиль, хотя и с иной мотивацией, чем Диас. При диктатуре боролись в основном с национальным индейским напитком из агавы «пульке», который считался «не прогрессивным». Диас внедрял в стране «прогрессивное» американское пиво и вино, которые, однако, были громадному большинству населения просто не по карману.

Портес Хиль как социалист полагал, что пьянство, безотносительно того, какие напитки употребляются, отвлекает трудовые классы Мексики от борьбы за улучшение собственной жизни. Еще на посту губернатора Тамаулипаса он развернул активную пропаганду здорового образа жизни и убедил примерно сотню населенных пунктов обратиться к правительству штата с просьбой о принятии мер по ограничению продажи алкоголя¹⁶⁸.

14 мая 1929 года уже на общенациональном уровне был образован Национальный комитет борьбы против алкоголизма. Считая себя убежденным демократом, Портес Хиль не пошел по пути США и не стал принимать юридически обязательные антиалкогольные законы. По его, мнению, обще-

¹⁶⁵ Очерки новой и новейшей истории Мексики. М., 1960. С. 377–378

¹⁶⁶ Очерки новой и новейшей истории Мексики. М., 1960. С. 378

¹⁶⁷ Tobler H. W. Peasants and the Shaping of the Revolutionary State 1910–1940 // Riot, Rebellion, and Revolution. Rural Social Conflicts in Mexico. Edited by F. Katz. Princeton University Press, 1988. P. 500–501

¹⁶⁸ The women's revolution in Mexico 1910–1953. Edited by S. E. Mitchell and P. A. Schell. Rowman & Littlefield Publishers, Inc, 2006. P. 166–167

ственные комитеты должны взять на себя борьбу за здоровый образ жизни. На местах эти комитеты состояли в основном из женщин, которые вроде дружинников патрулировали злачные места, убеждая их завсегда не пить и проверяя, есть у владельцев лицензия на продажу алкоголя. Однако многие отцы семейств не хотели, чтобы их жены и дочери ходили по таким местам, тем более что в тогдашнем мексиканском обществе женщины традиционно считались существами второго сорта и на их увещевания любители горячительных напитков обычно отвечали скабрёзными шутками.

Как издевка звучало воззвание комитета к гражданам активно заниматься спортом: большинству рабочих и крестьян после тяжелого и изнурительного рабочего дня было не до этого.

Борьба с алкоголизмом была обречена еще и потому, что многие мексиканские «революционеры», ставшие бизнесменами, активно снабжали алкоголем страдавшее от сухого закона население США. Будущий президент Мексики Абельяро Родригес (в то время губернатор пограничного с США штата Нижняя Калифорния) сколотил огромное состояние на салунах и казино в приграничной полосе.¹⁶⁹ Ему же принадлежало фешенебельное «Казино де ла Сельва» в мексиканской «Рублевке» – Куэрनावаке, где жил Кальес, держали дачи иностранные послы, а также имели загородные дома все представители разбогатевшей на революции мексиканской элиты. В народе одну из улиц Куэрनावакы, где высились особняки вчерашних «революционеров», называли «улицей сорока воров». Когда министр образования Нарсисо Бассольс попробовал закрыть казино, Родригес пожаловался Кальесу, и министр потерял свой пост.

Многие казино, салуны и публичные дома содержали американцы, а к ним Кальес относился весьма уважительно.

Портес Хиль был вынужден признать свое поражение: в условиях тяжелой жизни громадного большинства населения пьянство было отдушиной. Если отдельные города и поселки и принимали решение о полном запрете продажи алкоголя, то вокруг этих городов немедленно появлялось еще больше пивных, где крепкие напитки продавали по завышенным ценам. Несмотря на то, что борьбу против алкоголизма продолжали все президенты Мексики в 30-е годы, к 1941 году в стране насчитывалось 250 000 алкоголиков и каждый год 6500 человек умирали от цирроза печени. 60% времени отсутствия на рабочем месте было связано с употреблением спиртных напитков¹⁷⁰.

По инициативе министра здравоохранения и с одобрения президента была создана Национальная ассоциация по защите детства, которую воз-

¹⁶⁹ Ruiz R. E. Triumphs and Tragedy. A History of the Mexican People. New York, 1992. P. 384

¹⁷⁰ Portes Gil E. Autobiografia de la Revolucion Mexicana // www.antorcha.net/.../autobiografia/bibliografia.html

главила супруга главы государства. В ассоциацию вошли самые влиятельные светские дамы страны. Эта общественная организация намеревалась создавать и содержать центры матери и ребенка, приюты для детей-сирот, летние лагеря отдыха. Дамы хотели также финансировать визиты врачей к тем матерям и детям, которые не могли себе этого позволить по материальным соображениям.

Однако в условиях скудных государственных финансов одними только общественными силами привить мексиканскому народу гигиену и обеспечить акушерками всех матерей было просто невозможно. Тем более что и в 1940 году 65% мексиканцев жили в деревнях, где подчас не было вообще никаких пунктов медицинской помощи.

Поэтому инициатива имела скорее пропагандистское, чем реальное значение. Хотя детская смертность серьезно сократилась (с 222 смертей на 1000 рожденных детей до 125 в 1940 году), она оставалась еще недопустимо высокой¹⁷¹.

Среди достижений Портеса Хилья, хотя и скорее невольных, можно отметить еще автономию, которую получил его указом Национальный университет в Мехико. В 1928 году в ведущем ВУЗе страны обучались 9070 студентов, из которых 1699 были будущими медиками, 558 – юристами и 211 – инженерами.

В мае 1929 года там вспыхнула забастовка студентов, недовольных тем, что устные экзамены заменили на письменные. Локальный конфликт приобрел общенациональный масштаб, когда студенты вышли на мирную демонстрацию в защиту своих прав. Полиция стреляла по манифестантам и убила шесть человек¹⁷². Тогда в защиту студентов на улицы вышли тысячи рабочих и служащих. Портесу Хилью пришлось принять делегацию студентов, которые потребовали уже отставки министра образования. Чтобы разрядить ситуацию и создать впечатление, что правительство не поддается требованиям «улицы», Портес Хиль «добровольно» подписал указ об автономии университета, опасаясь, что студенты могут перейти в лагерь коммунистов. Таким образом, с 1929 года Национальный университет Мехико стал Национальным автономным университетом – это название он носит и по сей день.

То, что Портес Хиль лично занялся проблемами университета, имело под собой и внутривластную подоплеку. После разгрома генералов-обрегонистов и запрета компартии у кандидата правящей партии на пост президента Ортиса Рубио оставался один, но очень серьезный соперник – бывший министр образования при Обрегоне и бывший ректор университета Хосе Васконселос. Это был блестящий интеллект, особенно попу-

¹⁷¹ Meyer M., Sherman W. The Course of Mexican History. New York, 1987. P. 611

¹⁷² «Правда», 30.05.1929

лярный как раз среди студенческой молодежи. Именно студенты составляли основу многих предвыборных штатов Васконселоса на местах. Как оратор Васконселос наголову превосходил довольно бесцветного Ортиса Рубио.

Однако, имея довольно сумбурные взгляды как интеллектуал, Васконселос имел не менее иллюзорные воззрения как политик. Он считал, что стране не нужна оппозиционная партия. Достаточно иметь лишь яркого и преданного родине национального лидера (под которым Васконселос подразумевал самого себя) и группу сплоченных вокруг него единомышленников. Эта группа людей, готовая пожертвовать ради Мексики жизнью, и должна разбудить народные массы. Многие друзья Васконселоса, например основатель центрального банка Мексики и юрисконсульт советского полпредства Гомес Морин, открыто говорили Васконселосу, что его борьба в таком случае обречена на провал.

Пафосные и яркие речи Васконселоса, наполненные цитатами из мировой классики, конечно, производили огромное впечатление на образованную интеллигенцию. Но крестьянам и рабочим нужны были более приземленные материи. Программа же Васконселоса в общих чертах сводилась к тому, что Мексике нужна истинная демократия, без которой невозможно улучшение жизни людей.

Орган НРП газета «Эль Насиональ Революсионарио» с издевкой писала: «...страной нельзя управлять с помощью уроков литературы... НРП раздает не «Илиаду» (Васконселос на посту министра образования создавал в селах библиотеки, в которых была представлена непонятная абсолютному большинству населения мировая классика – прим. автора)... а 35 миллионов гектаров земли»¹⁷³.

Васконселос, наоборот, фактически призывал прекратить распределение земли, поскольку, как и Кальес, считал, что это вносит сумятицу в процесс производства и мешает инвесторам. Поэтому советский полпред Макар характеризовал Васконселоса как кандидата «порфиристов и католиков»¹⁷⁴.

Тем не менее Васконселосу удавалось собирать на митинги до 100 тысяч человек – явление, до той поры в Мексике невиданное. Избирателям очень импонировала критика Васконселосом продажной и коррумпированной «революционной» элиты, его призывы к моральному самоочищению тех, кто претендует на власть в стране. Сильной стороной самого Васконселоса было как раз то, что никто не мог упрекнуть его в использовании государственных постов для личного обогащения. Население Мексики на мотив популярной «Кукарачи» распевало:

¹⁷³ Krauze E. Mexico. The Biography of Power. A history of Modern Mexico 1810–1996. New York, 1997. P. 430

¹⁷⁴ Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 227, л. 2

Эй, депутаты, эй, депутаты,
вы осточертели нам,
но Васконселос, но Васконселос
вас повыгонит к чертям

Финансировал свою избирательную кампанию Васконселос в основном за счет помощи друзей. У НРП, наоборот, проблем с деньгами не было. Портес Хиль распорядился, чтобы каждый государственный служащий ежегодно отчислял в казну НРП свое жалованье за 7 дней.

Кандидат НРП Ортис Рубио ездил по стране как уже избранный президент и не снисходил до полемики со своим оппонентом.

Официальная и неофициальная пресса презрительно именовала Васконселоса «педантом», а его сторонников – сборищем «интеллектуалов, гомосексуалистов, буржуа, студентов, феминисток и фанатиков». Уже весной – летом 1929 года власти на местах перешли к активной тактике запугивания сторонников оппозиционного кандидата. Васконселосу пришлось несколько раз просить Портеса Хиля обеспечить ему свободу агитации. Президент неизменно соглашался помочь, но на местах избирательный процесс был в руках военных и гражданских властей, авторитетом для которых был не Портес Хиль, а Кальес.

Советский полпред Макар сообщал в Москву, что «умелой и ловкой работе государственного и избирательного аппарата... могли бы позавидовать многие европейские мастера по части фальсификации выборов. Этой тонкой работе – а где нужно было, конечно, не гнушались и физической силы – выборы обязаны также тем, что они прошли сравнительно спокойно и без значительного количества человеческих жертв... Или, как эпически повествуют здешние газеты: к счастью, выборы прошли в Мексико-Сити бескровно: было только 9 мертвых и до 20 раненых»¹⁷⁵.

Макар отмечал, что исход выборов зависит от позиции того или иного губернатора штата. А каждый из штатов является «фактически маленьким самостоятельным государством. Они являются самым сильным контролем в период выборов. Значительное количество штатов в этом отношении давно уже было отвоено партией Кальеса – Ортиса Рубио, так называемой Национальной Революционной партией»¹⁷⁶.

Штаты зачищали с помощью так называемых камарасо – переворотов, которые организовывали местные палаты депутатов, по-испански «камарас». Парламент штата по тому или иному предлогу смещал с должности губернатора и обращался к президенту с просьбой утвердить это решение. Если президент соглашался с позицией депутатов, то в штате проводились новые выборы губернатора. Эту тактику Обрегон и Кальес уже использова-

¹⁷⁵ Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 227, л. 1

¹⁷⁶ Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 227, л. 2

ли во время избирательной кампании 1923–1924 годов. В 1929 году таким образом были смещены губернаторы штатов Халиско и Дуранго. Макар отмечал: «...был намечен ряд других губернаторов к смещению. Но они быстро сдали свои позиции, и Президент Республики объявил, что не будет утверждать дальнейшие смещения»¹⁷⁷.

Не по зубам Кальесу оказался только губернатор Веракруса Техеда, которого поддерживали тысячи вооруженных крестьян. Как сообщал Макар, Техеду хотели сместить за «его радикализм и якобы благожелательный нейтралитет в пользу коммунистического кандидата Триана».

«Техеда, однако, слишком связан с Национальной Крестьянской Лигой и ее председателем Урсуло Гальваном. К тому же во время военного восстания он оказал Портес Хилью значительные услуги, подавив крестьянскими силами восстание братьев Агирре на юге. Наконец, его крестьяне еще не разоружены (и вряд ли будут разоружены), и Техеда представляет, таким образом, не только одну моральную или политическую силу. Техеду оставили в покое».¹⁷⁸

Портес Хиль сохранил Техеду еще и потому, что вступил в свою собственную политическую игру. Временный президент к концу 1929 года рассматривал себя уже как самостоятельную политическую фигуру, и консервативные взгляды Ортиса Рубио ему не нравились. Поэтому Портес Хиль был отнюдь не против свободных выборов, понимая, что в таком случае Васконселос легко нанесет поражение бесцветному кандидату правящей партии. Но подобный результат не признали бы Кальес и его окружение. Такой расклад позволял Портесу Хилью сохранить президентскую власть.

Сторонники Васконселоса на местах тоже попытались сместить нескольких губернаторов. Естественно, в условиях засилья в палатах депутатов НРП у них ничего не вышло. «Таким образом, – отмечал Макар, – губернаторы всех штатов (кроме Вера-Круса) явились простыми исполнителями правилительственных предписаний и мероприятий во время предварительной кампании и самих выборов»¹⁷⁹.

Кальес всю вторую половину 1929 года был на лечении во Франции, однако твердо держал нити управления в штатах в своих руках через преданных ему губернаторов и генералов. Осенью 1929 года, видя рост популярности Васконселоса, правящая партия перешла от язвительной критики к прямым физическим атакам на сторонников оппозиционного кандидата.

Американский журнал «Тайм» описывал это следующим образом: «В Мексико-Сити молодой человек стоял на углу улиц и выкрикивал здравицу в честь кандидата Партии противников переизбрания Хосе

¹⁷⁷ Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 227, л. 2

¹⁷⁸ Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 227, л. 3

¹⁷⁹ Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 227, л. 3

Васконселоса, интеллектуала-борца, бывшего министра общественного образования. К нему подошла группа вооруженных людей, включавшая (как говорят) членов правительственной партии из Палаты депутатов и оснащенная пистолетами и камнями. Раздались пистолетные выстрелы, толпа рассеялась под градом камней, а молодой оратор остался сидеть на тротуаре, выплевывая сгустки крови. Его испуганные друзья по Партии противников переизбрания пытались найти убежище в близлежащем кинотеатре. Неожиданно откуда-то появился пулемет, очереди из которого стали отбивать штукатурку на дешевом фасаде кинотеатра, поливая свинцом кричащих от страха беглецов»¹⁸⁰.

Ряд известных в обществе мексиканских дам обратились к супруге посла США с просьбой помочь обеспечить свободные выборы. Миссис Морроу не ответила. Тогда дамы обратились к Кальесу с предложением, чтобы именно женщины, которые, в отличие от мужчин, не подвержены коррупции, так как не стремятся занять выгодные государственные должности, образовали избирательные комиссии. Кальес дал понять, что за спокойствие на избирательных участках ответит федеральная армия.

Итоги голосования в таких условиях были предсказуемыми, и Васконселос предупредил, что не признает результатов сфальсифицированных выборов и будет апеллировать к народу. Однако власти штатов понимали, что у Васконселоса нет позиций в армии, а значит, его призывы таковыми и останутся.

Макар так описывал механизм фальсификации выборов: «Если бы нужны были еще какие-либо технические средства, чтоб обеспечить результаты выборов для кандидата самой сильной и организованной партии, то можно сказать, что даже избирательные урны – деревянные ящики с прорезом на крыше – были на стороне этой кандидатуры.

В самом деле, согласно избирательному закону Мексики, правительство не имеет никакого отношения к выборам, которые всецело предоставлены ведению народа. Первые пять лиц, присутствующие при открытии в 9 часов утра избирательных урн, являются избирательным комитетом данного участка. Понятно, что наиболее организованная и наилучше вооруженная партия овладевает таким образом избирательными ящиками; голосование имеет после этого ничтожное значение, так как урны во время голосования охраняются вооруженным отрядом, который просто не допускает неподходящего избирателя к голосованию. В одном из участков коммунисты были, во избежание слишком большого скандала, допущены к голосованию только после того, как они компактной массой «взяли штурмом» захваченную ортис-рубистами урну»¹⁸¹.

¹⁸⁰ Time. 11.11.1929

¹⁸¹ Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 227, л. 4

Макар подчеркивал, что значительным фактором, определившим итоги выборов, была «молчаливая, но часто весьма реальная помощь... какую правительству Мексики оказали Соединенные Штаты, кандидатом которых был генерал Ортис Рубио, ставленник Кальеса, являющегося в настоящее время в свою очередь ставленником С.А.С. Штатов»¹⁸².

Таким образом, голосование на президентских выборах 21 ноября 1929 года сюрпризов не принесло. За Ортиса Рубио высказались, согласно официальным данным, 93% из пришедших (точнее, допущенных) на участки 2 082 106 избирателей. Васконселос получил всего 110 979 голосов и, как и обещал, выступил 10 декабря 1929 года с «Манифестом Гуайямаса», подписанным «избранный президент». В манифесте оппозиционный кандидат объявил себя президентом и призвал своих сторонников к оружию, чтобы защитить поруганные избирательные права. Сам он уехал в США, чтобы, как Мадеро в 1910 году, вернуться, когда в Мексике вспыхнет спонтанное восстание в его поддержку.

Но тут-то и сказалась основная ошибка Васконселоса – отсутствие своей партии и четкой организационной структуры избирательных комитетов на местах. Женщины и безоружные студенты, конечно, не могли составить никакой конкуренции регулярной армии. Вооруженные крестьяне в принципе были довольны аграрной политикой Портеса Хиля, а Васконселос ничего хорошего им не обещал. Поэтому никакого вооруженного восстания не произошло.

Кальес мог торжествовать победу – его только что созданная партия провела на пост президента именно того человека, которого и хотел он, «сильный человек» и «вождь мексиканской революции».

¹⁸² Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 227, л. 5

Глава 2

«Максимат».
1930–1934 годы

Первую половину 30-х годов в Мексике можно смело назвать «максиматом» Плутарко Кальеса, хотя существуют и другие датировки этого периода (1928–1935, 1929–1934 годы и т.д.).

«Максиматом» принято именовать время, когда «главный вождь» революции («хефе максимо» по-испански) Плутарко Кальес, не занимая поста президента, определял внутреннюю и внешнюю политику Мексики. Тогдашние президенты не решались предпринимать крупных шагов, не посоветовавшись с Кальесом. Он принимал участие в заседаниях правительства и определял его состав. Заявления «хефе максимо» для прессы воспринимались властями как руководство к действию. Кальес мог заставить любого министра подать в отставку и заменить его более приемлемой для себя кандидатурой.

1929 год, по мнению автора, еще не подходит под определение «максимат», так как Портес Хиль был человеком относительно самостоятельным и не боялся спорить с Кальесом. К тому же первая половина 1929-го у Кальеса ушла на борьбу с военным мятежом и коммунистами, поэтому говорить о его безраздельной власти в стране не приходится. Во второй половине года Кальеса почти пять месяцев не было в стране.

В 1930–1934 годах лидером Мексики уже был именно Кальес, что признавали и иностранные послы. Почти все важные решения принимались на неформальных встречах министров, часто даже без участия президента страны, в многочисленных загородных резиденциях Кальеса, его друзей и родственников. Кальес стал выпивать и пристрастился к игре в гольф, в которую, естественно, должны были научиться играть и его соратники. «Сладкое обаяние» буржуазного образа жизни всецело поглотило бывшего революционера.

«Вертикаль» политической власти в Мексике того периода выглядела следующим образом: «хефе максимо» – НРП – депутатские группы в парламенте – президент. «Вертикаль» власти административной можно представить как «хефе максимо» – кабинет министров – президент¹. Постоянно

¹ Krauze E. Plutarco Calles. Reformar desde el origen. Mexico, 1992. P. 101

тасуя кадры (включая и президентов), Кальес препятствовал образованию коалиций видных политических деятелей, которые могли бы поставить под удар его доминирующее положение в стране.

Свою идеологическую линию Кальес тоже не скрывал: хватит реформ, революция закончилась, страна нуждается в капитале (прежде всего иностранном) для эволюционного развития.

В июне 1929 года, расправившись с основными смертельными врагами (коммунистами и генералами-обрегонистами), Кальес произнес речь, в которой заявил, что революция пока не состоялась в политической сфере². Да, необходимые социально-экономические реформы революционные правительства провели, но они не смогли дать стране демократию и обеспечить полноценное участие населения в процессе формирования органов власти. Кальес повторил свой тезис, выдвинутый в сентябре 1928 года: необходимо обеспечить «реакции» парламентское представительство.

Таким образом, Кальес фактически призвал к «поправению» внутриполитического спектра страны, что шло вразрез с настроениями подавляющего большинства мексиканцев, которые считали, что революция не изменила именно экономического уклада их жизни.

Пока Кальес почти всю вторую половину 1929 года лечился в Европе, откуда привез еще более консервативные взгляды, особенно на аграрную реформу, в мексиканском парламенте обострились противоречия между сторонниками Портеса Хилья и Ортиса Рубио. Первых называли «красными», вторых – «белыми». Ортис-рубистам удалось заблокировать рассмотрение в Конгрессе трудового кодекса, но большинство депутатов поначалу шли за «красными». Однако с течением времени все больше и больше депутатов переходили на сторону «белых»: ведь Портес Хиль уходил, а его место должен был занять Ортис Рубио. В этих условиях многие депутаты спешили оказаться на стороне победителя. Формально и «красные», и «белые» были членами одной партии – НРП.

В декабре 1929 года, после президентских выборов, «белым» удалось взять под контроль ключевой парламентский орган – постоянную комиссию, где, собственно, и рассматривались все законопроекты. Однако приехал Кальес³, и ему не понравилось, что свежизбранный президент получает подконтрольное именно ему парламентское большинство. Через НРП «хефе максимо» восстановил баланс политических сил, и Ортису Рубио пришлось сделать своего основного противника Портеса Хилья министром внутренних дел, то есть вторым человеком в кабинете. До этого назначения Портес Хиль намеревался уехать в Европу, но не имел на это денег. Когда он неохотно обратился за содействием к новому президенту, тот, к удивле-

² Krauze E. Plutarco Calles. Reformar desde el origen. Mexico, 1992. P. 94

³ Он находился за пределами страны с 26 июля по 19 декабря 1929 года

нию Портеса Хилья, предложил ему пост министра. Рука Кальеса была налицо.

О степени влияния старого президента на нового говорит хотя бы тот факт, что 3 декабря 1929 года под предлогом лечения Ортис Рубио выехал в США, чтобы встретиться там с возвращавшимся из Европы Кальесом и заручиться его поддержкой в развернувшейся в парламенте склоке между «красными» и «белыми». Однако Кальес решил по-своему и поручил президенту НРП Мануэлю Пересу Тревиньо, который сопровождал Ортиса Рубио в США, восстановить баланс. Вернувшийся в Мексику Тревиньо взялся за дело в жесткой манере, невиданной до сих пор в Мексике при обращении с парламентариями. Когда несколько «белых» не подчинились партийной дисциплине и попытались оттеснить «красных» из некоторых важных комиссий Конгресса, Тревиньо распорядился исключить из партии 9 сенаторов и 8 депутатов⁴.

После этого Ортис Рубио смирился со своей второстепенной ролью, что и проявилось при формировании его кабинета. На постах военного министра и министра финансов опять остались те люди, которых Кальес передал в наследство еще Портесу Хилью, – генерал Амаро и Монтез де Ока. Первый обеспечивал лояльность армии, второй – консервативную и угодную США линию в социально-экономической политике. Сельским хозяйством стал заниматься бывший лидер НРП консерватор-кальист Мануэль Перес Тревиньо. Аарону Саенсу достался утешительный приз – пост министра образования⁵. Министром иностранных дел стал «технократ» Эстрада, который не имел собственных политических амбиций.

Политическая элита еще больше убедилась в незаменимости Кальеса как верховного арбитра различных фракций «революционной семьи» в первый же день пребывания у власти нового президента Ортиса Рубио.

По примеру Портеса Хилья 5 февраля 1930 года Ортис Рубио также принес присягу на стадионе в присутствии десятков тысяч избирателей и выступил с программным заявлением. Когда в 13.40 президент покинул Национальный дворец в сопровождении супруги, чтобы оправиться домой после напряженного дня, человек по имени Даниэль Флорес шесть раз выстрелил в него из пистолета. Президент и супруга получили ранения, но их жизнь была вне опасности.

Ранее Ортис Рубио получал немало угроз и предупреждений анонимных доброжелателей, что на него готовится покушение. Примечательно, что в большинстве «сигналов» организаторами будущего убийства назывались

⁴ Medin T. El minimato presbdencial: historia politica del Maximato 1928–1935. Mexico, 1982. P. 81

⁵ Portes Gil E. Autobiografia de la Revolucion Mexicana // www.antorcha.net/.../autobiografia/bibliografia.html

соратники Портеса Хиль и левонастроенные политики – Марте Гомес, губернатор Веракруса Техеда и лидер аграристов из штата Сан-Луис-Потоси Седильо. У Ортиса Рубио должно было создаться впечатление, что Портес Хиль жаждет его смерти. За всеми этими интригами четко просматривается рука Кальеса, стремившегося сделать из двух президентов (бывшего и нынешнего) смертельных врагов в прямом смысле этого слова. Исполнителями же покушения, согласно ряду сигналов, должны были стать коммунисты, недовольные правительственными репрессиями в свой адрес. Таким образом, покушение «левых» на только что избранного президента давало кальистам возможность избавиться от Портеса Хиль, окончательно ликвидировать компартию и накрепко привязать «спасенного» Ортиса Рубио к колеснице «хефе максимо».

Сам Ортис Рубио верил этим слухам, тем более что Седильо лично просил его обеспечить в будущем правительстве места для своих единомышленников (например, заместителя министра общественного развития, отвечающего за сельское хозяйство).

За покушением явно стояли высокопоставленные лица: была почему-то снята обычная охрана президентского дворца, и преступник спокойно ждал, пока президент приблизится к ожидавшей его машине.

Известие о покушении застало министра внутренних дел Портеса Хиль, когда он направлялся в парк Чапуальтепек прогуляться. Министр издал циркуляр, призывавший всех революционеров сплотиться перед лицом угрозы (чего хотел и Кальес, с той только разницей, что сплотиться надо было именно под его руководством).

Портес Хиль поручил расследование своему стороннику, главе полиции безопасности Валенте Кинтане, хотя за день до этого он официально сложил свои полномочия в связи с вступлением в должность нового президента. Это было, по меньшей мере, странно. Портес Хиль аргументировал свое решение тем, что новый начальник полиции Пуиг Касауранк (друг Диего Риверы) еще не успел принести присягу. Узнав об этом, Ортис Рубио принял присягу нового шефа полиции в больнице прямо перед операцией, прежде чем погрузиться в наркоз⁶.

После покушения дни Портеса Хиль в правительстве были сочтены, так как Ортис Рубио верил, что именно бывший президент решил от него избавиться. Все это отвечало замыслам Кальеса, если не было их прямым результатом. Были сообщники и в президентском дворце: когда супруга президента решила ехать в закрытой машине вместо открытой, она ясно слышала, как кто-то рядом воскликнул: «Не удалось!»⁷

⁶ Medin T. El minimato presidencial: historia politica del Maximato 1928–1935. Mexico, 1982. P. 84

⁷ Medin T. El minimato presidencial: historia politica del Maximato 1928–1935. Mexico,

и выслана из страны Тина Модотти. Сидевшего в тюрьме Сикейроса неожиданно доставили в Национальный дворец, где начальник президентской гвардии генерал Лагос Часаро прямо в лоб спросил его, почему он так ненавидит президента. Узник ответил, что для него Ортис Рубио всего лишь шестеренка (и не самая важная) в социальной машине Мексики. И если она не будет вращаться куда надо, у нее сломаются зубцы. Аналогия была рискованной, и генерал мог не понять аллегории: во время покушения одна из пуль попала Ортису Рубио в рот и повредила зубы. Однако Часаро шутка понравилась, и он злорадно захихикал. Генерал сказал, что организаторы покушения установлены, а мексиканским коммунистам надо вернуться в лоно своей, национальной революции. К тому же это сильно поможет карьере Сикейроса как художника. Лидер коммунистов на сделку не пошел и был доставлен обратно в камеру⁹.

Позиции Портеса Хилья в результате покушения были серьезно подорваны. Теперь ничто не мешало приступить к его политическому демонтажу.

Уже на первом же заседании нового кабинета 20 марта 1930 года возник принципиальный конфликт между Портесом Хилем и Кальесом, который, собственно, вообще не имел права на этом заседании присутствовать. Кальес потребовал полностью прекратить аграрную реформу, так как она вносит беспорядок в национальную экономику и отпугивает инвесторов. По словам Портеса Хилья, именно в этот момент он решил, что Плутарко Кальес – человек, потерянный для революции¹⁰. Портес Хилья решился возразить «вождю» и заявил, что проводить реформу обязывает Конституция. Для Ортиса Рубио шаг назад в этом вопросе означал бы полную потерю престижа среди населения в первые же дни пребывания у власти. На запрос Портеса Хилья министр финансов Монтес де Ока ответил, что еще 15–20 тысяч деревень не получили землю.

По воспоминаниям Портеса Хилья, Кальес продолжил дискуссию в «напористом» тоне, заявив, что аргументация министра внутренних дел несерьезна и носит демагогический характер. Если распределение земель не будет прекращено, то мексиканскую экономику ждет катастрофа.

Позицию Кальеса поддержали министр финансов Монтес де Ока и Касуранк. Они в один голос говорили, что капиталу (прежде всего иностранному) нужны гарантии прав собственности.

Однако и Портес Хилья оказался в кабинете министров не в полном одиночестве: на его сторону встали министры промышленности и сельского хозяйства – Луис Леон и Мануэль Перес Тревиньо. Ортис Рубио, который как

⁹ Stein P. Siqueiros: his life and works. International Publishers and Co, 2004. P. 69

¹⁰ Portes Gil E. Autobiografia de la Revolucion Mexicana // www.antorcha.net/.../autobiografia/bibliografia.html

президент должен был подвести итог обсуждению столь принципиального вопроса и принять решение, только констатировал наличие различных точек зрения в правительстве.

25 апреля 1930 года правительство опять обсуждало аграрную реформу, и Кальес в ироничном тоне распространялся насчет радикализма Портеса Хилья. К тому времени, по мнению Портеса Хилья, Ортис Рубио стал склоняться на сторону латифундистов, и Сенат (парламент был радикальнее правительства), отражая растущее недовольство крестьянства, которое точно предсказал Макар, потребовал смещения главы Национальной аграрной комиссии Элпидио Родригеса.

Ортис Рубио обратился к Кальесу за разрешением убрать Портеса Хилья из правительства (якобы потому, что Портес Хиль был рекомендован в кабинет тем же Кальесом). Министр внутренних дел, дескать, высказывается по важным вопросам без ведома президента и ведет собственную игру в мексиканском конгрессе против правительства¹¹.

Кальес решил, что Портес Хиль не должен занимать ключевой пост в кабинете министров, и 22 апреля 1930 года бывший временный президент стал лидером НРП¹². На пост министра внутренних дел был назначен верный кальист Карлос Рива Паласио¹³. Таким образом, интрига «хефе максимо» полностью удалась: Ортис Рубио, совершив ошибку, сам убрал из кабинета человека, который мог бы противостоять влиянию Кальеса на правительство.

Обиженный Портес Хиль начал с удвоенной энергией интриговать против президента в палате депутатов и 2 мая 1930 года добился избрания на пост главы постоянной комиссии парламента своего сторонника, сместив креатуру Ортиса Рубио.

Большую активность проявил Портес Хиль и на посту лидера НРП, которую открыто называл «правительственной партией». «Мы не будем обманывать общественное мнение, как его обманывали в прежние времена, утверждая, что НРП – независимая партия. Совершив революцию, правительство нуждается в органе агитации и защиты, и НРП гордится тем, что является этим органом агитации и защиты правительства»¹⁴.

Аккумулировав огромные деньги путем установления обязательных отчислений в партийный фонд для всех государственных служащих, Портес

¹¹ Medin T. El minimato presidencial: historia politica del Maximato 1928–1935. Mexico, 1982. P. 87

¹² Тогдашний лидер НРП и бывший посол в СССР Вадиальо, по мнению Ортиса Рубио, был «аморфным» и с работой не справлялся.

¹³ В 1931 году он был вынужден подать в отставку, так как его обвиняли в контрабанде наркотиков в США.

¹⁴ См. речь Портеса Хилья от 27.05.1930 на сайте www.memoriapoliticademexico.org

Хиль решил с помощью этих средств развернуть широкую социальную работу и поднять тем самым свою популярность. Все госслужащие были застрахованы за счет средств НРП. Затем за счет партии было нанято некоторое количество врачей для оказания государственным служащим медицинской помощи. Странно только, что такими вещами занимался не сам работодатель – государство, а общественная организация.

На деньги НРП каждое воскресенье в 11.00 утра Портес Хиль предложил проводить одновременно по всей стране «культурные конференции», на которых все желающие смотрели бы музыкальные и песенные номера и решали местные вопросы. Несомненно, таким образом НРП хотела еще и отвлечь мексиканцев от посещения церквей. Лучшие «конференции» предполагалось передавать по радиостанции, которую партия собиралась приобрести.

Для рабочих НРП собиралась создать культурные центры, где после работы можно было бы послушать лекции, заняться спортом и музыкой, приобрести ремесленные навыки. Только в столичном федеральном округе в 1930 году планировалось учредить 5 таких центров.

В деревни НРП хотела направить так называемые амбулаторные социальные миссии. В каждую из них должны были входить пять учителей, чтобы научить крестьян читать и писать, и акушерка и медсестра, чтобы обучить сельских женщин мерам первой помощи и содействию при родах. К тому же в миссию входил преподаватель профессиональных ремесленных навыков, специализация которого должна была отвечать традиционным ремеслам в данной конкретной местности.

Наконец, на деньги НРП предполагалось создать Музей революции и Рабоче-крестьянский университет, для того чтобы готовить «организаторов» для профсоюзного и крестьянского движения. Таким образом НРП собиралась подмять под себя сохранившие независимость рабочие и крестьянские организации.

Чтобы подчеркнуть приверженность НРП демократическим принципам, Портес Хиль провозгласил, что выборы в Конгресс 1930 года будут последними, на которых НРП поддержит уже действующих депутатов. На следующих выборах будет проведена обязательная ротация, и в парламент придут новые люди.

Активная деятельность и амбиции Портеса Хиль не устраивали Кальеса, и, убрав бывшего президента из правительства, «хефе максимо» решил окончательно подорвать его авторитет, действуя через своего друга и смертельного врага Портеса Хиль, профессионального провокатора Моронеса. Лидер КРОМ выступил 9 июня 1930 года с сенсационным заявлением: будучи временным президентом, Портес Хиль якобы направил в Лос-Анджелес сотрудников Министерства внутренних дел, чтобы те убили Ортиса Рубио (на тот момент кандидата в президенты).

Ортис Руио отнесся к заявлению Моронеса более чем серьезно и направил в Лос-Анджелес полковника Хавьера Ордоньеса с целью расследования обстоятельств возможного заговора. Тот вернулся с пустыми руками. Однако слухи о заговоре Портеса Хиль продолжали исподволь запускаться в оборот, в том числе и людьми, близкими к президенту.

В этих условиях Портес Хиль решил поставить все точки над «i» и 10 июня 1930 года обратился к Ортису Рубио с официальным письмом, в котором просил президента публично высказаться насчет обвинений Моронеса. Копии послания были направлены министрам иностранных и внутренних дел. Все трое ответили «дорогому другу» Портесу Хилью, что никаких данных, подтверждающих версию Моронеса, не существует¹⁵.

13 июня сам Портес Хиль направил в газеты свою реакцию на обвинения Моронеса, подчеркнув, что больше в полемику с человеком такого рода вступать не будет. Тот, однако, продолжал открыто обвинять Портеса Хилья в причастности к возможному убийству Ортиса Рубио. Было понятно, что без санкции Кальеса сильно ослабленный «деморонизацией» КРОМ Моронес так напористо выступать бы не стал.

Вскоре он выступил с новой порцией «разоблачений», на сей раз обвинив Портеса Хилья в организации подрывного коммунистического движения на Кубе против тамошнего диктатора Мачадо.

Портес Хиль в долгу не оставался, что и нужно было Кальесу. В одной из своих речей лидер НРП назвал лидера КРОМ «политическим трупом» и самозванным «апостолом рабочего движения», который разбогател, используя занимаемые им государственные должности. Портес Хиль потребовал у Моронеса отчета о том, куда делись собранные с членов профсоюза деньги, предназначавшиеся для формирования уставного капитала банка КРОМ, который так и не был создан. Кроме того, Портес Хиль («мои руки не запачканы ни кровью, ни деньгами») обвинил Моронеса в создании в стране атмосферы ненависти, которая привела к убийству Альваро Обрегона.

В конце июля 1930 года, как вспоминал Портес Хиль, его политическое положение стало невыносимым из-за постоянных атак членов правительства, близко стоявших к Кальесу (Рива Паласио, Монте де Ока, Пуиг Касауранк).

В этих условиях Портес Хиль не хотел служить вывеской для «хефе максимо», дисциплинируя все еще довольно неоднородную НРП. Опираясь на депутатов из ее числа, он прибирал к рукам Конгресс, который становился центром оппозиции правительству. В палате депутатов ходили упорные слухи о предстоящей отставке президента. Кальист Пуиг Касауранк докладывал Кальесу, что динамичный и амбициозный Портес Хиль превратил

¹⁵ Portes Gil E., Autobiografía de la Revolución Mexicana // www.antorcha.net/.../autobiografia/bibliografia.html

НРП в силу, представляющую угрозу для главы государства. В данном случае Кальес решил стать на сторону слабого Ортиса Рубио и сместить Портеса Хиль с поста лидера правящей партии.

Тому ничего не оставалось, как уйти в отставку добровольно. Повод представился после ужасных даже с точки зрения тогдашней мексиканской действительности событий в городке Топилехо, штат Пуэбла, недалеко от столицы. Еще в январе 1930 года, когда Портес Хиль был временным президентом, полиция арестовала в Мехико 18 молодых сторонников Васконселоса. Их подвергли жестоким пыткам, включая симуляцию расстрела, и на армейских грузовиках отвезли в окрестности Топилехо, где заставили выкопать собственные могилы. Затем васконселисты были повешены и в спешке захоронены¹⁶. 9 марта их могилы случайно обнаружил местный крестьянин.

Странно, что Портес Хиль решил использовать эти события для критики правительства в августе 1930 года. Ведь до этого он привел НРП (которую открыто назвал «правительственной партией») к победе на выборах в Конгресс. 5 октября 1930 года Ортис Рубио неожиданно даже для Кальеса назначил своего человека Эрнандеса Часаро начальником столичного округа, возглавлявшего в Мексике по должности всю полицию. На кальистов это известие произвело эффект разорвавшейся бомбы. Портес Хиль предпочел не только сложить полномочия лидера НРП, но и уехать из Мехико в свой родной штат Тамаулипас, видимо, опасаясь за свою жизнь. Из Тампико Портес Хиль попросил Кальеса срочно назначить его послом во Францию. «Хефе максимо» возражать не стал, и в октябре 1930 года Портес Хиль покинул Мексику.

Лидером НРП стал земляк Ортиса Рубио, уроженец штата Мичоакан генерал Ласаро Карденас, отличившийся при подавлении мятежа Эскобара и считавшийся в то время одним из самых преданных «хефе максимо» людей. Тогда Карденас считал Кальеса «главным представителем мексиканской революции». В свою очередь, Кальес полагался на Карденаса, протежируя его армейскую карьеру. Во время октябрьского кризиса 1930 года Карденас писал Кальесу, что только он может разоблачить козни врагов революции и предотвратить катастрофу страны¹⁷. Через 6 дней после того, как он написал это письмо, Карденас был назначен лидером НРП.

Новый лидер правящей партии заявил, что его задачей является оказание всяческой поддержки президенту республики. Немедленно успокоились и депутаты в палате представителей, выразив готовность работать рука об руку с правительством. Из парламента были удалены «красные» – сторонники

¹⁶ Buchenau J., Beezley W. H. State governors in the Mexican Revolution 1910–1952. Rowman and Littlefield Publishers Inc, 2009. P. 160–161

¹⁷ Medin T. El minimato presidencial: historia politica del Maximato 1928–1935. Mexico, 1982. P. 94

Портеса Хиля, которые протестовали против нового соглашения об обслуживании мексиканского внешнего долга, заключенного в июле 1930 года в США. Из названия партийной газеты «Эль Насиональ Революсионарио» убрали последнее слово, и «Национальная» газета стала без удержу славословить «верховного вождя» Кальеса. В стране явно наметился поворот в сторону более консервативной, охранительной политики.

Таким образом, в течение 1930 года Кальес руками Ортиса Рубио добился устранения с политической арены Мексики Портеса Хиля, который стал слишком самостоятельным и вышел из-под контроля верховного вождя революции. Но если кризис осени 1930 года был скорее спровоцированной Кальесом бурей в стакане воды, то в том же году Мексика почувствовала жестокий удар настоящего кризиса – мировой экономической депрессии.

Еще при диктатуре Диаса Мексика превратилась в страну, ориентированную на вывоз минерального сырья и сельскохозяйственных технических культур в США. Революция в этом отношении ничего не изменила. Наоборот, если в последние годы правления Диаса правительство Мексики пыталось переориентировать внешнюю торговлю хотя бы частично на Европу, то при революционных правительствах доминирование американцев в мексиканской экономике стало безусловным, причем многие лидеры революции, включая Обрегона, непосредственным образом участвовали в коммерческих гешефтах с янки.

Пока американская экономика переживала в 20-е годы эру «процветания», рос и объем мексиканской внешней торговли. Все изменилось после краха на нью-йоркской бирже в октябре 1929 года. ВВП США стал сокращаться стремительными темпами, увлекая в пропасть экономику южного соседа.

В 1929 году объем мексиканского экспорта, который практически полностью шел в США, составлял 590 миллионов песо, в 1930 – лишь 459 миллионов. В 1931 году вывоз сократился до 399 миллионов песо¹⁸. Особенно пострадал экспорт металлов, на который в 1930 году приходилось 323 миллиона песо. Если в 1928 году Мексика вывезла за границу 1972 тонны серебра (по добыче этого металла страна занимала первое место в мире), то в 1930 – только 1837 тонн¹⁹.

Вторым основным источником бюджетных поступлений для мексиканского правительства были добыча и экспорт нефти, которые осуществляли иностранные компании. Добыча «черного золота» сокращалась уже начиная с 1921 года, когда американцы стали интенсивно разрабатывать нефтяные месторождения в других странах, прежде всего в Венесуэле. Кризис, сократив спрос, только усугубил эту неблагоприятную тенденцию. В 1928 году

¹⁸ Очерки новой и новейшей истории Мексики. М., 1960. С. 371

¹⁹ Шульговский А. Ф. Мексика на крутом повороте своей истории. М., 1967. С. 26

в Мексике было добыто 45 миллионов баррелей сырой нефти, в 1930-м – 40 миллионов, а в 1931 году – 33 миллиона.

Еще более сильный удар мировой кризис нанес по производству цветных металлов, которые ранее охотно потребляло американское автомобилестроение. В 1929 году в Мексике было выплавлено 80 тысяч тонн меди, в 1931-м – уже только 54 тысячи, а в 1932-м (пик кризиса в США) – 35 тысяч.

Резко сократился экспорт свинца: с 248 500 тонн в 1929 году до 118 700 тонн в 1933-м.

В целом в 1929–1932 годах мексиканская внешняя торговля упала на две трети.²⁰ ВВП Мексики сократился за этот период на 16%²¹. Причем уже в первый год кризиса – то есть в 1930 году – он упал на 12,5%. Только спустя пять лет мексиканский ВВП смог вернуться на докризисный уровень.

Это, в свою очередь, не замедлило сказаться на рынке труда: в Мексике стала сильно расти безработица. В 1930 году официально были зарегистрированы 90 тысяч безработных, а годом позже – уже 287 тысяч. В 1932 году работы не имели 340 тысяч мексиканцев. Проблему усугубило то, что США, приняв специальный закон, фактически стали выдворять из страны мексиканских гастарбайтеров. В Мексику из США вернулись 300 тысяч человек.

Но если безработных в промышленности хотя бы регистрировали, то сельскохозяйственных рабочих, лишившихся заработка, вообще никто не считал. Между тем только посевная площадь под важнейшей экспортной культурой – хлопком сократилась с 203 тысяч га в 1928 году до 77 тысяч га в 1932 году²².

Как ни странно, удар мирового экономического кризиса смягчило то обстоятельство, что мексиканская экономика была еще очень отсталой. Большинство крестьян и ремесленников работали на себя, и лишь немногие – на внутренний рынок. Аграрная реформа, в ходе которой возникло много малоземельных хозяйств, только усилила эту тенденцию. В экспортном секторе экономике 3% занятых от общего числа промышленных рабочих производили две трети экспортной продукции. К тому же цены на серебро и нефть упали на мировом рынке не так сильно, как стоимость других сырьевых товаров.

Тем не менее падение производства и сокращение занятости естественно вели к снижению реальной заработной платы. Это снижение отмечалось уже начиная с 1927 года, и кризис только усугубил ситуацию. Например,

²⁰ Mexico since Independence. Edited by Leslie Bethell. Cambridge University Press, 1998. P. 246

²¹ The Cambridge History of Latin America. Volume VII. Edited by Leslie Bethell. Cambridge University Press, 1990. P. 9

²² Очерки новой и новейшей истории Мексики, М., 1960. С. 373

британская нефтяная компания «Мексикэн Игл» («Эль Агила») на своих предприятиях в Тампико снизила зарплату на 20–40%. Вынуждены были смириться с простоями и сокращением заработной платы и текстильщики Орисабы. В Лагуне, главном центре мексиканского хлопководства, ориентированном на США, в 1931 году было 7397 безработных, а в 1932 году – 13 026²³.

Особенно сильно от кризиса пострадали сельскохозяйственные рабочие. В 1928 году их средняя дневная заработная плата достигла 1,08 песо, но затем начала снижаться и в 1931 году не превышала 0,69 песо.

Первоначально правительство Мексики даже обрадовалось кризису, так как многие думали, что он ограничится чисто финансовой сферой и затронет только западные фондовые биржи. В первой половине 1930 года этот прогноз, казалось, подтверждался. В США ощущалась острая нехватка ликвидности для реальной экономики. Англия прекратила обслуживать свои военные долги по отношению к американским банкам.

Мексиканское правительство, опасаясь дальнейшего сокращения доходов от экспорта, было вынуждено девальвировать национальную валюту с 2,648 песо за доллар в 1931 году до 3,498 песо за доллар в 1933-м.

В этих условиях министр финансов Монтес де Ока с санкции Кальеса в 1930 году решил выступить с предложением о новом урегулировании проблемы внешнего долга страны. Как мы помним, базовое соглашение по этому вопросу было подписано министром финансов де ла Уэртой с Международным банковским комитетом (представлявшим иностранные банки – кредиторов Мексики) в 1922 году. Оно установило общую сумму мексиканского внешнего долга и обязанность правительства Мексики его погашать. Однако уже в 1923 году из-за мятежа того же де ла Уэрти правительство Обрегона приостановило обслуживание долга. При Кальесе в 1925 году соглашение 1922 года было модифицировано: из общей суммы внешнего долга был выведен долг железных дорог, который стал внутренним.

Большая часть мексиканского внешнего долга представляла собой облигации, выпущенные в разное время разными мексиканскими правительствами и гарантированные иностранными банками. Часть облигаций была обеспечена экспортными доходами Мексики, часть – только гарантиями западных банков по отношению к частным инвесторам, приобретавшим эти облигации.

Помимо внешнего «облигационного» долга Мексика была вынуждена пойти на создание смешанных комиссий с ведущими западными странами (в частности, с США, Германией и Великобританией), которые рассматривали претензии граждан этих стран по ущербу, причиненному их имуществу в Мексике в годы революции.

²³ Шульговский А. Ф. Мексика на крутом повороте своей истории. М., 1967. С. 28

Наконец, существовала и третья группа обязательств Мексики, формально внешним долгом не являвшаяся, но фактически ставшая основным предметом внимания и давления со стороны правительства США. Речь идет об обязательстве правительства Мексики компенсировать собственникам стоимость земель, конфискованных у них в ходе аграрной реформы. Среди такого рода собственников было много граждан США, в то время как среди владельцев облигаций мексиканского внешнего долга большинство составляли граждане европейских стран.

Посол США в Мексике Морроу все время давил на Кальеса и Монтеса де Оку, чтобы собственникам земель были выплачены «живые деньги» (до этого времени мексиканское правительство расплачивалось с помещиками облигациями). Это и вызвало спор между Кальесом и Портесом Хилем в конце 1928 года, когда Монтес де Ока предложил направить на компенсацию «жертвам» аграрной реформы 10 миллионов песо. «Друг» Мексики Морроу сообщал в госдепартамент, что раз у Мексики есть средства на строительство школ и дорог, то оно должно наконец компенсировать и ущерб гражданам США, потерявшим земли в ходе аграрной реформы.

Такая позиция полностью поддерживалась государственным департаментом США, но не устраивала Международный банковский комитет, который, естественно, предпочитал, чтобы Мексика сначала погасила облигации внешнего долга.

В 1928 году Международный банковский комитет направил в Мексику экспертов для изучения финансового положения страны. Эксперты предложили, чтобы Мексика существенно сократила военные расходы, полностью прекратила строительство автодорог и плотин (в условиях засушливого климата на части территории страны ирригация была вопросом жизни и смерти для сельского хозяйства) и сократила до минимума расходы на образование. В этом случае можно было бы получить с Мексики в счет уплаты внешнего долга по 30 миллионов песо в год с постепенным увеличением этой суммы до 70 миллионов в 1932 году.

Однако в 1928 году мексиканцы опять объявили мораторий на обслуживание внешнего долга. Но начало мирового финансового кризиса побудило Монтеса де Оку взять инициативу в свои руки. Мексиканское правительство предложило Международному банковскому комитету сократить общую сумму долга в обмен на начало его обслуживания (то есть провести реструктуризацию долга). В дополнение к этому правительство Мексики обязалось прогарантировать уже всю сумму нового долга доходами от своего экспорта.

Монтес де Ока воспользовался тем, что всю первую половину 1930 года «проконсул» Морроу отсутствовал в Мехико, и решил начать переговоры с Международным банковским комитетом в обход посольства США и госдепартамента.

Международный банковский комитет (по-прежнему возглавлявшийся представителем банкирского дома Моргана Ламонтом) с готовностью ухаживал за предложением мексиканцев: у западных банков, входивших в комитет, из-за начавшегося кризиса не было денег, и они согласились на уступки.

В результате непродолжительных переговоров в Нью-Йорке Ламонт и Монтес де Ока 25 июля 1930 года подписали новое соглашение по обслуживанию внешнего долга Мексики. Общая сумма долга устанавливалась в 267 493 240 долларов и подлежала погашению в течение 45 лет при процентных ставках в 3–5% годовых. Накопившиеся проценты за прошлые периоды, составлявшие примерно такую же сумму, как и сам новый внешний долг, были практически полностью списаны: Мексика должна была выплатить по ним только 11,755 миллиона долларов. Мексика обязалась первоначально уплачивать в счет погашения долга по 12,5 миллиона долларов ежегодно (затем эта сумма повышалась) и выплатить немедленно после подписания соглашения 5 миллионов долларов в счет погашения процентов²⁴. Следует подчеркнуть, что все платежи должны были осуществляться в золотых долларах, в то время как валюта Мексики, песо, имела в то время серебряный паритет. Все долги Мексики отныне гарантировались доходами от мексиканского экспорта (которые в первой половине 1930 года еще не сокращались).

Вернувшийся в Мексику Морроу понял, что его обвели вокруг пальца, и начал активную борьбу против ратификации соглашения.

В беседе с Ортисом Рубио он подчеркнул, что любое соглашение должно касаться всех держателей облигаций, а Международный банковский комитет обслуживал в основном интересы европейцев. Ортис Рубио был вынужден пообещать, что внесет на ратификацию только всеобъемлющее соглашение по долгу, частью которого будет соглашение Монтес де Ока – Ламонт.

Однако главной причиной резкого несогласия Морроу с соглашением было то, что в США хотели первоочередного обслуживания Мексикой претензий американцев, пострадавших в годы революции, прежде всего от аграрной реформы. Общая сумма претензий такого рода, которые рассматривала совместная американо-мексиканская комиссия, достигала 100 миллионов долларов.

Морроу опасался, что мексиканцы теперь будут отказывать в удовлетворении ущерба со ссылкой на заключенное соглашение об обслуживании внешнего долга. Между Морроу и Ламонтом завязалась довольно резкая по тону переписка, в которой оба ссылались на «философские» различия своих позиций. В конце концов, Морроу решил, что правительство Мексики следует признать банкротом, как поступили англичане с Египтом в XIX веке. Аналогия эта для Мексики была крайне опасной: ведь за признани-

²⁴ Vázquez J. Z., Meyer L. The United States and Mexico. Chicago, 1995. P. 140

ем Египта банкротом последовала оккупация английскими войсками этой страны под предлогом обеспечения обслуживания внешнего долга. Мексика уже проходила нечто подобное в 1861–1867 годах, и тогда иностранная интервенция стоила стране десятков тысяч потерянных жизней.

Особенно возмутило «проконсула» то обстоятельство, что, когда он встречался в конце июня в Нью-Йорке с Монтесом де Ока (Морроу считал министра финансов Мексики чуть ли не своим учеником), тот твердо пообещал учитывать в соглашении интересы всех держателей облигаций, включая и тех, кого не представлял Международный банковский комитет²⁵. Получалось, что ученик просто-напросто обманул своего учителя.

Морроу пытался побудить госдепартамент торпедировать соглашение Монтес де Ока – Ламонт и заставить Мексику признать убытки американских граждан за годы революции частью суверенного внешнего долга страны.

При этом посольство США исходило из того, что Мексика все равно не погасит заявленные требования о компенсации ущерба в полном объеме. Практика работы совместной германо-мексиканской комиссии по оценке ущерба немецких граждан в годы революции показывала, например, что Мексика изъявила готовность выплатить только 7,65% от первоначально заявленной немцами суммы убытков. Поэтому посольство предлагало перед ратификацией соглашения Монтес де Ока – Ламонт мексиканским Конгрессом или одновременно с ней заставить Мексику признать обязательство о выплате как минимум 12,5 % от стоимости заявленного ущерба в отношении граждан США²⁶.

«Друг» Мексики Морроу (человек, по мнению Портеса Хия, очень культурный и вежливый, в отличие от советского полпреда Макара) в донесениях в госдепартамент выражал возмущение уступками Ламонта мексиканскому правительству. Если по соглашению 1922 года Мексика должна была уплатить банковскому комитету в 1928–1931 годах примерно 240 миллионов песо золотом (золотое песо равнялось тогда одному доллару США), то в 1928 году Монтес де Ока предлагал уплатить примерно 71 миллион песо в 1929–1931 годах. Теперь и эта сумма резко сокращалась: до 1 января 1932 года Мексика соглашалась уплатить 25 миллионов песо золотом, что и было зафиксировано в соглашении от 25 июля 1930 года.

6 октября 1930 года госсекретарь США направил Ламонту официальный меморандум, в котором критиковал его соглашение с Монтесом де Окой как ущемляющее интересы других категорий лиц, имеющих материальные претензии к мексиканскому правительству за счет преференциального отношения только к держателям мексиканских государственных облига-

²⁵ Foreign Relations of the United States. Volume III, 1930. P. 462

²⁶ Foreign Relations of the United States. Volume III, 1930. P. 463

ций²⁷. Госдепартамент США подчеркивал, что «особенно заинтересован» в удовлетворении ущерба граждан США в рамках совместной американо-мексиканской комиссии (продление срока деятельности которой на два года США выбили из Мексики в 1929 году в качестве платы за поддержку Кальеса в ходе мятежа Эскобара). Соглашение 1930 года может привести к тому, что «помешает» аллокации финансовых ресурсов для этой категории лиц. В этом случае госдепартамент не будет соблюдать положений соглашения Монтес де Ока – Ламонт.

Морроу продолжал давить на Ортиса Рубио с тем, чтобы тот не вносил на ратификацию в Конгресс соглашение от 25 июля 1930 года без его соответствующей доработки. Деятельность Морроу привела к тому, что мексиканский посол в США Тельес на беседе с заместителем госсекретаря Коттоном 5 ноября 1930 года фактически выразил протест против вмешательства США во внутренние дела Мексики²⁸. Ведь Мексика считала возмещение ущерба от аграрной реформы всем гражданам, а не только иностранцам, внутренним делом и противилась тому, чтобы этот вопрос был увязан с внешним долгом страны, как этого хотел Морроу.

В конечном итоге напористость Морроу сыграла с американцами дурную шутку. В январе 1931 года мексиканское правительство и Международный банковский комитет договорились отсрочить платежи по соглашению 1930 года на два года.

Дело в том, что с конца 1930 года мировой финансовый кризис уже перерос в экономический и из союзника Мексики превратился в опасного врага. Курс мексиканского серебряного песо (в этой валюте собирались таможенные пошлины, предназначавшиеся на уплату внешнего долга) непрерывно падал по отношению к обеспеченному золотом доллару США (именно в таких долларах путем конвертации в них серебряных песо и должны были осуществляться платежи по внешнему долгу), поскольку на мировых рынках снижалась стоимость самого серебра, в то время как цена на золото только росла.

Так, согласно курсу июля 1930 года при обмене серебряных песо на золотые для получения 12,5 миллиона (то есть для первого годового платежа по соглашению от 25 июля 1930 года) правительство Мексики теряло на конвертации 600–700 тысяч песо. В декабре 1930 года потери составили бы уже 2,5 миллиона.

К тому же Монтес де Ока жаловался Ламонту на растущую оппозицию в Конгрессе против любой выплаты долга иностранным кредиторам в сложную для Мексики эпоху мировых экономических потрясений. Его, Монтеса де Оку, и так величают в парламенте «марионеткой Уолл-Стрит»²⁹.

²⁷ Foreign Relations of the United States. Volume III, 1930. P. 490–492

²⁸ Foreign Relations of the United States. Volume III, 1930. P. 492–493

²⁹ Новый посол США в Мексике Ройбен Кларк 2 декабря 1930 года, передавая в

В 1932 году, на пике мирового экономического кризиса, Мексика приостановила обслуживание своего внешнего долга на неопределенный срок.

Поражение Морроу в его борьбе с Международным банковским комитетом стало его лебединой песней на посту посла США в Мексике. Он покинул страну, чтобы занять кресло в Сенате США.

3 октября 1930 года новым послом Америки в Мехико был назначен родившийся в 1871 году Джошуа Ройбен Кларк, мормон, не имевший нормального высшего образования. Став адвокатом, Ройбен Кларк с 1910 года служил главным юристом госдепартамента и на этом посту отсудил у Китая 1 миллион долларов. О взглядах юриста Ройбена Кларка красноречиво свидетельствует название одной его работы того периода: «Меморандум о праве защищать граждан иностранных государств путем вторжения вооруженных сил». В 1928 году при республиканце Кулидже Кларк стал заместителем государственного секретаря и опубликовал на этом посту сочинение в защиту доктрины Монро.

Назначение послом апологета американской интервенционистской политики не сулило стране ничего хорошего, хотя и Морроу никаким другим Мексике не являлся, что и показала со всей очевидностью его позиция по проблеме мексиканского внешнего долга.

Помимо долга одной из основных проблем мексиканско-американских двусторонних отношений было положение мексиканцев в США. К концу 20-х годов к северу от Рио-Гранде работали примерно 1 миллион граждан Мексики (все население страны составляло на тот момент около 15 миллионов человек). До наступления мирового кризиса в 1929 году американцы смотрели на это сквозь пальцы, так как мексиканцы охотно выполняли самую низкооплачиваемую и непрестижную работу, в основном в сельском хозяйстве. Например, в Калифорнии в 20-е годы две трети из всех 200 тысяч сельскохозяйственных рабочих были мексиканцами.

Согласно переписи 1940 года в США проживали 1,42 миллиона человек мексиканского происхождения, 805 тысяч из которых родились на территории США, то есть имели американское гражданство по рождению.

В 1930 году власти США перед лицом растущей безработицы стали предлагать мексиканцам «добровольно» покинуть страну. Уже в этом году на родину вернулись 70 тысяч граждан Мексики, в 1931 году – 125 тысяч,

госдепартамент содержание своей беседы с мексиканским министром финансов, искренне полагал, что термин «марионетка Уолл-Стрит» используется мексиканцами просто по незнанию: они-де думают, что большинство владельцев облигаций мексиканского долга – американцы (а на самом деле это европейцы, не имеющие к Уолл-Стрит никакого отношения). Трудно представить, до какой степени надо было заблуждаться относительно настроения мексиканцев по отношению к США, чтобы делать такие наивные предположения.

годом позже – еще 80 тысяч³⁰. На самом деле никакой «добровольности» для мексиканцев не было. Полиция проводила рейды, отлавливала эмигрантов (многим даже не разрешали брать с собой никаких вещей) и после краткого пребывания в тюрьме отправляла поездом на родину, где их никто не ждал.

В июне 1931 года начальник иммиграционной службы Лос-Анжелеса Уолтер Карр в докладной начальству не без гордости сообщал, что «тысячи и тысячи мексиканских чужестранцев» были «буквально выдавлены страхом из Южной Калифорнии»³¹.

Некоторых мексиканцев хватали прямо в больницах и лишали тем самым медицинской помощи. Власти штатов и частные компании отказывались нанимать их на работу.

Всего за время кризиса такими методами американцы выдавили из страны примерно 400 тысяч мексиканцев³².

Тысячи мексиканцев жили в лагерях, созданных для сельскохозяйственных рабочих, в том числе и специально эмигрантов из Мексики, Администрацией США по защите фермеров (US Farm Security Administration). Подчас только в этих лагерях безработные мексиканцы могли найти крышу над головой, пищу и, не в последнюю очередь, защиту от посягательств на свое здоровье со стороны местных джингоистов (шовинистов – прим. ред.), обвинявших их во всех экономических неурядицах США. Для мексиканца того времени в США шанс подвергнуться расово мотивированному нападению был примерно таким же, как для негра где-нибудь в Алабаме. На помощь судов и полиции на расистском Юге Соединенных Штатов рассчитывать не приходилось.

Мексиканское правительство ничего не могло или не хотело сделать в защиту своих соотечественников.

Внешнеполитическая ситуация Мексики того периода осложнялась еще и тем, что теперь трудно было компенсировать американское политическое и экономическое влияние в стране за счет других государств, как до Первой мировой войны. Германия была разгромлена в военном плане и сильно истощена в финансовом. Разоренная войной Франция сама фактически попала в долговую кабалу к США. Отношение же традиционного конкурента США в Мексике – Великобритании – к мексиканской революции было резко негативным. В конце 20-х годов британская колония в Мексике насчитывала 4632 человека, и большинство из них не скрывали своей ностальгии по временам Порфирио Диаса, который в последний

³⁰ Vázquez J. Z., Meyer L. The United States and Mexico. Chicago, 1995. P. 141

³¹ http://www.usatoday.com/news/nation/2006-04-04-1930s-deportees-cover_x.htm

³² По оценкам некоторых американских сенаторов, в 1930–1935 годах США покинули 359 839 мексиканцев

период своего правления активно поддерживал английских инвесторов в пику американцам³³.

В Лондоне не любили Обрегона как лидера ненавистной революции, но его убийство справедливо расценили как начало нового периода внутриполитической нестабильности в Мексике. Именно из соображений поддержания стабильности в Мексике Великобритания не стала оказывать поддержку мятежу генералов весной 1929 года – Кальес представлялся Форин-офис меньшим из двух зол. Британских инвесторов особенно раздражали губернаторы Веракруса и Тамаулипаса Техеда и Портес Хиль, которые в спорах рабочих с предпринимателями, как правило, поддерживали первых. Например, британское посольство в Мехико считало Портеса Хиль «персоной крайне неприятной, одной из самых плохих фигур мексиканской политики».

В 1931 году посольство Великобритании в Мехико пришло к пессимистическому выводу, что Мексика перестает быть цивилизованной страной и возвращается к языческому доиспанскому прошлому (а не идет к коммунизму, как считали многие оболваненные западными СМИ английские обыватели).

Взгляды мексиканских дипломатов в Лондоне на роль Великобритании в мире после Первой мировой войны были еще более пессимистичными, хотя и более верными, чем оценки их британских коллег. В декабре 1930 года мексиканское посольство в Великобритании сообщало, что хотя Англия все еще остается великой державой, распад ее колониальной империи неизбежен: «...англичане не отдадут себе отчет в том, что XX век не является ни веком их индустриального апогея, ни их военной славы». Отсюда следовал логичный вывод: делать ставку на Лондон против Вашингтона не имеет никакого смысла.

Мировой экономический кризис первоначально наиболее сильно ударил по США и поэтому привел к временному росту британских капиталовложений в Латинскую Америку (они достигли объема в 1,2 млрд фунтов стерлингов) на фоне сокращавшихся американских инвестиций. Однако к Мексике эта тенденция не относилась: после революции англичане не хотели наращивать свой капитал в стране и только пытались сохранить то, что уже имели.

Как и американцев, Великобританию прежде всего интересовала компенсация ущерба ее подданным, пострадавшим от событий мексиканской революции. Во время работы смешанной британско-мексиканской комиссии по ущербу в 1928–1932 годах англичане предъявили претензий на 250 миллионов песо, хотя мексиканцы считали, что они завышены примерно

³³ О позиции Великобритании по отношению к Мексике в описываемый период см. Meyer L. Su Majestad britanica contra la Revolucion Mexicana, 1910–1950: el fin de un imperio informal. Mexico, 1991

в два раза. В результате Мексика согласилась выплатить всего 3,8 миллиона песо. Но уже в 1932 году, ссылаясь на кризис, мексиканцы предложили осуществить платеж не наличными, а облигациями. Англичане отказались, и в результате новых переговоров был достигнут компромисс: начиная с 1936 года Мексика ежегодно выплачивала Великобритании 345 тысяч песо.

Английские банки были и членами Международного банковского комитета Ламонта. На британских держателей облигаций приходилось 34,7 миллиона фунтов стерлингов мексиканского внешнего долга и еще 106 миллионов долга мексиканских железных дорог. Англичане постоянно давили на Ламонта, чтобы он не допускал слишком больших уступок по отношению к Мексике, на что тот и жаловался Морроу. В 1933 году недовольные Ламонтом английские держатели облигаций создали собственный комитет по переговорам с Мексикой (*The British Committee of Mexican Bondholders*), который представлял интересы владельцев мексиканских облигаций примерно на 6 миллионов фунтов стерлингов.

Не меньше чем американцы, страдали британские предприниматели и от аграрной реформы. Например, только семья Руль потеряла в 1934 году 900 гектаров. Губернатор Соноры Кальес (сын «верховного вождя») в 1932–1933 годах по явно националистическим соображениям изгнал из штата как «нелегалов» 40 фермеров индийского происхождения (в то время – подданных Великобритании).

В этих условиях английские инвестиции в Мексике не увеличивались – из британских капиталовложений в Латинской Америке на нее приходилось всего 16%. Проценты на вложенный капитал были просто смехотворными – 0,8% годовых без всяких перспектив улучшения ситуации³⁴. Тем не менее, англичане прочно удерживали второе место по инвестициям в нефтедобычу: в 1928 году из совокупного объема всех капиталовложений в нефтяной сектор в размере примерно 1 млрд песо на США приходилось 600 миллионов (57,7%), на Великобританию – 354,8 миллиона (33,8%), а на Германию – только 71,2 миллиона (6,7%). Следует отметить также, что еще во времена Диаса в руках английских компаний оказались месторождения с более качественной нефтью, чем у их американских конкурентов.

По сравнению с США незначительной была и доля Англии в мексиканской внешней торговле. В начале 30-х годов мексиканцы закупали в Англии товаров на 1–2 миллиона фунтов стерлингов в год (7–8% всего импорта). Во время кризиса, который привел к росту протекционизма в мировой торговле и отказу Англии от золотого стандарта фунта стерлингов, дела во

³⁴ Норма прибыли американских нефтяных компаний в Мексике, по их собственным данным, составляла в 1934 году 16,53%, в то время как непосредственно в самих США – 2,2%. Григорьева З.К. Иностранный капитал в экономике Мексики. М., 1976. С. 31

взаимной торговле еще более ухудшились. В 1936 году на Великобританию приходилось всего 4,5% мексиканского импорта, и она даже ликвидировала должность атташе по торговле в своем посольстве в Мехико.

Итак, Англия в начале 30-х годов была настроена по отношению к Мексике еще более враждебно, чем США, причем именно по идеологическим соображениям – из-за неприятия революционных преобразований в стране.

Япония, с которой флиртовали как Диас, так и революционные правительства 20-х годов, в 1931 году совершила нападение на Китай, прочно увязла в войне на азиатском континенте и тоже не могла соперничать с США в Латинской Америке.

Таким образом, прервав в 1930 году под явно надуманным предлогом дипломатические отношения с СССР, Мексика оказалась один на один с США без надежного друга и союзника.

Довольно отчаянным выходом из опасного внешнеполитического окружения Мексики стала так называемая доктрина Эстрады, названная по имени министра иностранных дел страны Хенаре Эстрады. Доктрина Эстрады официально являлась основой мексиканской внешней политики до 2000 года.

27 сентября 1930 года Эстрада разослал в мексиканские посольства за рубежом циркуляр, в котором сформулировал новое понятие суверенитета государств применительно к внешней политике Мексики. До 1930 года Мексика признавала только те правительства зарубежных стран, которые отвечали воле тамошнего народа. Именно исходя из этого постулата Портес Хиль отказался признать марионеточное правительство Монкады в Никарагуа, пришедшее к власти в результате военного переворота и державшееся против воли народа на американских штыках. Теперь же согласно доктрине Эстрады суверенным правом каждой страны являлась существующая там форма правления, и непризнание Мексикой этого факта отныне характеризовалось бы как вмешательство во внутриполитические дела той или иной страны.

Эстрада сформулировал свою доктрину в целях самообороны – ведь многие за рубежом (и многие в самой Мексике) считали мексиканские выборы фарсом. Исходя из этого, у иностранных правительств мог появиться соблазн признать какого-нибудь оппозиционного кандидата на президентский пост, который заявит, что именно он стал победителем при голосовании (как это уже сделал Васконселос в 1929 году). Теперь Мексика как бы говорила всему миру – не вмешивайтесь в наши внутренние дела, а мы закроем глаза на то, что происходит у вас.

В случае насильственной смены власти в иностранном государстве единственной реакцией Мексики, как это было и ранее, должно быть только сохранение или отзыв мексиканских дипломатов из этой страны, но ни в коем

случае не вмешательство на стороне той или иной противоборствующей группировки.

Такая линия фактически обрекала на поражение патриотов Сандино, которым Мексика прежде оказывал прямую военную помощь.

В 1931 году, когда Япония напала на Китай, многим в мире стало понятно, что надвигается новая мировая война. Именно действия Японии в Маньчжурии пробудили США в 1933 году признать ненавистное большевистское правительство в России как будущего союзника в борьбе против Страны восходящего солнца.

Свои выводы сделала и Мексика. После окончания Первой мировой войны ее не пригласили в Лигу наций, которая должна была стоять на страже международного мира. Говорили, что президент США Вильсон, когда ему показали список возможных учредителей лиги, лично вычеркнул Мексику³⁵. Тогдашний президент Мексики Карранса и его преемники тоже не рвались в Лигу наций, так как щепетильно относились к любым попыткам ограничения национального суверенитета, к чему неизбежно вели обязательства в международной организации.

Но в 1931 году ситуация в мире была иной, и Мексика приняла приглашение присоединиться к Лиге наций, которое было высказано ее ассамблее единогласно. Одним из членов делегации Мексики на заседании Ассамблеи Лиги наций был министр иностранных дел Эстрада, а возглавил ее Портес Хиль, который в своем выступлении отметил, что гарантией миролюбия Мексики является борьба за улучшение жизни трудящихся классов. Портес Хиль с гордостью вспоминал, что говорил по-испански, и это был первый раз, когда великий язык Сервантеса звучал в стенах Ассамблеи Лиги наций.

Однако помимо престижа членство в Лиге наций не давало Мексике никаких гарантий против вмешательства в свои внутренние дела. Беззубость этой организации стала ясна уже в 1931 году, когда лига ничего не сделала, чтобы наказать японских агрессоров.

Внутренняя политика Мексики в конце 1930-го – 1931 году развивалась на фоне скрытой борьбы между Кальесом, стремящимся утвердить свое неформальное, но прочное лидерство в стране, и Ортисом Рубио, который хотел постепенно освободиться от опеки «вождя революции».

Тактику Кальес уже отработал: в стране провоцировался очередной мини-кризис, в условиях которого, естественно, было необходимо сплочение всех членов «революционной семьи» вокруг «хефе максимо».

В ноябре 1930 года в Мексике отмечали 20-ю годовщину начала революции Мадеро. В Национальной библиотеке состоялась конференция, в которой приняли участие многие политики того периода, в частности, быв-

³⁵ Portes Gil E. Autobiografía de la Revolución Mexicana // www.antorcha.net/.../autobiografia/bibliografia.html

ший министр финансов при Каррансе Кабрера и бывший лидер аграристов Сото-и-Гама. Кабрера заявил (и его слова напечатали газеты), что революция провалилась, поскольку не дала стране политических свобод: «У нас нет юстиции, нет свободы прессы, нет свободных муниципалитетов, нет суверенитета штатов... У нас нет международного суверенитета...»³⁶ Добавив к перечню отсутствие экономической независимости, Кабрера обвинил во всем этом «нездоровые элементы», оказывающие пагубное влияние на правительства. Намек на Кальеса был более чем очевидным.

Такого открытого вызова своему авторитету Кальес терпеть не стал. Лидер НРП Карденас выступил 31 января 1931 года с заявлением, в котором взял достижения революции под защиту. Карденас обвинил Кабрера в том, что тот хочет разобщить сторонников революции: «Для революционеров эта тактика не новая. Ее всегда использовала реакция. Хвалить главу государства и ругать режим, который он же и возглавляет, или людей, которые внутри или вне правительства делят с ним ответственность власти... Но и мы знаем эту игру»³⁷. Особенно возмутило генерала Карденаса утверждение Кабреры, что в Мексике так и не появилось настоящей национальной армии. Такие слова в реалиях того периода мексиканской истории могли стоить человеку жизни.

Кабрера арестовали и 9 мая 1931 года выслали из страны, обвинив его в подготовке мятежа. Однако адвокат и бывший министр не успокоился и 23 июня самовольно вернулся в Мексику, сойдя на берег в порту Акапулько.

Однако Кальеса в тот период волновал вовсе не отставной министр, за которым никто не стоял. До «верховного вождя» стали доходить слухи о тесных контактах между Ортисом Рубио и военным министром Амаро. Некоторые информаторы утверждали даже, что Амаро при поддержке президента готовит военный переворот, чтобы избавиться от Кальеса и его сторонников. Амаро был замешан в убийстве Панчо Вильи в 1923 году, и Кальес имел все основания опасаться за свою жизнь.

В этих условиях Карденас, по мнению Кальеса, проявлял определенную политическую наивность, полагая, что НРП должна всеми силами поддерживать президента. Возможно, Карденас именно так и понял сформулированную Кальесом эзоповым языком задачу: не допустить отчуждения между партией и исполнительной властью, которое наблюдалось при Портесе Хиле в первой половине 1930 года.

Кальес же видел в НРП конкурирующий центр силы по отношению к президенту – только в этих условиях он сам мог играть роль верховного арбитра в стране.

³⁶ Portes Gil E., Autobiografía de la Revolución Mexicana // www.antorcha.net/.../autobiografia/bibliografia.html

³⁷ Заявление Карденаса см. www.memoriapoliticademexioci.org

«Хефе максимо» добился отставки Эрнандеса Часаро с поста шефа полиции, и это кресло занял Ламберто Эрнандес, кальист, сторонник крестьянского вождя из Сан-Луис-Потоси Седильо. Новый шеф полиции занимался в основном слежкой за Амаро, особенно за неформальными контактами военного министра с президентом страны. Вскоре Кальес показал президенту написанные от руки отчеты Эрнандеса, в которых тот обвинял Амаро в складировании большого количества оружия³⁸.

Ортис Рубио вспоминал позднее, что у него был выбор: либо порвать с Кальесом («который тогда реально контролировал обстановку в стране») со всеми вытекающими отсюда для страны и для него лично последствиями, либо скрепя сердце сотрудничать с верховным вождем. Он выбрал первый вариант, хотя и без всякого энтузиазма³⁹.

Между тем и Амаро, и бывший сапатист генерал Альмасан уговаривали Ортиса Рубио дать бой Кальесу и освободиться наконец из-под его непрошенной опеки. Амаро даже опубликовал в газетах статью, в которой хвалил вооруженных крестьян за поддержку правительства и обещал им усиление темпов аграрной реформы. Для Кальеса это был крайне тревожный сигнал: все уже знали, что сам «верховный вождь» стоит за прекращение распределения земли вообще. Заигрывания Амаро с крестьянством могли сплотить против Кальеса непобедимую коалицию регулярной армии и десятков тысяч вооруженных земледельцев.

Пока Ортис Рубио колебался, Кальес решил убрать Амаро и сам занять его место. С этой целью Кальес провоцировал отставки своих сторонников с ключевых министерских постов. Первым в июне 1931 году кабинет министров покинул глава Министерства внутренних дел Карлос Рива Паласио. Другой кальист, генерал Гонсало Сантос после отмашки «верховного вождя» начал активную критику Ортиса Рубио в Сенате.

Однако Амаро оставался верным президенту, и дело едва не дошло до вооруженных столкновений между армией и противниками Ортиса Рубио. На выборах в штате Керетаро противник президента Сатурнино Седильо попытался продавить кандидатуру своего сторонника и тезки Сатурнино Осорио. С этой целью в Керетаро из штата Сан-Луис-Потоси отправился поезд с вооруженными сторонниками Седильо, которые должны были в нарушение закона проголосовать на выборах в чужом штате⁴⁰. Амаро приказал командующему федеральными войсками в штате генералу Чарису пресечь беззаконие.

³⁸ Medin T. El minimato presidencial: historia politica del Maximato 1928–1935. Mexico, 1982. P. 106

³⁹ Krauze E. Plutarco Calles. Reformar desde el origen. Mexico, 1992. P. 103–106

⁴⁰ Camacho M. B. L. Joaquin Amaro y el proceso de institucionalizacion del ejercito mexicano 1917–1931. Mexico, 2003. P. 173

Однако сторонники Кальеса в парламенте добились отрешения от должности генерала Чариса за вмешательство федеральной армии в избирательный процесс. Это было воспринято общественностью и армией как серьезный удар по престижу военного министра.

Одновременно была развернута мощная кампания по запугиванию Амаро. Военному министру доносили, что генерал Альмасан с санкции Кальеса хочет его убить. Согласно другому слуху Седильо готовил военный мятеж, направленный тоже против военного министра. Другой мятеж якобы готовила группа недовольных Амаро генералов. Все эти слухи должны были убедить Амаро, что ему лучше уйти добровольно и сохранить тем самым жизнь и здоровье.

В Конгрессе шла упорная борьба между сторонниками Ортиса Рубио, которых поддерживал лидер НРП Карденас, и кальистами. В августе 1931 года дело дошло до перестрелки в палате депутатов, во время которой был убит один из парламентариев. Именно эта стрельба и дала Кальесу желанный предлог для перестановок в правительстве, которое якобы уже не контролировало обстановку.

Амаро оказался между двух стульев – Ортис Рубио подозревал, что военный министр готовит военный путч в пользу Кальеса, а Кальес думал, что Амаро вот-вот совершит переворот, чтобы укрепить позиции президента.

В октябре 1931 года Кальес заявил Ортису Рубио, что один из генералов – членов правительства готовит путч и, чтобы не компрометировать Амаро, надо убрать из правительства всех военных. 12 октября 1931 года состоялось заседание кабинета министров без президента, его главы. На нем обсуждалась возможность отставки самого Ортиса Рубио ввиду якобы серьезного кризиса в отношениях между законодательной и исполнительной ветвями власти. На заседании кабинета отсутствовал и военный министр. Генерал Альмасан предложил, чтобы Конгресс избрал временным президентом Кальеса – причем сам Кальес, по словам Альмасана, об этой инициативе ничего не знал⁴¹.

13 октября 1931 года на совещании в доме Амаро был достигнут компромисс: четверо самых влиятельных генералов мексиканской армии – Амаро, Карденас, Альмасан и Седильо – договорились подать в отставку одновременно и предложить, чтобы пост военного министра перешел к Кальесу. Причем Кальес, который и спровоцировал все эти интриги, якобы должен был занять этот пост, чтобы предотвратить военный мятеж против президента Ортиса Рубио.

Таким образом, в августе – октябре 1931 года Кальес успешно спровоцировал массовую отставку генералов с правительственных постов. Свои

⁴¹ Camacho M. B. L. Joaquin Amaro y el proceso de institucionalizacion del ejercito mexicano 1917–1931. Mexico, 2003. P. 176

голову реакционного духовенства. Газеты писали даже о возможном возобновлении мятежа «кристерос». Именно этим психозом и оправдывалось назначение Кальеса на пост военного министра.

Однако такая пропаганда могла ввести в заблуждение лишь людей, не посвященных в хитросплетения мексиканской политики.

К таковым, бесспорно, не относился Портес Хиль, который в декабре 1931 года направил Кальесу вежливое по тону, но резкое по сути послание из Франции, где он возглавлял мексиканское дипломатическое представительство. Портес Хиль писал, что если духовенство и подняло голову, то только потому, что само правительство сдвинулось вправо и дало к этому повод. Прекратились социальные реформы, в трудовом и аграрном законодательстве правительство идет не вперед, а назад. Совершенно справедливо Портес Хиль утверждал, что духовенство только один (причем не самый опасный) отряд реакции: к ней относятся еще «латифундизм и порабошающий индустриализм»⁴² (то есть предприниматели – прим. автора). Только проводя аграрную реформу и лишая тем самым латифундистов материальных ресурсов, можно ослабить и духовенство.

Резко критиковал Портес Хиль и экономическую политику правительства. В условиях мирового кризиса, полагал бывший президент, необходимо наконец отказаться от безусловной поддержки экспорта и переориентировать промышленность и сельское хозяйство на внутренний рынок. Что до внешнего долга, абсолютно незачем в этот сложный период выплачивать его «любой ценой».

Правительству необходимо совершить поворот влево и вновь опереться на поддержку масс рабочих и крестьян. А для этого необходимы персональные изменения в кабинете министров.

В письме содержался и открытый вызов самому Кальесу: «В событиях последнего времени, вне зависимости от Ваших первоначальных желаний, вмешательство, которое Вы осуществляли, становилось все более и более прямым». Друзья Кальеса, писал Портес Хиль, делают все, чтобы нынешний Кальес зачеркнул всю свою прежнюю жизнь революционера.

Кальес, прочитав это письмо, опять решил вернуться к тактике 1930 года: «разыграть» Портеса Хилья против Ортиса Рубио и убрать с политической сцены Мексики их обоих.

Ортис Рубио, между тем, пытался заручиться поддержкой своего бывшего заклятого врага Портеса Хилья, чтобы еще раз попытаться убрать с политической арены самого Кальеса.

В июле 1932 года Портеса Хилья, находившегося в Мексике, посетил начальник штаба генерала Эулохио Ортиса, командовавшего войсками в доли-

⁴² Portes Gil E. Autobiografia de la Revolucion Mexicana // www.antorcha.net/.../autobiografia/bibliografia.html

не Мехико. Портес Хиль сразу насторожился, так как они с генералом дружили, и он вполне мог бы приехать и сам. Однако генерал сказался больным, а его посланец передал Портесу Хилью приглашение Ортиса Рубио занять пост министра внутренних дел.

Портес Хиль ответил, что не верит в искренность Ортиса Рубио, так как тот вместе с Кальесом всего пару лет назад убрал его из национальной политики. Посланец утверждал, что теперь Ортис Рубио и сам убедился, что именно Кальес ведет основную подрывную деятельность против его кабинета. Поэтому видные политики и генералы – Амаро, Монте де Ока, Альмасан, Карденас – предложили Ортису Рубио призвать Портеса Хилья на второй по значимости официальный пост в стране.

Портес Хиль, однако, распознал ловушку. Он, может быть, еще и поверил бы в эту версию, если бы ее озвучил сам президент. Но странная форма приглашения через посредника и то, что его пытались связать с именами людей, попавших в последнее время в немилость к Кальесу, насторожили его. Скорее всего, Кальес опять сконструировал некую группу заговорщиков, чтобы потом разделаться с ними одним махом. Поэтому бывший временный президент лишь ответил, что не верит в способность Ортиса Рубио проводить самостоятельную линию по отношению к Кальесу. Прежде он, Портес Хиль, возможно, и помог бы президенту в борьбе с Кальесом, но время для этого уже ушло⁴³.

После этой странной беседы с Портесом Хилем встретился уже сам генерал Эулохио Ортис и предложил ему переговорить напрямую с президентом и генералом Амаро. Портес Хиль наотрез отказался.

Кальес, несомненно, был в курсе всех этих интриг, если и не сам провоцировал их. Тем не менее «верховный вождь» понимал, что Ортис Рубио, загнанный в угол, еще может решиться на «восстание» и на самом деле опереться на Портеса Хилья и левые элементы, неформальным лидером которых и считался бывший временный президент. Поэтому не позже середины лета 1932 года Кальес решил вообще убрать Ортиса Рубио с поста главы государства и заменить его более преданным человеком.

В августе 1932 года Портес Хиль обедал с Карлосом Рива Паласио, отставки которого недавно тоже добился Кальес. Рива Паласио без обиняков сказал, что Кальес выдавливают Ортиса Рубио в отставку, но президент всячески этому противится. Войска в Мехико готовы поддержать президента, и пока нет договоренности только с Карденасом. Он, Рива Паласио, недавно был у Карденаса в Мичоакане. Тот якобы согласился выступить против Кальеса и в поддержку Ортиса Рубио, но только в случае, если всю комбинацию благословит Портес Хиль.

⁴³ Portes Gil E. Autobiografia de la Revolucion Mexicana // www.antorcha.net/.../autobiografia/bibliografia.html

Это было уже приглашением к военному перевороту, участие в котором могло стоить Портесу Хилью жизни. Даже если Рива Паласио и был искренним, Портес Хиль не мог забыть, что именно этот человек при поддержке Ортиса Рубио, по сути, устранил его с поста министра внутренних дел в 1930 году. А Карденас в этом же году по воле Кальеса сменил Портеса Хилья на посту лидера НРП, после чего бывшему президенту пришлось фактически бежать из страны. Приходится признать, что Кальес в 1930–1932 годах сумел посеять недоверие между всеми ведущими политиками Мексики и основать на этом недоверии свою собственную теневую власть.

Портес Хиль ответил, что уже давно не имеет связи с генералом Карденасом, а если тот захочет, то может и сам переговорить с ним на любые темы. Но в любом случае он, Портес Хиль, на военный переворот не пойдет. Возможно, эта беседа спасла ему жизнь.

Кальес убрал Ортиса Рубио очень просто: он запретил всем своим сторонникам входить в правительство. Это означало, что каждый политик должен был сделать выбор: либо он с Кальесом, либо – с Ортисом Рубио. В этой дилемме у президента не было никаких шансов. За два года интриг и политических маневров Кальес лишил его всех возможных союзников.

1 сентября 1932 года президент, как обычно, выступил в Конгрессе с посланием о положении нации. На следующий день он прочел в газетах о своей отставке. И опять у Ортиса Рубио был выбор: он мог пойти на открытую конфронтацию с Кальесом, но в который раз не сделал этого. Он утешался тем, что покидает пост «с чистыми руками, не запачканными кровью и деньгами», предпочитает «уйти, а не остаться, опираясь на штыки армии»⁴⁴.

Однако в речи перед Конгрессом 2 сентября, объясняя причины своей отставки, Ортис Рубио не проявил столько смелости, как позднее в воспоминаниях. По Конституции отставка президента могла быть вызвана только «серьезными» причинами. Ортис Рубио таких причин назвал две.

Первой был постоянный политический кризис, не прекращавшийся, по словам Ортиса Рубио, все время его президентства (о подоплеке этого кризиса он умолчал). Президент сказал, что как верный член партии он, должен подать в отставку, чтобы обеспечить единство революционных сил. К тому же, подчеркнул он, мирная передача власти является наилучшим доказательством торжества «доктрины Кальеса», которая гласит, что Мексика стала страной не вождей, а институтов и закона. Второй «серьезной» причиной было состояние здоровья президента.

В Конгрессе не стали задавать лишних вопросов, в том числе и потому, что Кальес заблаговременно провел на руководящие должности в палате депутатов своих людей, и отставка была немедленно принята. За примерное поведение Ортису Рубио позволили эмигрировать, и он уехал в США.

⁴⁴ Krauze E. Plutarco Calles. Reformar desde origen. Mexico, 1992. P. 108

Народ наградил Ортиса Рубио презрительной кличкой Нопалито, то есть маленький нопаль. Нопаль – сорт кактуса, который сочится липким соком, как будто пускает слюни. В Мексике название этого растения служило синонимом дурака, человека несамостоятельного и глуповатого.

Кальес через два дня после отставки Ортиса Рубио заявил прессе, что страна полностью вступила на путь законности и институционализации политических процессов. Теперь мол, все решает не армия, а конституционные процедуры, и смена главы государства происходит упорядоченно и без кровопролития. Однако на самом деле все было, конечно, не так. В стране все понимали, что президента Мексики убрал «верховный вождь», и только позиция самого Ортиса Рубио, добровольно отказавшегося от власти, уберегла страну от кровопролития.

При решении основных социально-экономических проблем Мексики – аграрной реформы и рабочего вопроса – администрация Ортиса Рубио под влиянием Кальеса явно дрейфовала вправо.

В том, что касается аграрной реформы, между Кальесом и Ортисом Рубио не было серьезных разногласий. Оба считали, что пора подвести черту под распределением земли, чтобы создать для капитала возможность безбоязненно инвестировать в развитие сельскохозяйственного производства.

Кальес вынашивал эти идеи, не без влияния Морроу, еще на посту президента, а в июне 1930 года он публично подверг аграрную реформу разгромной критике. В интервью газете «Универсаль» «верховный вождь революции» заявил: «Аграризм (движение крестьян за аграрную реформу – прим. автора), как он себя понимал и действовал до сего дня, провалился: счастье людей села не в том, чтобы дать им кусок земли, если у них нет необходимых элементов для ее обработки. Этим путем мы придем к катастрофе, потому что создаем у крестьян иллюзии и поощряем иждивенчество. Странно наблюдать, как во многих «эхидос» земли не обрабатываются»⁴⁵. Зачем же, продолжал Кальес, плодить такое разбазаривание земли? До сих пор правительство раздавало земли направо и налево, настал пора с этим покончить. Поэтому правительство каждого штата должно определить «более или менее короткий срок, после истечения которого, распределение земли будет закончено». После этого срока насчет земли крестьяне больше не должны и заикаться.

Однако на практике прекратить аграрную реформу не удалось, главным образом, по внутривластным мотивам. Несмотря на то, что Кальес и Ортис Рубио были единомышленниками в аграрном вопросе, одновременно они были соперниками в борьбе за власть. Кальес в 1931–1932 годах опирался в этом соперничестве на ярых сторонников аграрной реформы в Веракрусе с его прогрессивным губернатором Техедой, Сан-Луис-Потоси,

⁴⁵ Krauze E. Plutarco Calles. Reformar desde origen. Mexico, 1992. P. 119

неформальным лидером которого был крестьянский вождь Сатурнино Седильо, и Мичоакане, где активно распределял землю Карденас. Для Кальеса в тот момент политическое сотрудничество с этими сильными местными вождями в борьбе за власть было куда важнее разногласий в аграрном вопросе. Поэтому Кальес предпочитал не вмешиваться в процесс распределения земли на местах, рискуя вызвать недовольство вооруженных крестьян.

Характерной в этом смысле была ситуация в штате Сан-Луис-Потоси, вождями которого были братья Седильо, опиравшиеся на тысячи вооруженных крестьян. Три брата, главным из которых был родившийся в 1890 году на ранчо «Паломас» Сатурнино, в годы революции повоевали практически под всеми возможным знаменами. Сначала они примкнули к Мадеро, но уже годом позже – к мятежу Ороско. Поддержав «план Айялы», братья начали распределять среди крестьян своего родного региона Валье де Маис (то есть «Кукурузной долины») захваченную у помещиков землю. В 1914–1915 годах Седильо воевали на стороне Вильи, хотя сохраняли полную организационную самостоятельность своих частей. После поражения Конвента и Вильи братья вплоть до 1920 года вели партизанскую войну против правительства Каррансы. В 1920 году они встали на сторону Обрегона, который присвоил им генеральские звания. Вооруженные отряды Седильо были формально признаны и официальным декретом Обрегона преобразованы в военные колонии. Седильистам дали землю, они сохранили оружие и были обязаны по первому требованию правительства выступить на его защиту вместе с регулярной армией.

Сам Сатурнино Седильо не был заинтересован в широкомасштабной аграрной реформе. Как и Вилья, он настаивал на выделении наделов только своим ветеранам и членам семей павших в боях бойцов его отрядов. Если интересы его ветеранов вступали в противоречие с крестьянами окрестных сел, также требовавших земли, то Седильо становился на сторону своих. Для примерно 10 тысяч бывших ветеранов Седильо оставался единственным и непререкаемым авторитетом.

Устроившись на ранчо «Паломас», Седильо не занимал официально никаких постов, однако все чиновники Сан-Луис-Потоси назначались только с его согласия. Например, неграмотный губернатор штата, соратник Седильо Идельфонсио Таррубиатес даже распорядился провести телефонную линию между своей резиденцией и ранчо «Паломас», чтобы советоваться с вождем по каждому важному вопросу⁴⁶.

Седильо часто ездил по окрестностям, справляясь у своих бывших солдат о видах на урожай и здоровье детей. Любой из ветеранов мог прийти

⁴⁶ Riot, Rebellion, and Revolution. Rural Social Conflict in Mexico. Edited by Friedrich Katz. Princeton University Press, 1988. P. 444–445

на ранчо «Паломас», где его бесплатно кормили и предоставляли ночлег. Конечно, большинство бойцов Седильо, по словам последнего, вели «простую жизнь», то есть остались бедняками. Им дали по 6 га земли, однако местность в «Кукурузной долине» была засушливой и урожаи скудными. К тому же она не имела нормального транспортного сообщения с остальными районами Мексики, и крестьяне были вынуждены продавать урожай тому же Седильо или потреблять его сами. Но бывшие солдаты благодарили командира за то, что могли прокормить себя и свои семьи. Седильо всегда мог рассчитывать на различные услуги от своих ветеранов вплоть до денежных подношений или части урожая.

Во время мятежа Эскобара Седильо быстро мобилизовал несколько тысяч своих ветеранов и помог регулярной армии быстро подавить мятеж. Поэтому Кальес до поры до времени его не трогал. В 1930 году по указанию «верховного вождя» Седильо получил пост министра сельского хозяйства в федеральном правительстве. Тем самым Кальес хотел отрезать Седильо от его родного штата. Но последний оказался хитрее и сам стал проталкивать своих земляков на различные федеральные должности.

Как и предполагал Кальес, Седильо идеологически был не заинтересован в аграрной реформе в общемексиканском масштабе. В штате Сан-Луис-Потоси он распределял землю только среди безусловно лояльных по отношению к себе людей, создав таким образом квазифеодальное минигосударство. Крестьяне других штатов его мало интересовали. Но, имея политический имидж крестьянского вождя и аграриста, Седильо на словах высказывался за аграрную реформу.

В то же время в его родном штате Сан-Луис-Потоси местная аграрная комиссия вместо масштабного распределения земель занималась такими вопросами, как охрана окружающей среды и лесов.

Учитывая позицию Кальеса по аграрной реформе, неудивительно, что, несмотря на продолжавшийся поток заявок крестьянских общин по наделению землей, темпы ее распределения в Мексике в 1930 году серьезно сократились. Если в 1929 году 108 тысяч крестьянских семей получили 1 миллион гектаров земли, то в 1930 году среди 67 тысячи семей было распределено 744 тысячи га, а в 1931 году – 610 тысяч га среди 45 тысяч семей⁴⁷.

Количество же заявок осталось практически неизменным: в 1929 году крестьянские общины подали 1335 прошений о предоставлении им земли, в 1930 году – 1324, а в 1931-м – 1363⁴⁸. Примечательно, что крестьяне штата Сан-Луис-Потоси в 1931 году не подали вообще ни одной заявки (в 1929 году таких заявок было 30). Лидировал же по количеству поданных заявок

⁴⁷ Очерки новой и новейшей истории Мексики. М., 1960. С. 379

⁴⁸ Riot, Rebellion, and Revolution. Rural Social Conflict in Mexico. Edited by Friedrich Katz. Princeton University Press, 1988. P. 500–501

в 1930 году штат Веракрус – 388. Это было связано с тем, что тамошний губернатор Техеда, которого Кальес считал коммунистом, проводил аграрную реформу согласно своим политическим убеждениям.

С Техедой Кальес был вынужден считаться по тем же причинам, что и с Седильо. Губернатор Веракруса опирался на несколько тысяч вооруженных крестьян и сыграл ключевую роль в подавлении военных мятежей 1923–1924 и 1929 годов. Город Веракрус был стратегически важен для успеха любого мятежа – ведь именно через порт Веракруса шел основной экспортный поток Мексики и именно там располагались таможи, служившие основным источником бюджета всей страны.

Кальес пытался лишить Техеду, как и Седильо, поддержки в родном штате, поэтому сделал его министром внутренних дел в период своего президентства. Однако в 1928 году Техеда вернулся в Веракрус и вновь был избран губернатором. В отличие от Седильо, Техеда опирался не только на вооруженных крестьян, но и создал своего рода собственную политическую партию – Лигу аграрных общин штата Веракрус. Как уже упоминалось, именно на основе этой лиги была создана Национальная крестьянская лига – то есть Техеда стал превращаться в политический фактор общемексиканского значения. Мексиканские коммунисты исключили из партии лидера Национальной крестьянской лиги Урсуло Гальвана потому, что не без оснований считали, что тот превратил лигу в инструмент политических амбиций Техеды.

Аграрная реформа в Веракрусе проводилась весьма оригинально. Техеда издал закон, по которому муниципалитеты, контролировавшиеся губернатором и лигой, имели право принудительно сдать земли помещиков в аренду нуждающимся в земле крестьянам. Таким образом, помещикам не требовалось платить компенсацию, потому что формально они оставались владельцами земли, арендные платежи поступали в местный бюджет, и помимо решения аграрного вопроса Техеда еще и обеспечивал себя солидной финансовой базой.

В отличие от всех остальных губернаторов, Техеда считал, что государство вправе конфисковывать не только аграрную, но и промышленную собственность предпринимателей в интересах трудящихся классов. Тем самым Техеда быстро приобрел и популярность среди рабочих штата, который по мексиканским меркам считался промышленно развитым (в городах проживало 21,5% населения Веракруса).

Естественно, у латифундистов и предпринимателей Техеда вызывал ненависть. Ненавидели его и церковные круги. Губернатор активно боролся против религиозных предрассудков и пьянства и за повышение массовой культуры трудящегося населения. Клерикалы совершили на Техеду покушение, но радикальных убеждений губернатора это не изменило.

Техеда, вторично избравшийся губернатором в 1928 году с помощью Кальеса, чувствовал себя обязанным «верховному вождю». После убийства

Обрегона он даже предлагал продлить срок президентских полномочий Кальеса на 2 года. Однако, укрепив свои позиции и добившись доминирования Лиги крестьянских общин в большинстве местных органов власти, Техеда перешел в стан противников Кальеса, так как был не согласен с явным «поправением» правительственной политики при «максимате».

НРП фактически была отстранена в Веракрусе от рычагов управления, и Техеда даже провел своих депутатов из рядов аграрной лиги в национальный Конгресс.

Укрепившись у власти, Техеда резко активизировал аграрную реформу, чтобы еще больше повысить престиж лиги среди крестьян. Еще во время первого срока своего пребывания на посту губернатора Веракруса в 1920–1924 годах он распределил 160 тысяч гектаров среди 23 938 крестьян. При этом губернатор действовал в полном соответствии с законом от 6 января 1915 года, который давал право местным властям распределять землю путем издания временных декретов. В 1920–1924 годах Техеда издал 154 таких указа, а в 1928–1932-м, на втором сроке своего губернаторства, – уже 493. 334 493 га земли были распределены среди 45 989 крестьян⁴⁹. Дополнительно было реализовано еще 370 решений исполнительной власти штата, по которым распределили еще 240 251 гектар земли.

Сравниться с Техедой в аграрном радикализме в то время мог только губернатор Мичоакана Карденас, который в 1928–1932 годах на основании 400 своих указов распределил 408 807 гектаров среди 24 тысяч общинников.

Однако Техеда не просто распределял землю. Начиная с 1929 года, он поощрял кооперацию на селе, выделяя деньги из бюджета штата на кредиты сельскохозяйственным кооперативам. Тем самым он бил основной аргумент Кальеса о том, что получившие землю общинники не умеют ее обрабатывать. Дело было отнюдь не в лени или неумении, а в отсутствии у бедняков средств на сельхозтехнику, семена и удобрения.

В Веракрусе было организовано Центральное кооперативное общество, в которое штат внес 100 тысяч песо, или одну пятую учредительного капитала. Остальные четыре пятых должны были формироваться за счет добровольных пожертвований местных крестьянских комитетов в размере 5 песо. В этом случае организованный комитетами кооператив имел право получить кредит от Центрального общества на сумму 50 тысяч песо.

Техеда решил заняться и сбытом сельхозпродукции. Ведь многие получившие землю крестьяне не обрабатывали ее еще и потому, что на рынке складывалась невыгодная для них конъюнктура цен. Техеда предписал всем служащим штата Веракрус сдать определенный процент своего жалованья

⁴⁹ Contemporary Mexico: papers of IV International Congress of Mexican History. University of California Press, 1976. P. 287

в специальный фонд, на основе которого был образован банк штата. Этот банк должен был скупать на рынке продукты сельского хозяйства, чтобы воспрепятствовать падению цен на них.

Следует, однако, подчеркнуть, что и кооперация, и интервенции на рынке аграрной продукции не получили большого развития из-за того, что крестьяне зачастую не понимали смысла кооперативного движения, а имущие классы оказывали активное сопротивление.

Активная дирижистская политика Техеды в полной мере проявила себя во время начавшегося мирового кризиса. Основной статьей экспорта Веракруса был сахар, цена на который на мировом рынке резко упала в 1931 году до мизерного уровня в 25 сентаво за килограмм. Сахарозаводчики начали сокращать персонал и урезать зарплату. Сахарный тростник просто оставляли на полях, так как убирать его было невыгодно.

Техеда, однако, решительно встал на сторону рабочих и созвал специальную встречу всех производителей сахара в штате. На этой встрече была согласована минимальная цена в 16 сентаво за килограмм, а каждый производитель получил установленную квоту на сбыт сахара. Контролировал соблюдение квот секретарь губернатора. Конечно, эта мера позволила вернуть в сахарную промышленность определенную стабильность, но улучшить ситуацию коренным образом не сумела. Любое администрирование при капитализме неизбежно носит ограниченный характер, так как при рыночном товарообмене контролировать мировые цены губернатор Веракруса не мог.

Таким образом, во время «максимата» «верховный вождь» революции Кальес еще не мог полностью свернуть аграрную реформу, потому что влиятельные губернаторы Карденес и Техеда и квазигубернатор Седильо были его политическими союзниками в борьбе за власть.

Однако при Ортисе Рубио с санкции Кальеса был принят ряд законов, усложняющих проведение аграрных преобразований в стране. Так, например, согласно закону от 26 декабря 1930 года более не подлежали отчуждению поместья, в которых перерабатывалась выращенная там продукция. Крестьянские общины, получавшие в ходе реформы землю, должны были оплачивать ее отныне сразу, а не в рассрочку. В 1930 году был также издан закон, по которому больше не экспроприировались асиенды, где производились экспортные культуры: сахарный тростник, хенекен, кофе, бананы и т.д.⁵⁰.

Политика кабинета Ортиса Рубио в отношении рабочего вопроса в целом продолжала ту линию, которая сформировалась еще при президенте Кальесе: подавление любых политических забастовок, недопущение стачек на предприятиях с иностранным капиталом. По-прежнему большинство забастовок объявлялось властями незаконными.

⁵⁰ Очерки новой и новейшей истории Мексики. М., 1960. С. 378–379

В 1930 году власти разрешили проведение 15 забастовок, в которых участвовали 3718 рабочих. В 1931 году было зарегистрировано уже только 11 легальных стачек с 227 участниками⁵¹. Однако, по той же официальной статистике, совсем иным было количество трудовых споров, о которых рабочие официально уведомляли власти. В 1929 году было отмечено 13 405 трудовых споров, в 1930-м – 20 702, 29 087 – в 1931 году и 36 781 годом позже⁵².

Для того чтобы еще больше подчинить своему контролю рабочее движение, администрация Ортиса Рубио внесла в Конгресс проект Трудового кодекса, принятый в августе 1931 года. Согласно кодексу по всей стране вводился принудительный государственный арбитраж трудовых конфликтов. Именно органы арбитража определяли законность или нелегальность стачки. Рабочие были обязаны уведомить о предстоящей забастовке администрацию своего предприятия за 6–10 дней. Предприниматели теперь имели законное право объявлять локауты. На государственных служащих кодекс не распространялся.

Все профсоюзы были обязаны зарегистрироваться в органах государственного арбитража, прежде чем получить право представлять интересы рабочих. Политические забастовки запрещались. Профсоюзная пропаганда на предприятии в течение рабочего дня запрещалась⁵³. Представитель правительства Аарон Саенс, известный тем, что предпочитал вставать на сторону предпринимателей при разрешении трудовых споров в штате Нуэво-Леон, заявил при внесении проекта Трудового кодекса в Конгресс: «Кодекс стремится учесть точку зрения капитала, без сотрудничества с которым усилия, направленные к благополучию рабочих, будут безуспешны. Он рассеивает всякое чувство неуверенности у предпринимателей»⁵⁴.

Новый кодекс немедленно стал применяться властями для борьбы с организованным рабочим движением. Все положения трудового законодательства отдельных штатов, выходящие за рамки нового федерального кодекса, отменялись.

В годы экономического кризиса мексиканские рабочие были вынуждены активно прибегать к забастовкам, чтобы противодействовать снижению заработной платы и закрытию целых предприятий.

Уже в конце 1929 года вспыхнула стачка на железных дорогах, рабочие которых протестовали таким образом против планов Кальеса резко сократить количество занятых на этом государственном предприятии. Бастовали

⁵¹ Craven D. *Art and Revolution in Latin America 1910–1990*. Yale University Press, 2006. P. 57

⁵² *La clase obrera en la historia de Mexico. Una epoca de crisis (1928–1934)*. Mexico, 2005. P. 87

⁵³ Менжинский Е. Мексика. М., 1937. С. 149–150

⁵⁴ Менжинский Е. Мексика. М., 1937. С. 150

рабочие телефонной сети в штате Тамаулипас. В 1930 году стачками были охвачены электростанции в Орисабе и телефонная компания «Эриксон», рабочие которой потребовали повышения заработной платы на 30%. В январе 1931 года известные своими боевыми стачками 20-х годов трамвайщики Мехико организовали митинг протеста против наступления капитала⁵⁵. 25 февраля и 20 марта 1931 года по инициативе коммунистов были проведены демонстрации безработных во всех крупнейших центрах страны.

В 1932 году объявили стачку трамвайщики Мехико, телефонисты столичного округа и рабочие Южной Тихоокеанской железной дороги. Однако все эти забастовки подавлялись правительством и успеха не имели. 25 февраля 1932 года коммунисты провели по всей Мексике «день борьбы против безработицы», который в разных городах сопровождался столкновениями манифестантов с полицией. В центре мексиканской металлургии – Монтеррее – в акции участвовали 7 тысяч человек. Многолюдными были и первомайские демонстрации 1932 года – в Мехико на улицу вышли 150 тысяч человек.

Под влиянием роста протестного движения пролетариата прогрессивные губернаторы штатов Веракрус, Мичоакан и Идальго приняли законы, согласно которым власти могли конфисковывать и передавать в управление рабочих частные предприятия, работавшие с убытком и находившиеся под угрозой закрытия. Правительство штата Идальго во главе с губернатором Варгасом Луго, например, экспроприировало цементный завод компании «Крус Асуль», который принадлежал иностранному капиталу.

Такое социальное творчество и неуважение прав частной собственности, естественно, не могло понравиться Кальесу, и Конгресс под его влиянием предоставил Ортису Рубио чрезвычайные полномочий по борьбе с кризисом. На основе этих полномочий президент заставил правительство штата Идальго выкупить фабрику у бывших собственников.

Рабочая (точнее, антирабочая) политика администрации Ортиса Рубио облегчалась разбродом и шатаниями, которые царили в тот период в организованном рабочем движении.

КРОМ продолжал стремительно терять сторонников и в июле 1930 года насчитывал 600 тысяч членов, хотя лидер организации Моронес был вынужден признать, что активными членами профцентра можно считать всего 25 тысяч человек. Министерство промышленности считало, что на самом деле в КРОМ состоит всего 100 тысяч человек. Ушли из КРОМ профсоюзы железнодорожников, загнанные туда силой при Кальесе, полиграфистов и текстильщиков.

Моронес не отказался от соглашательской политики, и съезд КРОМ в 1931 году одобрил новый Трудовой кодекс, хотя в 1928 году кромисты были против куда более радикального варианта, предложенного Портесом Хилем.

⁵⁵ Очерки новой и новейшей истории Мексики. М., 1960. С. 380

На первых порах от дезинтеграции КРОМ выигрывал второй общенациональный профцентр – анархистская ВКТ. Некоторые вышедшие из КРОМ профсоюзы (например, федерации штатов Веракрус, Халиско, Мичоакан) примкнули к ВКТ, и ее численность выросла до 80 тысяч человек⁵⁶. Однако ВКТ отличалась от КРОМ только хлесткой революционной фразой и демонстративным неучастием в политической жизни (что было на руку властям). Многие неофиты быстро разочаровались и начали покидать ВКТ, в которой к весне 1933 года осталось не более 20 тысяч членов, в основном текстильщиков столичного округа. ВКТ активно сотрудничала с НРП и срывала многие стачки. В отношении соглашательства анархисты ничуть не уступали КРОМ.

Из-за неправильной левацкой тактики коммунисты не смогли извлечь практически никакой пользы из массового разочарования рабочих деятельностью соглашательских профсоюзов. Вместо того чтобы добиваться для членов партии руководящих должностей в отдельных отраслевых и территориальных профцентрах, компартия выдвинула лозунг «выхода из реформистских профсоюзов». Коммунистам удавалось организовывать массовые митинги и демонстрации, однако своего собственного мощного профцентра партия так создать и не смогла.

Правительство Ортиса Рубио коммунисты квалифицировали как «правительство объединенной контрреволюции»⁵⁷. Примирение с церковью, по мнению компартии, означало смычку клерикальной порфиристской реакции и «революционной семьи». Конечно, такая недифференцированная линия затрудняла для коммунистов поиск союзников в правящем лагере, который при иной тактике вполне мог бы увенчаться успехом.

Не менее жесткой (и в целом правомерной) критике подвергли коммунисты аграрную политику правительства, которое открыло дорогу к примирению старых латифундистов и новых помещиков «Кальесов, Саенсов и Амаро»⁵⁸.

Конечно, в немалой степени жесткая критика КПМ правительства Ортиса Рубио объясняется реальным сдвигом правящего режима вправо в рабочем и аграрном вопросе, а также тем, что компартия была вне закона и постоянно подвергалась репрессиям. Сикейроса спасла только его бесспорная репутация одного из ведущих мексиканских художников. В конце 1930 года его выпустили из тюрьмы, но жить в столице запретили и отправили под надзор полиции в небольшой шахтерский городок Таско. Без

⁵⁶ Очерки новой и новейшей истории Мексики. М., 1960. С. 383

⁵⁷ *La clase obrera en la historia de Mexico. Una epoca de crisis (1928–1934)*. Mexico, 2005. P. 114

⁵⁸ Соколов А. А. Рабочее движение Мексики (1917–1929). М., Издательство МГУ, 1978

против Уэрты, Родригес в звании лейтенанта записался добровольцем в войска конституционалистов под командованием Альваро Обрегона, что и обеспечило его дальнейшую карьеру. Родригеса быстро повышали, и он отличился в битве при Селайе против Вильи, получив ранение (за что его наградили званием подполковника). Был ранен Родригес и в решающей битве против Вильи под Леоном.

После разгрома основных сил Вильи Родригес участвовал в подавлении остатков вильистского движения в штатах Коауила и Сонора, громил восставших индейцев яки и боролся с сапатистами. Таким образом, свои военные лавры он заслужил на полях сражений не против реакции и федеральных войск старого режима, а в борьбе против крестьянских вождей Сапаты и Вильи.

В 1920 году Родригес поддержал Обрегона в борьбе против Каррансы и стал бригадным генералом, после чего возглавлял различные военные округа. В 1923 году сыграл активную роль в подавлении мятежа де ла Уэрты на посту командующего военной зоной в штате Нижняя Калифорния. 2 ноября 1923 года он был избран губернатором этого штата и оставался на своем посту до 1929 года.

Как и его ментор Обрегон, Родригес не имел ясно выраженных политических убеждений: его манили только власть и богатство, причем деньги играли в шкале приоритетов будущего президента, пожалуй, главную роль. На посту губернатора Родригес занялся бизнесом и сколотил огромное состояние. В отличие от неудачливого бизнесмена Обрегона, Родригес торговал не горохом, а пороком.

Пограничный штат Нижняя Калифорния в 20-е годы был средоточием всех пороков, которых американцев лишил «сухой закон». Родригес решил помочь гражданам США по части горячительных напитков, азартных игр и платного женского общества. Разумеется, не задаром.

В 1929 году президент Портес Хиль отобрал у американских бизнесменов концессию на участок земли в районе города Тихуаны (Нижняя Калифорния). «Революционер» Портес Хиль объявил эти земли «национальным достоянием». Правда, часть этого достояния (известная как ранчо «Агуа Кальенте») была немедленно передана самому губернатору Абељардо Родригесу. Бывшие собственники наняли адвокатов и попросили о помощи государственный департамент США, но все оказалось тщетно⁶⁰.

Родригес быстро получил от президента Мексики разрешение на открытие в Агуа Кальенте ипподрома, на который потянулись американцы. Вскоре к ипподрому присоединились бары, казино и публичные дома различного класса. Компаньоном Родригеса был американский бизнесмен и организа-

⁶⁰ Hart J. M. *Empire and Revolution. The Americans in Mexico since the Civil War.* University of California Press, 2002. P. 365

тор боксерских боев Джеймс Вуд Коффрот. Американцы инвестировали в ипподром и сопутствующие заведения 285 тысяч долларов, и Тихуана превратилась в любимое место отдыха калифорнийского бомонда. Там часто можно было видеть голливудских знаменитостей, например актрис Риту Хэйворт и Джин Харлоу, секс-символ американского кино 30-х годов.

Родригес участвовал в бизнесе в роли «крыши». Американцы платили деньги только губернатору и были избавлены от прежнего, излишне назойливого внимания местных властей. Однако Родригес вскоре избавился от компаньонов: в 1929 году полиция захватила ипподром и передала его уже непосредственно губернатору. Абеярдо Родригес стал, пожалуй, самым богатым членом «революционной семьи».

Конечно, на посту губернатора Родригес занимался не только подпольным бизнесом. Он ввел минимальную оплату труда для сезонных рабочих («брасерос»), ездивших на временные заработки в США. Видимо, Родригес тогда еще не забыл собственную юность, проведенную на разных работах в Америке. Были приняты довольно националистические законы, заставлявшие предпринимателей нанимать на работу как минимум 50% мексиканцев – таким путем Родригес боролся с китайской эмиграцией и пытался пристроить возвращавшихся из США в годы мирового кризиса соотечественников. Следует отметить, что в те годы с китайской эмиграцией боролись губернаторы всех северных штатов Мексики, и часто не только по экономическим, но и по расистским мотивам. Родригес, как, впрочем, и Кальес, считал крестьянские общины («эхидос») устаревшей формой землепользования и предпочитал в ходе аграрной реформы передавать землю частным собственникам.

Будучи менеджером и бизнесменом по духу, Родригес интересовался самыми разными техническими новинками и являлся большим поклонником авиации. Он пытался даже наладить производство самолетов.

Пристальное внимание губернатор уделял строительству в штате дорог и ирригационных сооружений. Он привел в порядок бюджет Нижней Калифорнии и даже счел возможным отказаться от федеральной субсидии штату, составлявшей 1 миллион песо в год.

Абеярдо Родригес считался обрегонистом, но после смерти Обрегона в 1928 году быстро перешел на сторону Кальеса и сообщил ему все фамилии генералов-обрегонистов, готовивших мятеж против «верховного вождя». Кальес не забыл такой важной услуги, и в 1928 году Родригес стал дивизионным генералом. В декабре 1929 года Кальес отправил Родригеса в Европу для изучения новых промышленных технологий, в частности, столь любимого тем авиастроения. Такая командировка могла означать, что у «хефе максимо» серьезные виды на будущее Родригеса.

Когда Кальес в 1931 году вырвал у Ортиса Рубио пост военного министра, своим заместителем он назначил именно Родригеса, что свидетельство-

себя Родригес (и не без основания) считал «хорошим администратором» и полагал, что «политика должна оставаться в руках политиков»⁶¹.

В своей «Автобиографии» Родригес позднее писал: «Я настаиваю, что никогда не был политиком и если согласился занять пост замещающего Президента Республики, то сделал это лишь потому, что был уверен в своей способности выровнять бюджет и навести порядок в работе правительства. Для того чтобы достичь этого, я решил остаться на окраине политического руководства, оставив эту деятельность в руках политиков».

Это Кальеса вполне устраивало: новый президент был уже не самостоятельной фигурой вроде Портеса Хилья и Ортиса Рубио, а самой настоящей креатурой «верховного вождя». И именно в руки Кальеса и перешло политическое руководство страной.

Характерным был уже первый день пребывания Родригеса в должности президента. Он попросил командующего войсками в долине Мехико «проводить до дома» генерала Амаро, после чего генералу следовало вернуться и сопроводить президента к Кальесу, который отдыхал в своей загородной резиденции в Куэрनावаке. Туда же собирался и сам командующий войсками долины, о чем он ничего не сказал Амаро. Когда генерал вернулся, он выяснил, что Родригес уехал в Куэрнаваку, так и не дождавшись его. В результате, к своему удивлению, все трое (включая Амаро) встретились в Куэрनावаке, так как каждый спешил первым засвидетельствовать почтение «верховному вождю»⁶².

Период президентства Родригеса можно считать вершиной «максимата». Все ключевые вопросы, особенно кадровые, Родригес согласовывал с Кальесом. Поэтому его правительство оказалось стабильным на фоне предыдущей администрации Ортиса Рубио, которую сотрясали постоянные отставки.

Кальес перемещался по своим загородным домам, куда к нему «за советом» ездили президент, члены кабинета и ключевые генералы. Любимым поместьем «верховного вождя» было «Лас Паломас» в Куэрनावаке. Подражая удалившемуся от дел римскому императору Диоклетиану, который, как известно, гордился выращенной им лично капустой, Кальес разводил в поместье птицу и имел прекрасную конюшню. Он, бывший учитель, организовал на свои деньги в поместье школу, в которой училось по одному ученику из каждого штата Мексики⁶³.

Кальес любил играть в гольф, и его главным партнером был Абеялардо Родригес, тоже большой поклонник этой модной в Америке игры. За игрой в гольф и решались зачастую главные вопросы мексиканской жизни.

⁶¹ Krauze E. Plutarco Calles. Reformar desde origen. Mexico, 1992. P. 176

⁶² Krauze E. Plutarco Calles. Reformar desde el origen. Mexico, 1992. P. 114

⁶³ Krauze E. Plutarco Calles. Reformar desde el origen. Mexico, 1992. P. 115

2 августа 1930 года Кальес женился на молодой красавице Леонор Льюренте, гитаристке, пианистке и оперной певице (сопрано), которая родила ему двоих детей. Свадьба была оформлена гражданскими процедурами и не привлекла большого внимания. Через два года в возрасте 27 лет Леонор умерла (у нее обнаружили опухоль в мозге, и американские хирурги в Бостоне оказались бессильны). Кальес во второй раз овдовел.

Здоровье самого Кальеса тоже пошатнулось, и он часто ездил на лечение в США и Европу.

Лидерство Кальеса в Мексике признавали и иностранные дипломаты. Американский посол Дэниэльс в нарушение дипломатического такта назвал Кальеса в одном из интервью в ноябре 1934 года «сильным человеком» Мексики. Один швейцарский бизнесмен, вернувшийся из Мексики в октябре 1932 года, писал: «Сильным человеком Мексики является генерал Плутарко Элиас Кальес. С 1924-го по 1928 год он был президентом, сейчас номинально он всего лишь военный министр, но все, что он делает, хорошо, и все, что он скажет, исполняется»⁶⁴.

Новое правительство Родригеса было технократическим, и солидные политические фигуры туда не вошли. Реальный центр власти неформально переместился в окружение Кальеса, формальный – в руководство НРП, что было в принципе одно и то же. В Мексике тогда говорили: «Кальес уже не во власти, но власть всегда в Кальесе».

Министром иностранных дел стал бывший посол в Вашингтоне Тельес, что ясно говорило о приоритетах мексиканской внешней политики. Министерство промышленности, торговли и труда было названо по-современному – Министерство экономики, и его возглавил малоизвестный адвокат Вилья Мичел (экономикой президент Родригес хотел заниматься сам). Министром финансов стал самый популярный в США ввиду своей консервативности мексиканский политик Альберто Пани. Министерство развития было разделено, и появилось самостоятельное Министерство сельского хозяйства во главе с сыном Кальеса Элиасом.

Родригес привлек в кабинет и бывшего президента Портеса Хилья. Тот вернулся в Мексику в 1932 году и попытался избраться губернатором своего родного штата Тамаулипас. Учитывая популярность Портеса Хилья на малой родине, это наверняка удалось бы, однако у Кальеса были иные мысли на сей счет. В результате партийные и государственные власти продавили на пост губернатора другого кандидата. Портес Хиль смирился с унижением, отошел от политики и стал, как и в начале своей карьеры, заниматься адвокатской практикой. Он говорил, что будет сидеть у ворот своего дома и ждать, пока мимо не пронесут труп врага⁶⁵.

⁶⁴ Tobler H. W. Die mexikanische Revolution. Frankfurt am Main, 1984. S. 423

⁶⁵ Portes Gil E. Autobiografía de la Revolución Mexicana // www.antorcha.net/.../auto-

Но Кальес, видимо, решил не слишком озлоблять бывшего союзника, и Портесу Хилью предложили пост генерального прокурора в ранге члена кабинета. Конечно, в условиях Мексики того периода роль прокуратуры была ограниченной – по сути, это ведомство лишь представляло правительство в различных судебных спорах. Однако Портес Хиль сделал хорошую мину при плохой игре и вернулся в политику.

Вакантным остался лишь ключевой пост военного министра – Кальес хотел видеть в этой роли только генерала Карденаса, но у него еще не завершился губернаторский срок в Мичокане (он был избран на 1928–1932 годы). Освободившись от должности, в начале 1933-го Карденас возглавил военное ведомство. Он считался самым преданным Кальесу генералом мексиканской армии. И, возможно, на тот момент так оно и было.

Во вступительной речи Родригес сделал упор на сплочение всех политических сил для обеспечения стабильности в стране в условиях мирового экономического кризиса. Именно по итогам борьбы с экономическими неурядицами и оценивало население Мексики новую администрацию.

Можно сказать, что Абељардо Родригесу просто повезло. К тому моменту, когда он стал президентом, Великая депрессия в США уже пошла на убыль, перекинувшись в Европу. Министр финансов Пани боролся с кризисом кейнсианскими методами: он просто наращивал денежную массу в стране, пытаясь стимулировать ослабевший спрос. В 1932 году предложение денег увеличилось на 31%, в 1933-м – на 15%⁶⁶. Формально это привело к успеху: в 1934 году ВВП Мексики вернулся на докризисный уровень. Однако большинство выпущенных денег осело в сейфах банков, которые берегли их на черный день.

Мексику вытащило из кризиса неожиданное изменение монетарной политики США. Как уже упоминалось, в Мексике наряду с бумажными деньгами ходили серебряные, которым доверяло пережившее инфляцию времен гражданской войны население. В начале кризиса цена серебра резко упала по отношению к золоту, что привело к давлению на мексиканскую валюту и банальному недополучению экспортной выручки. Однако летом 1933 года на международной экономической конференции в Лондоне была достигнута договоренность о стабилизации мировых цен на серебро. По этому соглашению американцы прекратили продажу своего серебра на мировом рынке, и его цена пошла вверх. Согласно поправке Томаса к сельскохозяйственному законодательному акту от 12 мая 1933 года президент США получил право определять золотой паритет доллара и его отношение к также еще ходившим в Америке серебряным долларам.

Получившие золотой паритет серебряные доллары стали востребованными, и это тоже привело к увеличению в США спроса на серебро. Наконец, в США был принят закон о закупках серебра, по которому предполагалось довести долю этого металла в денежном обращении страны до 25%⁶⁷. Министру финансов США для этого разрешили закупать серебро за границей, что было выгодно для мексиканского экспорта. К тому же банки США получили право на выпуск так называемых серебряных сертификатов, которые под залог серебра давали им возможность привлечения дополнительных денежных средств.

Все эти меры привели к существенному росту цен на серебро на мировом рынке. Если в 1932 году серебро стоило на лондонском рынке, по которому определялись мировые цены, в среднем 17,84 пенса, то в 1934 году – 21,23 пенса, а в 1935-м – 28,95 пенса⁶⁸.

Изменение цен вызвало рост добычи и экспорта серебра в Мексике, где производство этого металла выросло в 1935 году на 15% по сравнению с 1933 годом. Серебро было основным экспортным товаром, и оно потянуло за собой другие горнорудные подотрасли, например выплавку меди.

Чтобы оживить экспорт в США, Мексика в 1933 году сознательно девальвировала песо и зафиксировала его курс на уровне 1 доллар – 3,6 песо, что было очень выгодным для американских импортеров. Правда, данная мера существенно снизила импорт из тех же США, но для правительства Родригеса в тот момент это было меньшим из двух зол.

В 1933 году стабилизировалось и сельскохозяйственное производство, страдавшее в начале 30-х годов от сильнейших засух. Парадоксально, но эти засухи помогли стабилизировать цены на зерновые, однако для массы бедного городского населения рост цен на зерно означал существенный удар по семейному бюджету. Например, согласно проведенному в 1934 году социологическому исследованию рабочие в Мехико и так тратили на питание 56,5% заработной платы, а на культуру и развлечения – 3,5%. И это притом, что они были самыми высокооплачиваемыми в стране: глава рабочей семьи из 5 человек получал 14,6 песо в неделю. Американский рабочий то время тратил на питание в среднем 38,2%⁶⁹.

Рост цен на импортные продукты питания и неурожаи поставили большинство рабочих семей за грань прожиточного минимума. Многие пролетарии уходили с предприятий в деревню, чтобы прокормиться крестьянским трудом.

Но начиная с 1933 года ситуация начала улучшаться. Если в 1930 году было собрано 1377 тысяч тонн кукурузы (основного продукта питания

⁶⁷ Менжинский Е. Мексика. М., 1937. С. 84

⁶⁸ Менжинский Е. Мексика. М., 1937. С. 86

⁶⁹ Менжинский Е. Мексика. М., 1937. С. 89

в Мексике), то в 1932 году – уже 1972 тысячи тонн. Это было меньше уровня 1927 года (2079 тысяч тонн), но тенденция обнадеживала.

Начало экономической стабилизации в США подстегнуло спрос и на мексиканские технические культуры, которые на 80–90% вывозились в Америку. В 1932 году было собрано 22 тысячи тонн хлопка-волокна, а в 1933 году – 56 тысяч тонн, что даже превышало уровень докризисного 1927 года. К 1934 году восстановился докризисный уровень производства сахара (30% которого тоже шло на экспорт).

В общем, мексиканский экспорт (который и был основным двигателем национальной экономики) вырос с 304,7 миллиона песо в 1932 году до 643,7 миллиона в 1934 году. Импорт превысил уровень 1929 года (382,2 миллиона песо) только в 1935 году (406,1 миллиона песо)⁷⁰.

Однако кризис несколько не ослабил зависимость Мексики от США во внешнеэкономической сфере. В 1935 году доля США в мексиканском импорте составляла 65,4%, Германии – 12%, Великобритании – 7%, Франции – 4%. В США шло в 1935 году 63% мексиканского экспорта, в Великобританию – 14%, в Германию – 7%. В начале 30-х годов появился лишь один новый покупатель мексиканского сырья – Япония, которая все прочнее увязала в войне в Китае. Японцы закупали в Мексике хлопок (парашюты, одежда для армии), цинк и железный лом (для производства оружия и боеприпасов).

Восстановление экспорта и прекращение обслуживания внешнего долга улучшили финансовое положение Мексики при президенте Родригесе. В 1931–1932 годах, когда ситуация была очень сложной, правительство повысило таможенные пошлины и разного рода сборы. Например, был введен налог на почтовые посылки в размере 10%. С 1 января 1934 года Мексика хотела было возобновить обслуживание внешнего долга начиная с 1 января 1935 года, но своего обещания не выполнила. Уже в январе 1935 года было объявлено, что в этом году никаких платежей иностранные кредиторы не получат.

Учитывая описанные выше достаточно благоприятные условия 1933–1934 годов, Абеярдо Родригесу удалось выполнить свое главное обещание и сбалансировать бюджет. В 1932 году доходы бюджета составили 197,8 млн песо, расходы – 226,6 (то есть бюджетный дефицит равнялся 28,8 млн песо). Уже в 1934 году, по прогнозу правительства, доходы должны были вырасти до 242,8 млн песо, а расходы – до 242,7 млн, и тогда бюджет был бы сбалансирован. Однако действительность оказалась даже радужней прогнозов: доходы превысили 309 миллионов песо, а расходы – 264,7. Впервые с середины 20-х годов у Мексики образовался солидный бюджетный профицит в 44 миллиона песо⁷¹.

⁷⁰ Менжинский Е. Мексика. М., 1937. С. 111

⁷¹ Менжинский Е. Мексика. М., 1937. С. 120

Однако структура доходной части мексиканского бюджета продолжала всецело находиться во власти таможенных пошлин, что отражало вопиющую слабость внутреннего спроса и бедность подавляющей части населения, которое фактически и не могло заплатить никаких налогов. В 1935 году 21% доходов приходилось на импортные пошлины, 22% – на экспортные пошлины. Самый крупный внутренний налог, на производство металлов, фактически внутренним тоже не являлся, так как в основном Мексика производила металлы на экспорт. В 1935 году этот налог принес в казну 16 миллионов песо, а налог на нефть и нефтепродукты – 13,2 миллиона, и этот налог был фактически завуалированной таможенной пошлиной, так как почти вся нефть шла на экспорт. 15 миллионов песо в 1935 году дал дополнительный налог на железные дороги, а те, в свою очередь, получали основной доход от перевозки экспортных грузов. Гербовый сбор обогатил бюджет в 1935 году на 12,5 миллиона песо⁷².

Такая структура доходной базы ставила Мексику в тотальную зависимость от конъюнктуры мировых рынков, прежде всего рынка США. И правительство Родригеса в этом отношении ничего не изменило.

До 1931 года мексиканское песо формально имело золотой стандарт – 0,75 граммов чистого золота. Однако мировой экономический кризис вызвал ажиотажный спрос на золото, которое уходило на тезаврацию – проще говоря, на «черный день», и фактический золотой паритет «золотого песо» был выше номинала на 40% при обмене на бумажные деньги.

В июне 1931 года по Мексике распространились слухи, что правительство со дня на день прекратит все платежи в золоте и наложит арест на все золотые депозиты граждан для пополнения своих резервов. Вкладчики ринулись в банки забирать свои золотые сбережения⁷³. Нервозность испытывали и иностранные банки и инвесторы. Ведь формально Банк Мексики был частным акционерным банком и не отвечал по обязательствам правительства. Все боялись, что банкноты перестанут разменивать на золото.

Чтобы сбить «золотой ажиотаж», с 25 июля 1931 года серебро, которого в Мексике было более чем достаточно, было также объявлено законным платежным средством, и песо фактически потеряло свой золотой паритет – золотые монеты исчезли из обращения, а новые не чеканились. Бумажные деньги теперь имели только серебряный эквивалент. Исходя из этого, правительство было вынуждено запретить свободную чеканку серебряной монеты. До этого ее могло чеканить любое физическое или юридическое лицо, в том числе и иностранное, легально обладавшее необходимым количеством серебра. Начиная с 1933 года легально чеканить се-

⁷² Менжинский Е. Мексика. М., 1937. С. 120–121

⁷³ Romero Sotelo M. E., Ludlow L. Temas s debate moneda y banka en Mexico 1884–1954. Mexico, 2006. P. 261

ребряные и бронзовые монеты мог уже только Национальный банк (Банк Мексики).

Серебряное песо равнялось 26,6667 граммов серебра, и его курс в декабре 1933 года был 35,6% от стоимости «золотого песо»⁷⁴. Валюта оказалась достаточно стабильной (рост цен на серебро, как уже упоминалось, этому сильно способствовал): в декабре 1935 года курс был 33,1%.

Однако в целом ни золотые, ни серебряные деньги не могли обеспечить мексиканскую экономику необходимыми для ее развития кредитными средствами, тем более что золотые монеты в начале 30-х годов практически полностью исчезли из обращения, и в декабре 1931 года были напечатаны бумажные деньги на 1 миллион песо. Банкноты свободно обменивались на серебро, поэтому население стало испытывать к ним доверие. Это позволило нарастить эмиссию: в 1932 году в среднем каждый месяц в стране обращалось бумажных денег на 22 миллиона песо, а в 1934 году – на 96 миллионов. Серебряной монеты в 1933 году находилось в обращении на 116,3 миллиона песо.

Но если денежное обращение к 1934 году несколько стабилизировалось, то отсталая мексиканская банковская система была серьезным тормозом на пути развития национальной экономики. В 1931–1933 годах было выпущено бумажных денег и металлических монет на общую сумму в 200 миллионов песо. Однако в реальное обращение из них попало только 50 миллионов – остальные осели в подвалах банков⁷⁵. Таким образом, при мизерном внутреннем спросе населения и срочной необходимости этот спрос стимулировать частные банки фактически саботировали финансовые меры правительства.

Золотовалютные резервы Банка Мексики к 1935 году составили 170 миллионов песо, из которых на 28 тонн золота приходилось 115 миллионов песо, а на 20 миллионов унций серебра – 48,5 миллиона⁷⁶. Таких средств было абсолютно недостаточно для давно назревшей модернизации мексиканского сельского хозяйства и необходимой индустриализации страны. Тем более что и обязательств у Национального банка, вынужденного держать золото и серебро для размена банкнот, было на 130 миллионов песо.

Таким образом, если Абеярто Родригесу и удалось сбалансировать бюджет, то это было сделано за счет отказа от коренной модернизации национальной экономики (которая, заметим, именно в это время началась в СССР). Резкое падение промышленного производства и недозагрузка мощностей промышленности в развитых капиталистических странах позволили СССР во время Великой депрессии закупить по низким ценам громадное

⁷⁴ Менжинский Е. Мексика. М., 1937. С. 122

⁷⁵ Bassols N. Obras. Mexico, 1954. P. 315

⁷⁶ Bassols N. Obras. Mexico, 1954. P. 315

количество станков и построить с помощью потерявших работу американских и немецких рабочих и инженеров ЗИЛ и много других важных промышленных объектов. Мексика свой шанс покончить с отсталостью упустила. На этом фоне сбалансирование бюджета на прежнем отсталом уровне вовсе не выглядит солидным достижением «менеджера» Абелярдо Родригеса.

К тому же реформы финансового сектора были как раз не только и не столько достижением лично Родригеса. В июле 1931 года Кальес заставил Ортиса Рубио назначить его главой центрального банка. А с сентября 1933-го по январь 1934 года Кальес был министром финансов – последняя государственная должность, которую он занимал в жизни. Этими назначениями «верховный вождь» ясно давал понять, что только он может решить самые наболевшие проблемы страны.

Именно Кальес превратил Банк Мексики в 1931 в единственный эмиссионный центр страны. Закон о новых полномочиях центрального банка получил название «закон Кальеса». Правда, в апреле 1932 года уставной капитал Банка Мексики был сокращен со 100 до 50 миллионов песо, из которых было реально оплачено лишь 65%⁷⁷. Банк мог осуществлять эмиссию бумажных денег при условии, что 50% ее объема будет покрыто имеющимся у него серебром.

В 1932 году вышел закон о кредитных институтах и вспомогательных организациях, который впервые после революции должен был создать правила игры для банковского сектора.

В 1933 году было создано Национальное финансовое агентство («Нафина») – правительственная кредитная организация, которая давала гарантии частным банкам для того, чтобы последние активно реализовывали находившиеся у них недвижимость, в частности землю. Тем самым власти планировали высвободить для аграрной реформы необрабатываемые земли. В 1934 году закон об образовании агентства был модифицирован, и оно стало своего рода государственным кредитным учреждением, призванным обеспечить экономику долгосрочными кредитными средствами в условиях пассивности частных банков. Позднее в компетенцию агентства, которое стало официальным государственным агентом по правительственным облигациям, было передано регулирование рынка ценных бумаг.

Согласно закону об учреждении агентства банкам был дан срок три года на реализацию недвижимости (или прав на нее), которую они приобрели в качестве залога после революции.

Агентство было акционерным обществом, капитал которого состоял из акций двух типов. Акции типа «А» принадлежали правительству, акции типа «В» – частным организациям. В реальности правительство выкупило 200 акций из 250 на общую сумму в 20 миллионов песо. Однако 90% было

⁷⁷ Менжинский Е. Мексика, М., 1937. С. 117

внесено не деньгами, а облигациями или находящимся во владении федерального правительства имуществом. «Живыми» деньгами (долларами, золотом и песо) в агентство поступило только 1,2 миллиона песо.

Частный сектор по-прежнему продолжал саботировать меры правительства: из 250 тысяч акций серии «В» было выкуплено всего 280 на сумму в 28 тысяч песо. С такими деньгами говорить о каком-либо быстром развитии национальной экономики, конечно, не приходилось.

В 1933 году был создан Национальный банк по ипотеке и общественным работам. Ему предстояло, в частности, финансировать ирригационные сооружения, что было очень важно в условиях засушливого климата большей части территории Мексики. Однако и у этого кредитного учреждения был мизерный капитал – 20 миллионов песо, из которых одна треть принадлежала правительству.

В 1934 году появилось акционерное общество «Национальная компания инвестиций», 50% акций которого находилось в руках правительства, а остальные 50% – у частных банков. Эта компания была призвана финансировать развитие мексиканской промышленности.

Все новые кредитные учреждения в Мексике не могли решить задачу индустриализации страны по следующей причине: для финансирования модернизации нужно было много денег, и именно бумажных. Однако, привязав бумажные деньги сначала к золотому, а потом к серебряному стандарту, Мексика сама лишила себя финансовых ресурсов. К тому же частный сектор не доверял бумажным деньгам и не желал использовать их в виде кредитных средств для развития экономики.

В этих условиях у Мексики не было другого выбора, как создать государственные предприятия в тех или иных отраслях промышленности. Но этому мешала либеральная частнокапиталистическая идеология Кальеса и его сторонников. Поэтому если СССР добился модернизации на фоне мирового экономического кризиса и в минимальные сроки именно за счет развития государственных предприятий, то в Мексике в тот период госсектор в промышленности так и не возник. Частный же капитал (в основном иностранный) был ориентирован на вывоз из Мексики сырья и никакого интереса к развитию мексиканской обрабатывающей промышленности не проявлял.

Рост цен и безработицы, вызванный не в последнюю очередь мерами правительства (девальвацией песо и увеличением таможенной нагрузки на импорт) привел к тому, что в условиях массовых протестов властям пришлось взяться за регулирование цен на продовольствие. В 1931 году был принят закон по регламентации статьи 28 Конституции, по которому на местах создавались комитеты по регулированию цен⁷⁸. Данные комитеты

⁷⁸ Ochoa E. C. Feeding Mexico. The political uses of Food since 1910. Scholarly Resources Ink, 2002. P. 32

(с участием представителей различных министерств) определяли потребность того или населенного пункта в основных продуктах питания и устанавливали предельные цены на тот случай, если возникал недостаток этих продуктов. Тех торговцев, которые завышали цены, штрафовали. Начиная с 1930 года Министерство промышленности, торговли и труда стало регулярно публиковать ежегодник, в котором содержались данные о стоимости жизни для населения Мексики. В 1934 году стали публиковать два индекса стоимости жизни. В одном отслеживалось изменение розничных цен в целом по Мексике, в другом – изменение цен для рабочих столичного округа. Именно эти данные служили для правительства ориентиром при регулировании цен.

В 1931 году был хороший урожай зерновых, и цены на них упали. Чтобы предотвратить накопление торговцами запасов зерна с целью последующей спекуляции, правительство в июне 1932 года впервые прибегло к зерновым интервенциям. Для этих целей при Банке сельскохозяйственного кредита были созданы специальные склады, в которых производители могли хранить свое зерно на приемлемых условиях. Всего в 1932–1934 годах было построено 36 зернохранилищ, в основном рядом с большими городами. Однако до 1935 года партнерами государственных складов были не производители, а перекупщики, и какого-то решающего влияния на рынок зерна эта мера не оказала.

В сфере аграрной реформы администрация Родригеса продолжала руководствоваться текущей политической целесообразностью. А таковая в начале 30-х годов упорно подсказывала курс на радикализацию преобразований. Кризис привел к росту политической активности масс, в том числе и крестьянских. Снова выросло влияние загнанных в подполье коммунистов. Губернатор Веракруса Техеда явно готовился выставить свою кандидатуру на президентских выборах 1934 года именно под лозунгом немедленного проведения в жизнь широкомасштабной аграрной реформы. Опорой Техеды являлись крестьянские лиги, многие члены которых были вооружены. Оставшиеся во время кризиса без работы рабочие тоже требовали земли. Все эти настроения захватывали и широкие массы членов НРП.

В этих условиях Кальес и Родригес, вопреки своим убеждениям, взяли курс на более интенсивное распределение земли, чтобы выбить почву из-под ног своих возможных политических противников на президентских выборах.

14 июля 1933 года был опубликован декрет, отменявший все ограничения на конфискацию земель, введенные в начале 30-х годов. Например, снова были ликвидированы предельные сроки, в течение которых крестьяне могли подать заявки на наделение землей⁷⁹. 30 декабря 1933 была изменена

⁷⁹ Очерки новой и новейшей истории Мексики, М., 1960. С. 388

статья 27 Конституции, на основании которой 22 марта 1934 года приняли Аграрный кодекс.

В новой редакции статьи 27 говорилось, что конечной целью аграрной реформы является создание мелкого частного собственника, а не укрепление общинного землевладения. Однако все же основным методом реформы провозглашалось наделение землей общин. Батраки-пеоны по-прежнему фактически лишались права подавать заявки на землю.

Согласно кодексу заявку на землю могли подавать уже не только общины-«эхидос» или деревни («пуэблос»), а любые компактные группы крестьян численностью не менее 20 человек, каждый из которых имел право на землю. На ходатайство имел право любой мужчина, достигший 16-летнего возраста, мексиканец по рождению, проживавший на территории, где он просит землю, не менее 6 месяцев⁸⁰. При этом проситель должен был сам обрабатывать землю и не иметь торгового или промышленного капитала на сумму более 2500 песо. Жившие в поместьях пеоны-«акасильтас» не имели права самостоятельно образовывать группу ходатаев, но уже могли участвовать в качестве просителей в группах «нормальных» крестьян.

Всего за время правления Абелярдо Родригеса было распределено среди 161 327 семей 2 094 637 гектаров земли⁸¹. Это было значительным достижением, если учесть, что всего с начала аграрной реформы в январе 1915 года по 1934 год распределили 11 миллионов га среди крестьян, составлявших одну четвертую всего крестьянского населения. Однако, за исключением штата Морелос, крупные поместья на территории Мексики продолжали доминировать. Получившие средства крестьяне, в массе своей лишенные финансовой и кредитной поддержки, владели бедное существование и едва могли прокормить свои семьи.

Период правления Родригеса вызвал к жизни в Мексике довольно любопытный социальный феномен, получивший наименование «социалистической школы» или «социалистического образования».

Следует подчеркнуть, что если мексиканская революция к началу 30-х годов не изменила принципиально социально-экономический уклад жизни большинства населения, то в народном образовании были достигнуты весьма впечатляющие результаты.

В 1910 году неграмотными или функционально неграмотными были 80–85% мексиканцев, в основном проживающих в сельской местности. Среди коренного населения страны, индейцев, неграмотность была практически поголовной. Начиная с президентства Обрегона (1920–1924 годы), когда

⁸⁰ Sanderson S. E. *Agrarian populism and the Mexican State: the struggle for Land in Sonora*. University of California Press, 1981. P. 107

⁸¹ Portes Gil E. *Autobiografía de la Revolución Mexicana* // www.antorcha.net/.../autobiografia/bibliografia.html

министром образования назначили Васконселоса, на ликвидацию неграмотности были затрачены большие финансовые ресурсы. И это не замедлило сказаться.

Согласно переписи 1930 года неграмотными числились уже только 59,26% населения страны. В 1931 году в Мексике было 19 523 школы, в которых 45 тысяч учителей обучали 1 916 тысяч учеников. Наиболее выдающимся достижением революции явился рост числа именно сельских школ – в 1931 году их было 13 210⁸². Из всего количества школ федеральными было 7012, 8829 школ находились в ведении штатов и муниципалитетов. 3682 школы были частными.

Эти впечатляющие цифры скрывали, однако, само состояние многих школ. Большинство муниципалитетов Мексики, особенно сельских, не имели нормального бюджета, и школы зачастую находились в непригодных для этого помещениях. Многие школы вообще существовали только на бумаге: в них не было либо здания, либо учителей, либо учеников. Учителям не доплачивали, многие из них были откровенно слабыми педагогами. В среднем дети в сельской местности посещали школу от силы два года, после чего начинали зарабатывать на хлеб насущный.

В стране насчитывалось 9,5 тысячи студентов вузов, главным из которых был Национальный автономный университет Мехико, имевший семь факультетов. Помимо этого в Мексике имелись только два университета – в городах Мерида и Гвадалахара. Большинство мексиканских студентов предпочитали не технические и естественные науки, а юриспруденцию, и этот выбор был естественным. Промышленность Мексики практически полностью контролировалась иностранным капиталом, который предпочитал собственных инженеров, в основном американских. Только адвокатура могла позволить молодому мексиканскому интеллектуалу прокормить семью.

Соответственно, кадрами для индустриализации страны Мексика не обладала.

Образование в Мексике в послереволюционное время имело и очень важный политический аспект, ибо было одним из главных спорных вопросов в отношениях между церковью и государством. Конституция строго запрещала церкви любое вмешательство в систему государственного образования, которое было объявлено светским. Однако церковь через родительские организации верующих, например Союз отцов семейств, всячески пыталась очернить светскую школу как место пропаганды разврата.

После компромисса, достигнутого духовенством и властью 1929 года, тактика клерикалов несколько изменилась. Теперь школу упрекали в том, что она учит детей только отрицать (например, существование бога), но

⁸² Менжинский Е. Мексика. М., 1937. С. 134

не предлагает каких-либо позитивных жизненных ценностей. В частности, церковь утверждала, что католическая религия является гарантом национального суверенитета перед лицом протестантских США, и поэтому дети, лишенные ее, никогда не станут патриотами страны.

Такая тактика оказалась весьма действенной: ведь у стоящих у власти революционеров действительно не было никакой общей позитивной идеологии. Само слово «революция» каждый понимал по-своему: кто-то считал, что она гарантирует лишь недопущение переизбрание президента на новый срок, а кто-то считал, что надо национализировать средства производства. Церковь умело использовала этот идеологический вакуум «революционной семьи».

Обладавший недюжинным политическим чутьем Кальес решил реформировать систему образования, чтобы убить как минимум двух зайцев. Во-первых, именно борьба с религией была общим знаменателем всех тех, кто считал себя революционерами (например, только в этом вопросе коммунисты поддерживали правящий режим). В преддверии президентских выборов 1934 года «верховному вождю» было выгодно пойти на новое обострение отношений с клиром, чтобы сплотить в борьбе против «реакции» всех сторонников НРП.

Вторая причина была не менее серьезной. Под влиянием мирового экономического кризиса в Мексике наблюдалось серьезное «полевение» взглядов населения, которых не устраивал осторожно-реставраторский курс властей. Резко выросла популярность СССР – единственной страны, которая не только не пострадала от кризиса, но и добилась в тот период феноменальных успехов в модернизации страны. Правительственная пропаганда уже не могла отмахнуться от коммунистических идей как «экзотических» и чуждых мексиканскому национальному характеру.

О популярности СССР в Мексике говорит, например, такой интересный факт. 6 октября 1933 года в городе Агуаскальентес состоялся праздничный митинг по случаю того, что один из местных рабочих дал своему сыну имя Ленин⁸³. Рабочие и крестьяне Мексики все настойчивее требовали в стране установления социализма, хотя и не всегда представляли себе, что это такое. Но социализм был в СССР, а успехи этого государства были налицо.

Кальес прекрасно понимал, что через некоторое время люди поймут, что социализм означает не что иное, как ликвидацию частной собственности на средства производства. Но это решительно не вписывалось в мировоззрение «верховного вождя», а тем более удачливого бизнесмена Абелярдо Родригеса. В этих условиях сам Кальес решил возглавить движение страны к социализму, но только в одной сфере – в образовании (он понимал, что для

⁸³ Очерки новой и новейшей истории Мексики. М., 1960. С. 388

церкви слово «социализм» – то же самое, что красная тряпка для быка). Кальисты утверждали, что сначала социализм должен победить в головах людей, которые после этого и перестроят жизнь на социалистических началах. А для этого, в свою очередь, надо коренным образом преобразовать всю систему образования, сделав его «социалистическим». Экономические же реформы следует отложить до победы социалистического мировоззрения в стране.

Чтобы по сильнее задеть церковь и сплотить полежавшее общественное мнение, Кальес доверил реформу образования Нарсисо Бассольсу – первому мексиканцу-марксисту, занявшему министерский пост.

Бассольс родился в 1897 году в штате Мехико в семье адвоката и был племянником видного мексиканского политического деятеля, яркого борца с религией Лердо. Получив юридическое образование, Бассольс выбрал профессию отца и вскоре стал довольно популярным адвокатом. Он преподавал в родном университете, а в 1925 году стал советником Департамента здравоохранения. Бассольс считался в стране не только видным юристом, но и одним из первых национальных экономистов (тогда в Мексике официально такой специальности не существовало). Поэтому сам президент Кальес доверил молодому юристу в 1927 году редактуру закона, регламентирующего статью 27 Конституции. Эта же статья регламентировала аграрную реформу, и закон Бассольса ее развивал. Например, согласно этому закону были ограничены права латифундистов на судебное обжалование конфискаций земли (что при неповоротливой мексиканской судебной системе могло затянуть сам процесс распределения земли на годы).

Бассольс был так польщен доверием президента, что превратился в преданного кальиста, хотя и имел совсем другие взгляды, чем Кальес.

В феврале 1929 года Бассольс был назначен директором юридического факультета Университета Мехико, в рамках которого создал секцию аграрного права и экономических наук. Так в Мексике стали готовить собственных экономистов. Решение Бассольса ввести для студентов экзамены для проверки их знаний вызвало в университете уже упоминавшиеся выше сильнейшие протесты, и Бассольс, не желая отказываться от принятого им решения, ушел в отставку.

21 октября 1931 года Бассольс был назначен министром образования и сохранил этот пост при президенте Родригесе.

Уже в первом своем отчете перед Конгрессом в 1932 году министр подчеркнул, что школа была и останется светской, но ее надо наполнить более позитивным материалом, особенно в сфере общественных наук. Например, в школе можно было бы изучать социалистическую доктрину устройства общества, которая предполагает более справедливое распределение национального богатства среди населения. Это не означает, что школа потеряет светский характер, а поэтому для создания социалистической школы не

нужно даже реформировать Конституцию. Подражая Ленину, Бассольс вывел собственную формулу: «Школа = лаицизм + социализм»⁸⁴.

Естественно, церковь встретила в штыки само упоминание о «социалистической» школе. Тем более что Бассольс вне всякой связи с социализмом начал реформировать уже существующую систему образования. В сельских школах планировалось сделать больший упор на естественные науки и на профессиональное обучение, чтобы подготовить учеников к самостоятельной профессиональной жизни. Ничего социалистического в этом проекте не содержалось, и церкви было сложно протестовать против столь очевидной и давно назревшей меры.

Однако клерикалы придрались, и весьма успешно, к другому нововведению Бассольса. Министр распорядился ввести в старших классах основы сексуального образования, чтобы подготовить юношей и девушек к будущей супружеской жизни. Уже само слово «секс» разъярило церковь, которая активно заговорила об окончательном превращении государственных школ в гнезда разврата. Правда, об этом церковь твердила и в 20-е годы, когда никакого сексуального образования в мексиканских школах не было и в помине. Под влиянием церкви родители стали отказываться отдавать своих детей, особенно дочерей в школы.

Церкви удалось добиться того, что для большого количества мексиканцев, особенно женщин понятие «социалистическая школа» стало ассоциироваться с сексом и грехом.

15 мая 1931 года папа римский издал энциклику «*Quadragesimo Anno*», в которой подчеркивалось непримиримость между христианским и социалистическим мировоззрением. Это было особенно важно для стран Латинской Америки, где многие и до сих пор считают Иисуса Христа первым социалистом.

Такая трактовка была на руку и Кальесу, поскольку дискредитировала само понятие социализма и натравливала его сторонников на верующих. Поэтому «верховный вождь» расчетливо решил обострить ситуацию в стране. И ему это удалось.

29 декабря 1931 года по инициативе Бассольса и с одобрения Кальеса был издан закон, запрещающий религиозное обучение во всех частных школах, сертифицированных государством как образовательные учреждения. Фактически церковь лишалась последних остатков своего влияния в сфере образования. Немедленно под влиянием церкви Союз отцов семейств направил президенту телеграмму с протестом против удаления священников из частных школ.

В октябре 1932 года папский представитель в Мексике Леопольдо Руис-и-Флорес (архиепископ Мексики) распространил изданную папой 29 сентя-

⁸⁴ Bassols N. Obras. Mexico, 1954. P. 128

бря 1932 года энциклику «*Asserua Animi*», в которой мексиканские власти резко критиковались за преследование религии в стране. Абелярдо Родригес назвал энциклику «абсурдной», и папского представителя выдворили из Мексики за вмешательство во внутренние дела страны и подстрекательство к мятежу.

Кальес наращивал ажиотаж в стране, сплачивая «революционеров» перед лицом «поднявшей голову реакции». Портес Хиль издал и распространил с ведома Кальеса по стране и за рубежом брошюру «Борьба между гражданской властью и клиром», в которой описывал действительно имевшее место непрерывное противодействие католической церкви в Мексике революционным преобразованиям⁸⁵. Было отпечатано 600 000 экземпляров.

5 декабря 1933 года съезд НРП, который должен был выдвинуть кандидата в президенты от правящей партии и сформулировать программу на предстоящие шесть лет, принял решение добиваться пересмотра Конституции и закрепления в ней принципа «социалистического образования» (хотя, как совершенно правильно считал Бассольс, никакого изменения основного закона страны для этого не требовалось).

Уже тогда многие в стране, причем не только коммунисты, но и члены НРП, понимали, что разговоры о социалистическом образовании призваны отвлечь народные массы от борьбы за реальные социально-экономические преобразования в стране. Однако было сложно выступить против «социализма» без риска быть причисленным к стану реакции, церковников и мракобесов. Тем не менее один из делегатов съезда НРП Луис Энрике Эрро резко критиковал попытки изменить жизнь в стране только через реформу школы. Однако речь Эрро была встречена в штыки большинством антиклерикально настроенных делегатов⁸⁶.

Кальес активно поощрял борьбу с религией, которую вел в штате Табаско губернатор Каннабаль, сформировавший молодежные отряды «краснорубашечников», нападавшие на церковные процессии. Многие губернаторы, пользуясь предоставленным им законодательством правом, резко ограничили количество католических священников своих штатах.

Между тем Бассольс под влиянием массовых протестов против «сексуального образования» вынужден был подать в отставку с поста министра образования, что тоже в принципе устраивало Кальеса – ведь Бассольс был не показным, а реальным социалистом.

20 июля 1934 года прозвучал «клич из Гвадалахары» – так газеты называли новое объявление войны церкви «верховным вождем». «Революция

⁸⁵ Portes Gil E. Autobiografia de la Revolucion Mexicana // www.antorcha.net/.../autobiografia/bibliografia.html

⁸⁶ Шульговский А. Ф. Мексика на крутом повороте своей истории. М, 1967. С. 149

не завершена... Необходимо, чтобы мы вступили в новый ее этап, который я бы назвал революционной психологией: мы должны захватить мысли молодежи, так как они должны принадлежать Революции...»⁸⁷ «С этой целью я призываю всех губернаторов штатов, все власти республики, всех революционеров развернуть решительную и окончательную борьбу во всех областях, в любом направлении, чтобы совесть и сознание молодежи принадлежали Революции»⁸⁸.

Естественно, большинство губернаторов откликнулись на призыв вождя и стали еще громче требовать изменения Конституции и закрепления в ней принципа «социалистической школы». Представители мексиканского епископата, напротив, предсказуемо окрестили Кальеса «большевиком», что ему и требовалось: теперь уже сложно было упрекнуть «верховного вождя» в консерватизме и предательстве идеалов революции.

В октябре 1934 года, незадолго до вступления в должность нового президента Мексики Ласаро Карденаса, Конгресс утвердил новую редакцию статьи 3 Конституции 1917 года: «Образование, которое будет внедрять государство, является социалистическим, и, помимо исключения всякой религиозной доктрины, оно будет бороться против фанатизма и религиозных предрассудков. Для этого школа будет придерживаться в своей деятельности и системе обучения таких методов, которые позволят молодежи выработать рациональные и ясные взгляды на Вселенную и жизнь общества»⁸⁹.

Уже сам этот текст ясно свидетельствует о том, что под социалистическим понималось обычное светское образование, а вовсе не преподавание основ научного социализма, тем более марксизма. Кальес в очередной раз показал мастерство, с которым он пользовался революционной демагогией, чтобы скрыть свои консервативные убеждения. Характерно, что доказывая необходимость для государства влиять на умы и души граждан, «верховный вождь» приводил в пример Германию и Италию. Находящиеся там у власти фашистские партии тоже позиционировали себя как антиклерикальные.

Между тем к середине 1933 года стали выявляться кандидаты на пост президента. По законодательству за год до выборов они должны были покинуть занимаемые посты в государственном аппарате. В отставку с поста военного министра подал Ласаро Карденас, который олицетворял левое крыло НРП. Ему противостоял ближайший сподвижник Кальеса Мануэль Перес Тревиньо, ушедший с поста лидера НРП, правое крыло которой он представлял.

Конечно, идеологически Кальесу был ближе Тревиньо. Но «верховный вождь» своей антирелигиозной и социалистической риторикой так ра-

⁸⁷ Krauze E. Plutarco Calles. Reformar desde el origen. Mexico, 1992. P. 124

⁸⁸ Шульговский А. Ф. Мексика на крутом повороте своей истории. М, 1967. С. 148

⁸⁹ Шульговский А. Ф. Мексика на крутом повороте своей истории. М, 1967. С. 150

дикализовал массы рабочих, интеллигенции и крестьян, что сам и попал в этот водоворот. Общественное мнение в то время просто не приняло бы в качестве кандидата в президенты умеренного политика, каковым и был Тревиньо.

Карденас тогда не внушал Кальесу особых опасений. Конечно, он был радикальным губернатором и активно проводил у себя в Мичоакане аграрную реформу. Но это было в пределах правил «революционной семьи». К тому же на левом фланге политического спектра все яснее вырисовывалась в качестве кандидата в президенты фигура еще одного радикального губернатора – Техеды.

В отличие от Карденаса, Техеда не присоединился к НРП и имел собственную политическую базу. Это в глазах Кальеса делало его крайне опасным, тем более что губернатор Веракруса не скрывал симпатий к коммунистам и Советскому Союзу. Поэтому было заманчиво столкнуть левого Техеду с левым же Карденасом. Тревиньо в схватке с каждым из этих кандидатов явно проигрывал в радикализме. А именно радикализм был тогда знаменем широких масс мексиканского электората.

В пользу Карденаса активно агитировал и сын Кальеса Родольфо. Наконец, в поддержку губернатора Мичоакана высказались видные генералы-аграристы – Седильо и Альмасан. Таким образом, армия была на стороне Карденаса.

Активную работу в поддержку Карденаса развернул Портес Хиль, который мечтал вернуться в политику. Карденас с его прогрессивной идеологией вполне соответствовал мировоззрению бывшего президента. 3 мая 1933 года мексиканские газеты опубликовали манифест нескольких крестьянских организаций, автором которого был Портес Хиль. В документе содержался призыв ко всем рабочим и крестьянским организациям Мексики поддержать Карденаса, чья кандидатура отвечает чаяниям трудящихся⁹⁰.

Кальес все еще колебался. Хотя «хефе максимо» и считал Карденаса своим сыном, возможно, окончательно вождя убедило в преданности Карденаса его поведение после ухода с поста губернатора Мичоакана осенью 1932 года. Карденасу предназначался явно второстепенный пост командующего войсками в Пуэбле. Дивизионному генералу не на что было даже снять себе нормальный дом. Однако Карденас вел себя тихо и смиренно и уже 1 января 1933 года стал военным министром.

В начале 1933 года Кальес выжидал, ограничившись рекомендацией не начинать раньше времени предвыборную гонку. Он демонстративно удалился в одно из своих имений – «Эль Суасаль» в Нижней Калифорнии. К вождю, как обычно, зачастили политики из столицы, стремившиеся угадать, на

⁹⁰ Шульговский А. Ф. Мексика на крутом повороте своей истории. М., 1967. С. 77–78

кого же в итоге поставит «хефе максимо». Ходили слухи, что еще одним фаворитом Кальеса является бывший министр внутренних дел Карлос Рива Паласио.

Появившиеся в прессе воззвания различных рабочих и крестьянских организаций в пользу Карденаса сделали свое дело: верховный вождь понимал, что надо определяться, иначе предвыборная гонка развернется без его чуткого руководства. В имении «Эль Суасаль» состоялось совещание ряда губернаторов штатов, преданных Кальесу, на котором и был решен вопрос о кандидатуре будущего президента. Многие губернаторы рекомендовали Кальесу дезавуировать Карденаса. Вождю указывали на «трудный» и «беспокойный» характер бывшего губернатора Мичоакана. Против Карденаса высказались губернаторы штатов Гуанахуато и Морелоса. Они говорили, что радикальные реформы Карденаса в Мичоакане отпугнули бизнесменов и привели чуть ли не к экономическому хаосу в штате. Кальес снисходительно возразил, что Карденас, конечно, еще слишком молод и горяч, но если им руководить, то он будет неплохим президентом⁹¹.

Взвесив все «за» и «против», а скорее, просто смирившись с общественным мнением страны, Кальес решил поддержать кандидатуру Карденаса. Но на всякий случай заменивший Карденаса на посту губернатора Мичоакана Бениньо Серратос стал активно разрушать в штате созданные там его предшественником «под себя» рабочие и крестьянские организации⁹².

В июне 1933 года «верховный вождь» определился, и Тревиньо после консультаций с Кальесом заявил газетам, что снимает свою «пре-кандидатуру». Кальес назвал решение Тревиньо «патриотическим» и примером на будущее. Через два месяца Тревиньо, чтобы не мешать предвыборной кампании единого кандидата НРП Карденаса, ушел с поста лидера партии.

К 1934 году Карденас и Кальес уже не были близки, как когда-то. Карденас не забыл период 1930–1931 годов, когда «верховный вождь» методично подрывал престиж президента страны. Карденас, конечно, как и все прочие, ездил на поклон к Кальесу, но не принимал участия в пьянках, гольфе и карточных играх. Такой «буржуазный» стиль жизни «революционера» Кальеса претил ему.

Характерным в этом смысле является следующий случай. Кальес пригласил Карденаса в свое поместье «Эль Тамбор» на берегу океана. Старые друзья сердечно обнялись и решили окунуться. Кальес с удовольствием демонстрировал окружающим, как хорошо он плавает в своем уже далеко не юном возрасте. «Верховный вождь» взял большой мяч и, играя с ним, поплыл, показывая оставшимся на берегу различные стили плавания. Когда Кальес

⁹¹ Шульговский А. Ф. Мексика на крутом повороте своей истории. М., 1967. С. 79

⁹² Sherman J. W. The Mexican right: the End of Revolutionary Reform 1929–1940. London, 1997. P. 24

оглянулся, удивлению его не было предела. Карденас отошел вдоль берега на несколько сотен шагов и стал купаться отдельно. Кальес был настолько потрясен, что даже не стал делать гимнастику, как поступал обычно после купания. Он о чем-то долго говорил со своим сыном Родольфо, который был за кандидатуру Карденаса. Как обычно, Кальес сел за карты, но был явно недоволен. Сдержанный в общении с окружающими и скрытный, на сей раз он не удержался и неодобрительно отозвался о «плохом характере» будущего президента⁹³.

В стане оппозиции в 1933 году, в отличие от 1929 года, царили разброд и шатания.

Хосе Васконселос, живший в эмиграции, на этот раз не стал участвовать в выборах, чтобы не придавать легитимности незаконному на его взгляд после 1929 года режиму. Своим все еще многочисленным сторонникам в Мексике он рекомендовал на выборы не ходить. Однако Партия противников переизбрания, от которой Васконселос баллотировался на пост президента в 1929 году, опять намеревалась дать бой правительству.

Помимо этой партии в Мексике образовалась и другая оппозиционная НРП сила – Революционная конфедерация независимых партий. Ее возглавили бывшие лидеры аграристов, непримиримые враги Кальеса Манрике и Сото-и-Гама.

Аграристы в конце 1933 года решили выдвинуть кандидатом в президенты бывшего министра финансов при Каррансе Луиса Кабреру, оппозиционность которого по отношению к Кальесу не вызывала сомнений. Кроме того, аграрная партия попыталась лишить НРП финансовой базы, опротестовав в суде поборы, которые та собирала с госслужащих.

19 ноября 1933 года, в годовщину революции 1910 года, Революционная конфедерация собралась в театре «Политема» в Мехико, чтобы провозгласить единого кандидата в президенты. Делегаты в своих речах гневно протестовали против Кальеса и его приспешников, которые предали идеалы революции и погрязли в коррупции. На собрании царил идеологический разброд. Когда бывший сапатист Сото-и-Гама заявил, что если бы ему пришлось выбирать между Христом и Лениным, он выбрал бы Христа, кто-то закричал с места, что надо выбирать Ленина (сопоставление Ленина и Христа показывает феноменальный авторитет основателя советского государства в Мексике тех времен). Делегаты были едины только тогда, когда кричали: «Долой Кальеса!»

Однако до конца дослушать смелые выступления видных ораторов собравшимся так и не удалось: в театр ворвалась полиция, применившая дубинки и слезоточивый газ. Были произведены аресты.

⁹³ Krauze E. Plutarco Calles. Reformar desde el origen. Mexico, 1992. P. 131–132

Полиция, как в форме, так и в гражданском платье, продолжала срывать митинги аграристов по всей стране.

Прессинг властей сделал свое дело. Коалиция независимых партий в течение 1934 года пыталась еще два раза собрать съезд, чтобы выдвинуть единого кандидата. Однако кандидатура Кабреры так и не была согласована. Кабреру поддерживали аграристы, но его как сторонника Каррансы не принимали многие обрегонисты. В январе 1934 года Кабрера сам снял свою кандидатуру, заявив, что в условиях тотального контроля армии и госаппарата Кальесом ни о каких честных выборах говорить не приходится. Сото-и-Гама подверг такую позицию критике. В ответ Кабрера обвинил его в беспринципности: если бы Обрегон не погиб, сам Сото-и-Гама был бы в лагере Кальеса, друга убитого «кауильдо».

В результате аграристы Сото-и-Гамы ушли из конфедерации. Ее возглавил Манрике, и на съезде оставшейся объединенной оппозиции кандидатом в президенты был выдвинут генерал Антонио Вильяреаль. Манрике в очередной раз обвинил Кальеса в убийстве Обрегона.

Аграристы провозгласили своим кандидатом вышеупомянутого бывшего посла в Лондоне Валенсуэлу, который после провала путча Эскобара жил в эмиграции в США. В начале 1933 года он обвинил мексиканские власти в том, что его пытались похитить и силой перевезти в Мексику. По закону Валенсуэла не мог баллотироваться в президенты, так как находился за пределами страны. Тогда аграристы выдвинули своим кандидатом Романа Вадильо, который первоначально должен был быть кандидатом в вице-президенты Валенсуэлы. Однако этого человека в стране никто не знал, и, по сути, предвыборная кампания Вадильо провалилась с самого начала.

Фактически единственным кандидатом оппозиции остался 54-летний Вильяреаль, который боролся еще против диктатуры Диаса, а при Обрегоне был министром сельского хозяйства. Он тоже поддержал мятеж Эскобара и был вынужден эмигрировать в США. Вернувшись в Мексику, Вильяреаль, как и Васконселос в 1929 году, сделал главной темой своих выступлений борьбу против коррупции правящей верхушки. Однако генералу было сложно ясно высказываться по действительно наиболее важным вопросам вроде рабочего или аграрного – его поддерживали слишком разные в идеологическом отношении силы: от помещиков до батраков. Так как в числе его сторонников имелись верующие и бывшие «кристерос», которые поддерживали любого оппозиционного по отношению к властям кандидата, Вильяреалю приходилось критиковать антирелигиозную политику властей. Но в то время эта политика была довольно популярна среди подавляющей массы активного электората. Однако Кальесу удалось так запугать церковных иерархов «социалистическим воспитанием», что те предпочли не нагнетать обстановку и воздержались от официальной поддержки Вильяреала. Тем не менее многие священники на местах агитировали за оппозиционного кандидата.

Вильярреаль активно обвинял власти в раболепстве перед США, используя неожиданно возникший мексикано-американский территориальный спор. Граница между двумя странами проходила по реке Рио-Гранде, но та неожиданно изменила русло, и часть мексиканской территории в районе Эль-Пасо оказалась на северном, американском берегу реки. В 1932 году под нажимом США Абелярдо Родригес согласился провести с американцами переговоры об исправлении границы. США предложили заплатить Мексике за уступку Чамисаля (так назывался спорный район).

И католики, и Вильярреаль использовали «Чамисаль» как свое знамя в борьбе против «империализма янки»⁹⁴. На Карденаса оппозиция особо не нападала, так считала его обычной марионеткой «Его величества Кальеса».

В 1934 году американцев помимо Чамисаля крайне интересовал уже ставший традиционным вопрос о выплате Мексикой компенсаций за причиненный в годы революции ущерб собственности американских граждан. Обе стороны решили, что вместо рассмотрения отдельных претензий (это могло затянуться на годы) Мексика должна выплатить некую сумму единовременно, и на этом вопрос объявлялся бы решенным. Американцы требовали 50 миллионов долларов, мексиканцы были готовы заплатить в течение достаточно долгого промежутка времени 13 миллионов. Посол США в Мексике Дэниэльс в январе 1934 года предложил госдепартаменту компромиссный вариант – 22 миллиона долларов (этот вариант базировался на среднем проценте от общей суммы претензий, который Мексика заплатила за ущерб европейским странам)⁹⁵. Однако госдепартамент стоял на своем. США год от года увеличивали объем своих претензий, и в начале 1934 года пришли к сумме почти в 700 миллионов долларов⁹⁶. Причем американцы поделили свои претензии на две составляющие – общие претензии (ущерб, причиненный на законной основе – например, конфискация земель в ходе аграрной реформы) и «особые претензии» (ущерб от действий разного рода революционеров и бандитов в годы гражданской войны).

24 апреля 1934 года Мексика и США подписали конвенцию об окончательном урегулировании особых претензий. Мексиканцы должны были выплатить США такой же процент от заявленной суммы ущерба, как и европейским странам (начиная с 1 января 1935 года по 500 тысяч долларов

⁹⁴ Особенно активно боролась против американцев мало известная тогда Партия национального действия, которая в 2000 году выиграет выборы и отстранит от власти наследников НРП, непрерывно управлявших Мексикой с 1929 года.

⁹⁵ Foreign Relations of the United States (FRUS). Volume V, 1934. P. 400–402

⁹⁶ В то же время американцы отказались признать контрпретензии Мексики в размере 19 миллионов долларов за ущерб, причиненный мексиканским гражданам во время аннексии США половины территории страны в 1846–1848 годах.

в год). Однако общая сумма еще подлежала согласованию (американцы оценивали ее в 300 миллионов долларов).

Помимо Вильяреала оппозиционным кандидатом на пост президента был губернатор Веракруса Адальберто Техеда, который образовал собственную партию – Социалистическую партию левых сил. Его поддерживали Национальная крестьянская лига и многие коммунисты.

Слабой стороной Техеды было то, что он все-таки являлся политиком регионального масштаба. Его программа фактически ничем не отличалась от «шестилетнего плана» НРП. Не случайно Карденас, еще до того, как он был выдвинут в президенты от НРП, хотел встретиться с Техедой и предложить ему объединить усилия. Техеда, однако, считал свою платформу слишком радикальной для всей НРП. Впоследствии встреча все состоялась – но Техеда, хорошо относившийся к Карденасу лично, по-прежнему считал для себя невозможным войти в альянс с НРП, так как считал, что эта партия отражает интересы не рабочих и крестьян, а лишь профессиональных политиков из окружения Кальеса.

Коммунисты, как и практически все мексиканские политики того периода, считали Карденаса марионеткой Кальеса, поэтому решили выдвинуть собственного кандидата – генерального секретаря КПМ Эрнана Лаборде. Техеду они не стали поддерживать потому, что считали его радикализм лишь средством для удовлетворения личных политических амбиций. В этом убеждала линия Техеды по отношению к Национальной крестьянской лиге.

Естественно, коммунисты не могли просто отмахнуться от тех фактов, что Карденас в Мичоакане провел радикальные реформы и что его кандидатуру на пост президента искренне поддерживают широкие массы трудящихся. Поэтому лозунг партии звучал так: «Против Кальеса и Карденаса, но за карденистские массы!»

Рабочее движение Мексики в 1933–1934 годах было достаточно мощным, но по-прежнему не имело единой организации. В 1933 году власти официально разрешили только 13 забастовок (3574 бастующих), хотя на самом деле их, как обычно, было гораздо больше. Однако уже в 1934-м (год президентских выборов) было зарегистрировано 202 стачки. Рабочие, оправившись от сильнейшего удара, который нанес экономический кризис, теперь пытались вернуть обратно свой уровень заработной платы. Власти настораживала и многочисленность забастовок солидарности, когда рабочие одной отрасли бастовали, чтобы поддержать требования товарищей из других секторов экономики. Так, например, забастовку рабочих текстильной фабрики «Ла Алимпиа» в штате Пуэбла поддерживали еще 20 тысяч рабочих штата.

Кальес неодобрительно отозвался о «ненужной агитации» профсоюзов, но время было уже не то, и окрик «верховного вождя» не возымел никакого действия.

Только в Мехико к моменту прихода Карденаса к власти в декабре 1934 года было 60 трудовых конфликтов⁹⁷. В 1933 году забастовали пеоны на рисовых плантациях Мичоакана (при Карденасе в штате царил социальный мир), требовавшие повышения заработной платы и реформы трудового законодательства. Во многих забастовочных комитетах видную роль играли коммунисты. Забастовка была объявлена незаконной, однако батракам все же удалось добиться повышения заработной платы на 25%.

Правительство Родригеса вынуждено было установить в стране минимальную заработную плату 4 песо в день, однако на сельскохозяйственных рабочих эта мера не распространялась. Большинство из них по-прежнему получали в день 20–40 сентаво.

КРОМ продолжал агонизировать. В 1933 году от него откололась сильная группа во главе с Висенте Ломбардо Толедано, который считал себя видным философом, почти марксистом, оставаясь при этом на жестких антикоммунистических позициях. Близость к Моронесу позволила Толедано еще в молодости (он родился в 1894 году и выучился на адвоката) поработать на видных государственных должностях. В 1921 году он стал мэром столичного округа, а в 1924–1925 годах был временным губернатором своего родного штата Пуэбла. В отличие от Моронеса, Ломбардо Толедано удалось приобрести имидж честного рабочего лидера, не замешанного в коррупции руководства КРОМ. Толедано считался «интеллектуалом» и «мозгом» рабочего движения.

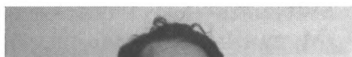
В июне 1930 года по инициативе Ломбардо Толедано КРОМ принял резолюцию о невмешательстве в избирательную борьбу, что явно отвечало интересам властей. В то же время Лабористскую партию Толедано считал классовой политической силой

Толедано отвечал в КРОМ за идеологическую и воспитательную работу и был страстным сторонником «социалистического воспитания». В 1931–1932 годах он перешел на позиции марксизма, подчеркнув в одной из своих речей в июле 1932 года: «Наша дорога ведет влево!»⁹⁸ И дорога эта, по мнению Ломбардо Толедано, должна была завершиться социалистическими преобразованиями буржуазного общества. Однако, заявив о своем марксизме, Толедано подчеркивал, что не является коммунистом, поскольку не согласен с тем, «как организована правящая партия в России»⁹⁹.

⁹⁷ Mexico since Independence. Edited by Leslie Bethell. Cambridge University Press, 1998. P. 251

⁹⁸ La clase obrera en la historia de Mexico. Una epoca de crisis (1928–1934). Mexico, 2005. P. 149

⁹⁹ La clase obrera en la historia de Mexico. Una epoca de crisis (1928–1934). Mexico, 2005. P. 149

профцентр – Всеобщую конфедерацию рабочих и крестьян Мексики, которая, в отличие от КРОМ, занимала более радикальные и антиимпериалистические позиции. Новый профцентр всячески подчеркивал свою независимость от властей. Однако коммунистов на учредительный съезд не пустили, так как их борьба являлась «политической», а новый профцентр считал себя «аполитичной» организацией. Ломбардо Толедано обрушился с критикой и на сторонников Техеды, поскольку те тоже занимались политической борьбой. Борьба за переустройство существующего общества отвергалась в пользу решения насущных проблем рабочих и создания единого профцентра любой ценой, в том числе и за счет идеологической всеядности¹⁰¹.

Несомненно, странная линия нового профцентра была на руку Кальесу и его окружению в преддверии президентских выборов.

Существующую власть «очищенный» КРОМ под влиянием Ломбардо Толедано охарактеризовал как «социальный национализм», смесь полукOLONиального строя, демократии и индивидуализма.

17 декабря 1933 года новый профцентр продемонстрировал властям свою силу, организовав по всей стране многотысячные манифестации в то время, когда в Керетаро проходил съезд НРП. Казалось, рабочий класс Мексики обрел наконец долгожданное единство.

Попытка НРП создать свой «карманный» профсоюз – палаты труда – полностью провалилась. Опубликованная в сентябре 1932 года программа Федеральной палаты труда (то есть общенационального профцентра НРП) провозглашала в качестве основной цели реализацию Трудового кодекса и тесное сотрудничество с правительством. Но соглашательство в начале 30-х годов явно не отвечало настроениям большинства пролетариев, и в 1933 году в Федеральной палате труда насчитывалось всего около 15 тысяч членов¹⁰². В апреле 1933 года из Палаты труда вышли ВКТ, электрики и профсоюз рабочих столичного округа. В октябре 1933 года палату покинул и профсоюз работников сферы искусств.

Официально единого кандидата НРП на пост президента должен был утвердить второй съезд партии, намеченный на декабрь 1933 года в Керетаро. Выдвижение Карденаса, у которого не было официальных соперников, никаким сомнениям не подлежало. Однако Кальес, видя, что кандидатура бывшего губернатора Мичоакана пользуется поистине всенародной поддержкой, решил связать будущего президента обязательной правительственной программой. С этой целью была образована программная комиссия НРП, которая должна была разработать так называемый шестилетний

¹⁰¹ La clase obrera en la historia de Mexico. Una epoca de crisis (1928–1934). Mexico, 2005. P. 165

¹⁰² Шульговский А. Ф. Мексика на крутом повороте своей истории. М., 1967. С. 66

план на 1934–1940 годы¹⁰³. Само слово «план» ясно говорило о популярности в Мексике советских пятилеток.

Формально почетным председателем программной комиссии стал сам Карденас, однако консервативность экономических требований «шестилетнего плана» должно было обеспечить участие в разработке программы «технической комиссии», в которую входили министры правительства во главе с умеренным министром финансов Пани. План даже по структуре выглядел как программа деятельности отдельных министерств.

Однако Кальес не учел главного – настроения делегатов съезда в Керетаро, которые при незаметной поддержке Карденаса внесли в план коренные изменения.

Например, относительно ключевого вопроса жизни страны – аграрного – план провозглашал, что аграрная реформа будет закончена только тогда, когда все желающие крестьяне получат землю. Но в то же время говорилось, что саму реформу надо закончить как можно быстрее, чтобы «удовлетворить нужды крестьянства и окончательно укрепить доверие у земельных собственников, с тем, чтобы они могли спокойно обрабатывать землю, не подлежащую дальнейшему разделу»¹⁰⁴. В этом явно прослеживается влияние кальистов. Пеоны-«акасиљядос» по «шестилетнему плану» имели право на землю, но только не на тех асиендах, где они работали.

В программе говорилось и о необходимости развития собственной мексиканской промышленности для достижения экономической независимости страны. Для этого предполагалось осуществить национализацию недр¹⁰⁵. План предполагал, что государство должно играть активную руководящую и направляющую роль в экономике, а не только быть «гарантом общественного порядка»: «...с принятием шестилетнего плана страна вступает в первый этап прогрессивного режима управляемой экономики»¹⁰⁶. Подчеркивалось, что государственный дирижизм логично вытекает из положений Конституции 1917 года.

«Шестилетний план» декларировал приверженность «социалистическому образованию» и борьбе с религиозными предрассудками.

Можно констатировать, что в сфере экономической политики «шестилетний план» был настоящей сменой вех в истории мексиканской революции. Управлявшие страной в 1920–1934 годах сонорцы Обрегон и Кальес,

¹⁰³ После изменения Конституции страны в 1933 году президентский срок был установлен в шесть лет. Переизбрание президента на новый срок в любом случае запрещалось. Был увеличен и срок полномочий депутатов Палаты представителей и сенаторов – соответственно до трех и шести лет.

¹⁰⁴ Шульговский А. Ф. Мексика на крутом повороте своей истории. М., 1967. С. 81

¹⁰⁵ Tello C. Estado y desarrollo economico: Mexico 1920–2006. Mexico, 2007. P. 157

¹⁰⁶ Tello C. Estado y desarrollo economico: Mexico 1920–2006. Mexico, 2007. P. 157

несмотря на всю свою революционную фразеологию, были сторонниками либеральной экономической концепции. С их точки зрения, государство должно было заниматься только политикой, а экономику оставить частному бизнесу. Даже аграрную реформу сонорский клан рассматривал чисто с политической точки зрения: надо дать крестьянам землю, чтобы они успокоились и не угрожали дестабилизацией политического положения страны.

Однако Великая депрессия 1929–1932 годов вызвала невиданный рост интереса к советской плановой модели экономики, которая оказалась абсолютно не затронута кризисом, в отличие от либерального капитализма. Во многих странах, например в Германии, стали образовываться научные общества по изучению планового хозяйства. И Рузвельт в США, и Гитлер в Германии выводили свои страны из кризиса именно с помощью активного государственного вмешательства в экономику. На этом фоне было бы странно и непонятно для интеллектуальной элиты Мексики, если бы страна по-прежнему уповала на силы рынка в национальном экономическом развитии.

«Шестилетний план» сыграл роль прямо противоположную той, которую отводил ему Кальес. Вместо смиренной рубашки для Карденаса эта программа стала знаменем нового президента, что в полной мере проявилось уже во время предвыборной кампании.

После съезда НРП в Керетаро избрание Карденаса было предопределено, но он не стал копировать предвыборную кампанию Ортиса Рубио, который величаво разъезжал по стране как уже избранный президент. Карденас решил объехать все уголки Мексики, чтобы досконально познакомиться со страной, которой ему предстояло управлять. Кандидат проделал по Мексике 16 тысяч миль на автомобиле, поезде, корабле и на лошади. Говорили даже, что для участия в одном митинге он вплавь добрался до берега от своего корабля.

Рабочим и крестьянам импонировали те уважение и внимание, с которыми их слушал дивизионный генерал и бывший министр. Старейшины индейских племен пытались вставать перед ним на колени и целовать руки в знак почтения, но Карденас вежливо и с добродушной улыбкой поднимал их. К такому обращению коренное население Мексики не привыкло.

Во всех своих речах Карденас ссыался на «шестилетний план». Выступая в Юкатане перед сельскохозяйственными рабочими, возделывавшими плантации хенекена, принадлежащие американским компаниям, Карденас заявил, что даст крестьянам в руки винтовки «маузер», с которыми они совершали революцию, чтобы они защитили «эхидос» и школы¹⁰⁷.

Армию Карденас призывал не стоять в стороне от общественных процессов в стране, а твердо поддерживать рабочих и крестьян в их справедливой борьбе за улучшение своего социально-экономического положения.

¹⁰⁷ Tello C. Estado y desarrollo economico: Mexico 1920–2006. Mexico, 2007. P. 157

Удивительно было и то, что кандидат правящей партии апеллировал к женщинам, которых тогда в Мексике в качестве политической силы почти никто не воспринимал. Карденас призвал слабый пол создавать собственные организации и активнее бороться за права женщин, для многих из которых «семейный очаг представляет собой тюремную камеру».

Рабочим Карденас обещал всяческое содействие государства в достижении организационного единства пролетариата. Такая позиция находилась в полном диссонансе с взглядами Кальеса, который видел в разобщенности рабочих главное оружие для подчинения рабочего движения интересам правящей верхушки.

Предпринимателям кандидат настоятельно рекомендовал использовать свои ресурсы для укрепления национальной мексиканской экономики и строго соблюдать законодательство, в том числе рабочее.

В адрес церкви со стороны Карденаса прозвучало строгое предупреждение: государство не смирится с вторжением религии в систему образования в какой бы то ни было форме. «Революция не потерпит, чтобы клир использовал молодежь и детей как инструмент раскола мексиканской семьи, как отсталый элемент на пути прогресса страны, и уж менее всего государство станет созерцать, как молодое поколение превращается во врага трудящихся классов, которые борются за свое освобождение»¹⁰⁸.

Сам тон выступлений Карденаса, уважительный и деловой одновременно, поражал тех, кто собирался на его митинги. Кандидат избегал присущих мексиканскому политическому стилю пышных цветистых фраз и говорил на языке фактов и цифр. Этому серьезному человеку хотелось верить.

Во время одной из встреч к Карденасу подошел оборванный индейский мальчик и сказал: «Все, что ты хочешь сделать, брат наш, очень хорошо. Берегись только, как бы в городе не пронюхали о твоих намерениях. Ведь если о них узнают важные господа, тебе никогда не быть президентом»¹⁰⁹.

Новой стороной президентской кампании было то, что кандидат НРП использовал жесткую антикапиталистическую риторику. Карденас говорил, что экономическая свобода на практике означает для рабочего лишь усиление капиталистической эксплуатации. Поэтому государство должно вмешаться и перераспределить общественное богатство в пользу людей труда. Это была откровенно марксистская фразеология.

Однако, отвергая капитализм, Карденас отвергал и социализм советского образца, который, по его мнению, лишь приведет к замене эксплуатации со стороны хозяина-капиталиста эксплуатацией со стороны государства¹¹⁰.

¹⁰⁸ Tello C. Estado y desarrollo economico: Mexico 1920–2006. Mexico, 2007. P. 160–161

¹⁰⁹ Осповат А. С. Диего Ривера. М., 1969. С. 313

¹¹⁰ Medin T. El minimato presidencial: historia politica del Maximato 1928–1935. Mexico, 1982. P. 146

Карденас предлагал строить мексиканский социализм, в котором собственность на предприятиях принадлежала бы коллективам трудящихся, но не государству, как в СССР.

Государство, по Карденасу, должно перестать считать себя чисто политическим органом по охране общественного порядка, ибо экономика и политика неразделимы.

Уже во время избирательной кампании Карденас прекрасно понимал, что ни тон, ни тем более содержание его выступлений не нравятся Кальесе. Но, во-первых, Карденас полностью опирался на «шестилетний план». А во-вторых, на его стороне была поддержка самых влиятельных генералов мексиканской армии – Седильо и Альмасана. Тяготившийся зависимостью от Кальеса Седильо уже в 1933 году предложил Карденасу вдвоем посетить Кальеса и уговорить «вождя» полностью прекратить вмешательство в политическую жизнь¹¹¹. Седильо, конечно, не разделял социалистической идеологии Карденаса. Он просто боялся, что со временем Кальес со через НРП подорвет его влияние в штате Сан-Луис-Потоси. Карденас в этом смысле казался Седильо гораздо более слабой фигурой.

Карденас посетил все 28 штатов страны и 1 июля 1934 года выиграл выборы, получив 98,2% поданных голосов. Из 2,3 миллиона избирателей за Карденаса проголосовали 2 268 507, за Вильяреала – 24 690. Техеда получил 15 765 голосов, Эрнан Лаборде – всего 1188.

Конечно, свою роль в таком исходе выборов сыграл и административный ресурс. Например, центральный орган компартии газета «Эль Мачете» справедливо писала 10 июля 1934 года, что результат выборов был предсказуем, так как на стороне НРП были весь административный аппарат и финансовая мощь государства.

Интересно, что первый подсчет голосов дал совсем иные результаты: за Карденаса – 1 093 834, за Вильяреала – 17161, за Техеду – 9477, за Лаборде – 6406. И если при окончательном подсчете голосов три кандидата увеличили свою электоральную базу, что естественно, то не совсем понятно, куда пропали более 4000 голосов кандидата-коммуниста.

Коммунист Лаборде, рабочий-железнодорожник и бывший депутат Конгресса, опять баллотировался как кандидат Рабоче-крестьянского блока. 18 апреля 1934 года военный атташе США в Мехико сообщал в Вашингтон, что не располагает подробной информацией ни об этом кандидате, ни о его программе, но это и не важно, так как серьезного значения блок не имеет.

Официально кандидатура Лаборде была выдвинута на съезде Рабоче-крестьянского блока, проходившем 29–30 марта 1934 года. В съезде участвовал всего 101 делегат (из них 52 рабочих, 12 крестьян и 6 индейцев).

¹¹¹ Medin T. El minimato presidencial: historia politica del Maximato 1928–1935. Mexico, 1982. P. 146

Блок представлял различные организации с общим количеством членов примерно в 12 тысяч человек.

Конечно, идти на выборы с мало известной в стране кандидатурой было ошибкой компартии – и ошибка эта была продиктована все еще сохраняющейся линией Коминтерна на отказ от сотрудничества с социал-демократией и национальной буржуазией. Правда, сам Лаборде был гораздо реалистичнее Коминтерна – он утверждал, что Рабоче-крестьянский блок не является коммунистической организацией, а представляет собой орган единого рабоче-крестьянского фронта.

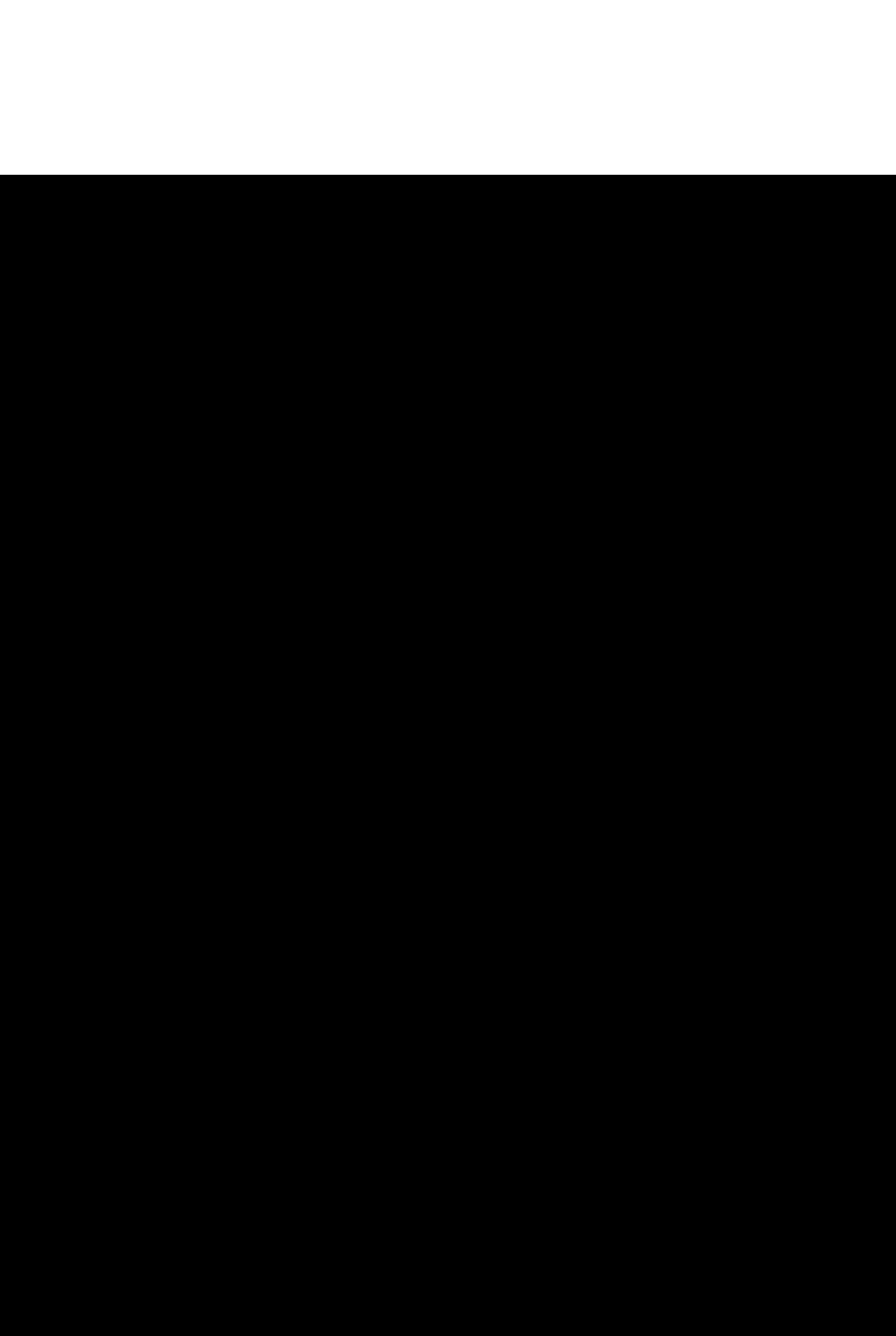
Предвыборную кампанию коммунистов осложняло и то, что компартия по-прежнему формально находилась вне закона (поэтому и был образован легальный Рабоче-крестьянский блок). Власти постоянно отказывали Лаборде в предоставлении помещений для предвыборных митингов, так как он проповедовал запрещенные «большевистские идеи». Газета «Эль Мачете» выходила в 1929–1934 годах под заголовком «Незаконная Эль Мачете». Поэтому официальным органом блока была другая газета – «Бандера Роха» («Красное знамя»).

Требования блока были довольно реалистичными: он выступал против локаутов, за повышение зарплаты, в защиту «эхидо» и за восстановление отношений с СССР. Впервые компартия активно подчеркивала необходимость улучшения положения коренного индейского населения страны. Однако ошибкой было то, что блок отвергал «шестилетний план фашиста Кальеса». Одна из брошюр блока называлась «К Советской Мексике!», что давало обильную почву для обвинения коммунистов в предательстве национальных интересов и слепом следовании за СССР.

Итак, Ласаро Карденас выиграл выборы, опираясь на административный ресурс, однако не вызывает сомнений, что он победил бы и без помощи властей, в то время как Ортис Рубио в 1929 году без этого наверняка проиграл бы выборы Васконселосу.

Глава 3

Президентство Карденаса в 1935–1936 годах: разгром «максимата»

Революция скоро предоставила молодому человеку возможность воплотить мечты в жизнь. В июне 1913 года Хикильпан занял отряд восставших против Уэрты конституционалистов, и в типографии, где работал Карденас, было напечатано воззвание против диктатора. Однако вскоре город отбили «руралес», которые разгромили типографию. Возможно, жизни Ласаро ничто и не угрожало, но мать думала по-другому и решила, что сыну на время надо уйти из города. Пешком он добрался до асиенды, где управляющим был его дядя.

В районе Хикильпана тогда действовал отряд противников Уэрты во главе с «генералом» Гильермо Гарсия Арагоном, который считал себя последователем Сапаты. В июле 1913 года Карденас присоединился к его отряду и получил за красивый почерк звание «второго капитана» (приблизительно соответствует нашему званию старший лейтенант). Юноша стал отвечать в штабе за переписку генерала. Арагон понимал свою борьбу не просто как противостояние диктатору, но и как стремление удовлетворить справедливые притязания крестьян на землю. Именно с тех пор Карденас стал считать аграрную реформу неотъемлемой частью мексиканской революции.

В сентябре 1913 года правительственные войска сильно потрепали отряд Арагона, в котором было примерно 700 бойцов, но всего 400 винтовок и очень мало боеприпасов. Карденасу пришлось спасаться бегством, причем вдвоем с товарищем на одной лошади.

На какое-то время Карденас отошел от борьбы, к чему его постоянно призывала мать: надо было материально помогать братьям и сестрам. Опасаясь оставаться в родном городе, Ласаро перебрался в Гвадалахару, где работал на пивоваренном заводе за 75 сентаво в день³. Так что методы капиталистической эксплуатации рабочих будущий президент испробовал на себе. Летом 1914 года Карденас вернулся в родной город, в окрестностях которого опять появились революционеры. Молодой человек присоединился к отряду «генерала» Суниги, чем вызвал ужас своей матери, которая воочию наблюдала, как «генерал» в приступе ярости едва не пристрелил без всякого суда не понравившегося ему человека. Донья Фелиситас просила сына никогда не проливать кровь невинных людей.

К июлю 1914 года судьба диктатора Уэрты уже была решена, и молодой офицер Карденас присутствовал при подписании Обрегоном капитуляции правительственных сил. Когда началась гражданская война между самими революционерами, Карденас воевал на той стороне, на которой сражались его непосредственные начальники, успев побывать и в войсках Конвента, и в частях Каррансы. Он сражался и против войск Вильи, и против сапатистов, а в марте 1915 год в звании подполковника был направлен во главе отряда на помощь генералу Плутарко Кальесу, который с трудом отбивался

³ Cardenas L. Apuntes. Una seleccion, Mexico. Mexico, 2003. P. 55

от превосходящих сил вильистов на севере штата Сонора. Это знакомство и привело Карденаса в президентское кресло спустя 20 лет.

Кальесу очень понравился серьезный, грамотный и преданный офицер. Узнав, что Карденас рано потерял отца, Кальес, сам происходивший из небогатой семьи, стал относиться к нему как к сыну. За одну из удачных атак во главе отряда из 300 бойцов Кальес подарил своему офицеру черного коня⁴.

Офицер Карденас был храбр, но излишне горяч и опрометчив, что в последующие годы не раз могло стоить ему жизни. Например, в сентябре 1915 года он с 800 солдатами попал в засаду вильистов и едва не погиб. Кальес за храбрость произвел своего любимчика (он называл Карденаса «чамако» – «мальчик») в полковники. Карденас был с Кальесом в самый опасный период жизни будущего «верховного вождя» – во время осады превосходящими силами Вильи города Агуа-Приета. Победа Кальеса означала окончательный разгром Вильи и фактическое окончание гражданской войны.

В 1918 году Карденас вернулся в родной Мичоакан, который почти полностью находился во власти самых различных по политической окраске банд, не считая простых уголовников. Полковник поставил себе задачу ликвидировать бандитов, но его опять едва не подвела излишняя горячность. Во время одного из боев он был окружен и хотел застрелиться последней пулей, оставшейся в пистолете. Однако когда один из бандитов уже схватил его за шею, Карденас не выдержал и убил его. Подоспевшие товарищи спасли будущего президента от верной смерти. В этот же день Карденас со своим отрядом подстерег на одном из ранчо изрядно подвыпивших бандитов и уничтожил их.

В 1920 году Карденас, как и большинство военных командиров, поддержал мятеж своего бывшего главнокомандующего Обрегона против Каррансы. В это время он командовал войсками в районе Веракруса и, узнав, что Карранса бежал из Мехико в сторону этого города, выступил со своими войсками навстречу свергнутому президенту. Однако разлившаяся река задержала движение отряда, и когда Карденас наконец настиг Каррансу, тот был уже мертв. Карденасу в который раз повезло – на него не пало подозрение в предательском убийстве президента страны⁵.

Интересно, что Обрегон был о Карденасе невысокого мнения и считал его некомпетентным офицером, хотя и порядочным человеком (для Обрегона порядочность означала преданность). Правда, в то время Карденаса недоо-

⁴ Krauze E. Mexico. The Biography of Power. A history of Modern Mexico 1810–1996. New York, 1997. P. 440

⁵ Krauze E. Mexico. The Biography of Power. A history of Modern Mexico 1810–1996. New York, 1997. P. 441

ценивали многие, что и помогло ему сохранить жизнь в череде непрерывных мятежей и заговоров, сотрясавших Мексику в 20-е годы.

В 1922 году Карденас опять был направлен в Мичоакан, губернатор которого генерал Франсико Мухика пытался провести в штате радикальные реформы. Мухика был одним из авторов Конституции 1917 года и, как мы помним, считал себя коммунистом и даже состоял в компартии. Реформы Мухики вызвали яростное сопротивление церкви и имущих слоев. Неодобрительно относился к ним и новый президент Обрегон. Мухика был старым другом семьи Карденасов и помогал Ласаро, когда тот остался без отца.

Именно Мухика, а не Кальес стал идейным отцом будущего президента. В 1923 году Обрегон приказал Карденасу как командующему войсками штата арестовать Мухику и отконвоировать его в Мехико. Тот подчинился, но пути в столицу получил от президента телеграмму, в которой Обрегон «принимал к сведению», что Франсиско Мухика был убит при попытке к бегству. Но Карденас не стал убивать друга и позволил ему бежать. Обрегон таких вещей не забывал, и, возможно, вся жизнь Карденаса пошла бы по-иному, не случись в этот момент мятеж де ла Уэрты.

В условиях, когда против Обрегона и Кальеса поднялась почти половина федеральной армии, на счету был каждый старший офицер. Карденас, к тому моменту ставший бригадным генералом, опять проявил лояльность и оказался со своим отрядом в тылу мятежников, получив задачу беспокоить рейдами, пожалуй, одного из самых талантливых генералов мексиканской армии – бывшего студента Рафаэля Буэльну (признанием таланта Буэльны было его прозвище Золотой Самородок)⁶. 12 декабря 1923 года Карденас со своим конным отрядом опять попал в засаду и после упорного боя, раненный в живот и потерявший много крови, был взят в плен. В отличие от Обрегона, Буэльна был джентльменом и приказал оказать Карденасу необходимую медицинскую помощь⁷. Карденаса перевели в госпиталь

⁶ Krauze E. Mexico. The Biography of Power. A history of Modern Mexico 1810–1996. New York, 1997. P. 442

⁷ Возможно сыграло свою роль и то, что Буэльна, почти ровесник Карденаса (он родился в 1891 году), был поэтом и журналистом, то есть. «цивилизованным» генералом. Буэльна участвовал в революции с 1910 года. В 1913 году он первоначально сражался под командованием Обрегона, но тот явно испытывал предубеждение к излишне образованному и самостоятельному полковнику. Поэтому Буэльна перешел под знамена «Северной дивизии» Вильи, чего Обрегон, конечно, забыть не мог, хотя в тот момент он и Вилья были союзниками в борьбе против диктатора Уэрты. Именно Вилья дал Буэльне «золотое» прозвище за преданность и кристальную честность «паренька», как он называл своего любимого генерала. После разгрома Вильи Буэльна эмигрировал в США, в 1919 году вернулся и вместе с Вильей опять боролся против Каррансы. Примкнув к мятежу де ла Уэрты, Буэльна одержал ряд побед над федеральными войсками, но в январе 1924 года погиб.

Гвадалахары и тем самым спасли ему жизнь. Обрегон был возмущен поражением Карденаса, но Кальес прислал своему бывшему подчиненному приветственную телеграмму.

Карденас тоже был джентльменом. Вскоре в его руки попал один из вождей мятежа Эстрады, и он, вопреки желанию Обрегона, не стал расстреливать пленника, а позволил тому эмигрировать в США.

В марте 1925 года президент Кальес назначил своего любимца Карденаса командующим войсками в регионе Уастека – центре мексиканской нефтедобычи. Как раз тогда еще не забывший своих революционных идеалов Кальес готовил знаменитый «нефтяной закон», вызвавший возмущение американских компаний. Правительство Мексики было готово применить войска против тех американских фирм, которые отказались бы подчиниться закону. На этом фоне Карденасу отводилась политически важная роль.

Прибыв в Уастеку, Карденас воочию убедился, что американцы ведут себя к Мексике как дома. Когда командующий войсками потребовал, чтобы его пропустили на территорию одной из иностранных компаний, ему пришлось ждать у ворот целый час, пока охрана не получила согласие хозяина. Именно тогда Карденас решил, что хозяйничанью американцев в Мексике должен быть положен конец.

В Уастеке Карденас снова близко сошелся с Мухикой, который, будучи изгнан Обрегоном из политики, приобрел в этом регионе небольшую нефтяную концессию. Карденас и Мухика проводили вместе много времени, и Мухика давал своему юному другу почитать труды Маркса. Мухика настойчиво убеждал Карденаса, что только социализм сможет адекватно разрешить все проблемы мексиканского общества⁸.

Мухика поддержал мятеж де ла Уэрты и находился в опале. В 1928 году Карденас через Портеса Хия, тогда министра внутренних дел, попросил Кальеса дать Мухике какую-либо оплачиваемую государственную должность, так как материальное положение ветерана революции и одного из авторов Конституции 1917 года было очень тяжелым. По воспоминаниям Портеса Хия, Кальес был очень недоволен просьбой Карденаса и велел передать ему, что от подобных друзей надо избавляться («такие люди, как Мухика, не в состоянии навести порядок даже в собственном доме»)⁹. Просьбу любимца Кальес все же выполнил, но самым издевательским образом: Мухика получил назначение комендантом тюрьмы на острове Трех Марий, куда в качестве узников вскоре начали прибывать его единомышленники – члены запрещенной компартии.

⁸ Krauze E. Mexico. The Biography of Power. A history of Modern Mexico 1810–1996. New York, 1997. P. 443

⁹ При анализе воспоминаний Портеса Хия следует учитывать, что он ненавидел Мухику и не скрывал этого.

В 1928 году Карденас с помощью Кальеса и административного ресурса был избран губернатором Мичоакана. В родном штате Карденас после революции бывал лишь урывками, его мало кто знал, и жители Мичоакана видели в нем обычного ставленника властей, с «избранием» которого стоило смириться. В 1928 году Мичоакан был крайне беспокойным местом – в горах активно действовали отряды «кристерос». Влияние католической церкви было по-прежнему доминирующим, по крайней мере, в сельской местности.

Однако сразу же после избрания Карденаса жители Мичоакана поняли, что их губернатором стал очень необычный человек. В поездках по штату он редко надевал военную форму, которая производила гнетущее впечатление на тех, кто собирался на встречи с губернатором. Конечно, Карденас, как и большинство революционеров, считал церковь препятствием на пути социального прогресса, но он умел отличать клир от масс обычных верующих, для которых религия была частью устоявшегося веками жизненного уклада.

Карденас решил продолжить радикальные реформы Мухики, но он понимал, что для их проведения нужна опора в массах, чтобы в зародыше подавить сопротивление имущих классов. Образцом для него в этом был губернатор Веракруса Техеда. Как и Техеда, Карденас создал общественно-политическую организацию, к которой перешла вся реальная власть на местах в штате.

Как только Карденас стал губернатором, на базе союза учителей, местных профсоюзов, аграрной лиги, основанной убитым помещиками коммунистом Тапией, и членов компартии будущий президент создал Революционную конфедерацию труда Мичоакана. Вскоре в ней насчитывалось 4 тысячи местных (в основном сельских) комитетов и 100 тысяч членов. Члены конфедерации занимали 95% всех выборных должностей в штате¹⁰. Ее девизом стал лозунг «Союз. Земля. Труд». В качестве конечной цели конфедерация провозглашала ликвидацию капиталистического строя.

Конфедерацию контролировал сам губернатор, оказывая ей всяческое, в том числе и материальное, содействие. Например, конфедерации бесплатно предоставлялись залы для митингов и поездка для поездок по штату.

Карденас снисходительно относился к «святому» принципу революции 1910 года – запрету переизбрания депутатов на повторный срок. Главным для губернатора было то, что депутаты активно помогают правительству в осуществлении программы реформ. В этом случае они могли переизбираться столько раз, сколько пожелают.

Сама эта программа реформ была отнюдь не социалистической и предусматривала проведение в жизнь положений Конституции 1917 года. За

¹⁰ Krauze E. Mexico. The Biography of Power. A history of Modern Mexico 1810–1996. New York, 1997. P. 446–447

все послереволюционное время различные правительства Мичоакана до 1928 года распределили среди 124 крестьянских общин 131 283 га земли. Губернатор Карденас за 4 года своего правления (1928–1932-й) передал 181 деревням 141 663 га¹¹. Но главным было, пожалуй, даже не это. В отличие от Кальеса и всей правящей верхушки, Карденас считал, что именно «эхидо», а не мелкий частный собственник является наилучшей формой для обработки земли. Явно противореча «верховному вождю», он публично заявлял, что плоха не форма «эхидос», а то, что у них нет средств для применения более продуктивных форм ведения хозяйства. Будущее в аграрной сфере Карденас видел только в кооперировании отдельных производителей.

Все «эхидос» поддерживали губернатора, тем более что в общинах были фактически запрещены все общественные организации, кроме Революционной конфедерации труда.

Жалобы помещиков, требовавших прекратить конфискацию земель, Карденас воспринимал спокойно. Под предлогом борьбы с отрядами «кристерос» крестьяне конфедерации были вооружены и могли подавить сопротивление не только самих помещиков, но и регулярной армии. Поэтому губернатор лишь настоятельно рекомендовал латифундистам не мешать правительству проводить аграрную реформу.

Пролетариев в аграрном Мичоакане было мало, и членами конфедерации в городах были в основном мелкие торговцы, служащие и люмпен-пролетарии (вроде прислуги, шоферов и посыльных). Карденас ввел в штате прогрессивное рабочее законодательство и издал закон, по которому власти штата могли экспроприировать любое частное предприятие, если его владельцы не выполняли трудовое законодательство. В этом случае предприятие передавалось самим рабочим. Закон был встречен в штыки центральным правительством, которое запретило его применять.

К церкви Карденас относился без всякой симпатии, но не из-за дешевого популизма и желания угодить Кальесу, а потому, что считал клир и распространяемые им предрассудки главным препятствием на пути борьбы рабочих и крестьян за свое экономическое освобождение. Однако бороться с религией Карденас предпочитал в рамках закона и без излишнего эпатажа. Например, он ограничил количество священнослужителей в своем штате тремя для каждого округа (всего в Мичоакане округов было 11). Священники не оставались в долгу и в проповедях называли Карденаса «Антихристом». В этом случае губернатор не прибегал к помощи полиции (хотя имел на это право), а договаривался с местным епископом, и слишком строптивых священников переводили в другой штат.

¹¹ Krauze E. Mexico. The Biography of Power. A history of Modern Mexico 1810–1996. New York, 1997. P. 451

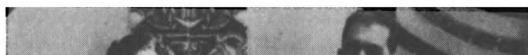
Кальес не без интереса наблюдал за активной деятельностью своего ученика в Мичоакане. Как опытный политик он одобрял централизацию Карденасом всей общественной жизни в рамках Революционной конфедерации труда под контролем исполнительной власти. В 1930 году «хефе максимо» решил, что Карденас должен повторить то же самое и на общенациональном уровне. Сделав своего названного сына главой НРП в ноябре 1930 года, Кальес предполагал, что Карденасу удастся сплотить партию в единый организм, который будет послушно выполнять волю «верховного вождя». К тому же на фоне консервативной экономической политики правительства революционная фразеология Карденаса, по замыслу Кальеса, служила удобной отдушиной для недовольных, убеждая их, что лидеры революции не утратили своего радикализма.

Однако Карденас решил сделать НРП не бюрократическим придатком исполнительной власти, а по-настоящему популярной в народе силой. Он перестроил работу центрального партийного печатного органа, который стал уделять больше внимания жалобам граждан. При Карденасе под эгидой НРП была учреждена Национальная спортивная конфедерация. Президент НРП лично поехал в пораженную землетрясением Оахаку, чтобы выразить соболезнования пострадавшим.

Кальес с тревогой стал замечать, что многие стали ассоциировать НРП не с ним, а с молодым реформатором. К тому же Карденас в силу своей порядочности и лояльности понимал партию как верного помощника президента, против которого скрытно интриговал «верховный вождь», на словах признавая лидерство Ортиса Рубио. Поэтому в августе 1931 года Кальес переместил Карденаса в правительство на пост министра внутренних дел, но уже в октябре, не исключая, что тот найдет общий язык с Ортисом Рубио и они сговорятся против «хефе максимо», передумал. Карденас вернулся в Мичоакан, разочарованный своим бывшим учителем.

Объезжая Мичоакан во время предвыборной кампании, Карденас познакомился с симпатичной девушкой Амалией Солорсано (1911 года рождения), дочерью богатого ранчиро. Несмотря на сопротивление родителей Амалии, считавших Карденаса слишком молодым и к тому с неприязнью относившимся к военным, будущий президент и его возлюбленная поженились в сентябре 1932 года. Церемония бракосочетания была, естественно, гражданской. Амалия родила мужу двух детей – дочь Пальмиру, которая вскоре умерла, и сына Куатемока, названного в честь последнего вождя ацтеков, погибшего в борьбе против испанских завоевателей.

Жена генерала одевалась скромно и никогда не носила ювелирных украшений. Ей нравились сомбреро, которые как деталь простонародного костюма презирали светские львицы того времени. Не играла Амалия и в модный в те времена бридж, а также не носила мехов. В отличие от своих предшественниц в роли «первой дамы», став супругой

сти» приходит конец»¹⁵. Однако старожилы американского посольства с Дэниэльсом не согласились: так говорили и прежние президенты, но на власти Кальеса это никак не отражалось.

Действительно, лейтмотивом речи Карденаса был призыв к строгой дисциплине (с допущением «здоровой критики») и консолидации всех сил на благо страны. Казалось, в этом нет ничего угрожающего для Кальеса.

Стратегия Карденаса заключалась в том, чтобы усыпить бдительность «хефе максимо» и укрепить свои позиции в армии. Другой опорой новой власти, как и в Мичоакане, должны были стать массовые организации трудящихся, которые, впрочем, еще только предстояло создать.

Пока же Карденас не шел на разрыв с «верховным вождем», что и показал первый состав его кабинета. Министром сельского хозяйства стал кальист и активный борец с религией, губернатор штата Табаско Томас Гарридо Каннабаль. В своем штате Гарридо Каннабаль опирался на молодежные отряды «краснорубашечников», которые вели активную (в том числе и физическую борьбу) с верующими. Причем, в отличие от Карденаса, Гарридо Каннабаль эпатировал своим яростным безбожием местных крестьян. Например, своего сына он назвал Ленин, а племянника – Люцифер. Гарридо Каннабаль был нужен Кальесу для претворения в жизнь своего излюбленного метода влияния на власть – «краснорубашечники» теперь должны были спровоцировать волнения уже по всей стране. А это, в свою очередь, как надеялся Кальес, вынудит Карденаса признать лидерство «верховного вождя» в сложный для страны момент.

Гарридо Каннабаль стал в кабинете Карденаса министром сельского хозяйства. Этот человек не знал полутонов – если любил, так любил, а ненавидел – так ненавидел. И больше всего на свете он ненавидел религию – опиум для народа. К моменту назначения на пост министра Гарридо Каннабаль уже 10 лет был губернатором штата Табаско, где даже заменил религиозные праздники народными, связанными с сельскохозяйственным циклом. Когда Карденас посетил штата Табаско, кто-то из его свиты спросил маленькую девочку, умеет ли она молиться. «Нет, – ответил ребенок, – у себя дома мы отрезали святым головы»¹⁶. Гарридо Каннабаль являлся горячим поклонником народного просвещения и тратил на эти цели до трети бюджета Табаско. Учителя этого штата были самыми высокооплачиваемыми в Мексике.

В отличие от Карденаса, Гарридо Каннабаль был крупным земельным собственником и противником сельской общины.

Сын Кальеса Родольфо занял пост министра связи. Под его контролем находились телеграфные линии, которые обеспечивали связь губернаторов

¹⁵ Шульговский А. Ф. Мексика на крутом повороте своей истории. М., 1967. С. 87

¹⁶ Benitez F. Lazaro Cardenas y la revolucion mexicana. III. El Cardenismo. Mexico, 2004.

и командующих военными зонами с Мехико. Второй по значимости после президента пост министра внутренних дел также достался кальисту – Хуану де Диосу Бохорхесу. Министр здравоохранения Абрахам Айяла Гонсалес получил свой пост благодаря своей жене Чолите – личной секретарше Кальеса.

Военным министром стал уже пожилой и бесцветный генерал Пабло Кирога, который был при Абелярдо Родригесе заместителем министра обороны и тоже не вызывал опасений. Столичный округ (а значит, и полицию) возглавил Аарон Саенс, не испытывавший к радикальной программе Карденаса никаких симпатий.

Но кабинет не был полностью кальистским. Марксист Нарсисо Бассольс стал министром финансов. Бассольс был блестящим и самостоятельным интеллектуалом, всегда отстаивавшим свою точку зрения. Поэтому его не очень любили в кругах политического бомонда Мексики, что только повышало его авторитет в глазах Карденаса.

Карденас лично приехал к Портесу Хилью и уговорил его возглавить Министерство иностранных дел (поначалу бывший президент осторожничал и хотел остаться на безопасном посту генерального прокурора). Во враждебном отношении Портеса Хилья к Кальесу не сомневался никто, включая «верховного вождя»¹⁷. Министром экономики (ответственным за будущие радикальные преобразования) стал генерал Франсиско Мухика. Таким образом, как минимум два ключевых члена нового кабинета были марксистами.

Уже первые меры Карденаса на посту президента предвещали скорый конфликт с Кальесом. Луис Леон, кальист и директор центрального органа НРП «Эль Насиональ», получил от президента рекомендацию не величать на страницах газеты Плутарко Кальеса «верховным вождем революции». Чтобы подчеркнуть новый стиль руководства страной, сторонившийся роскоши Карденас перенес свою резиденцию из помпезного замка Чапультек в более скромный особняк. Президент запретил использовать фраки в официальных церемониях, чтобы подчеркнуть близость правительства к народу. Поскольку Карденас был убежденным врагом алкоголя, из меню банкетов в президентском дворце исчезло вино. Была отменена и помпезная церемония приветствия президента его гвардией при въезде в резиденцию. Карденас не изменил своим привычкам солдата: он вставал рано и ложился поздно. Президент не курил и не играл в карты – он запретил игру в бридж (очень популярную в то время среди светских дам) и своей жене.

Карденас не переносил корриду, считая ее варварским пережитком. Он вообще терпеть не мог, когда смаковали жестокость, и по его настоянию из

¹⁷ Portes Gil E. Autobiografía de la Revolución Mexicana // www.antorcha.net/.../autobiografia/bibliografia.html

официальной правительственной газеты убрали колонку о преступлениях, что сильно сократило тираж.

Свою зарплату новый президент Мексики сократил в два раза.

Он любил ездить верхом, причем без всякого эскорта и показухи, выращивал цветы и почти каждый день купался в бассейне с холодной водой¹⁸. Во время своих частых поездок по стране Карденас не упускал случая окунуться в море или искупаться в горячих источниках.

Завтракал президент обычно легко: фрукты, вареные яйца и кофе. В 8.40 утра, просмотрев газеты, глава государства на автомобиле отправлялся на рабочее место, куда прибывал ровно в 9. Карденас завел порядок, согласно которому ему заранее докладывали о посетителях и их нуждах, с тем, чтобы разговор получался максимально предметным. Президента отличало редкое умение слушать собеседника, не выказывая ни малейших признаков усталости или недовольства. Он никогда не повышал голос и, несмотря на жару, всегда носил пиджак и галстук, таким образом подчеркивая уважение, которое сам питал к должности главы государства Мексиканских Соединенных Штатов. Поэтому на собеседников Карденас иногда производил впечатление человека чопорного и несколько скованного. Зная об этом, президент пытался расположить к себе людей мягкой дружеской улыбкой. Этой же улыбкой глава государства пытался преодолеть и свою собственную природную застенчивость.

Все вопросы Карденас решал обычно быстро. И если что-нибудь обещал, можно было быть полностью уверенным, что обещание будет выполнено. Даже острый политический кризис не мог вывести президента из равновесия, и он никогда не терял самообладания.

Обедать президент ездил домой и в пять вечера опять был на работе.

Президент любил свою супругу, но у него были романы и на стороне. Многие женщины хотели иметь от этого великого человека детей, и некоторым это удавалось.

Карденас открыл двери президентского дворца для обычных групп посетителей, чтобы простые граждане чувствовали – к власти пришел их представитель. В резиденции президента был установлен телеграф, и каждый житель Мексики мог прислать главе государства телеграмму.

Уже 3 декабря 1934 года были закрыты казино по всей республики, что вызвало настоящую ненависть к Карденасу со стороны многих разбогатевших на азартных играх представителей «революционной семьи». Особенно был недоволен бывший президент Абелярдо Родригес, владевший игорным бизнесом. Вдобавок это было воспринято как прямой вызов Кальесу, любившему карты и охотно посещавшему увеселительные заведения.

¹⁸ Benitez F. Lazaro Cardenas y la revolucion mexicana. III. El Cardenismo. Mexico, 2004.

Карденас понимал, что он может удержаться в предстоящей схватке с Кальесом, только имея за собой армию или обеспечив хотя бы ее нейтралитет.

Мексиканская армия комплектовалась на добровольной основе, и срок службы по контракту составлял три года. В 1935 году численность вооруженных сил составила 58 262 человека, в том числе 8 775 офицеров и унтер-офицеров¹⁹. В 1935 году в армии служили 394 генерала, большинство из которых были прежде всего политиками, а не профессиональными военными (в 1930 году генералов насчитывалось 426).

При этом в пехоте числились 29 160 военнослужащих, в кавалерии – 22 336, в артиллерии – 1826. Основной воинской частью в пехоте являлся батальон (всего их было 52), в кавалерии – полк (всего 75 полков). В 1935 году Мексика уже имела и неплохую авиацию в составе двух полков по три эскадрильи (всего 66 самолетов). ВМС по-прежнему пребывали в эмбриональном состоянии, и их основными боевыми силами были броненосец постройки 1898 года и мелкие корабли береговой охраны.

Однако влияние мексиканской армии на политическую жизнь зависело не только от ее численности и боевой мощи. По-прежнему командующие военными зонами зачастую чувствовали себя хозяевами положения и маленькими князьками на подвластной им территории. При Каррансе военных зон, то есть округов было 23. Кальес увеличил их количество до 32, чтобы ослабить численность войск, подчинявшихся тому или иному командующему. Правительство постоянно перемещало генералов из одной зоны в другую, чтобы те не смогли создать себе собственную политическую базу.

После революции 1910–1917 годов армейские офицеры составляли и основную часть высших государственных чиновников как в центре, так и на местах. На армию шла основная часть федерального бюджета страны.

При Обрегоне (1920–1924 годы) 40% всех чиновников были военными. При Ортисе Рубио и Абеярдо Родригесе эта доля несколько сократилась, но все равно оставалась внушительной (33%). Карденас уже в 1935 году снизил представительство военных на высших государственных постах до 24%. Еще при Родригесе только 3 из 10 членов кабинета министров были военными. В новом правительстве Карденаса из 12 человек гражданских было 9. Среди губернаторов штатов в 1935 году было 14 генералов и 17 гражданских политиков.

Из федерального бюджета Мексики объемом в 1072 миллиона песо в 1934 году на вооруженные силы было затрачено 243 миллиона (22,7%). При Карденасе в 1935 году сам бюджет существенно вырос (до 1208 миллионов песо). Увеличились и военные расходы (до 252 миллионов песо), но не столь значительно, и их доля сократилась до 20,9%, что было самым низким показателем за все послереволюционное время.

¹⁹ Менжинский Е. Мексика, М., 1927. С. 132

Конечно военные мятежи 1923, 1927 и 1929 года и их жестокое подавление очистили вооруженные силы от генералов, имевших президентские амбиции. Армия была уже не столь самостоятельной, тем не менее Карденас с первых же дней стал методично продвигать на ключевые посты своих сторонников или, по крайней мере, противников Кальеса.

Как только Карденас стал президентом, он начал назначать на средние посты в различных военных округах не связанных с Кальесом офицеров. Предпочтение при новых назначениях отдавалось тем военным, которые в разное время воевали против Обрегона или Кальеса – бывшим вильистам, сапатистам и прочим диссидентам. Выдвигал Карденас и молодых офицеров, которые не участвовали в революции, а были профессиональными военными, менее склонными к политике.

В 1935 году Карденас заставил всех пехотных офицеров в звании до полковника пройти экзамен на профессиональную пригодность²⁰. Не справившихся отправляли на переподготовку или увольняли. С помощью такой меры Карденас хотел избавиться от тех офицеров, которые получили звания благодаря фаворитизму генералов или своим былым (часто весьма сомнительным) революционным заслугам. Позднее, в 1936 году президент ввел новую систему присвоения очередных воинских званий, которая базировалась уже не на лояльности того или иного офицера «своему» генералу, а на результатах конкурсной аттестации, учитывавшей возраст, здоровье, физическое состояние и командные способности. Срок активной службы офицеров был сокращен с 35 до 25 лет, что давало президенту возможность омолодить офицерский корпус.

Карденас заботился о бытовых условиях жизни простых солдат. Уже в 1934 году в Монтеррее была построена образцовая военная база «Сьюдад Милитар», которая должна была послужить прототипом для всех военных гарнизонов. На базе имелись чистая питьевая вода, газовое отопление, система канализации и электроснабжения. Не забыли и госпиталь, библиотеку и гимнастический зал. Карденас также приказал устроить на базе школу, где военнослужащие могли бы получать гражданские профессии, например сельскохозяйственные.

Все эти меры служили одной цели – армия должна была перестать быть государством в государстве, а стать частью общества. Выступая в 1935 году перед выпускниками офицерской школы, президент (сам дивизионный генерал) заявил: «Мы не должны думать о себе, как о профессиональных солдатах... а скорее как о вооруженных помощниках угнетенных классов...»²¹

²⁰ Camp R. A. *Generals in the Palacio: the Military in Modern Mexico*. Oxford University Press, 1992. P. 20

²¹ Lieuwen E. *Mexican Militarism: The Political Rise and Fall of the Revolutionary Army, 1910–1940*. Greenwood Press, 1968. P. 120

По Карденасу, солдаты и офицеры должны были принимать активное участие в общественной жизни страны. «Шестилетний план» предусматривал участие вооруженных сил в строительстве дорог, аэропортов и ирригационных сооружений, ремонте телефонных и телеграфных линий. Военные инженеры участвовали в аграрной реформе, бесплатно проводя для крестьян землемерные работы. Армия Карденаса должна была стать плотью от плоти трудового народа. Логичным шагом стало введение воинской обязанности для всех граждан страны в 1939 году.

Уж в январе 1935 года Карденас произвел ротацию многих командующих военными зонами. Например, один из самых активных противников Кальеса в армии генерал Альмасан возглавил войска в промышленном центре Мексики Монтеррее, где были сильны позиции антиправительственно настроенных предпринимателей. Были смещены также командующие войсками в Соноре (бастион влияния Кальеса), в долине Мехико, в Юкатане, в Нижней Калифорнии (оплот влияния бывшего президента и кальяста Абелярдо Родригеса) и т.д. В феврале – апреле 1936 года Карденас сменил еще 4 командующих. В частности, бывший сапатист Хильдардо Маганья возглавил войска в родном штате президента Мичоакане.

Впоследствии некоторых из вновь назначенных командующих военными зонами Карденас провел на посты губернаторов тех штатов, где они возглавляли войска.

Армия была ключевым элементом первых месяцев президентства Карденаса еще и потому, что новый глава государства сразу же после своего избрания столкнулся с вооруженной оппозицией.

Проигравший выборы генерал Вильярель обвинил правительство в подтасовке результатов голосования, назначил сам себя командующим «революционным движением» и 20 ноября 1934 года призвал страну к вооруженному восстанию. Мятеж Вильяреля можно было бы списать со счетов, но чувствовалось, что за генералом стоят влиятельные силы.

Вильярель объявил себя защитником религиозной свободы, что сразу принесло ему не только симпатии духовенства, но и значительные материальные ресурсы, в том числе в США. В начале 1935 года в пограничном с США городе Ларедо был найден тайный арсенал, содержавший более 2000 патронов²². Контрабандой оружия из США занималась католическая американская организация «Рыцари Колумба». В частности, «рыцари» ограбили армейский арсенал Национальной гвардии в Канзас-Сити и пытались переправить в Мексику похищенные оттуда 75 немецких пулеметов. Мексиканский консул в Эль-Пасо сообщал, что содействие в контрабанде оружия оказывал архиепископ Руис-и-Флорес, действовавший в тесном контакте с главой «Рыцарей Колумба» Клеофасом Каверосом. В США

²² Elizaga R. S. Los Codigos Ocultos del Cardenismo. Mexico, 1996. P. 38

было собрано около 300 тысяч долларов на закупку оружия, боеприпасов и лошадей для мятежников. Активная закупка оружия шла и в Калифорнии, причем там мятежники носили форму мексиканской армии. Была даже попытка закупить и переправить в Мексику самолеты. Оружие доставлялось в Мексику не только через сухопутную границу, но и морским путем.

Правительство США, в отличие от 1929 года, особых препятствий деятельности заговорщиков не чинило. Оружие для борьбы с Карденасом спокойно закупалось прямо на армейских складах вооруженных сил США.

Против правительства активно действовало и духовенство внутри Мексики. Епископ столицы штата Сонора Эрмосильо агитировал воинственных индейцев яки подняться с оружием в руках против властей в Мехико.²³

Однако, несмотря на поддержку церкви и американцев, Вильяреалю удалось образовать в Мексике только малочисленные разрозненные отряды, которые проводили налеты на поезда, телефонные линии и деревни, но в бои с правительственными войсками вступать избегали. Уже в начале 1935 года стало ясно, что никакого восстания против Карденаса не получилось.

Тогда Кальес решил обострить обстановку в стране с помощью своего протеже и нового министра земледелия Гарридо Каннабаль. Полем битвы должен был, как обычно, стать религиозный вопрос. Гарридо Каннабаль заявил, что все религии мира абсурдны, а католическая является самой тиранической из них. Закупленного в США быка Каннабаль назвал Епископом, а одного своего осла – Папой. И Епископ, и Папа демонстрировались населению во время различных сельскохозяйственных выставок. Когда осел и бык, украшенные табличками со своими гордыми именами, важно шествовали под музыку, торжественно звучала просьба: «Граждане, обнажите головы – идут папа и епископ!»²⁴

Задачей Каннабаля и его «краснорубашечников» было спровоцировать верующих на открытую оппозицию властям, а в идеале на новое вооруженное восстание. Такое развитие событий позволило бы Кальесу сплотить под своим началом всю «революционную семью», включая президента, перед лицом поднявшей голову «реакции». Портес Хиль в своих мемуарах именно так и описывает тактику Кальеса. Об этом же докладывал в Вашингтон американский посол.

Духовенство и так было возмущено «сексуальным обучением» и «социалистическим воспитанием», хотя оба эти лозунга в 1935 году лозунгами же и оставались. «Краснорубашечники» лишь подлили масла в огонь и устроили 30 декабря 1934 года в Койокане столкновения с верующими,

²³ Elizaga R. S. Los Codigos Ocultos del Cardenismo. Mexico, 1996. P. 42

²⁴ Benitez F. Lazaro Cardenas y la revolucion mexicana. III. El Cardenismo. Mexico, 2004.

которые завершились стрельбой. Верующие, которые покидали церковь, были встречены выстрелами из пистолета. Разнесся слух, что «красные рубашки» пришли, чтобы сжечь храм.

Погибли пять человек (по другим данным – 12). Нападавших (все-го их было 75, по другим данным 50–60) задержала полиция, но Гарридо Каннабаль послал им в тюрьму ящик шампанского и объявил, что арестованные находятся под его защитой.

Столкновение было неизбежно, так как «краснорубашечники» каждое воскресенье устраивали у церкви «антикатолические часы», провоцируя верующих.

По всей Мексике «красные рубашки» и их сторонники нападали на храмы, пытались устроить в городах и деревнях сожжение мощей и изображений святых. В одном из городов они звонили в церковные колокола, собирая верующих на «социалистические молитвы». Губернаторы штатов – кальисты резко ограничивали количество священников на подвластной им территории. В 1935 году во всей Мексике остались только 308 зарегистрированных властями священников, в 17 штатах не было ни одного представителя духовенства²⁵.

«Краснорубашечники» носили обычно красные рубашки, черные брюки и головные уборы военного образца. В отряды принималась молодежь от 15 до 30 лет. Помимо религии «красные рубашки» боролись и против других общественных явлений, которые они считали противоречащими прогрессу, например против алкоголизма. Когда Гарридо Каннабаль стал министром, в организации насчитывалось до 50 тысяч человек.

Карденас негативно относился к деятельности «красных рубашек» и пытался назначением Гарридо Каннабаля на министерский пост ослабить его связь с организацией (бастионом «краснорубашечников» являлся штат Табаско, где Каннабаль до 1934 года был губернатором). Однако Каннабаль привел отряды с собой в столицу, где они попытались подчинить себе Университет Мехико.

Президент в начале 1935 года был вынужден считаться с Каннабалем потому, что тот сыграл очень большую роль при выдвижении Карденаса кандидатом от НРП в 1933. Сначала Каннабаль хотел поддержать губернатора Веракруса Техеду, но не решился на открытый разрыв с НРП. В 1933 году Гарридо Каннабаль несколько дней провел в напряженных беседах с Кальесом в имении тогдашнего президента Родригеса, уговаривая «хефе максимо» поддержать Карденаса. На тот момент Кальес больше склонялся к кандидатуре Мануэля Переса Тревиньо, и позиция Каннабаля в пользу Карденаса сыграла большую роль.

²⁵ Ruiz R. E. *Triumphs and Tragedy. A History of the Mexican people*. New York, 1992. P. 393

Карденас, как и Гарридо Каннабаль, ненавидел религию, видя в ней тормоз на пути социального прогресса страны. Но президент понимал, что эпатажом и глумлением католическую веру не победить. Это можно было сделать только постепенным повышением жизненного и образовательного уровня населения. Поэтому Карденас предпочитал бороться с церковью не слишком шумно – например, он запретил пересылку религиозной литературы по государственной почте.

Тем не менее Карденас публично осудил антирелигиозные эксцессы. В начале 1936 года он заявил в Тамаулипасе, что правительство не намерено бороться против религиозных чувств верующих. В Гвадалахаре президент призвал учителей отказаться от антирелигиозной пропаганды в школах. С сентября 1936 года в Мексике после десятилетнего перерыва стали открываться церкви. Штаты начали принимать законы, увеличивающие разрешенное число священников. Так, например, штат Наярит принял закон, устанавливающий квоту в 20 католических священников, в то время как до этого в Наярите допускался только один священник. В Керетаро было разрешено иметь священника в каждом муниципальном округе.

Но это было еще в будущем. А в конце 1934-го – начале 1935 года священники в своих проповедях связывали начало новых гонений на веру с приходом к власти «коммуниста» и «большевика» Карденаса. В марте 1935 года за нарушение закона был задержан архиепископ Мехико Паскуаль Диас.

До Карденаса доходили сведения, кто на самом деле стоит за обострением обстановки в стране. В январе 1935 года было получено сообщение от мексиканского консула в Лос-Анджелесе, где на лечении находился Кальес. Консул сообщал, что Кальес, бывший президент Родригес и бывший губернатор Соноры Топете развернули в США активную подрывную деятельность против правительства Мексики²⁶. Именно с этим консул связывал появившуюся в лос-анджелесской газете «Дейли Ньюс» заметку, в которой говорилось, что «Мексика находится на пороге революции» и «революцию» эту готовят могущественные враги Карденаса.

2 января 1935 года военный атташе США в Мехико сообщил в Вашингтон, что на Карденаса совершено покушение²⁷. В 30 километрах от Куэрнаваки автомобильный кортеж главы государства попал в засаду. Три автомашины были обстреляны. Погибли один шофер и сопровождавший президента депутат. В нападении участвовали до 30 человек. Карденас предпочел не сообщать о покушении в прессе.

Как и ожидал Кальес, многие «кристерос» снова взяли за оружие (надо отметить, что отдельные отряды вообще не прекращали борьбу даже после 1929 года). Так возник еще один очаг вооруженного мятежа против

²⁶ Elizaga R. S. Los Codigos Ocultos del Cardenismo. Mexico, 1996. P. 54

²⁷ Elizaga R. S. Los Codigos Ocultos del Cardenismo. Mexico, 1996. P. 55

президента Карденаса. В конце 1935 года против правительства действовали различные вооруженные отряды общей численностью примерно 8 тысяч человек. Это движение получили название «второй кристиады».

В апреле 1935 года бывший секретарь главнокомандующего силами «кристерос» генерала Горостиеты Лауро Роча обратился к стране с манифестом против «каналей» Кальеса и Карденаса, призывая к вооруженной борьбе с режимом под лозунгом «Родина и Свобода».

Очагом «новой кристиады» стал, как и во время первой «кристиады», штат Халиско. Несмотря на то, что армии удалось в июле – декабре 1935 года ликвидировать нескольких главарей банд «кристерос», партизанская война не прекращалась. В 1935 году «кристерос» попытались создать единое командование для штатов Халиско, Гуанахуато и Мичоакан во главе с Лауро Роча, которого Лига защиты религиозной свободы назначила командующим операциями на севере и в центре Мексики²⁸. «Кристерос» нападали на асиенды, ранчо и школы, захватывая провиант и по возможности оружие. Учителей варварски убивали – некоторым отрезали уши. Как и в 20-е годы, «фирменной» операцией «кристерос» был захват и подрыв поездов. Армии пришлось прибегнуть даже к бомбежкам тех районов, где передвигались конные отряды «кристерос». Но вплоть до конца 1936 года «кристиаду» подавить не удавалось.

«Кристерос», однако, не могли свалить правительство вооруженным путем, так как их отряды были малочисленными (армия полагала, что всего в бандах действуют одна-две тысячи человек по всей стране). Кальес рассчитывал на другое – на то, что новые преследования верующих вызовут, как и в 20-е годы, протесты в США, а значит, и давление на Карденаса извне. «Верховный вождь» не ошибся.

Официально США с приходом в Белый дом демократа Франклина Делано Рузвельта провозгласили по отношению к Латинской Америке политику «доброго соседа». Однако в Мексике предпочитали смотреть не на слова, а на дела американцев. В 1935 году военный атташе Мексики в Вашингтоне Хуан Аскарате предупреждал свое правительство, что политика «доброго соседа» является только маскировкой для ничуть не изменившегося американского империализма²⁹. Основной советник Карденаса генерал Мухика тоже советовал президенту развивать отношения с другими странами, например с СССР и Японией, чтобы избежать доминирования США во внешней политике Мексики.

В госдепартаменте при Рузвельте образовались две группы, стремившиеся по-разному строить отношения США с Латинской Америкой. Первая

²⁸ Elizaga R. S. Los Codigos Ocultos del Cardenismo. Mexico, 1996. P. 98

²⁹ Schuler F. E. Mexico between Hitler and Roosevelt. Mexican Foreign Relations in the Age of Lazaro Cardenas 1934–1940. University of New Mexico Press, 1998. P. 38

группа во главе с заместителем госсекретаря Самнером Уэллесом состояла из сторонников «нового курса» Рузвельта и предлагала развивать отношения с южными соседями без применения излишнего давления, а тем более военной силы. Другая группа во главе с самим госсекретарем Хэллом состояла из дипломатов эпохи президента Вудро Вильсона (1914–1920 годы). Они видели политику «доброго соседа» как средство сплочения латиноамериканских стран под руководством США на случай мировой войны. Эта группа считала, что главными направлениями внешней политики США должны стать Европа и Восточная Азия, а Латинской Америке надлежит во всем поддерживать Вашингтон на мировой арене.

Таким образом, в целом американцы были настроены на то, чтобы позволить Мексике вариться в собственном соку до тех пор, пока она следовала в фарватере внешней политики США. Для Кальеса такой расклад был малоутешительным.

Кальесу не повезло и с новым американским послом в Мексике – 70-летним Джозефусом Дэниэльсом, близким другом нового президента, которого Рузвельт послал в Мехико в 1933 году. На первый взгляд, биография Дэниэльса³⁰ не предвещала Мексике ничего хорошего – в апреле 1914 года именно министр ВМС США Дэниэльс отдал приказ оккупировать Веракрус. Однако Дэниэльс, в отличие от друга Кальеса Морроу, сразу не любил «верховного вождя» как диктатора и врага демократии. Во время первой встречи Кальес пытался убедить посла, что мексиканская внутренняя политика и «новый курс» Рузвельта имеют много общего, но не преуспел. Зато Дэниэльс с пониманием относился к мексиканской позиции по ряду вопросов (например, относительно компенсаций американским гражданам, пострадавшим от аграрной реформы), что нередко вызвало критику госдепартамента. Посол публично хвалил планы Карденаса по развитию системы всеобщего государственного образования и призывал подчиненных ему дипломатов не вмешиваться во внутренние дела Мексики³¹.

³⁰ Дэниэльс был родом из Северной Каролины и уже в три года потерял отца, которого убил снайпер южан во время Гражданской войны между Севером и Югом. Сам Дэниэльс позднее стал журналистом и владельцем местной газеты, которая выступала за «власть белых», то есть пропагандировала расистские взгляды, что, впрочем, было нормально для южан-демократов того времени. Семья Дэниэльса владела газетой до 1995 года. Адвокат по образованию, он никогда не занимался юридической практикой, так как рано увлекся политикой и в 1893–1895 годах был старшим чиновником МВД США. В 1912–1921 годах Дэниэльс был министром ВМС и после поражения демократов на выборах опять сосредоточился на своей газете *Raleigh News and Observer* («Релэй Ньюс энд Обсервер»). Пост посла в Мексике Дэниэльс занимал до 1941 года.

³¹ Большинство сотрудников посольства США в Мексике на выборах 1932 года голосовали против Рузвельта.

В отличие от Морроу, Дэниэлс не был лоббистом «большого бизнеса» и считал, что должен представлять в Мексике не интересы американских де-

борьбе с алкоголизмом, который, как считалось, поощряет католическая церковь.

Однако настроений в Конгрессе Рузвельт уже игнорировать не мог. А в феврале 1935 года влиятельный сенатор США Уильям Бора внес на обсуждение проект резолюции с требованием расследования религиозного вопроса в Мексике. Рузвельт сделал все возможное, чтобы резолюция Бора не прошла в Сенате.

Словесная трескотня кальлистов по поводу «социалистического образования» убеждала многих в США, что религию в Мексике преследуют коммунисты, а Карденас является их ставленником и, следовательно, агентом Москвы. Газета «Нью-Йорк Таймс» писала, что у власти в Мексике находятся люди, стремящиеся полностью уничтожить в стране религиозные свободы.

В Конгрессе США стали популярны призывы проучить «красную Мексику». В августе 1935 года конгрессмен Джон Бойлен выразил протест против отказа во въездной визе в Мексику американскому протестантскому миссионеру Говарду Дилеру.

Всего за первые 6 месяцев 1935 года в палату представителей Конгресса США было внесено не менее 15 резолюций с требованием вмешательства во внутренние дела Мексики³⁵.

Некоторые губернаторы штатов США направили петиции Рузвельту с требованием оказать давление на Мексику. В июле 1935 года под такой петицией подписались уже большинство палаты представителей Конгресса США – 250 депутатов. Конгрессмены хотели, чтобы Белый дом начал официальное расследование по поводу нарушения религиозных прав американских граждан в Мексике. Тем не менее ни Рузвельт, ни госсекретарь Хэлл ссориться с Мексикой не хотели.

Рузвельт использовал и то обстоятельство, что внутри католической церкви США существовали расхождения во взглядах на ситуацию в Мексике. Джон Берк, глава Национальной католической конференции (самой влиятельной католической организации в США) поддерживал президента в его политике невмешательства во внутренние дела Мексики.

США от Мексики было нужно другое: в марте – апреле 1935 года они настаивали, чтобы Карденас наконец приступил к переговорам об урегулировании общих требований американских граждан, особенно связанных с аграрной реформой. В 1924 году США согласились было принять возмещение ущерба от конфискации земли до 1755 га в каждом конкретном случае не деньгами, а облигациями, но теперь требовали только наличные³⁶. Чтобы затянуть время и ослабить американское давление в религиозном

³⁵ Шульговский А. Ф. Мексика на крутом повороте своей истории. М., 1967. С. 92

³⁶ Foreign Relations of the United States (FRUS). Volume, 1935. P. 754

вопросе, Карденас согласился на переговоры, которые длились весь 1935 год. Мексиканцы твердо стояли на том, что аграрная реформа является внутренним делом Мексики и затронутые ей иностранцы должны получать компенсацию за экспроприированные земли по мексиканскому законодательству без всякого вмешательства государственного департамента США. Американцы с этим не соглашались, именовали аграрную реформу «так называемой» и требовали урегулирования ущерба на основе международного права, а не мексиканской Конституции.

Пока Карденас затягивал переговоры с США, он усиливал темпы проведения аграрной реформы, проводя политику свершившихся фактов. По данным посла США, только в феврале 1935 года правительство Мексики передало крестьянам 42 017 га земли на постоянной основе и 50 000 га – на временной.³⁷

В марте – апреле 1935 года госдепартамент проинструктировал посла Дэниэльса встать на защиту американских нефтяных компаний, которым угрожает якобы недружественная политика мексиканских властей.³⁸

Характерно, что во время беседы по этому вопросу с министром иностранных дел Мексики Портесом Хилем 11 апреля 1935 года американский посол привлек внимание и к ситуации с церквями, в частности в штате Табаско³⁹. Американцы ясно давали понять, что увязывают воедино все три интересующие их проблемы двусторонних отношений – аграрную реформу, благополучие американских нефтяных компаний в США и религиозный вопрос. Причем последний использовался как средство давления по первым двум.

Портес Хиль пообещал, что мексиканское правительство не будет отзывать лицензии на добычу у нефтяных компаний США (хотя планы пересмотра и проверки лицензий родились у министра финансов Нарсисо Бассольса явно не без ведома Карденаса).

Американцы настойчиво интересовались забастовочной борьбой в Мексике, которая вредила их бизнесу. Портесу Хилю пришлось заверить, что правительство держит количество и размах стачек под контролем.

Ниже будет показано, что демарш посла США в МИД Мексики странным образом совпал с началом открытого наступления Кальеса на президента Карденаса, причем практически по тем же вопросам, которые затронул американский посол в беседе с Портесом Хилем.

³⁷ Foreign Relations of the United States (FRUS). Volume, 1935. P. 767

³⁸ Мексиканское правительство заявило о возможности проверки легальности прав американских компаний на эксплуатацию недр. США упирали на то, что президент Кальес в 1928 году де-факто подтвердил все концессионные договоры, в том числе две трети договоров, заключенных до вступления в силу Конституции 1917 года.

³⁹ Foreign Relations of the United States (FRUS). Volume, 1935. P. 766–768

Однако в первой половине 1935 года Карденасу все же удалось отбить американский натиск.

Но помимо «внутрисистемной оппозиции» (Кальес и его сторонники в НРП и госаппарате) Карденас столкнулся и с внесистемной оппозицией, которая раньше о себе в Мексике явно не заявляла.

Речь идет о нацистских и родственных им правых организациях, открыто или скрытно борющихся против «коммуниста» Карденаса.

Отношение к Германии среди населения и политической элиты Мексики издавна было доброжелательным. Немецкие товары пользовались популярностью за их высокое качество, но главное – в отличие от США, Англии, Франции и Испании, Германия никогда не пыталась навязать Мексике свою волю силой оружия или дипломатическим прессингом. Немцы традиционно селились в Латинской Америке в Аргентине, Чили и Бразилии, где к началу 30-х годов их насчитывалось несколько десятков тысяч человек и где они играли видную роль в политической и экономической жизни.

В Мексику массовой немецкой эмиграции не было (немцы охотнее ехали в соседний Техас), за исключением небольшой колонии меннонитов, переселившихся из США. К 1935 году в стране проживали чуть более 6000 немцев, часть которых были гражданами Германии (в основном бизнесмены и профессора), другие – натурализовавшимися мексиканцами. Большинство немцев жили в Мехико, а также в портах Масатлан, Веракрус и Тампико и в центре мексиканской металлургии – Монтеррее.

Немецкий бизнес преобладал в торговле лекарствами и железными изделиями. 60–70% кофейных плантаций в южном штате Чьяпас также принадлежало немецким предпринимателям. Немецкий финансовый капитал был представлен двумя банками: «Банко Херманико де ла Америка дель Сур» и филиалом «Дойч-Зюдамериканише Банк»⁴⁰. Основателем последнего был крупнейший коммерческий банк Германии «Дрезднер Банк», большинство акций которого с 1932 года принадлежало правительству Германии. Поэтому «Дрезднер Банк» стал основной финансовой опорой нацистского режима. Именно через него банк немцы вели большую часть бартерных сделок с Латинской Америкой. В обмен за свои услуги нацисты передали

⁴⁰ Менжинский Е. Мексика. М., 1937. С. 115. Филиал «Дойч-Зюдамериканише Банк» в Мексике появился еще перед Первой мировой войной, в 1907 году, наряду с филиалами в Бразилии и Чили. В 20-е годы возникли новые филиалы в Парагвае и еще два филиала в Бразилии. Падение торговли между Германией и Латинской Америкой во время мирового кризиса привело к сокращению баланса банка на 50%, и один из членов правления даже покончил жизнь самоубийством. От полного банкротства банк спасло вмешательство правительства Германии. Позднее банк поддерживал тесные отношения с абвером и РСХА, которые получали через филиалы банка в Латинской Америке информацию экономического характера, в том числе о закупках США стратегически важного сырья в латиноамериканских странах.

банку «аризированный» (то есть отобранный у еврейских владельцев) частный банк «Арнольд». Позднее «Дрезднер Банк» за тесные контакты с Гиммлером стали называть «домашним банком СС». По уточненным данным, «Дрезднер Банк» предоставил СС кредитов в пересчете на 160 млн евро. В обмен на это банк зарабатывал на варварской эксплуатации эсэсовцами насильно угнанной в Германию рабочей силы из восточноевропейских стран, в том числе и из СССР⁴¹.

В 20-е годы в Мексике появилась новая волна немецких эмигрантов. Это были люди, прошедшие Первую мировую войну, ненавидевшие слабую «марксистскую» Веймарскую республику и придерживавшиеся националистических взглядов. Большинство поселенцев немецкой колонии в Мексике не приняли революцию и жили замкнуто, стараясь не общаться с мексиканцами, если это не диктовалось коммерческой необходимостью.

В конце 20-х годов окрепшие немецкие концерны стали основывать свои филиалы в Мексике (например, химический гигант «ИГ Фарбен», лидер мировой электротехники «АЭГ» и «Телефункен»). Но начавшийся мировой кризис сильно подорвал экономические позиции Германии в Латинской Америке. Если внешняя торговля Германии в целом за время Великой депрессии упала на 60%, то товарооборот с Латинской Америкой снизился на 75%.

Центром немецкой общины в Мехико был основанный еще в 1848 году «Немецкий дом», при котором функционировали различные культурные и спортивные организации и общества взаимной помощи. Немцы издавали еженедельник «Дойче Цайтунг» тиражом две тысячи экземпляров. Большой популярностью среди политической элиты Мехико пользовалась немецкая школа, в которой учились 1500 немецких и мексиканских детей.

В первые два года после прихода Гитлера к власти Германия вела осторожную политику, подчеркивая свое миролюбие (у Гитлера еще не было мощной армии). В отношении Латинской Америки новые власти поставили две основных задачи: НСДАП через свою Заграничную организацию (АО)⁴²

⁴¹ Подробнее о роли «Дрезднер Банк» и «Дойч-Зюдамериканише Банк» во времена «третьего рейха» см. Henke K. D. Die Dresdner Bank im dritten Reich. München, 2006

⁴² Нацисты делили всех немцев на живущих в Германии («райхсдойче») и живущих за границей («фольксдойче») Заграничная организация НСДАП (Auslandsorganisation, АО) была основана 1 мая 1931 года по инициативе Грегора Штрассера для работы среди немецкой диаспоры за рубежом. Первым руководителем организации был Ханс Ниланд. С мая 1933 года АО возглавлял Эрнст Вильгельм Боле, который, как и заместитель Гитлера по партии до 1941 года Рудольф Гесс, родился и вырос за границей. АО получила статус 43-й областной организации НСДАП (Gauorganisation), 42 областные парторганизации объединяли членов НСДАП в самой Германии. Характерно, что первая организация нацистской партии за рубежом возникла еще до учреждения АО

должна была подчинить все немецкие колонии в этих странах. В свою очередь, эти колонии под руководством партийных организаций должны были пропагандировать достижения нацизма и противодействовать антифашистской пропаганде. В этой связи главной целью считалась борьба с коммунистами как главными противниками нацизма. Действовать партийным организациям надлежало осторожно, чтобы не испортить хорошие межгосударственные отношения Германии с латиноамериканскими странами.

В области межгосударственных отношений задача была следующей: обеспечить бесперебойные поставки стратегически важного сырья из Латинской Америки в Германию на основе бартера (у немцев не хватало свободно конвертируемой валюты). Причем желательно, чтобы такие поставки не прекращались и в военное время.

Немцы развивали торгово-экономические отношения с Латинской Америкой еще и потому, что хотели за счет этого ослабить свою зависимость от США в сфере импорта сырья. Например, с 1932-го по 1938 год немецкий импорт из США сократился с 592 до 454 миллионов марок, в то время как импорт из Латинской Америки за тот же период вырос с 521 до 949 миллионов марок.

Основной упор в латиноамериканской политике Германия делала на развитие отношений с Аргентиной, Чили и Бразилией. В 1933–1938 годах доля Аргентины в немецком импорте выросла с 3,6% до 4%, Чили – с 0,5% до 1,7%, Бразилии – с 1,6% до 3,9%.

Мексика считалась в Берлине колонией США и к тому же страной с почти социалистическим режимом. Но и мексиканская доля в немецком импорте в 1933–1938 годах увеличилась более чем вдвое – с 0,5% до 1,1%⁴³.

В 1933 году на США приходилось 59% мексиканского импорта, а на Германию – 12%. В 1936-м оба соперника на мировой арене смогли увеличить свою долю в мексиканских закупках за границей: американцы до 62,8%, немцы – до 15,6%. Но к 1938 году немцы стали сокращать разрыв: их доля в мексиканском импорте составила 19,9%, доля США – 58,5%. В 1932–1936 годах Мексика в среднем за год импортировала немецких товаров на 41 миллион песо, в 1937-м – на 99 миллионов песо.

Гитлер планировал создать в Бразилии «Новую Германию». В беседе с главой сената Данцига Раушнингем в 1934 году Мексику он охарактеризовал как страну, которой нужно «толковое управление». «Нынешние правители Мексики», по мнению фюрера, ведут страну к упадку. «Германия могла бы стать мощной и богатой с (мексиканскими) недрами... С несколькими

в 1929 году именно в Латинской Америке (в Парагвае). Командующий СА и второй человек в Третьем рейхе после Гитлера до 1934 года Эрнст Рем в 1928–1930 годах был советником боливийской армии в звании подполковника.

⁴³ Katz F. *Nuevos ensayos mexicanos*. Mexico, 2007. P. 321

сотнями миллионов можно купить всю Мексику. Почему бы не заключить с Мексикой союз, валютный пакт, таможенное сообщество?»⁴⁴

В Мексике немцев интересовала в основном нефть. Воскресший германский флот хотел обзавестись собственными нефтяными месторождениями. Сначала немцы хотели получить нефтяную концессию в Ираке, но там этого не допустили англичане. Затем рассматривалась возможность получения нефти из горючих сланцев в Эстонии, но это оказалось слишком затратным делом.

Поэтому в германское посольство в Мексике прибыл экономический атташе Ханс Бурандт, который должен был втайне от американцев получить от мексиканского правительства разрешение на добычу нефти. До 1935 года немцы импортировали небольшие объемы мексиканской нефти через американскую компанию «Дэвис Компани»⁴⁵. Но, предвидя войну с США, они хотели освободиться от этой зависимости. Была образована подставная немецкая компания⁴⁶, и вскоре немецкие геологи выехали в Мексику для разведки месторождений⁴⁷. Мексиканские соотечественники предложили Бурандту «самое многообещающее нефтяное месторождение Америки», которое находилось на самой границе с США. В Берлине этот вариант отвергли, так как в случае войны американцы легко бы вывели его из строя.

До 1930 года в зарубежных организациях нацистской партии насчитывалось всего 486 человек, в том числе семь – в Мексике⁴⁸. Первая организация НСДАП в Мексике возникла в начале 1931 года после ошеломляющего успеха нацистов на парламентских выборах в Германии в сентябре 1930 года. В 1931 году руководителем местной парторганизации в Мехико стал деятельный Вильгельм Виртц, и к моменту прихода Гитлера к власти

⁴⁴ Katz F. Nuevos ensayos mexicanos. Mexico, 2007. P. 325

⁴⁵ Schuler F. E. Mexico between Hitler and Roosevelt. Mexican Foreign Relations in the Age of Lázaro Cárdenas 1934–1940. University of New Mexico Press, 1998. P. 50

⁴⁶ Gesellschaft für überseeische bergbauliche Rechte.

⁴⁷ Альтернативой в нефтеснабжении для немцев была Венесуэла, проявившая готовность менять свою нефть на немецкие товары. Этим заинтересовалось германское министерство экономики и поручило «Дрезднер Банк» отработать схему финансирования бартерных поставок. В 1936–1937 годах шли германо-венесуэльские переговоры, в ходе которых Венесуэла настаивала еще и на том, чтобы немцы в нагрузку к тонне нефти закупили у нее 60 кг кофе. Но Германии было нужно только военно-стратегическое сырье, и переговоры так и не увенчались успехом. Однако главным препятствием было другое – вся нефтедобыча в Венесуэле находилась в руках английских и американских компаний, а те не хотели торговать с немцами за не обеспеченные золотом немецкие рейхсмарки. Именно после провала венесуэльского проекта немцы обратили внимание на Мексику и Ирак.

⁴⁸ www.tau.ac.il/cial/VI_2/muller.htm

в партии насчитывалось уже 68 членов. Весной 1933 года прием в НСДАП в Германии был временно прекращен из-за большого наплыва тех, кто желал примазаться к новому режиму (таких называли «мартовские цветы»). Однако на заграничные организации запрет не распространялся, и в июле 1935 года организация НСДАП в Мексике насчитывала 265 члена.

Захват нацистами основных СМИ и учреждений немецкой общины в Мексике прошел без особого сопротивления самих членов общины и при деятельном содействии нового германского посланника в Мехико. В декабре 1933 года в Мехико прибыл представитель нового поколения дипломатов Германии, твердый сторонник нацистских взглядов 51-летний барон Рюдт фон Колленберг-Бедигхайм. До Мексики барон служил германским консулом в Калькутте и Шанхае, в мае 1933 года он стал членом НСДАП, что в то время было еще редкостью в МИД Германии. Рюдт оставался на своем посту до разрыва германо-мексиканских отношений в 1941 году. Новый посол не принадлежал к влиятельным членам МИД, и его депеши шли в основном в экономический отдел немецкого внешнеполитического ведомства, что ясно подчеркивает особую заинтересованность Германии в торговых связях с Мексикой.

Характерно, что перед отъездом в Мексику он получил инструкции не только от своего непосредственного начальства в МИД Германии (где его также инструктировал специалист по экономике, что ясно показывает тогдашние приоритеты Третьего рейха), но и от главы Заграничной организации НСДАП Боле. Последний выразил удовлетворение после встречи с новым посланником Германии в Мексике⁴⁹.

При помощи нового посланника организация НСДАП в Мексике захватила не только немецкую школу в Мехико (учащиеся стали носить форму «гитлерюгенда» и Союза немецких девушек), но и «Немецкий дом» и главную газету немецкой общины. Были основаны местные организации НСДАП в стратегически важных мексиканских портах Масатлан (20 членов) и Веракрус (16), а также в городах Монтеррей (16) и Пуэбла (16). Помимо еженедельника «Дойче Цайтунг» стала издаваться тиражом 1100 экземпляров ежемесячная газета «Национал-социалистический вестник», орган земельной организации НСДАП в Мексике, а с 1935 года еще и орган немецкого землячества «Миттайлунген дер Дойчен Фольксгемайншафт» тиражом 4000 экземпляров.

В 1935 году при содействии немецкого посольства все немцы в Мексике объединились в единую (формально не нацистскую) организацию «Дойче Фольксгемайншафт» («Немецкое народное сообщество») под руководством функционеров НСДАП.

⁴⁹ Schuler F. E. Mexico between Hitler and Roosevelt. Mexican Foreign Relations in the Age of Lázaro Cárdenas 1934–1940. University of New Mexico Press, 1998. P. 50

Следует подчеркнуть, что организации НСДАП в Мексике активно помогали представленные в стране немецкие фирмы. Например, «ИГ Фарбен» выделила 10 миллионов марок на «Немецкий дом».

Таким образом, первая задача – подчинение себе немецкой колонии в стране – была успешно выполнена как раз к моменту прихода Карденаса к власти.

Помимо МИД Германии и АО НСДАП Латинской Америкой занималось еще одно учреждение Третьего рейха – Ибероамериканский институт, который был основан в 1930 году и до прихода нацистов к власти был прежде всего научно-исследовательским центром.

В 1934 году институт возглавил генерал Вильгельм Фаупель. Профессиональный военный (знавший русский язык), он был отправлен на подавление «боксерского восстания» в Китай в 1900 году, а затем в Юго-Западную Африку, где немцы истребляли непокорное племя герреро. В 1911–1913 годах был военным советником аргентинской армии. Во время Первой мировой войны Фаупель служил в генеральном штабе и был одним из разработчиков наступательных операций с применением отравляющих веществ. После войны в рядах фрайкора⁵⁰ активно участвовал в подавлении революционного движения в Баварии и Руре⁵¹. Участвовал также в неудачном вооруженном восстании против правительства Веймарской республики и был вынужден бежать из Германии. В 20-е годы Фаупель был советником аргентинской армии (где возглавлял целое подразделение из немцев) и генеральным инспектором вооруженных сил Перу. Занимался контрабандой оружия в Аргентину.

Задачей Фаупеля на посту директора Ибероамериканского института было укрепление политического влияния Германии в Латинской Америке и тесное сотрудничество с прогерманскими кругами в этих странах. Сам он формулировал это так: «Моей главной задачей является ослабление французского влияния и укрепление позиций немецкой идеологии» в Латинской Америке. Например, Ибероамериканский институт при нацистах пытался бороться со школьными программами в странах западного полушария, в которых критиковался нацистский режим.

В 1936–1938 годах Фаупель был немецким послом при режиме Франко, затем опять вернулся на свой пост. Ибероамериканский институт действовал в тесном контакте с АО НСДАП. Шеф АО Боле назвал Фаупеля «одним из самых верных последователей фюрера».

⁵⁰ Наименование полувоснных националистических, крайне правых, формирований, существовавших в Германии и Австрии в начале XX века (прим. ред.).

⁵¹ В январе 1919 года Фаупель был временным комендантом Берлина, когда армия и фрайкоры жестоко подавляли в столице революционное движение. Именно в это время в Берлине были зверски убиты офицерами Роза Люксембург и Карл Либкнехт. 1 мая 1945 года Фаупель с женой покончили жизнь самоубийством.

Приход Гитлера к власти не отразился негативно на германо-мексиканских отношениях в 1933–1934 годах. Кальес восхищался Германией еще со времен своей поездки в эту страну в 1924 году, а затем внимательно и не без симпатии следил за социальным творчеством фашистов Италии и нацистов в Германии. С помощью Кальеса Иberoамериканский институт приобрел еще до 1933 года специальную библиотеку по Мексике в 25 000 томов.

Кальес сменил мексиканского посланника в Берлине Санчеса Мехораду, который направлял в Мехико материалы с критикой нацистского режима. Новый посланник Леопольдо Ортис получил задание не вмешиваться в политику, а содействовать развитию торгово-экономических отношений между Мексикой и Германией. Он и сам считал, что только с помощью Германии Мексика может приступить к созданию собственной промышленности, что предусматривал «шестилетний план».

Мексиканские власти пресекали антифашистские демонстрации у немецкого посольства, которые в основном организовывали коммунисты, и подвергали цензуре антинацистские фильмы. В 1935 году по просьбе германского посольства правительство Мексики фактически сорвало провозглашенную еврейскими организациями и коммунистами кампанию бойкота немецких товаров в знак протеста против антисемитской политики Третьего рейха⁵².

Кальес устраивал немцев еще и потому, что запретил компартию и сослал самых видных коммунистов на отдаленный остров Трех Марий. Взгляды Кальеса и нацистов на коммунизм были поразительно похожи: и «верховный вождь», и НСДАП считали его антинациональной международной идеологией, неприемлемой ни для немецкого, ни для мексиканского народов.

Между тем подавляющее большинство мексиканцев относились к нацизму резко негативно. Против нацистов активно агитировали основные рабочие и крестьянские организации Мексики и, естественно, коммунисты. Даже лидер КРОМ Моронес назвал нацистскую символику «провокацией» для рабочего движения Мексики.

Приход Карденаса к власти не вызвал видимых перемен в германо-мексиканских межгосударственных отношениях, но сразу же насторожил германское посольство и местную организацию НСДАП. Новое правительство Мексики прекратило цензуру антинацистских фильмов, в газетах

⁵² К началу 30-х годов в Мексике жили примерно 20 тысяч евреев, прежде всего из Восточной Европы. В апреле 1933 года был основан Союз Немецких Израэлитов в Мексике. Он направил «уважаемому рейхсканцлеру» Адольфу Гитлеру послание, где его члены выражали заинтересованность в том, чтобы сохранить свои права немецких граждан в полном объеме. Евреи-антифашисты из Германии и Австрии стали прибывать в Мексику примерно начиная с 1936 года, и к 1940 году их было около 800 человек.

стало появляться больше материалов с критикой гитлеровского режима. Но главным тревожным моментом для нацистов было то, что Карденас немедленно прекратил преследование компартии и воздерживался от антикоммунистических заявлений (хотя сами коммунисты в конце 1934-го – начале 1935 года в эпитетах в адрес Карденаса не стеснялись). Так же как Кальеса и США, мексиканских нацистов и германское посольство тревожило и попустительство Карденаса забастовочному движению в стране.

В этих условиях организация НСДАП в Мексике решила начать борьбу против режима, но не своими руками, а через местных единомышленников.

Расистские и антисемитские предрассудки в Мексике были распространены еще задолго до прихода Гитлера к власти. Во время революции и после нее проходили погромы китайских эмигрантов – особенно, как мы знаем, этим грешил Вилья. Принимались жесткие антикитайские законы расистского толка, прежде всего в Соноре, на родине Кальеса Соноре, которой во время «максимата» управлял сын «верховного вождя». Губернатор Нижней Калифорнии и будущий президент Мексики Абельярдо Родригес активно участвовал в депортации китайцев из своего штата.

Антисемитские и ксенофобские настроения еще более усилились во время экономического кризиса, когда евреев стали упрекать в том, что они захватили в свои руки бизнес и лишают мексиканцев работы (то же самое говорил в Германии и Гитлер). На фоне роста безработицы и выдворения мексиканцев из США такие взгляды приобретали популярность среди отдельных слоев мексиканского общества.

Антиеврейские демонстрации в мексиканских городах, в том числе и в столице, поддерживала католическая церковь. «Кристерос» призывали избавить Мексику от «русских, еврейских и китайских колонизаторов»⁵³.

В 1933 году в Мексике появилась организация нацистского толка – Мексиканское революционное действие (испанская аббревиатура АРМ), которых еще именовали «золотые рубашки» или «дорадос». Последнее название связано с тем, что организацией руководил бывший сподвижник Вильи и член его гвардии «дорадос» Николас Родригес Карраско. Вилья назначил Родригеса бригадным генералом, но тот дезертировал из вильистских отрядов в самое тяжелое для своего командира время, в 1918 году.

Основой нового движения стали ксенофобские «Комитеты за расу», в которых насчитывалось до 40 тысяч членов. Однако сама АРМ никогда не была многочисленной (максимум 500 человек), зато воспринимала себя как боевую антикоммунистическую организацию, готовую к любым действиям против большевиков – «врагов мексиканского народа». АРМ выступала за немедленную депортацию из Мексики всех китайцев и евреев и за полный

⁵³ Cimet A. *Ashkenazi Jews in Mexico: ideologies in the structuring of a community*. State University of New York, 1997. P. 132

запрет компартии. По религиозному вопросу «дорадос» проводили не совсем последовательную политику. С одной стороны, они считали себя наследниками революции и участвовали в антицерковных погромах (поэтому их рядах, например, не было бывших «кристерос»), с другой – боролись вместе с духовенством против «социалистической школы» как «рассадника большевистских идей».

АРМ оказывал покровительство Кальес, и власти не мешали организации громить коммунистов. В антиеврейской политике националистов поддерживал и мексиканский бизнес, например, Союз мелких коммерсантов.

С АРМ установил контакт Артур Дитрих, отвечавший в мексиканской организации НСДАП за пропаганду и подчинявшийся помимо АО еще и Министерству пропаганды Геббельса. Дитрих был ветераном Первой мировой войны и участвовал в рядах праворадикальных добровольческих отрядов – фрайкоров в боях с поляками в Силезии в 1921 году. Как и Гиммлер, Дитрих после войны решил заняться сельским хозяйством. В 1924 году он переехал в Мексику, где безуспешно (так же как и Гиммлер) пытался заниматься бизнесом. В начале 30-х годов он нашел место в компании, торговавшей зубоврачебным оборудованием, и в ноябре 1931 года вступил в НСДАП. Позднее Дитрих стал официальным пресс-атташе немецкого посольства в Мехико.⁵⁴

Дитрих передавал АРМ антисемитские и антикоммунистические пропагандистские материалы и рекомендовал Николасу Родригесу усилить антикоммунистическую пропаганду в Мексике. Местная организация НСДАП даже предложила АРМ направить постоянного представителя в Германию, что и было сделано⁵⁵. Дитриху помогала в работе с мексиканцами «ИГ Фарбен». Компания выделяла из всех своих представительств в Мексике каждый месяц по 900 песо на работу с мексиканскими СМИ⁵⁶. Эти деньги помогали Дитриху продвигать пронацистские материалы в мексиканские газеты (например, в «Ла Пренса»).

О размахе работы нацистов в Мексике свидетельствует сообщение американского посла Дэниэльса от декабря 1934 года, в котором говорилось, что на «воскресном обеде» НСДАП в Мехико собрала 40 тысяч песо для немецкого правительства⁵⁷.

⁵⁴ Schuler F. E. Mexico between Hitler and Roosevelt. Mexican Foreign Relations in the Age of Lázaro Cárdenas 1934–1940. University of New Mexico Press, 1998. P. 52

⁵⁵ Однако германское правительство все же не пошло на официальное признание АРМ, так как Карденас вскоре запретил эту организацию, а ссориться с Мексикой немцы тогда не хотели – нефть для германского флота была важнее.

⁵⁶ Katz F. Nuevos ensayos mexicanos. Mexico, 2007. P. 332

⁵⁷ Elizaga R. S. Los Códigos Ocultos del Cardenismo. Mexico, 1996. P. 157. «Воскресные обеды» практиковались НСДАП в Германии. Члены партии и сочувствующие должны были сдавать деньги в общую кассу и вместе с ней айнтопф – густой (обычно

2 марта 1935 года около сотни «дорадос» под руководством бывшего президента Мексики времен Конвента и вильиста Роке Гонсалеса Гарсы напали на открытую в тот же день штаб-квартиру коммунистов (первый легальный партийный центр в Мехико с 1929 года) на улице Кубы, 67, в мексиканской столице. Конные «дорадос» на полном скаку врзались в митинг коммунистов, который проводил генеральный секретарь партии Лаборде. Они разгромили помещение компартии, сломали мебель и уничтожили архивы. В результате стычки несколько коммунистов были ранены камнями и дубинками⁵⁸.

Смысл атаки заключался в том, чтобы побудить правительство опять запретить компартию как источник беспорядков в столице. Примечательно, что коммунисты немедленно обвинили АРМ в том, что нападение было проплачено германским посольством в Мехико. Так как правительство Карденаса в начале 1935 года терпеливо относилось к «дорадос», компартия критиковала и президента. Собственно, на это и рассчитывали Родригес и его покровители из НСДАП. На одном из митингов Лаборде опять назвал фашистским правительство Карденаса, «учителями которого являются Гитлер и Муссолини». Президента Лаборде окрестил «политическим сыном Кальеса». Следует отметить, что митинги коммунистов в Мехико внимательно отслеживал американский военный атташе – по совместительству резидент военной разведки.

После провокации «дорадос» к Карденасу посыпались заранее организованные петиции с требованием запрета компартии. Карденас, однако, на провокацию АРМ и НСДАП не поддался, и запрещать компартию не стал.

Тогда АРМ при техническом содействии немцев прибегла к прямому подлогу и шантажу. Президенту передали письмо на бланке НРП за подписью оргсекретаря партии, якобы направленное в секретариат мексиканской компартии. В нем сообщалось, что по просьбе компартии ряд ее деятелей, вступивших для маскировки в НРП, получили посты на таможне, чтобы бороться против североамериканского империализма⁵⁹. Фальшивка должна была убедить Карденаса, что за его спиной видные функционеры НРП продвигают на ключевые посты в госаппарате коммунистов. Упоминание таможни на американской границе призвано было намекнуть, что компартия может спровоцировать конфликт с США.

30 марта 1935 года видная мексиканская столичная газета «Эксельсиор» опубликована сфабрикованное «дорадос» и немцами письмо на бланке

бобовый) суп, который заменял и первое, и второе. Деньги, предназначенные на второе блюдо, сэкономились и шли в кассу партии.

⁵⁸ Elizaga R. S. Los Codigos Ocultos del Cardenismo. Mexico, 1996. P. 60

⁵⁹ Упомянутые в письме коммунисты на самом деле находились в заключении на острове Трех Марий.

канцелярии главы государства, датированное 2 января 1935 года. Письмо было адресовано Лаборде и сообщало, что вскоре генеральный секретарь КПМ получит 2000 песо для нужд пропаганды. На эти деньги коммунисты должны были организовывать как можно больше забастовок, например на железных дорогах, чтобы «быстрее достичь диктатуры пролетариата». КПМ должна была также усилить борьбу против религии и США. К письму якобы прилагался чек № 25780 на 2 тысячи песо⁶⁰.

Канцелярия президента немедленно опровергла фальшивку, заявив, что подписи подделаны, а бланк украден. Карденас поручил провести официальное расследование, и через четыре месяца были задержаны авторы письма: Педро Агиляр Вальехо, Луис Гонсага Пескерон и Энрике Греневоль. Первый предоставил «дорадос» имевшуюся у него копию письма из канцелярии президента. Другие провокаторы засвидетельствовали, что саму фальшивку сфабриковал «немецкий эксперт по химии»⁶¹.

Примечательно, что фальшивку немедленно использовал для давления на президента близкий соратник Кальеса сенатор Эзекиль Падиалья. 13 апреля 1935 года он взял у президента интервью, якобы для того чтобы развеять опасения мексиканской общественности относительно прокоммунистических взглядов нового главы государства. Фактически это означало, что Карденас должен был перед всей страной поклясться в верности курсу «верховного вождя»⁶².

Падиалья своими вопросами намекал Карденасау, что тот может спокойно вести Мексику к экономическому процветанию без всяких потрясений. Однако Карденас ответил, что процветание без решительной ломки несправедливого экономического строя невозможно, о чем свидетельствует эпоха Порфирио Диаса, которая привела к мощной социальной революции.

Падиалья прервал президента: никто не говорит, что альтернатива только между либеральной рыночной экономикой и коммунизмом, скорее это альтернатива между хорошо управляемой экономикой и хаосом. Но Карденаса нельзя было так просто заставить сменить убеждения: президент ответил, что хорошо управляемая экономика все равно невозможна без социальной справедливости для трудящихся классов⁶³.

Падиалья пытался убедить Карденаса, что рост забастовочной активности является отражением борьбы коммунистических идей с социалистическими идеями мексиканской революции. Такое противопоставление социализма

⁶⁰ Elizaga R. S. Los Codigos Ocultos del Cardenismo. Mexico, 1996. P. 64

⁶¹ Elizaga R. S. Los Codigos Ocultos del Cardenismo, Mexico, 1996, p.65

⁶² Напомним, что к этому же времени относится упомянутый выше демарш американского посла в МИД Мексики.

⁶³ Benitez F. Lazaro Cardenas y la revolucion mexicana. III. El Cardenismo. Mexico, 2004. P. 24

коммунизму было типичным именно для Кальеса, чьи интересы Падилья и выражал.

Карденасу пришлось заявить, что его правительство не руководствуется коммунистической идеологией, которую он считает «экзотической и не отвечающей условиям нашей страны». «Социалистическое воспитание» не связано с коммунизмом, а является только формой светской, рационалистической школы. Однако одновременно Карденас дал понять, что не намерен запрещать коммунистам пропагандировать их взгляды⁶⁴.

Падилья интересовался и тем, как Карденас относится к капиталу на фоне усиливающейся с каждым днем забастовочной борьбы. Ведь без инвестиций частного сектора нельзя создать мощную национальную экономику.

Но и здесь президент избежал ловушки. Падилья и его покровитель Кальес рассчитывали, что Карденас безоговорочно примет сторону рабочих, что и подтвердит обвинения в стремлении правительства установить в Мексике диктатуру пролетариата. Однако тот заявил, что предоставит капиталу все гарантии, если он подчинится новым нормам более справедливого распределения доходов и «гарантирует хорошую зарплату и основные права трудящегося класса». Карденас пригласит в Мексику и иностранный капитал, если «он будет уважать права рабочих и не будет претендовать на привилегии по сравнению с мексиканцами».

Карденас специально подчеркнул, что не считает забастовочную борьбу в Мексике спровоцированной «внешними силами» (то есть СССР и Коминтерном).

К явному неудовольствию Падильи, Карденас заверил верующих, что уважает их чувства, которые ничего общего не имеют с фанатизмом. Правительство поддержит и семью как основную ячейку общества (церковь обвиняла власти в том, что они хотят заменить семью «социалистической школой»).

Падилья был вынужден рекомендовать нового президента как человека умеренного, далекого от экстремистских экспериментов.

20 апреля 1935 года Карденас принял посла США и также заверил его в том, что американскому капиталу в Мексике ничто не угрожает.

Карденас прекрасно понимал, кто стоит за интервью, взятым Падильей. 3 мая 1935 года президент записал в своем дневнике, что некоторые члены кабинета министров настаивают, чтобы Кальес продолжал играть в мексиканской политике ведущую роль⁶⁵.

Карденас два раз встречался с Кальесом после его возвращения из США и прозрачно намекнул бывшему «верховному вождю», что ему пора на по-

⁶⁴ Шульговский А. Ф. Мексика на крутом повороте своей истории. М., 1967. С. 94

⁶⁵ Benitez F. Lazaro Cardenas y la revolucion mexicana. III. El Cardenismo. Mexico, 2004.

кой. «Хефе максимо» ответил, что и сам устал и хочет, чтобы все постоянно навещающие его политики оставили его в покое.

Так как с помощью Падильи дискредитировать Карденаса в глазах населения и американцев не удалось, «дорадос» и их немецкие покровители опять начали провоцировать в мексиканской столице беспорядки. 1 мая 1935 года АРМ решила сорвать митинги коммунистов по случаю Дня международной солидарности трудящихся. Однако на сей раз КПМ была готова к нападению. Когда «дорадос» пытались разогнать манифестацию прямо под окнами президентского дворца на главной площади столицы Сокало, коммунисты обратили их в бегство и преследовали вплоть до штаб-квартиры «дорадос», которую и разгромили. Николас Родригес потерял трех своих бойцов.

Однако уличные бои и на этот раз не вывели Карденаса из себя, хотя правые газеты критиковали президента за «пассивность».

Между тем в парламенте фракция НРП (Национально-революционный блок) стала фактически распадаться на кальистов и карденистов, причем первых с каждым днем становилось все меньше. Карденисты, которых исподволь направлял Мухика, образовали «левое крыло» блока. Их ряды росли, в частности и потому, что многие депутаты стремились встать на сторону президента, понимая, что избрали их не благодаря воле избирателей, а усилиями административного ресурса.

Сторонники Кальеса осознали, что если «верховный вождь» сам не вмешается в политику, то его влиянию и позициям всей группы кальистов будет нанесен смертельный удар.

Возвращения Кальеса в Мексику с нетерпением ждали и иностранные компании, встревоженные симпатией Карденаса к рабочему движению. В январе и феврале 1935 года представители британских и американских нефтяных компаний в Мексике обратились к послу Дэниэльсу и в госдепартамент с просьбой организовать им встречу с Кальесом, который в то время находился на лечении в США⁶⁶. Компании хотели заручиться поддержкой Кальеса против уже ясно видного им экономического национализма Мухики и Карденаса. В 1934 и 1935 годах месторождения, принадлежавшие британской компании «Эль Агила», сотрясали забастовки, и власти не спешили становиться на сторону предпринимателей в трудовых спорах.

Американцы и британцы беспокоились не зря. Национализация недр была зафиксирована в «шестилетнем плане», и уже в 1933 году МИД Мексики изучал реакцию Великобритании на национализацию персидским шахом английских нефтяных концессий.

Но Дэниэльс просьбу бизнесменов проигнорировал.

⁶⁶ Schuler F. E. Mexico between Hitler and Roosevelt. Mexican Foreign Relations in the Age of Lazaro Cardenas 1934–1940. University of New Mexico Press, 1998. P. 45

С 1932 года добыча нефти в Мексике после стагнации и спада 20-х годов снова начала расти. Тревожным звонком для иностранного нефтяного бизнеса было учреждение при Абельярдо Родригесе первой национальной мексиканской нефтяной компании «Петромекс», на которую, правда, к моменту прихода Карденаса к власти приходилось всего 2% мексиканской нефтедобычи⁶⁷.

Новый президент хотел национализировать нефтедобычу. Но нефть была нужна Карденасу не столько как дойная корова для федерального бюджета, сколько как энергетическая основа для предстоящей индустриализации страны. Поэтому новый президент уже не мог удовлетвориться повышением налоговой нагрузки на иностранные нефтяные компании в Мексике – нефть была необходима ему не в денежной, а в натуральной форме. Иностранные нефтяные компании запомнили Карденаса еще как командующего войсками в Тамаулипасе в 1925–1928 годах, когда он угрожал применением силы, если иностранцы не будут соблюдать мексиканское законодательство. Тогдашний губернатор штата Тамаулипас Портес Хиль, ставший при Карденасе министром иностранных дел, тоже не внушал нефтяным баронам никакого доверия как «опасный радикал». Только Кальес мог, по мнению американцев и англичан, защитить их нефтяные концессии в Мексике.

В январе 1935 года весь нефтяной сектор Мексики был охвачен стачками. Работу прекратили и электрики. В феврале 1935 года в знак солидарности с нефтяниками бастовали 9 тысяч шоферов такси в Мехико. Правительство Карденаса не вмешивалось и не защищало предпринимателей, как это было во времена «максимата». Примечательно, что в те дни один из самых радикальных рабочих лидеров Мексики Ломбардо Толедано на массовых митингах бичевал «якобинство и ложный социализм Карденаса» – именно в таких же терминах коммунисты некогда критиковали Кальеса.

В марте 1935 года всеобщую забастовку объявили текстильщики Пуэблы. Эта забастовка была связана еще и с конфликтом внутри самого рабочего движения – в борьбе за влияние столкнулись профсоюзы КРОМ и Ломбардо Толедано. Уличные драки между различными профсоюзами иногда приводили к смертельному исходу. Столкновения, как правило, провоцировал КРОМ, не желавший мириться с падением своего влияния на пролетариат. 28 марта 1935 года прекратили работу трамвайщики Мехико.

Компании, особенно иностранные, привычно жаловались на забастовки Кальесу. Они утверждали, что после спокойствия «максимата» в Мексике наступил хаос.

Кальес пока не решался на разрыв с Карденасом и заявил в США, что страна довольна новым президентом. Возвратившись наконец в Мексику, он

⁶⁷ The Mexican Petroleum Industry in the twentieth century. Edited by J. C. Brown and A. Knight. University of Texas Press, 1992. P. 91

не поехал в столицу, а обосновался в своем имении «Эль Тамбор», которое сразу же превратилось в политическую Мекку страны. «Верховный вождь» принимал делегации политиков, которые жаловались ему на раскол НРП в Конгрессе, активность коммунистов и мощное забастовочное движение в стране⁶⁸.

Тем не менее, приехав в мае 1935 года в столицу, Кальес заявил: «Я исполнен оптимизма относительно общей ситуации в стране и полностью уверен в том, что правительство Республики разрешит все существующие проблемы»⁶⁹. «Вождь» явно лукавил – он просто прощупывал соотношение сил между ним и Карденасом.

Сторонники Кальеса в парламенте, прежде всего уже упоминавшийся выше Падилья, уговорили Кальеса сделать публичные заявления с оценкой ситуации в стране.

До Карденаса дошли слухи, что Кальес сделал Падилье ряд резких заявлений с критикой правительства, и он поручил Портесу Хилью, другу последнего, найти его и доставить к президенту⁷⁰. Портес Хиль утверждал, что Падилью не нашел, хотя есть версия, что он и не искал: ему, врагу Кальеса, была выгодна ссора президента с «верховным вождем».

10 июня 1935 года, когда президент встречался с делегацией крестьян, личный секретарь главы государства жестами попытался дать понять Карденасу, что случилось нечто чрезвычайно важное. Но президент довел беседу до конца и после этого узнал, что Кальес сделал для прессы заявление, в котором резко раскритиковал рабочую политику правительства. Текст заявления прислал Карденасу лидер НРП генерал Матиас Рамос. Карденас прочитал заявление и спокойно распорядился, чтобы орган НРП «Эль Насиональ» его не публиковал, так как это «нанесет ущерб генералу Кальесу».

Однако 11 июня 1935 года правая пресса (газеты «Эксельсиор» и «Эль Универсаль») напечатала заявление Кальеса о внутривнутриполитической ситуации в стране, сделанное в необычно резком тоне⁷¹. «Вождь» «со всей откровенностью» сказал, что раскол НРП в парламенте напоминает времена Ортиса Рубио (уже само сравнение с президентом – марионеткой Кальеса было для Карденаса оскорбительным) и что такой раскол в Конгрессе может привести к расколу в армии и «вооруженной борьбе». Резкий тон этого предупреждения никак не смягчило заверение Кальеса, что между ним и Карденасом нет никаких расхождений и никто не в состоянии поссорить их.

⁶⁸ В 1934 году в Мексике было зарегистрировано 292 стачки, в которых участвовали 14 685 рабочих.

⁶⁹ Krauze E. Plutarco Calles. Reformar desde el origen. Mexico, 1992. P. 135

⁷⁰ Portes Gil E. Autobiografía de la Revolución Mexicana // www.antorcha.net/.../autobiografia/bibliografia.html

⁷¹ Текст заявления Кальеса см. www.memoriapoliticademexico.org

Вторая часть заявления была посвящена забастовочному движению. Кальес прямо обвинил рабочих в неблагодарности – власти стоят на их стороне, а они бастуют, подрывая престиж правительства и президента. Поименно «верховный вождь» покритиковал профсоюзы трамвайщиков и телефонных служащих. Это было весьма примечательно – в упоминавшемся выше письме – фальшивке АРМ и нацистов «канцелярия президента» рекомендовала коммунистам усилить работу именно в этих профсоюзах. Персонально Кальес обрушился с критикой на Ломбардо Толедано как безответственного рабочего вождя.

Формально в заявлении «хефе максимо» не было ни слова критики в адрес Карденаса – наоборот, в нем прозвучало сразу несколько похвал президенту («честному человеку», которого он, Кальес, знает уже 21 год). Но президенту надо было что-то отвечать на заявление Кальеса, хотя бы потому, что из него следовало: правительство не контролирует обстановку, не исключено даже вооруженное противостояние между различными фракциями «революционной семьи». Если бы Карденас подтвердил озабоченность «хефе максимо», он не только расписался бы в собственном бессилии, но и поссорился бы с рабочим движением. Но трактовка положения в стране просто не соответствовала взглядам Карденаса, и он решил использовать публичный выпад Кальеса, чтобы раз и навсегда покончить с влиянием бывшего президента на судьбы страны.

Между тем в газетах появилось большое количество публикаций, в которых политики, депутаты, предприниматели поддерживали «патриотические и мужественные заявления» Кальеса.

Федерация предпринимателей, в которую входили владельцы 1157 предприятий, сказала: Кальес возродил уверенность бизнеса в том, что правительство осуждает пагубную классовую борьбу⁷². Кальеса поздравила с «патриотическим заявлением» постоянная комиссия мексиканского парламента.

Дорога из Мехико в резиденцию Кальеса в Куэрनावаке была забита машинами представителей политической элиты, спешивших лично засвидетельствовать почтение «верховному вождю».

Кальес, однако, не учел одного – его влияние на страну давно уже было эфемерным и зависело от сервильности человека, занимавшего президентское кресло. Но сейчас в этом кресле сидел человек отнюдь не робкого десятка.

Карденас действовал быстро и решительно. Он немедленно собрал заседание правительства и предложил всем министрам подать в отставку, что и было сделано. Президент подчеркнул, что у Кальеса не было разумных оснований для критики правительства. Кальист Бохорхес пытался возразить,

⁷² Шульговский А. Ф. Мексика на крутом повороте своей истории. М., 1967. С. 95–96

что отставка кабинета означает раскол единой «революционной семьи». Президент ответил, что если кто-то из министров хочет поехать к Кальесу, чтобы разрешить возникший конфликт, возражать он не станет.

Характерно, что сразу же после заседания все члены правительства, за исключением Мухики и Портеса Хилья, отправились на поклон к Кальесу в Куэрнаваку⁷³. Министры прибыли к Кальесу уже ночью 12 июня, и тот встретил гостей в халате и тапочках. «Хефе максимо» идти на попятную отказался – он сказал Бохорхесу, что ситуация настолько серьезна, что «ее не скрепишь булавкой»⁷⁴. Кальес отказался позвонить Карденасу по телефону, чтобы как-то загладить противоречия. В четыре часа утра министры уехали и сообщили Карденасу о полном провале своей миротворческой миссии. По дороге из Куэрнаваки в Мехико были размещены армейские подразделения – Карденас был готов к возможной попытке переворота.

После отказа Кальеса от примирения у президента были развязаны руки, и он начал контратаку. Узнав, что публикацию заявления Кальеса организовал лично лидер НРП Матиас Рамос, Карденас уже 11 июня позвонил ему и жестко предложил покинуть свой пост⁷⁵. Рамос не стал сопротивляться. Были отправлены в отставку министр обороны Кирога и шеф полиции Эулохио Ортис – оба преданные кальисты.

13 июня 1935 года в прессе появилась ответная декларация Карденаса⁷⁶. В ней президент прямо обвинил политиков – членов «революционной семьи», не получивших государственных должностей, в попытке спровоцировать в стране кризис. Карденас подчеркнул, что как президент сделает все, чтобы этого не случилось. Самым решительным образом отверг Карденас утверждение Кальеса о том, что забастовочное движение ослабляет экономику страны. Рабочие борются за улучшение условий труда, и в конечном итоге это только на пользу народному хозяйству Мексики: «...я полностью доверяю рабочим и крестьянским организациям страны...» В заявлении содержалось и крайне важное положение об уважении президентом религиозных чувств верующих.

Заявление президента поддержали массовые митинги рабочих. Депутаты Конгресса, которые днем ранее захлебывались от восторга по поводу декларации Кальеса, теперь спешили встать на сторону президента.

Кальес понял, что проиграл, но сдаваться еще не собирался и решил обратиться за помощью к американцам. Посол Дэниэльс был в отпуске на

⁷³ Portes Gil E. Autobiografia de la Revolucion Mexicana // www.antorcha.net/.../autobiografia/bibliografia.html

⁷⁴ Benitez F. Lazaro Cardenas y la revolucion mexicana. III. El Cardenismo. Mexico, 2004. P. 34

⁷⁵ Cardenas L. Obras/Apuntes 1913/1940. Mexico, 1972. P. 320

⁷⁶ Текст заявления Карденаса см. www.memoriapoliticademexico.org

родине и вернулся как раз тогда, когда Карденас принял отставку кабинета министров. Кальес немедленно направил к послу своего знакомого американского бизнесмена Смитерса со следующим посланием: «Генерал Кальес передает Вам, что дела в Мексике обстоят очень плохо, и США не могут оставаться спокойными, в то время как их интересы находятся под угрозой во всей стране»⁷⁷. Однако Дэниэльс совершенно правильно рассудил, что Кальес заботится не столько об интересах США, сколько о сохранении своей власти. Алармистское послание «хефе максимо» было просто проигнорировано. Более того, Дэниэльс направил Рузвельту специальное послание, в котором убеждал президента не беспокоиться относительно событий в Мексике.

Это оказалось решающим фактором – ведь государственный департамент доводил до президента США иную точку зрения, весьма созвучную настроениям Кальеса. Дэниэльс выразил мнение, что Карденас просто хочет обновить политическую элиту страны, то есть делает то же самое, что и Рузвельт в Соединенных Штатах. Мексиканский народ, по словам Дэниэльса, воспринял заявление Карденаса с облегчением – ситуация под контролем президента, кризис, а тем более вооруженное столкновение стране не угрожает: «Мексика оставалась спокойной, и не было никаких признаков революции, которые здесь частенько случались, когда происходил разрыв между сильными лидерами»⁷⁸. Наоборот, кризис продемонстрировал зрелость мексиканской политической системы – еще 10 лет тому назад такие события непременно привели бы к вооруженному противостоянию. В целом, в отличие от Кальеса, Дэниэльс интерпретировал события июня 1935 года как шаг на пути стабилизации Мексики, что отвечает интересам США.

Иной линии придерживались традиционно враждебно относившиеся к мексиканской революции британцы. Они решили, что настал «подходящий психологический момент для разрешения разногласий с мексиканским правительством»⁷⁹. Компания «Шелл» наняла бывшего посла США в Мексике Ройбена Кларка для того, чтобы он оказал давление на новое правительство Карденаса в пользу британских нефтяных компаний в Мексике. Сам Кларк считал, что Кальес вскоре вернется к власти и ему надо в этом помочь.

Кларк встретился в Мехико с Дэниэльсом, но тот наотрез отказался поддерживать план нефтяных компаний в пользу Кальеса. Посол США заявил

⁷⁷ Schuler F. E. Mexico between Hitler and Roosevelt. Mexican Foreign Relations in the Age of Lázaro Cardenas 1934–1940. University of New Mexico Press, 1998. P. 42

⁷⁸ Schuler F. E. Mexico between Hitler and Roosevelt. Mexican Foreign Relations in the Age of Lázaro Cardenas 1934–1940. University of New Mexico Press, 1998. P. 42–43

⁷⁹ Schuler F. E. Mexico between Hitler and Roosevelt. Mexican Foreign Relations in the Age of Lázaro Cardenas 1934–1940. University of New Mexico Press, 1998. P. 45

британскому коллеге в Мексике, что только жесткое прямое указание госдепартамента заставит его предпринять что-либо в пользу Кальеса. Делая такие заявления, Дэниэлс ничем не рисковал – он знал, что Рузвельт и сам борется в США с влиянием нефтяного лобби на политику, то есть делает то же самое, что Карденас в Мексике.

Британский посол в Мексике сообщал в Лондон: мексиканцы уверены в миролюбии Рузвельта и считают, что правительство США, объявившее себя «добрым соседом», не пойдет на вооруженное вмешательство в защиту интересов своего бизнеса⁸⁰.

Таким образом, ставка Кальеса на помощь внешних сил не оправдалась.

На следующий день после отставки кабинета министров, Кальеса по согласованию с президентом посетил в Куэрнваваке Портес Хиль. Кальес сказал посланцу Карденаса, что его слова извратили и он принял решение навсегда уйти из политики. Бывший «верховный вождь» уже собирал чемоданы, чтобы улететь из страны на Гавайи «на отдых». Своим сторонникам он порекомендовал во всем поддерживать президента и даже выразил уверенность, что правительство Карденаса «спасет революцию».

Между тем Карденас уже сформировал новый кабинет – это было первое мексиканское правительство с 1928 года, возникшее без всякого влияния Кальеса. Министром внутренних дел стал адвокат Сильвано Барба Гонсалес⁸¹, внешнеполитическое ведомство возглавил другой адвокат, Хосе Анхель Сенисерос. Нарсисо Бассольс оказался порядочным человеком и отказался войти в новый кабинет, так как считал себя лично обязанным Кальесу и не хотел предавать бывшего «хэфе максимо» в сложный для того период. Карденас понял такое объяснение и направил Бассольса на дипломатическую работу. Мухика стал министром связи и транспорта.

Портес Хиль перешел на пост лидера НРП.

Вторым по значению человеком в новом правительстве стал лидер аграристов Сан-Луис-Потоси генерал Сатурнино Седильо – отныне министр сельского хозяйства.

В мае 1933 года Седильо, Портес Хиль и Марте Гомес организовали в Сан-Луис-Потоси Крестьянскую конфедерации Мексики в поддерж-

⁸⁰ Schuler F. E. Mexico between Hitler and Roosevelt. Mexican Foreign Relations in the Age of Lázaro Cárdenas 1934–1940. University of New Mexico Press, 1998. P. 46

⁸¹ Новый министр внутренних дел был ровесником президента и был изгнан из семинарии за то, что во время учебы предпочел ездить на кобыле. Занимал должности в правительстве штата Халиско и был депутатом местного парламента, затем ректором университета Гвадалахары. Во время предвыборной кампании Карденаса Гонсалес Барба был его личным секретарем и сопровождал кандидата в поездках по стране. В первом правительстве Карденаса стал министром труда. Его назначение должно было показать общественности, что Карденас доволен тем, как разрешаются в стране трудовые споры, – а Гонсалес Барба предпочитал сторону рабочих.

ку президентской кампании Карденаса. Многие члены этой организации, в основном бывшие ветераны Седильо, были вооружены. В июле у конфедерации уже были филиалы в 24 штатах и она считалась крупнейшей крестьянской организацией страны. Правда, радикальные крестьянские организации Веракруса и Морелоса, где крестьяне тоже были вооружены, отказались сотрудничать с конфедерацией.

Карденас установил тесные отношения с Седильо сразу же после выдвижения своей кандидатуры на пост президента. 8 декабря 1933 года он лично навестил лидера Сан-Луис-Потоси на его ранчо «Лас Паломас». Седильо давно тяготился засильем Кальеса в политической жизни страны, и генералы заключили союз. Седильо, поддерживая Карденаса, рассчитывал на то, что новый президент окажется слабее Кальеса и уже никто не будет мешать ему безраздельно властвовать в своем штате. Взгляды Карденаса на будущее Седильо были прямо противоположными, но он не спешил их излагать.

«Первый звонок» для Седильо прозвучал уже в декабре 1934 года, когда он попросил у ставшего президентом Карденаса 50 тысяч патронов для своих сил «крестьянской взаимопомощи». Седильо предполагал использовать боеприпасы для борьбы с «радикалами», пытавшимися провести в Сан-Луис-Потоси аграрную реформу в обход некоронованного властителя штата. Карденас на запрос не ответил⁸².

Назначив Седильо министром в июне 1935 года, Карденас сделал очень сильный тактический ход. Все в стране знали, что под командованием Седильо находятся несколько тысяч вооруженных крестьян, способных подавить даже крупный военный мятеж. Армия прекрасно поняла сигнал президента и осталась безучастной.

К тому же Седильо был противником Гарридо Каннабаля и антирелигиозной кампании Кальеса. Ветераны Седильо были людьми набожными, и у себя в штате Седильо священников не преследовал. Более того, каждый четвертый священнослужитель Мексики в то время жил именно в Сан-Луис-Потоси. Таким образом, назначение Седильо на министерский пост было призвано еще и успокоить верующих.

Дэниэльс в депеше в Вашингтон 17 июня 1935 года оценил новый кабинет Карденаса как окончательную ликвидацию влияния кальизма на правительство.

18 июня 1935 года Кальес признал свое поражение – в заявлении для прессы он сказал, что его «неправильно поняли». «Верховный вождь» пообещал, что навсегда удалится из политической жизни. В тот же день он улетел в США.

После ухода Кальеса в добровольное изгнание дни Гарридо Каннабаля и его «краснорубашечников» были сочтены. В июле 1935 года «красные

⁸² Elizaga R. S. Los Codigos Ocultos del Cardenismo. Mexico, 1996. P. 34

рубашки» расстреляли делегацию молодежи, которая приехала из Мехико в столицу штата Табаско Вильяэрмосу⁸³. Столичные гости были намерены агитировать против Каннабала, который опять баллотировался на пост губернатора Табаско. В столице состоялась массовая демонстрация протеста под лозунгом «Смерть Кальесу и Гарридо!». Карденас немедленно воспользовался ситуацией: «красные рубашки» были объявлены вне закона, а Каннабала вскоре выслали из страны.

Сразу же после отъезда Кальеса Карденас начал «зачищать» Конгресс от кальистов. Сторонники бывшего «вождя» были лишены депутатских мандатов по обвинению в «подрывной деятельности против правительства». Были отстранены от должностей губернаторы штатов Дуранго, Сонора, Гуанахуато и Синалоа. Против кальистов стали действовать их же методами.

Но самым главным итогом демарша Кальеса оказалось создание единого рабочего революционного профцентра – цель, к которой коммунисты безуспешно стремились многие годы.

На следующий день после декларации Кальеса по инициативе профсоюза электриков (которых «хэфе максимо» прямо раскритиковал в своем заявлении) в столице состоялась массовая рабочая демонстрация против «вождя» и в поддержку президента. В шествии приняли участие трамвайщики (еще одна мишень заявления Кальеса), деятели искусства, Рабочая палата НРП, профцентр Толедано, КСУМ коммунистов, железнодорожники и ряд других профсоюзов. Еще никогда в Мексике не собирались на единую демонстрацию представители столь различных отрядов рабочего движения.

Через два дня установленное на демонстрации единство начало приобретать организационные очертания – был образован Комитет пролетарской защиты в поддержку Карденаса. В комитет вошли профсоюзы электриков, трамвайщиков, железнодорожников, деятелей искусств, коммунистический профцентр КСУМ, Рабочая палата НРП⁸⁴.

От этой организации отмежевались только КРОМ и ВКТ, которые, правда, на словах тоже поддерживали декларацию Карденаса. В программе комитета провозглашалась необходимость объединения всего рабочего движения Мексики в единую организацию.

Интересно, что коммунисты вошли в Комитет пролетарской защиты, даже не дожидаясь смены генеральной линии Коминтерна, которая уже назревала в Москве. После прихода к власти нацистов в Германии Георгий Димитров инициировал фактический возврат Коминтерна к тактике, которую интернационал исповедовал до 1928 года, – к единому рабочему

⁸³ Шульговский А. Ф. Мексика на крутом повороте своей истории. М., 1967. С. 100

⁸⁴ La clase obrera en la historia de Mexico: en el cardenismo (1934–1940). Mexico, 1999.

фронту. 7 апреля 1934 года Димитров обсуждал возможную смену курса со Сталиным⁸⁵. В делегации ВКП(б) в Коминтерне единства не было, что опровергает широко распространенное мнение, что он слепо выполнял указания Сталина и правящей в СССР партии. Против единства действий с социал-демократами были немецкие коммунисты, которые прекрасно помнили, как СДПГ отказалась объявить всеобщую забастовку против прихода Гитлера к власти.

Однако опыт Франции убеждал в обратном – там коммунисты в союзе с социалистами и мелкой буржуазией смогли в феврале 1934 года массовыми акциями предотвратить захват власти французскими фашистами. Лидер французской компартии Морис Торез в октябре 1934 года публично выдвинул лозунг уже даже не рабочего, а народного фронта (то есть с участием прогрессивных непролетарских слоев общества) против фашизма и войны. Коммунисты перестали критиковать буржуазную демократию и социал-демократов, а наоборот, стали активно добиваться союза с ними с целью совместной борьбы против фашизма. Лозунг немедленной социалистической революции и борьбы за советскую власть был снят.

25 октября 1934 года Сталин согласился с предложением Димитрова о предоставлении компартиям самостоятельности в выборе конкретной политической линии в рамках общей стратегии Коминтерна⁸⁶.

Публично новая стратегия Коминтерна – Народный фронт – была объявлена на VII Конгрессе КИ в Москве в октябре 1935 года. От мексиканской компартии на нем присутствовали Эрнан Лаборде и Мигель Анхель Веласко. Конгресс сформулировал в качестве основной задачи компартий колониальных и зависимых стран (к которым КИ относил Мексику) борьбу против империалистической войны и наступления фашизма в рамках единого антиимпериалистического фронта. Антиимпериалистический фронт понимался как еще более широкое объединение, чем Народный фронт. В антиимпериалистический фронт коммунисты могли пригласить помимо рабочих и крестьян всю национальную буржуазию, кроме компрадорской. В условиях Мексики это фактически означало союз КПМ и НРП.

Компартию Мексики на конгрессе КИ критиковали за смешивание реакционного кальлизма и прогрессивного карденизма⁸⁷. В новой обстановке необходимо было бороться за создание в НРП крепкого левого крыла и за союз с ним в борьбе против кальлизма и империализма. Лаборде был даже излишне самокритичен, утверждая, что коммунисты недооценили

⁸⁵ Шириня К. К. Стратегия и тактика Коминтерна в борьбе против фашизма и войны (1934–1939 гг.). М., 1979. С. 37

⁸⁶ Шириня К. К. Стратегия и тактика Коминтерна в борьбе против фашизма и войны (1934–1939 гг.). М., 1979. С. 51

⁸⁷ Elizaga R. S. Los Codigos Ocultos del Cardenismo. Mexico, 1996. P. 73

разрыв между Кальесом и Карденасом в июне 1935 года и восприняли его как «фракционную борьбу между двумя буржуазно-помещичьими камарильями по экономическим мотивам»⁸⁸. На самом деле именно образование Комитета пролетарской защиты в поддержку Карденаса свидетельствует о том, что КПМ установила народный и антиимпериалистический фронт еще до официального провозглашения на Конгрессе Коминтерна правильности этой линии.

Лаборде охарактеризовал правительство Карденаса как буржуазное и национал-реформистское, пользующееся поддержкой широких народных масс. Коммунисты решили установить единство действий с группой Карденаса с целью очистки НРП от сторонников Кальеса.

Таким образом, мудрая и осторожная тактика Карденаса, который в 1934–1935 годах не шел на провокации нацистов и кальистов, не реагировал на резкие выпады коммунистов в свой адрес и не предпринимал репрессий против КПМ, принесла свои плоды. С середины 1935 года коммунисты Мексики, с их большим влиянием на рабочий класс, были на стороне президента.

Карденас хотел помириться с компартией еще и потому, что желал восстановить дружественные отношения с СССР. Еще в пору президентства Абелярдо Родригеса в Женеве в штаб-квартире Лиги наций начались тайные переговоры о восстановлении дипломатических отношений между Москвой и Мехико. В свое время Мексика выслала советскую дипмиссию, чтобы угодить США, но новая американская администрация Рузвельта сама в 1933 году признала Советский Союз и установила с ним дипломатические отношения. В этих условиях отсутствие таких отношений между двумя революционными и прогрессивными режимами – СССР и Мексикой – выглядело явно странно.

Литвинов недооценивал важность Латинской Америки для внешней политики СССР, ставя главной задачей создание единого фронта СССР, США, Великобритании и Франции для отпора фашистской оси Германия – Италия. После установления дипломатических отношений с США Литвинов считал задачу НКВД в западном полушарии выполненной. 21 августа 1932 года в докладной записке члену политбюро ЦК ВКП(б) А. М. Кагановичу Литвинов даже предлагал вывести из Латинской Америки весь торговый аппарат и поддерживать экономические связи с континентом через Лондон или Гамбург⁸⁹.

В 1933 году и в Варшаве начались тайные переговоры о возобновлении дипломатических отношений между Мексикой и СССР. До прихода к вла-

⁸⁸ Elizaga R. S. Los Codigos Ocultos del Cardenismo. Mexico, 1996. P. 74

⁸⁹ Очерки истории Министерства иностранных дел России. Том 2. 1917–2002. М., 2002. С. 176

сти Карденаса ни до чего договориться не удалось, так как мексиканцы настаивали на формальном обязательстве СССР воздерживаться от пропаганды в Мексике. Такое требование было более чем странным, если учесть, что популяризация своей страны является основной задачей любого дипломатического представительства.

В своих мемуарах Портес Хиль пишет, что, став в декабре 1934 года министром иностранных дел, он дал указание представителю Мексики в Женеве Кастильо Нахере согласовать с советской стороной окончательный вариант текста нот о восстановлении дипломатических отношений, которые должны были быть опубликованы в Москве и Мехико в один и тот же день⁹⁰. Литвинов пригласил Нахеру в Москву, но Портес Хиль запретил ему ехать до восстановления дипотношений. Предложение Литвинова понятно – в Москве были неприятно поражены разрывом отношений в 1930 году без веского повода и хотели, видимо, убедиться в серьезности намерений Мексики по восстановлению связей.

Тогда Литвинов предложил, чтобы мексиканская сторона перед опубликованием нот извинилась за те несправедливые обвинения, которые выдвигались в адрес Москвы в 1929–1930 годах и послужили поводом для разрыва отношений. Портес Хиль наотрез отказался: ведь это означало бы признать неправильным собственное поведение на посту президента. Переговоры так ничем и не завершились. В 1936 году Литвинов предложил приехать в СССР Марте Гомесу, в 1935–1936 годах представлявшему Мексику в Лиге Наций. Но Портес Хиль отговорил и этого политика, которого, в отличие от него самого, в СССР ценили как прогрессивного деятеля, не зараженного антикоммунизмом.

Несмотря на победу Карденаса в июне 1935 года. Кальес отнюдь не сложил оружие. Его сторонники, прежде всего Моронес, навещали бывшего «хефе максимо» в Лос-Анджелесе и уговаривали его вернуться в страну, которая якобы уже устала от радикальных экспериментов Карденаса.

Неоднородным был и новый кабинет Карденаса. Вскоре обозначились идеологические противоречия между левым крылом правительства во главе с Мухикой и умеренными элементами – Портесом Хилем и Седильо. Сторонники Мухики в Конгрессе вели кампанию по удалению Портеса Хилья с поста лидера НРП. В вину бывшему президенту ставили то, что он хочет организовать в Мексике единую крестьянскую организацию, но не в качестве опоры для президента, а для создания собственной политической базы. В первой половине 1935 года Карденас не вмешивался в начавшееся политическое противостояние, действуя по принципу «разделяй и властвуй».

⁹⁰ Portes Gil E. Autobiografía de la Revolución Mexicana // www.antorcha.net/.../autobiografia/bibliografia.html

Были у президента разногласия и с самим Портесом Хилем. Ярый антикоммунист, тот негативно отнесся к созданию Комитета пролетарской защиты, считая его прокоммунистическим. Карденас, напротив, собирался опираться в своих реформах именно на эту организацию. Президент был не против и взаимодействия с компартией, которая как раз начала поворачиваться в сторону сотрудничества с НРП.

Разногласия Карденаса с Седильо касались прежде всего аграрного вопроса. Седильо был против общинного землепользования и поощрял в штате Сан-Луис-Потоси мелкую частную собственность на землю. Он видел в аграрной реформе просто возможность дать своим ветеранам клочок земли, чтобы они могли прокормиться. Такой подход напроць закрывал все пути по интенсификации сельскохозяйственного производства в стране. Систему «эхидо» Седильо считал шагом назад даже в сравнении с предреволюционным временем, и в этом он не отличался от Кальеса. Как и Портес Хиль, Седильо ненавидел коммунистов и Ломбардо Толедано и всячески препятствовал образованию революционных профсоюзов в Сан-Луис-Потоси.

Седильо имел тесные контакты с посольствами Италии и Германии, и Ломбардо Толедано подозревал, что генерал хочет образовать правую оппозиционную партию, в том числе и на базе АРМ.

Между тем правые силы в Мексике явно консолидировались вокруг нового потенциального вождя, каковым они считали Седильо. В 1935 году был основан Союз ветеранов революции (UNVR), который первоначально требовал для своих членов предоставления земельных участков за их бывшие революционные заслуги. Однако уже вскоре после своего образования Союз выдвинул цель борьбы с коммунизмом⁹¹. Седильо поддерживал эту организацию.

Седильо пользовался поддержкой и католической церкви, так как поощрял в своем штате открытие католических школ, куда съезжались ученики со всей Мексики.

Скоро обозначились разногласия между Карденасом и Седильо и в отношении к забастовочному движению в стране. В конце 1934 года рабочие текстильной фабрики «Атлас» в Сан-Луис-Потоси начали требовать повышения заработной платы. Требование было оправданным, поскольку рабочим фабрики платили меньше, чем на других предприятиях этой же отрасли в штате. Однако владельцем «Атласа» оказался близкий друг Седильо Херонимо Элисондо, который отказывался платить своим рабочим минимально установленную для текстильной отрасли штата заработную плату. Это было нарушением Трудового кодекса. В конце 1935 года рабочие «Атласа» организовали забастовку, а в январе 1936-го к ним в знак соли-

⁹¹ Garcia de Leon H. H. Historia politica del sinarquismo. Mexico, 2004. P. 117

дарности присоединились другие пролетарии Сан-Луис-Потоси, объявив уже всеобщую забастовку.

Правительство Карденаса провело арбитраж и признало правоту рабочих: хозяину фабрики было предписано задним числом повысить заработную плату до отраслевого уровня. Однако владелец, рассчитывая на могущественного друга, нагло проигнорировал решение арбитража. После этого правительство экспроприировало фабрику и передало ее рабочим, которые образовали кооператив по управлению предприятием.

В 1936 году забастовали рабочие горнодобывающего предприятия АСАРКО, помимо повышения заработной платы требовавшие улучшения условия труда (они имели дело с мышьяком, но хозяева сэкономили на технике безопасности). Забастовка горняков привела к большим потерям для местных торговцев, которым покровительствовал Седильо. И опять Карденас, к неудовольствию Седильо, решил дело в пользу рабочих. Вдобавок, понимая, что на стороне вождя Сан-Луис-Потоси вооруженная сила, Карденас распорядился выделить профсоюзу горняков 11 тысяч винтовок для возможной защиты от ветеранов Седильо.

Случай с АСАРКО тем более примечателен, если учесть, что компания принадлежала американскому капиталу (ее предприятия находились в нескольких штатах Мексики) и весь технический персонал на угольных шахтах был американским. Владелец АСАРКО четко понимали, что активность рабочих связана именно с их надеждой на защиту со стороны правительства Карденаса. Иначе они бы не стали требовать увеличения заработной платы сразу на 50%. Причем, по оценкам американских менеджеров, на предприятии АСАРКО в Чиуауа рабочие считали, что «ментально и технически» были готовы взять управление шахтой в свои руки⁹².

Американцы тоже считали Седильо «умеренной альтернативой» Карденасу. Таким образом, открытый конфликт между президентом и вождем Сан-Луис-Потоси был лишь вопросом времени.

Вскоре осложнились отношения между Портесом Хилем и президентом, предложом для чего стали выборы губернатора штата Нуэво-Леон в июле 1936 года. Первоначально федеральное правительство и НРП поддерживали на этих выборах кандидатуру сына «хефе максимо» Плутарко Кальеса-младшего. Ему противостоял генерал Фортунато Суасуа как независимый кандидат. События июня 1935 года (конфликт Карденаса и Кальеса-старшего) кардинально изменили настроения в стране, и Суасуа выиграл выборы. Проблема была, однако, в том, что еще на стадии предвыборной кампании Суасуа активно поддерживали предпринимательские круги столицы штата Монтеррея, настроенные резко против правительства Карденаса.

⁹² O'Brien T. *The Revolutionary Mission: American Enterprise in Latin America, 1900–1945*. Cambridge University Press, 1996. P. 295–296

Портес Хиль предложил Карденасу аннулировать итоги выборов, что и было сделано. Такое решение вызвало недовольство многих депутатов Конгресса и усилило оппозицию Карденасу в Нуэво-Леоне, который и так был довольно консервативно настроенным штатом. Портес Хиль 20 августа 1936 года подал в отставку с поста лидера НРП. В качестве повода он использовал нападки в его адрес в Конгрессе, но непосредственной причиной такого шага был отказ Сената признать полномочия нескольких сенаторов, близких к бывшему президенту⁹³.

Карденас не счел аргументы Портеса Хиль серьезными, но отставке не помешал.

Но вернемся в 1935 год. Обстановка в Мексике оставалась сложной, и находившийся в США Кальес внимательно следил за ней.

По линии различных министерств и информаторов полиции до Карденаса доходили сведения о том, что губернатор штата Сонора Рамон Рамос, кальист и открытый противник президента, активно закупает в США оружие и боеприпасы. Рамос происходил из семьи крупных землевладельцев и был избран губернатором штата после того, как его предшественник, сын Кальеса, перешел на работу в правительство Карденаса. После ссоры Кальеса и Карденаса в июне 1935 года крестьянские организации Соноры попросили президента аннулировать выборы губернатора, так как Рамос не являлся сонорцем по рождению. Однако и президент, и НРП решили утвердить результаты голосования.

Формально Рамос оправдывал необходимость приобретения оружия повстанческой деятельностью в штате генерала Луиса Ибарры, который 1 сентября 1935 года обратился с манифестом к нации, призывая к вооруженной борьбе против тирании и социалистического образования. Ибарра был ветераном восстания «кристерос» в штате Халиско и теперь возглавил Народно-освободительную армию. В «армию» Ибарры влились несколько сотен индейцев майо, и повстанцам удалось захватить несколько населенных пунктов, но федеральная армия довольно быстро подавила восстание.

Однако были все основания предполагать, что Ибарра действует не без ведома губернатора и должен отвлекать внимание правительства от реально зреющего заговора. Мексиканские консулы в США докладывали, что нанятые противниками режима американские летчик пересекают границу Мексики и оставляют запасы оружия в пустыне Алтар⁹⁴. Мексиканская церковь через радиостанцию в Аризоне также призывала верующих подняться против правительства.

⁹³ Portes Gil E. Autobiografía de la Revolución Mexicana // www.antorcha.net/.../autobiografia/bibliografia.html

⁹⁴ Elizaga R. S. Los Codigos Ocultos del Cardenismo. Mexico, 1996. P. 95

В ноябре 1935 года контрабанду удалось пресечь, и Ибарра скрылся в США.

Карденас всерьез готовился к мятежу в Соноре и возвращению Кальеса. В сентябре 1935 года президент открыл крестьянский съезд, который выдвинул лозунг «Земля тем, кто ее обрабатывает». В качестве конечной цели провозглашалась «социализация земли». Было заявлено также, что система образования должна строиться на принципах «научного социализма».

Съезд был призван дать начало созданию единой крестьянской организации Мексики, но осенью 1935 года у него была другая задача – мобилизовать крестьянство на случай военного мятежа против Карденаса. Сторонникам аграрной реформы правительство раздавало оружие. Только за первый год президентства Карденаса военное ведомство получило 111 запросов от крестьянских комитетов на предоставление оружия и боеприпасов. Отношение командующих войсками в различных военных зонах к таким просьбам было разным – многие генералы боялись, что отряды крестьянской самообороны («дефенса агрария») вообще могут заменить регулярные вооруженные силы⁹⁵.

Карденас доверял генералам гораздо меньше, чем получившим от правительства землю крестьянам. В сентябре 1935 года президент своим решением поменял нумерацию военных зон, согласно которой они имели право непосредственного обращения в Министерство обороны. Самыми важными военными зонами стали «Долина Мехико», «Нижняя Калифорния – Север», «Нижняя Калифорния – Юг» и «Сонора»⁹⁶. Штаты Нижняя Калифорния и Сонора были «фамильными» владениями соответственно Абельардо Родригеса и Кальеса, и именно там президент ждал мятежа кальистов.

В октябре 1935 года Карденас сменил 10 командующих военными зонами. В ноябре были назначены новые командующие в Нижнюю Калифорнию и Сонору. За первые полгода 1936 года сменились еще 13 командующих зонами. Постоянная перетряска высшего генералитета не давала противникам Карденаса в армии возможности установить тесные связи с врагами президента в тех штатах, где служили ненадежные генералы.

Перед тем как вернуться в Мексику, Кальес решил поссорить Карденаса с США. Послу Дэниэльсу с августа 1935 года начали подбрасывать дезинформацию, что вскоре Карденас под влиянием коммунистов прекратит обслуживание внешнего долга Мексики. Распространялись слухи о покушении на президента. Мексиканские дипломаты доносили из США, что дезинформацию распространяет сам Кальес, который имеет очень хорошие связи с агентством «Ассошиейтид Пресс». Якобы есть у Кальеса и денежные сред-

⁹⁵ Elizaga R. S. Los Codigos Ocultos del Cardenismo. Mexico, 1996. P. 111

⁹⁶ Elizaga R. S. Los Codigos Ocultos del Cardenismo. Mexico, 1996. P. 112

ства на счетах госдепартамента и республиканской партии США, которыми бывший президент волен воспользоваться для политических целей⁹⁷.

Люди Кальеса пытались представить Карденаса в США не только коммунистическим, но и нацистским агентом. В газете «Нью-Йорк Инквайер» была опубликована «фотокопия» письма Маганьи, бывшего сапатиста и губернатора Мичоакана (родного штата президента) «нацистскому агенту» Паулю фон Штоффену. Речь в нем шла о выполнении неких заранее согласованных планов.

Дэниэльс в декабре 1935 года сообщал в государственный департамент о 19 коммунистах, внедренных в государственный аппарат Мексики (некоторые коммунисты из списка на тот момент находились в заключении на острове Трех Марий)⁹⁸.

Американский военный атташе Маршберн (как упоминалось выше, резидент военной разведки США) вел точный учет всех перемещений вооруженных сил Мексики. Он же отслеживал деятельность коммунистической партии в стране. Например, в одной из своих депеш атташе предрекал, что скоро в Мехико из Монтевидео переедет латиноамериканское бюро Коминтерна и Мексика станет центром коммунистического влияния в западном полушарии.

В конце ноября 1935 года «дорадос» и их нацистские покровители решили в очередной раз устроить побоище в Мехико, чтобы ввергнуть страну в серьезный внутриполитический кризис. Это должно было облегчить возвращение в столицу Кальеса – «спасителя нации».

20 ноября 1935 года АРМ решила провести в Мехико массовое шествие в честь очередной годовщины мексиканской революции. На площади Сокало перед президентским дворцом «дорадос» и их союзники намеревались устроить «клятву у национального флага». Расчет был на противодействие коммунистов, которые тем самым выставались бы на всеобщее обозрение как враги национального знамени и предатели родины. Причем в это же время на площади Сокало сам президент Карденас должен был участвовать в торжествах по случаю годовщины революции. Главе государства пришлось бы, по замыслу АРМ, заступиться за национальный флаг и направить против коммунистов полицию. В противном случае можно было бы обвинить самого Карденаса в неуважении к знамени Мексики и в потворстве коммунизму.

Расчет АРМ оказался верным: как только компартия узнала о готовящейся манифестации правых, она выдвинула лозунг «Любой ценой прекратить путь «золотым рубашкам». Николас Родригес не сомневался в успехе предстоящего уличного сражения, так как в Мехико были стянуты 3500–4000

⁹⁷ Elizaga R. S. Los Codigos Ocultos del Cardenismo. Mexico, 1996. P. 158

⁹⁸ Этот «список» составили для американского посла представители американских и британских нефтяных компаний в Мексике.

Битва коммунистов и «дорадос» в ноябре 1935 года

«дорадос» и их союзников из организации ветеранов революции. Правые были вооружены огнестрельным оружием.

20 ноября 1935 года примерно 500 коммунистов преградили путь конным «дорадос» на площади Сокало прямо перед президентским дворцом. Сначала перевес в сражении был на стороне правых. Нескольких коммунистов затоптали лошадьми и ранили выстрелами из пистолетов. Коммунисты отвечали камнями и дубинками. Но тут неожиданно на площадь ворвались «красные танки» – автомобили профсоюза шоферов такси. «Дорадос» не выдержали натиска техники и обратились в бегство. В схватке погибли три человека, были ранены 46, в том числе и сам лидер АРМ.

21 ноября 1935 года Комитет пролетарской защиты организовал в Мехико мощную ответную демонстрацию – своего рода парад победителей. Митинг в защиту коммунистов совместно возглавили генеральный секретарь КПМ Лаборде и Ломбардо Толедано. В декабре 1935 года МОПР потребовала от мексиканского правительства запрета АРМ.

Итоги 20 ноября 1935 года были для АРМ и АО НСДАП неутешительными – позднее правительство Карденаса приняло решение распустить организацию «золотых рубашек».

С тех пор нацисты стали делать ставку на более «респектабельные» правые организации в Мексике – Националистический союз Мексики, Националистическую партию Мексики и Националистический авангард Мексики. Были установлены контакты с политическим представительством предпринимательских кругов – Конфедерацией среднего класса. Конфедерацию возглавил Густаво Саенс де Сицилиа, который в начале 20-х годов был одним из основателей Мексиканской фашистской партии, скроенной по итальянскому образцу и быстро сошедшей с политической сцены. Конфедерация выступала в защиту «бесправного» среднего класса Мексики, находящегося в обществе на положении «парии». Саенс утверждал, что организация является профессиональной, а не политической, и в нее входят не только предприниматели, но и лица свободных профессий

(адвокаты, деятели искусства, студенты и т.д.). С конфедерацией поддерживал тесные связи «Комитет за расу».

Как и Кальес, конфедерация критиковала режим Карденаса за содействие рабочему движению, которое вносит в экономическое положение Мексики только беспорядок. Основное место в пропаганде организации занимала борьба с «экзотическими» идеями коммунизма. Особенно активно Конфедерация среднего класса выступала против раздачи правительством Карденаса оружия рабочим организациям. По ее собственным данным, в 1936 году конфедерация насчитывала 162 тысячи членов.

Тесные контакты с немецкими компаниями в Мексике установила и Конфедерация предпринимателей Мексиканской республики (*Confederación Patronal de la República Mexicana*), основанная в Монтеррее для борьбы за изменение Трудового кодекса 1931 года. Конфедерация предпринимателей финансировала «золотые рубашки».

Именно предприниматели должны были в 1936 году превратиться в основную оппозиционную силу Мексики.

Между тем рабочее движение в Мексике во второй половине 1935 года набирало силу при полной поддержке правительства. Например, 19 октября 1935 года Комитет пролетарской защиты организовал всеобщую забастовку в знак солидарности с Эфиопией, на которую напала фашистская Италия⁹⁹. Забастовка носила, таким образом, чисто политический характер, но власти не чинили никаких препятствий. Вопреки июньским утверждениям Кальеса относительно «безответственности» рабочих, те показали свою зрелость: энергетики прекратили работу всего на 10 минут, железнодорожники – на 20, а рабочие других отраслей – на два часа. Экономика Мексики и обычные граждане не пострадали.

В качестве лидера рабочего движения Мексики все отчетливее «выкристаллизовывался» Ломбардо Толедано. Характерно, что этот человек, еще недавно бравировавший своим антикоммунизмом, решил заручиться поддержкой Москвы. В 1935 году он направил меморандум руководителям Коминтерна – Димитрову, Мануильскому и Лозовскому (последний отвечал за коммунистическое профсоюзное движение). В ответ Толедано получил приглашение приехать в СССР по профсоюзной линии. Он выехал из Мексики 13 июля 1935 года, а вернулся 20 октября¹⁰⁰. В Москве Ломбардо Толедано познакомился с Лаборде, который участвовал в работе Конгресса Коминтерна.

Ломбардо Толедано был даже готов вступить в компартию, если его признают руководителем единого мексиканского рабочего движения. В Москве сочли, что с точки зрения максимально широкого народного фронта

⁹⁹ El estado y la política obrera del cardenismo. Mexico, 1999. P. 55

¹⁰⁰ Хейфец Л. С. Латинская Америка в орбите Коминтерна (опыт биографического словаря). М., 2000. С. 96–97

Толедано лучше оставаться вне партии. Но основной цели своей поездки в Москву он достиг – Коминтерн рекомендовал коммунистам признать лидерство Ломбардо Толедано в будущем едином профцентре. Лаборде назвал Толедано «мотором пролетарского единства».

Поэтому сторонники Кальеса в рабочем движении (прежде всего Моронес) сосредоточили весь свой пропагандистский арсенал на критике «продавшегося» русским коммунистам Ломбардо Толедано. Тот защищался: «...я не коммунист и не имею никакой связи с Коммунистическим Интернационалом»¹⁰¹. Некоторые профсоюзы под влиянием антикоммунистической пропаганды стали дистанцироваться от Толедано.

7 декабря 1935 года остатки КРОМ и ряд других «желтых» профсоюзов организовали национальный антикоммунистический профцентр – Национальный союз объединенных трудящихся. Союз провозгласил своей основной целью борьбу против Комитета пролетарской защиты. Однако КРОМ продолжал терять своих коллективных членов. В декабре 1935 года из него вышли несколько профсоюзов штата Веракрус

6 декабря 1935 года Карденас получил секретное сообщение о том, что сонорский генерал Хосе Мария Тапия встретился с рядом генералов, убеждая их восстать против правительства. Армию, по мнению Тапии, должен был поддержать народ, очень недовольный социальной программой правительства¹⁰². В своем дневнике Карденас записал, что не будет предпринимать превентивных действий против заговорщиков и начнет действовать, только если мятеж действительно состоится.

Народное недовольство, на которое рассчитывали генералы-кальисты, должны были срежиссировать Моронес и его сторонники в профсоюзном движении. 13 декабря 1935 года КРОМ организовал антикоммунистическую забастовку в Пуэбле, Веракрусе и Тласкале¹⁰³.

Акция КРОМ была, по сути, приветствием вернувшемуся в этот же день в Мексику из Сан-Диего в сопровождении Моронеса Кальесу. На аэродроме бывшего «вождя» приветствовали несколько генералов – Амаро, Пальма, Мединавейтия, Тапия и политики-кальисты – Моронес, его заместитель по КРОМ Тревиньо и другие.

Кортеж из 50 машин, включая грузовики, доставил бывшего «хефе максимо» прямо в его любимый дом. Там Кальес заявил прессе, что приехал на родину, чтобы «защитить кальистский режим от клеветы, жертвой которой он является на протяжении последних шести месяцев». Дальнейшее молчание, говорил он, может быть расценено как трусость.

¹⁰¹ Elizaga R. S. Los Codigos Ocultos del Cardenismo. Mexico, 1996. P. 78

¹⁰² Benitez F. Lazaro Cardenas y la revolucion mexicana. III. El Cardenismo. Mexico, 2004. P. 38

¹⁰³ El estado y la politica obrera del cardenismo. Mexico, 1999. P. 55

Встретившись со своими соратниками, Кальес объявил о начале формирования оппозиционной партии для защиты истинных завоеваний мексиканской революции, которые поставил под угрозу режим Карденаса.

Сам Карденас в день возвращения Кальеса выразил мнение, что друзья толкают бывшего президента на необдуманные действия и ему вообще не следовало приезжать в Мексику.

Президент и на этот раз действовал быстро, чувствуя поддержку мощного рабочего движения. 14 декабря 1935 года за подрывную деятельность из Сената были исключены пять кальистов. Через день по инициативе президента Конгресс отстранил от должности губернаторов штатов Гуанахуато, Сонора, Дуранго и Синалоа¹⁰⁴. Все генералы, встречавшие Кальеса, были смещены со своих постов.

Однако бывший «хэфе максимо» не сдавался и снова решил апеллировать к США. 18 декабря 1935 года в интервью корреспондентам агентства «Юнайтед Пресс» и «Юниверсал Сервис» Кальес обвинил Карденаса в том, что он «толкает страну на путь коммунизма», потворствует «пагубной агитации рабочих»¹⁰⁵.

В начале 1936 года один из американских предпринимателей сообщил послу Дэниэльсу о своем недавнем разговоре с Кальесом. Тот утверждал, что Ломбардо Толедано куплен русскими, а многие чиновники мексиканского правительства являются коммунистами. Кальес предсказал, что долго так продолжаться не может и в ближайшие месяцы правительство изменится.

Примечательно, что примерно в это же время Министерство иностранных дел Мексики сообщило президенту Карденасу о существовании в «дипломатических кругах» Мехико документа, в котором курс правительства Карденаса характеризуется следующим образом: «Целью нынешнего правительства является контроль над всей Мексиканской республикой со стороны единой рабочей организации в городе Мехико. Это вызывает недовольство в рядах армии, и враги нынешней администрации не упускают возможности указать генералам и офицерам на опасность того, что мощная рабочая организация превратится в Красную Армию»¹⁰⁶.

Таким образом, кальисты рассчитывали на поддержку армии и США. Но не только. Схожие антикоммунистические взгляды в декабре 1935 года высказывал и Портес Хиль. Он заявил в начале декабря 1935 года, что программа НРП несовместима с идеями коммунизма и что ни одна рабочая организация (намек на Ломбардо Толедано) не сможет заменить НРП.

¹⁰⁴ Шульговский А. Ф. Мексика на крутом повороте своей истории. М., 1967. С. 102

¹⁰⁵ Шульговский А. Ф. Мексика на крутом повороте своей истории. М., 1967. С. 102

¹⁰⁶ Elizaga R. S. Los Codigos Ocultos del Cardenismo. Mexico, 1996. P. 77

14 декабря 1935 года Кальеса фактически поддержал Седильо, публично заявивший, что «ни народ, ни правительство не разделяют эти (коммунистические – прим. автора) идеи»¹⁰⁷.

Между тем коммунисты в духе новой тактики Коминтерна направили официальное послание Портесу Хилью как лидеру НРП с предложением о единстве действий в борьбе против монополий, в защиту аграрной реформы и сельских учителей, страдавших от террора «кристерос». Коммунисты обещали поддержать правительство в намечавшемся противостоянии с иностранными нефтяными компаниями.

Кальес, Портес Хиль и Седильо своими антикоммунистическими демаршами добились прямо противоположного результата – Карденас впервые открыто встал на сторону коммунистов и Ломбардо Толедано.

18 декабря 1935 года Карденас записал в своем дневнике: «Генерал Кальес сделал заявления американским средствам массовой информации, утверждая, что в Мексике правительство поддерживает демагогические действия, что страна идет к катастрофе, что рабочие организации ведут деструктивную работу и что правительство натравливает на него (Кальеса – прим. автора) массы. Все это ложь. Это показывает, что генерал Кальес пытается повлиять на американский народ и найти поддержку в правительстве этой страны. Это предательство Мексики и Революции...»¹⁰⁸

22 декабря 1935 года Комитет пролетарской защиты организовал в Мехико демонстрацию в поддержку президента. Такого скопления народа (по разным оценкам, 80–100 тысяч участников) Мехико не знал с 1911 года, когда в столицу триумфально въехал вождь победившей революции Франсиско Мадеро. Митингующие требовали высылки из страны Кальеса и Моронеса.

Перед собравшимися под руководством Ломбардо Толедано, Эрнана Лаборде и Давида Альфаро Сикейроса рабочими выступил президент, который заверил пролетариат, что правительство на его стороне. Основной целью своего правительства Карденас определил улучшение положения трудящихся масс. Президент сказал, что пока не видит смысла в высылке Кальеса, так как тот не представляет никакой опасности для правительства. «Трудящиеся республики! В то время, когда группа взбудораженных людей пытается дестабилизировать страну с корыстными личными целями, когда интриги и ложь являются единственным оружием, которое они могут пустить в ход, правительство считает необходимым вмешаться. Бывшие революционеры объединяются с врагами революции, чтобы бороться против завоеваний трудящихся»¹⁰⁹. Президент назвал клеветой утверждение Кальеса

¹⁰⁷ Elizaga R. S. Los Codigos Ocultos del Cardenismo. Mexico, 1996. P. 77

¹⁰⁸ www.memoriapoliticademexico.org

¹⁰⁹ Elizaga R. S. Los Codigos Ocultos del Cardenismo. Mexico, 1996. P. 80

и его сторонников, что рабочие и крестьянские организации своими действиями дестабилизируют страну. Рабочие лишь борются за свои права, гарантированные им мексиканским законодательством.

В дневниковой записи от 22 декабря 1935 года Карденас вспоминал, как в 1918 году Кальес ехал вместе с ним из Соноры в Мехико. Тогда он сказал Карденасу и другим молодым офицерам, что в жизни у человека может быть три цели: тщеславие, богатство и удовлетворение от честно выполненного долга. Кальес рекомендовал своим спутникам следовать только третьим путем. «Какая ирония жизни!» – отмечал Карденас. Ведь сам Кальес свернул с честного пути, который он когда-то считал своей единственной целью.

Комитет пролетарской защиты был удовлетворен установившимся 22 декабря 1935 года союзом с исполнительной властью страны. В заявлении Комитета отмечалось: «...генерал Карденас, если он будет продолжать прежнюю свою политическую линию, может быть уверен в полной поддержке со стороны трудящихся масс страны. Мы будем продолжать борьбу за полное преобразование существующего строя с тем, чтобы сделать невозможной эксплуатацию человека человеком»¹¹⁰.

23 декабря 1935 года состоялась встреча Карденаса и Портеса Хилья. Несмотря на поддержку, которую оказали рабочие Карденасу днем раньше, Портес Хиль настойчиво убеждал президента в опасности коммунизма. Рабочие лидеры, не имеющие заслуг перед революцией, пытаются добиться власти с помощью пропаганды крайне левых идей. А это, в свою очередь, ведет к росту недоверия к Мексике за границей: «...многие средства массовой информации в Соединенных Штатах характеризуют нас как большевистский народ, инструмент Советской России»¹¹¹. Характерно, что для пущей убедительности антикоммунист Портес Хиль сослался на Сталина, «заслуги которого по реконструкции СССР нельзя отрицать». Сталин якобы раздался с демагогами в партии, которых считал опаснее открытых контрреволюционеров. Вот и Карденасу следует «взять в ежовые рукавицы» местных демагогов-коммунистов.

Схожесть аргументации Кальеса и Портеса Хилья не могла не броситься в глаза Карденасу, и он ничего не ответил.

Кальес и его сторонники не думали складывать оружие. Теперь на арену открытой борьбы с правительством должны были выступить предприниматели. Именно они были призваны убедить мировое сообщество – прежде всего США, – что рабочие организации и Карденас ведут Мексику к экономическому краху, который неоднократно предвещал Кальес.

¹¹⁰ Шульговский А. Ф. Мексика на крутом повороте своей истории. М., 1967. С. 293

¹¹¹ Portes Gil E. Autobiografía de la Revolución Mexicana // www.antorcha.net/.../autobiografia/bibliografia.html

В январе – феврале 1936 года ободренные своим успехом рабочие активизировали забастовочную борьбу. Бастовали нефтяники, горняки, рабочие цементной фабрики. Наконец, стачки докатились и до столицы мексиканского бизнеса Монтеррея.

Монтеррей как главный индустриальный центр Мексики возник во времена Порфирио Диаса и сначала был центром пивоваренной промышленности. Затем добавилась масса других предприятий, в том числе и единственный в Мексике металлургический завод. Рядом с городом находился главный центр хлопководства Мексики – Лагуна, почти полностью принадлежавшая американским бизнесменам. В самом Монтеррее было много людей, перенявших американский образ жизни и мечтавших разбогатеть за счет собственного дела.

В столице штата Нуэво-Леон практически не было классовых отраслевых профсоюзов. По американскому образцу там преобладали цеховые профсоюзы отдельных предприятий, многие из которых находились на содержании хозяев. Предприниматели активно сопротивлялись появлению в штате профсоюзных агитаторов из Комитета пролетарской защиты. Однако все больше и больше профсоюзов переходило на классовые позиции.

Например, 10 января 1936 года плакаты в Монтеррее сообщали о том, что порвали с хозяевами сталелитейщики. Бывшие «хозяйские» профсоюзы были объявлены несуществующими.

На стекольном заводе «Видриера» в Монтеррее хозяева отказались признать новый революционный профсоюз, и тогда рабочие назначили на 1 февраля 1936 года забастовку. Согласно Трудовому кодексу правительство было обязано вмешаться в трудовой конфликт. События приобрели несвойственный для других забастовок характер – предпринимателям угрозами и посулами удалось заставить часть рабочих выступить на их стороне. Причем владельцы «Видриеры», даже вопреки мнению предпринимательских союзов Монтеррея, вообще не хотели терпеть на своей фабрике никакого профсоюза. В обмен на политическую пассивность рабочих хозяева были готовы проявлять известный патернализм и платить заработную плату несколько выше, чем на других предприятиях.

Начиная с 1935 года, когда на «Видриере» появился «Независимый красный профсоюз» (на самом деле его организовали сами предприниматели), хозяева активно нарушали Трудовой кодекс. Они, например, свернули производство в одном из цехов без консультаций с рабочими. Был прерван без предварительного уведомления трудовой контракт со 174 рабочими, большинство из которых входили в реальный «красный» (то есть независимый) профсоюз¹¹². Право всех 900 рабочих завода на временную не-

¹¹² Snodgrass M. Deference and defiance in Monterrey. Workers, Paternalism and Revolution in Mexico 1890–1950. Cambridge University Press, 2003. P. 197

трудоспособность хозяевами не признавалось. Рабочим приходилось больными выходить на работу, и на фабрике стал распространяться туберкулез. Независимый (действительно «красный») профсоюз активно боролся за права рабочих, и его ряды росли. В отместку мастера давали рабочим – членам профсоюза заведомо невыполнимые задания и вычитали у них за невыполнение часть зарплаты. Даже консул США в Монтеррее придерживался мнения, что рабочим стекольного завода вполне можно было бы повысить зарплату.

Между тем предприниматели Монтеррея готовились встретить забастовку стекольщиков собственными массовыми манифестациями, чтобы превратить локальный трудовой конфликт в общенациональный и дать бой правительству Карденаса.

На стороне бизнеса были и часть правительственных чиновников, многие из которых в Монтеррее традиционно находились на содержании предпринимателей. В начале 1936 года подал в отставку член правительства штата Нуэво-Леон, видный интеллектual и «старый революционер» Хосе Сальдана. В качестве причины своего демарша он назвал то, что правительство Карденаса взято в заложники группой марксистов, которые постепенно внедряют в Мексике элементы русской революции. Сальдана утверждал, что коммунисты специально организуют забастовки, чтобы подорвать промышленное производство и ввергнуть Мексику в хаос.

Антикоммунистическая пропаганда предпринимателей в Монтеррее была более чем естественной – многие появившиеся в штате независимые профсоюзы действительно возглавляли члены компартии. Перед забастовкой стекольщиков «Видриеры» предприниматели Монтеррея организовали в прессе невиданную по масштабам антикоммунистическую истерию. Обывателей запугивали всем: от грядущей нехватки пива (не будет стеклянных бутылок) до захвата забастовщиками власти в штате и начале диктатуры пролетариата в Мексике.

С правыми Монтеррея солидаризовалась и столичная правая пресса. Газета «Эксельсиор» писала: «Сильные возмущение и тревога в Монтеррее: беспорядки неминуемы»¹¹³. И беспорядки действительно не заставили себя долго ждать.

На следующий день после объявления стекольщиками забастовки на улицы Монтеррея вышли 500 самых влиятельных предпринимателей города. Они требовали немедленной отставки только что назначенного правительством главы местной комиссии по разрешению трудовых споров.

Между тем на заводе «Видриера» состоялось голосование рабочих относительно забастовки. Хозяева заставили офисных сотрудников проголо-

¹¹³ Snodgrass M. Deference and defiance in Monterrey. Workers, Paternalism and Revolution in Mexico 1890–1950. Cambridge University Press, 2003. P. 205

совать против нее, и большинством голосов (834:777) предложение начать забастовку было отклонено. Интересно, что около 80% рабочих в цехах поддерживали забастовку. Против выступали механики и мастера, условия труда которых были несравнимы с условиями тех, кто стоял у печей.

Независимый профсоюз немедленно обратился в комиссию по разрешению трудовых споров, оспаривая законность голосования управленческого персонала. Глава комиссии согласился с мнением профсоюза и признал 144 голоса недействительными. Таким образом, забастовка стала законной.

Предприниматели решили ответить на стачку «красных» «мощной патриотической демонстрацией» 5 февраля 1936 года, в День Конституции Мексики. Для обеспечения массовости шествия населению сообщили, что демонстрация направлена против «профессиональных коммунистических агитаторов из Мехико». Таким образом, организаторы попытались сыграть на традиционно развитом регионализме и самостоятельности жителей Монтеррея. Манифест организаторов демонстрации гласил: «Региомонтанос!»¹¹⁴ Отечество в опасности. Красная волна коммунизма угрожает разрушить нашу нацию, разграбить нашу собственность, разрушить наши дома, испортить наших детей». Коммунистов обвиняли даже в том, что они хотят заменить мексиканский гимн «Интернационалом».

Однако сами предприниматели не скрывали в общении между собой, что речь идет о демонстрации против рабочей политики президента Карденаса.

Помимо демонстрации предприниматели решили объявить в Монтеррее двухдневный локаут и парализовать всю жизнь в городе. Только газеты должны были выходить как обычно, чтобы докладывать о действиях «патриотов». 20 тысяч долларов было затрачено на освещение борьбы с коммунизмом в Монтеррее в общенациональных средствах массовой информации.

Для придания массовости будущим демонстрациям хозяева привлекли «желтые» профсоюзы, недовольные падением своей популярности и оттоку членов к профсоюзам «красным». Газеты даже сообщали, что инициатива демонстрации принадлежит рабочим (это абсолютно не соответствовало истине). Члены «желтых» профсоюзов объявили «забастовку солидарности» с локаутом своих хозяев и раздали 100 000 бумажных мексиканских флажков с надписью «Мексика – да, Россия – нет!»¹¹⁵. Они призывали жителей города «подняться на защиту своих домов от рабов Сталина».

Естественно, на стороне предпринимателей оказалась и католическая церковь. Организация «Рыцари Колумба» (снабжавшая «кристерос» оружием из США) распространила листовку с таким текстом: «ТРУДЯЩИЕСЯ

¹¹⁴ Так называли себя жители Монтеррея.

¹¹⁵ Snodgrass M. Deference and defiance in Monterrey. Workers, Paternalism and Revolution in Mexico 1890–1950. Cambridge University Press, 2003. P. 211

МОНТЕРРЕЯ! Боритесь с коммунизмом, который не верит в бога... Долой коммунистическое правительство в Мехико!»

Консул США в Монтеррее сообщал, что, по его мнению, акция предпринимателей не связана с трудовым конфликтом стекольщиков, а имеет четкую политическую направленность и призвана оказать давление на власти, чтобы те прекратили поддерживать организованное рабочее движение¹¹⁶.

Предприниматели Монтеррея приступили к организации общенациональной оппозиционной политической организации – Гражданской ассоциации, в которую вошли бизнесмены из Мехико, Халиско и Пуэблы.

Деньги предпринимателей, антикоммунистическая истерия «желтых» профсоюзов и церкви сделали свое дело. 5 февраля 1936 года на улицы Монтеррея вышли 50 тысяч человек. Это была самая большая антиправительственная демонстрация в истории Мексики. Колонну манифестантов возглавляли самые известные предприниматели города. Манифестанты скандировали речевки, в которых именовали Ломбардо Толедано «скотиной» и «психом».

Правые газеты Мексики захлебывались от восторга. Их заголовки гласили: «Грандиозная манифестация против коммунизма в Монтеррее!», «Все социальные классы объединились на почве национализма»¹¹⁷. Опять оживились «золотые рубашки». Их лидер, которого арестовали за участие в беспорядках, заявил, что будет бороться с коммунистами, пока их всех не уничтожит. Предприниматели Монтеррея получили массу поздравлений от своих коллег из других частей страны.

Губернатор Нуэво-Леона выразил резкое осуждение безответственной позиции предпринимателей, которые парализовали экономическую жизнь в городе. Однако хозяева на слова главы исполнительной власти штата не реагировали.

7 февраля 1936 года в Монтеррей прибыл президент Карденас. Сойдя с поезда, он как обычный гражданин заказал такси. Водитель не узнал пассажира, и Карденас сказал ему: «Эй, послушай, здесь где-то проходит забастовка. Отвези-ка меня туда». Присутствие главы государства сразу же прекратило все уличные манифестации. Визит Карденаса в Монтеррей, его скромное, но в то же время твердое поведение сделали мексиканского президента настоящим героем для рабочих масс.

Президент начал свой визит не с предпринимательских клубов и дорогих отелей, а с посещения фабрик и заводов. Карденас лично ознакомился не только с условиями труда на «Видриере», но и с тем, как живут люди в рабочих кварталах Монтеррея. Прибыв туда, Карденас немедленно распорядил-

¹¹⁶ Snodgrass M. Deference and defiance in Monterrey. Workers, Paternalism and Revolution in Mexico 1890–1950. Cambridge University Press, 2003. P. 212

¹¹⁷ Elizaga R. S. Los Codigos Ocultos del Cardenismo. Mexico, 1996. P. 81

ся провести в квартале все необходимые для жизни коммуникации. Жители трущоб высыпали на улицы, до конца не веря, что сам президент удостоил их своим посещением¹¹⁸.

Даже представители «желтых» (или, как их еще называли, «белых») профсоюзов были потрясены доступностью президента. На главных улицах Монтеррея состоялась мощная демонстрация рабочих, запускавших фейерверки и выкрикивавших здравицы в честь Карденаса. Многие рабочие признавались впоследствии, что под влиянием пропаганды представляли себе Карденаса сумрачным и надменным генералом без всякого налета цивилизованности, а президент оказался вежливым и интеллигентным человеком.

В первый же день Карденас встретился с представителями Комитета пролетарской защиты, и все участники встречи выразили осуждение попыток предпринимателей превратить обычный трудовой конфликт в противостояние целого штата центральному правительству. Карденас порекомендовал немедленно создать единый общемексиканский профцентр, чтобы покончить наконец с расколом рабочего движения, так ослабляющим его влияние на массы.

После этого президент встретился с представителями предпринимательских кругов, которые пытались убедить главу государства, что «желтые» профсоюзы не находятся на содержании хозяев, как утверждают коммунисты, и что коммунизм – вовсе не химера. Именно коммунистические агитаторы искусственно спровоцировали забастовку на «Видриере», хотя заработная плата там выше, чем в других регионах страны. Один из участников встречи даже сказал, что «агенты Москвы» проникли уже в само мексиканское правительство.

Карденас вежливо слушал предпринимателей три часа, не перебивая. Он не возражал, что надо бороться с теми «плохими» профсоюзными лидерами, которые преследуют только цель личного обогащения. Однако именно поэтому, по мнению президента, и следовало создать единый профцентр, который будет избавляться от экстремистов и оппортунистов в рабочем движении.

После консультаций с обеими сторонами трудового конфликта президент безоговорочно встал на сторону рабочих и обязал предпринимателей выплатить тем заработную плату за время локаута. 8 февраля Карденас публично объявил, что не обнаружил в Монтеррее никакой подрывной коммунистической агитации. В адрес предпринимателей прозвучало жесткое и недвусмысленное предупреждение – если бизнесмены и далее будут пытаться прибегать к политическим акциям, это приведет к вооруженной борьбе. Другими словами, президент выразил готовность подавить предпринимателей с по-

¹¹⁸ Snodgrass M. Deference and defiance in Monterrey. Workers, Paternalism and Revolution in Mexico 1890–1950. Cambridge University Press, 2003. P. 216

мощью армии. Если же они не будут соблюдать трудовое законодательство, то пусть лучше сами отдадут свои фабрики рабочим или правительству.

11 февраля 1936 года министр труда Хенаро Васкес публично провозгласил знаменитые «14 пунктов», в которых описывалось отношение правительства к трудовым конфликтам и предпринимателям.

1. Правительство будет сотрудничать с обеими сторонами в разрешении конфликтов между рабочими и предпринимателями.

2. Будет создан единый профцентр, чтобы у предпринимателей и правительства был надежный партнер для переговоров.

3. Правительство – верховный арбитр во всех вопросах общественной жизни страны.

4. Требования рабочих будут учитываться в той мере, в какой это позволяют экономические возможности предприятий.

5. Правительство не будет помогать профсоюзам, которые не войдут в будущий единый профцентр.

6. Предприниматели не имеют никакого права вмешиваться во внутренние дела профсоюзов.

7. Предприниматели, как и рабочие, имеют право на создание общенациональных организаций.

8. Правительство заинтересовано в развитии национальной промышленности и будет рассматривать трудовые конфликты под этим углом зрения.

9. Причина социального недовольства рабочих – не во влиянии на них коммунистов. Недовольство трудящихся – выражение справедливых чаяний улучшения условий труда и жизни, а также возмущения по поводу несоблюдения предпринимателями трудового законодательства.

10. В Мексике – как и в Европе и США – существуют небольшие группы коммунистов, но они не представляют никакой угрозы для государственных институтов, не тревожат правительство и не должны тревожить предпринимателей.

11. Гораздо больше ущерба нации, чем коммунисты, нанесли религиозные фанатики, убивающие учителей, фанатики, мешающие претворению в жизнь программы революции.

12. Политическая деятельность предпринимателей в Монтеррее вышла за пределы этого города и оказала влияние на Лагуну, штаты Пуэбла, Юкатан, столичный федеральный округ.

13. Предпринимателям стоит остерегаться – их политическая деятельность может привести к вооруженной борьбе.

14. Те предприниматели, которые устали от борьбы с рабочими, могут передать свои предприятия рабочим или государству. Это патриотично, а локауты – нет¹¹⁹.

¹¹⁹ Garcia de Leon H. H. Historia politica del sinarquismo. Mexico, 2004. P. 81–82

Таким образом, демонстрация предпринимателей в Монтеррее не привела к разрыву между Карденасом и рабочим движением, но, наоборот, заставила рабочих по рекомендации президента сплотить свои ряды. Карденас решительно отверг антикоммунизм предпринимателей и недвусмысленно предостерег их от попыток дестабилизировать правительство. Главное же, чего «добились» предприниматели Монтеррея, – ускорение образования единой мощной организации рабочего класса Мексики.

Комитет пролетарской защиты провел в Мехико многотысячную демонстрацию в поддержку президента. Но на этом на сей раз комитет не остановился.

24 февраля 1936 года в Мехико открылся учредительный конгресс нового единого профцентра – Конфедерации трудящихся Мексики, КТМ (*Confederacion de Trabajadores de Mexico*).

Конгресс открыл бесспорный на тот момент лидер революционного рабочего движения страны Ломбардо Толедано. Он описал бедственное положение большинства рабочих и крестьян, дикую нищету двух с половиной миллионов коренных жителей страны – индейцев и сравнил это с роскошью, в которой купаются в Мексике 160 тысяч иностранцев¹²⁰. Революция привела до сих пор только к сокращению экономической активности в городах, а на селе большая часть земли по-прежнему находится в руках помещиков. Недра Мексики – в руках иностранцев. Ломбардо Толедано подытожил: «Каждый мексиканец, если он получает зарплату и живет за счет своих материальных и интеллектуальных усилий, по необходимости должен быть националистически и антиимпериалистически настроенным индивидуумом; в противном случае он предатель»¹²¹.

Выступление Толедано было политически грамотным – он выразил в нем и новую линию Коминтерна на создание в колониальных и зависимых странах единого антиимпериалистического фронта, поддержал «экономический национализм» Карденаса и дал четкий отпор правым, обвинявшим рабочих в том, что они служат заграничным интересам.

Однако на конгрессе сразу же возник спор о том, какие уже существующие профсоюзные организации следует пригласить в новый профцентр. Коммунисты были за то, чтобы послать приглашение и рядовым членам, и отдельным профсоюзам КРОМ и ВКТ. Однако группа Толедано была против – ее лидер, прошедший школу Моронеса, хотел сосредоточить все руководство новым профцентром в своих руках, и ему были нужны только безоговорочно согласные с ним организации. Например, Конфедерацию рабочих Халиско отвергли за то, что некоторые ее члены якобы входили в АРМ. ВКТ и КРОМ огульно зачислили в ряды кальистов.

¹²⁰ Elizaga R. S. *Los Codigos Ocultos del Cardenismo*. Mexico, 1996. P. 83

¹²¹ Elizaga R. S. *Los Codigos Ocultos del Cardenismo*. Mexico, 1996. P. 83

Второй день учредительного конгресса был посвящен программным документам и организационной структуре будущей конфедерации.

Целью КТМ провозглашалось «тотальное уничтожение капиталистического режима». Однако так как Мексика по-прежнему находится в «орбите империализма», сначала необходимо добиться полного политического и экономического освобождения страны от иностранного влияния¹²². Важным моментом новой программы и водоразделом, отделявшим КТМ от КРОМ, стало признание международной солидарности трудящихся. (КРОМ, как известно, ориентировался только на американские профсоюзы и, по сути, не имел никаких прочных международных связей.)

В целом программа КТМ точно соответствовала линии Коминтерна и планам правительства Карденаса.

Высшим органом провозгласили съезд, который должен собираться раз в два года. В промежутке между съездами конфедерацией должен был руководить Национальный совет, созываемый раз в четыре месяца. Реальным же повседневным руководящим центром КТМ призван был стать Национальный комитет из 8 членов, заседания которого должны были проходить раз в неделю.

Такая централизация руководства вызвала недовольство многих делегатов. Железнодорожники, традиционно дорожившие своей самостоятельностью, не хотели столь явной централизации. Среди некоторых профсоюзов – участников учредительного конгресса КТМ были довольно сильно распространены антикоммунистические предрассудки, и они опасались, что в комитете будут представлены одни коммунисты. Эти предрассудки за кулисами разжигала и группа самого Ломбардо Толедано, стремившаяся оттеснить коммунистов от ключевых должностей в новом профцентре.

Сами коммунисты в точном соответствии с линией Коминтерна своих кандидатов особо не выпячивали – для них были важны не должности, а сам факт создания единого революционного профцентра. КПМ считала, что и так будет оказывать влияние на политику КТМ через авторитет своих членов, работавших в различных профсоюзах.

Ломбардо Толедано был избран генеральным секретарем КТМ единогласно. Однако кандидатура коммуниста Мигеля Анхеля Веласко на пост оргсекретаря встретила возражения, хотя его поддерживали основные профсоюзы страны – железнодорожники, электрики, трамвайщики и нефтяники. В результате коммунисты сняли кандидатуру Веласко, и он стал отвечать в Национальном комитете за образование и культуру.

На учредительном съезде также обсуждался вопрос о приглашении в КТМ крестьянских организаций. Коммунисты считали, что пригласить их нужно, так как большинство мексиканского пролетариата, собственно, и со-

¹²² Elizaga R. S. Los Codigos Ocultos del Cardenismo. Mexico, 1996. P. 86

стоит из сельскохозяйственных рабочих. Однако Ломбардо Толедано и его группа были против, опасаясь традиционно сильного влияния коммунистов на крестьянские массы.

Спор разрешил сам Карденас. Он выступил против присоединения крестьянских организаций к КТМ. По мнению президента, крестьяне должны были создать собственную организацию. Причем если КТМ должна быть независима от правительства (Карденас незадолго до учредительного конгресса публично объявил, что власти не будут финансово поддерживать ни один профцентр в стране¹²³), то общенациональная организация крестьян должна быть создана именно как проправительственная. Логика Карденаса была следующей: правительство намерено активно проводить аграрную реформу и в этом процессе опираться на крестьян. Вмешательство рабочих в это только создаст ненужные трения между властями и профсоюзами.

На самом деле, как представляется, Карденас просто не хотел появления в стране многомиллионной сильной организации трудящихся, которая могла бы составить конкуренцию НРП. Если Обрегон опирался на крестьян (в форме аграристской партии), а Кальес – на рабочих (в лице КРОМ), то Карденас хотел опираться и на тех, и на других. Но именно президент должен был оставаться верховным арбитром, а для этого было более предпочтительно, чтобы рабочие и крестьяне не имели организационного единства.

Наконец, Карденас активно раздавал крестьянским организациям оружие и предпочитал, чтобы это оружие оставалось под контролем правительства.

Мнение президента решило исход дела. Коммунисты не стали спорить, и КТМ возникла как чисто пролетарская организация. На момент создания конфедерация насчитывала в своих рядах около 200 тысяч членов, но большинство рабочих входили в профцентр только через свои профсоюзы, которые не прекратили существования. Так как сами эти профсоюзы оставались крайне разнородными по своим политическим взглядам, КТМ в целом не отличалась идейной монолитностью. Например, в качестве девиза организации сохранился старый лозунг КРОМ «За бесклассовое общество».

Основание КТМ вызвало резкие нападки со стороны КРОМ и ВКТ, которые обвиняли новый профцентр в попытке подчинить своему диктату всех рабочих Мексики. Лидер ВКТ Хулио Рамирес призвал Карденаса спасти страну от коммунистического иностранного засилья, иначе самого президента постигнет судьба императора Максимилиана¹²⁴. Несмотря на такое оскорбление – сравнение с французской марионеткой периода иностранной интервенции в Мексике, – президент повел себя достойно и на репрессии не пошел.

¹²³ Elizaga R. S. Los Codigos Ocultos del Cardenismo. Mexico, 1996. P. 89

¹²⁴ Elizaga R. S. Los Codigos Ocultos del Cardenismo. Mexico, 1996. P. 90

Кальисты не извлекли уроков из поражения в Монтеррее и стали готовить вооруженный мятеж. В доме Моронеса был проведен обыск, и полиция обнаружила большой склад оружия и боеприпасов, включая пулеметы.

Карденас тоже готовился к возможному вооруженному противостоянию с кальистами. В феврале 1936 года президент объявил о присвоении крестьянским отрядам самообороны статуса армейского резерва. Командующие войсками на местах получили приказ обеспечить отряды крестьянской самообороны оружием и боеприпасами и проводить тренировку новых резервистов. Это сразу увеличило вооруженные силы Мексики почти в два раза. В отрядах самообороны было более 4000 офицеров и 46 тысяч бойцов (в армии насчитывалось 39 589 солдат).¹²⁵

В марте 1936 года президент лично объехал несколько наиболее нестабильных штатов (например, Халиско и Колиму – бывшие центры движения «кристерос»). В Халиско президент пообещал крестьянам ускорить наделение их землей и приказал командующему военной зоной распределить между крестьянами оружие для защиты «от нападений, которым они подвергаются»¹²⁶. То же самое произошло в Колиме.

Как обычно перед очередной провокацией, Кальес попытался стравить Карденаса с американцами. Однако президент был начеку и в январе 1936 года заявил о начале выплат гражданам США и Великобритании, пострадавшим в ходе революционных событий в Мексике. Тем не менее и американский, и британский послы сообщали в свои столицы, что из-за трудовых конфликтов и аграрной реформы положение Мексики «хуже некуда»¹²⁷.

Таким образом, Кальес считал, что почва для финальной фазы борьбы с Карденасом им подготовлена.

7 апреля 1936 года между Мехико и Веракрусом подорвали поезд, в результате чего были убиты 13 и ранены 18 человек. Один из выживших пассажиров сказал прессе, что предупреждал президента: кальисты поклялись, что не позволят Карденасу спокойно управлять страной, так же как они мешали это делать президенту Ортису Рубио¹²⁸. По данным сразу из нескольких источников, за терактом стоял Моронес.

В принципе об этом было несложно догадаться. КРОМ активно боролся в Веракрусе против кандидатуры идейного наследника губернатора Техеды Манлио Фабио Альтамирано. Альтамирано заручился поддержкой не только «техедистов» – Социалистической партии левых сил, но и коммунистов. Среди пунктов программы Манлио было вооружение рабочих,

¹²⁵ Elizaga R. S. Los Codigos Ocultos del Cardenismo. Mexico, 1996. P. 112

¹²⁶ Elizaga R. S. Los Codigos Ocultos del Cardenismo. Mexico, 1996. P. 110

¹²⁷ Elizaga R. S. Los Codigos Ocultos del Cardenismo. Mexico, 1996. P. 160

¹²⁸ Benitez F. Lazaro Cardenas y la revolucion mexicana. III. El Cardenismo. Mexico, 2004. P. 43

крестьян и учителей и разоружение «белых банд» (находившихся на содержании помещиков) и боевиков КРОМ, которые активно расправлялись с революционными профсоюзными деятелями на текстильных предприятиях штата Веракрус. Так что боевиками КРОМ в Веракресе располагал, и они не сидели без дела¹²⁹.

В этот же день, 7 апреля, Карденас направил к Кальесу генерала Мухику, который передал бывшему «верховному вождю» требование немедленно покинуть Мексику вместе с тремя близкими соратниками. Карденас через Мухику обвинил Кальеса в том, что он окончательно предал старую дружбу и готовит вооруженное восстание против правительства. Кальес никакого участия в подрывной деятельности не признал. Он сказал, что выступает лишь против аграрной реформы и рабочей агитации, за что его и преследуют. Уезжать в эмиграцию добровольно Кальес наотрез отказался. Мухика уехал ни с чем, но, получив новые указания Карденаса, уже на следующий день опять навестил Кальеса.

Он еще раз передал Кальесу фактический приказ президента уехать вместе с Моронесом, Луисом Леоном и Мельчором Ортегой. Эти гражданские политики пытались в начале 1936 года организовать в стране оппозиционную партию с Кальесом в качестве лидера. Первоначально Карденас планировал отправить в ссылку и трех генералов-кальистов – Амаро, Тапию и Мединавейтию, но потом решил оставить их в Мексике, рассудив, что так они будут более безопасны.

9 апреля 1936 года полиция арестовала трех кандидатов на высылку, и в 22.00 вечера того же дня командир местного гарнизона прибыл к Кальесу, чтобы сопровождать его в аэропорт. Кальес в бело-голубой пижаме лежал на кровати и читал «Майн Кампф» Гитлера¹³⁰. «Хефе максимо» еще раз попытался избежать неизбежного и спросил офицера, за что его, собственно, высылают. Тот ответил, что всего лишь выполняет приказ. Бывший лидер Мексики сказал, что если вопрос оставлен на его усмотрение, то он никуда не поедет, а если это приказ, то ему не остается ничего другого, как подчиниться.

Кальес успел позвонить нескольким корреспондентам, в том числе и Кларку Ли из «Ассошейтид Пресс». Американец спросил: «Вы уезжаете?» Кальес ответил, что «уезжают его».

¹²⁹ В конце июня 1936 года после своего избрания на пост губернатора Веракруса Альтамирано был убит в кафе «Такубайя» в Мехико. Случайным свидетелем покушения оказался Диего Ривера. Коммунисты, считали, что за убийством стоят латифундисты Веракруса. Ломбардо Толедано предполагал, что убийство Альтамирано является частью заговора против правительства Карденаса.

¹³⁰ Benitez F. Lazaro Cardenas y la revolucion mexicana. III. El Cardenismo. Mexico, 2004. P. 44

Обида Кальеса был явно не искренней. Ведь сам он в таком случае, вполне вероятно, расстрелял бы Карденаса как потенциального мятежника, как сделал это в 1927 году с генералами Гомесом и Серрано. Карденас же, принимая решение о высылке Кальеса, возможно, лишь спасал жизнь бывшего наставника. Кальес получал множество угроз, а толпа женщин хотела разгромить его загородный дом «Санта-Барбара». Женщины требовали разделить приусадебные земли в ходе аграрной реформы.

В марте 1936 года «хефе максимо» уже был допрошен в качестве свидетеля по делу о контрабанде оружия из США, по которому обвинялся некий Немесио Тревиньо Вильяреаль¹³¹. Тот признал, что привез в Мексику тысячи единиц оружия и что действовал с согласия тогдашнего губернатора штата Сонора кальиста Рамоса. Американская разведка считала, что за контрабандой оружия на юг Соноры стоит сам Кальес.

На следующий день в полседьмого утра к Кальесу вновь пришел командир гарнизона, и они поехали в аэропорт. Кальес сделал там прощальную фотографию, и все заметили томик «Майн Кампф», который он прижимал к себе.

К моменту вынужденной эмиграции идейные взгляды бывшего «борца за интересы пролетариата» Кальеса претерпели коренную метаморфозу. Он объявил себя смертельным врагом коммунизма и критически оценивал ситуацию в Испании, где на свободных выборах в феврале 1936 года победили партии Народного фронта (социалисты, коммунисты и левые республиканцы). О Марксе, он, например, отзывался следующим образом: «Для Маркса не существует отдельный индивид, и поэтому не существует свобода. А разве может существовать какой-либо человек или народ, который не любил бы свободы? Маркс делает из индивидуума часть большой машины, имя которой – государство. Государство управляет, государство приказывает, государство доминирует; для государства человек – ничто»¹³².

Когда ему напомнили, что и сам он еще недавно считал себя социалистом, Кальес ответил: «Социалистическое государство, о котором я говорил, не является государством марксистским. Я всегда верил в то, что государство должно быть защитником слабых классов. Более того: считаю, что это долг государства. Моя точка зрения станет абсолютно ясной, если я скажу, что прибавочная стоимость должна делиться поровну; однако между вмешательством государства в равное распределение прибавочной стоимости и вмешательством государства во все аспекты моральной и материальной жизни человека и общества существует большая разница. С другой стороны, социалистическое государство, о котором я говорю, – это не го-

¹³¹ Portes Gil E. Autobiografía de la Revolución Mexicana // www.antorcha.net/.../autobiografia/bibliografia.html

¹³² Krauze E. Plutarco Calles. Reformar desde el origen. Mexico, 1992. P. 139

сударство, отрицающее свободу. Конец свободы – это конец частной инициативы, а именно она влечет за собой прогресс человека и целых народов. Социалистическое государство, о котором я говорю, не покончит с частной собственностью...»¹³³

Возможно, Кальес искренне заблуждался, считая, что государство может, не встретив сопротивления, заставить капиталиста отдать половину прибыли рабочему. Ни до, ни после Кальеса такого еще не наблюдалось.

Как только Кальес прилетел в Браунсвилль (штат Техас), он обрушился с критикой на Карденаса: «анархическая» политика президента ведет к росту влияния коммунистов в Мексике. А все мексиканские политики – люди без принципов, для которых дружба и лояльность ничего не значат. Видимо, это снова был намек на Карденаса, но его вполне могли бы принять и за самокритику. В Нью-Йорке Кальес страшил американцев еще больше – вся Мексика охвачена сотнями забастовок, а Карденас сам является коммунистом. Страна на грани краха, ей нужны твердые гарантии для капитала. В Далласе (также Техас) Кальес заявил, что «никогда, никогда, никогда» больше не будет претендовать на пост президента и никогда не вернется в Мексику, чтобы заниматься политической деятельностью¹³⁴.

«Максимат» пал, пал вместе с человеком, который с 1924 года управлял судьбами Мексики. Бесспорно, Кальес был искренним и убежденным реформатором, желавшим для Мексики спокойного эволюционного развития. Не вызывает сомнений и его убежденность в активной социальной роли государства, в необходимости создания более справедливого общества. Однако «вождь», так полюбивший свободу, в начале 30-х годов участвовал в убийствах политических противников, подтасовывал результаты выборов, глумился над религиозными чувствами миллионов мексиканцев – и все это для того, чтобы укрепить свою власть. Конечно, в апреле 1936 года Плутарко Кальес считал, что с ним обошлись несправедливо. Но он не мог не понимать одного – против него был не только и даже не столько президент Карденас, против него было большинство населения его родины. Революция переросла убеждения своего бывшего лидера и выдвинула на политическую арену новых людей, которым и предстояло создавать счастливую и справедливую Мексику.

Примерно в течение пяти лет после вынужденного отъезда из Мексики Кальес жил в собственном доме в Сан-Диего¹³⁵. Летом семья снимала дом на море, так как Кальеса не оставляла его страсть к плаванию (бывший вождь купался два раза в день).

¹³³ Krauze E. Plutarco Calles. Reformar desde el origen. Mexico, 1992. P. 140–141

¹³⁴ Benitez F. Lazaro Cardenas y la revolucion mexicana. III. El Cardenismo. Mexico, 2004. P. 46

¹³⁵ Krauze E. Plutarco Calles. Reformar desde el origen. Mexico, 1992. P. 143–144

Однако, «хефе максимо» все еще ощущал себя государственным деятелем. Он часто посещал передовые фермы и плантации Калифорнии, стремясь усвоить новые формы ведения хозяйства. Кальес мечтал ввести в Мексике очень понравившиеся ему магазины самообслуживания.

Естественно, бывший президент внимательно следил за событиями на родине и делал все, что мог, для ослабления позиций Карденаса. Он сдружился со своим бывшим ярым противником Хосе Васконселосом, убеждая того, что на посту президента тот сделал бы то же, что и он, Кальес.

В марте 1941 года новый президент Мексики Авила Камачо пригласил Кальеса вернуться на родину, чтобы продемонстрировать единство всех мексиканцев в эпоху мировой войны. Кальес согласился и уже через несколько дней появился на балконе Национального дворца вместе с Авиллой Камачо и остальными оставшимися в живых бывшими президентами Мексики.

Последние четыре года своей беспокойной жизни Кальес провел в уединении в любимом им загородном доме в Куэрनावаке. Он с удовольствием работал в саду, сажая цветы и фруктовые деревья. Время от времени старик играл в свой любимый гольф, но уже частенько один – бывшие друзья и почитатели забыли когда-то всемогущего «хефе максимо». Со своими бывшими соратниками – Моронесом, Падильей, Альмасаном и другими – он встречался раз в неделю на заседаниях кружка по изучению метафизики, где собравшиеся устраивали спиритические сеансы.

За несколько месяцев до смерти Кальес признался друзьям, что уверовал в Высшее существо, став, как и Робеспьер, деистом. Бывший вождь революции стоически переносил сложные операции, с помощью которых врачи пытались продлить его жизнь.

Плутарко Элиас Кальес умер 19 октября 1945 года. Но и после кончины его сын Родольфо говорил, что регулярно получает послания от отца, который постигает новые формы внеземного существования духа. «Там» Кальес вел беседы с Каррансой и Обрегоном, и первый («Старик») так и не смог простить сонорцам, что они предали его в 1920 году. Самое главное же, сообщал Кальес сыну, состоит в том отрадном факте, что жизнь после смерти действительно существует.

Глава 4

Президентство Карденаса: коренные реформы 1935–1936 годов

Разгромив кальистов, президент в 1936 году приступил к реализации своих предвыборных обещаний, главным из которых было скорейшее завершение аграрной реформы и наделение землей всех, кто хотел ее обрабатывать.

В отличие от Кальеса, Карденас не считал общину-«эхидо» отжившей, архаичной формой. Президент полагал, что нищета большинства получивших землю общинников связана не с характером землепользования, а с отсутствием семян, техники, удобрений и налаженной системы сбыта. К тому же большинство эхидатариев числились в общине только номинально – землю обрабатывал каждый сам, а размеры надела были крайне невелики – 2–6 га. В общинной собственности были практически только выгоны для скота, источники воды и лесные участки. С учетом засушливости многих земель, перешедших в ходе реформы «эхидос», прокормиться с такого участка было практически невозможно. Поэтому многие общинники большую часть года проводили на заработках, в том числе в США.

«Эхидос» производили в основном нетоварную продукцию – кукурузу и бобы – и служили для удовлетворения нужд самих владельцев земли. Среди общинников вскоре стало заметно расслоение – выделенные земли были разного качества, и те, кто получал лучшие участки, начали нанимать соседей по общине в качестве батраков. Появились сильные различия в материальном достатке, что позволило разбогатевшим общинникам приобрести тягловый скот, а это, в свою очередь, еще более усилило расслоение в «эхидос». У некоторых общинников было по 10–15 волов, у большинства – ни одного.

Таким образом, можно сказать, что «эхидо» походила на русскую дореволюционную общину, застрявшую на полпути между коллективным и частным землепользованием.

Карденас считал, что общины надо превратить из номинальных коллективов в реальные. Они получили название коллективных «эхидос», то есть сельскохозяйственных кооперативов. Уже в конце 1935 года был учрежден Банк эхидального кредита, который должен был финансировать закупку общинами сельхозинвентаря, техники, семян и строительство ирригационных

сооружений. Банк был образован в форме акционерного общества с участием частного капитала, но этот капитал большого интереса к кредитованию коллективного землепользования не проявил. Основное бремя расходов несло государство.

В 1936 году уже действовало 3679 обществ эхидального кредита (общин, имевших право на кредиты эхидального банка), в которых объединились 308 729 эхидатариев¹. В последнем году пребывания Карденаса у власти – 1940-м – в Мексике было 5172 общества с 398 100 членами.

Карденас начал активно распределять землю в 1935 году, используя в качестве нормативной базы Аграрный кодекс 1934 года. В 1935-м в ходе аграрной реформы было распределено 1,9 миллиона гектаров². Это была внушительная цифра. Но до полного разгрома «максимата» земля распределялась обычным способом – либо путем реституции несправедливо отнятых ранее у общин земель, либо путем дотации – наделения земель безземельных крестьян.

В 1936 году Карденас смог наконец осуществить свою мечту о создании в сельском хозяйстве мощного и, главное, рентабельного кооперативного сектора.

В Мексике было два основных района высокоинтенсивного товарного земледелия. На севере страны, в районе Лагуна, находившемся большей частью в штате Коауила и занимавшем примерно 500 тысяч га, выращивали и перерабатывали хлопок, который шел главным образом в США. На крупных плантациях Лагуны были построены ирригационные сооружения и предприятия по первичной обработке волокна. На юге Мексики – на полуострове Юкатан – находились плантации хенекена, продукция которых тоже в основном шла в Америку. И в Лагуне, и на Юкатане среди подвергавшихся нещадной эксплуатации батраков и поденщиков было очень сильно влияние коммунистов.

Большинством земель в Лагуне владели иностранные компании – в том числе «Лавин», «Пурселл», «Тлауалило», принадлежавшие испанским, британским и французским гражданам. Латифундистами были и американцы. 222 иностранных собственника в Лагуне владели суммарным капиталом в 27,8 миллиона долларов³.

В Лагуне в свое время находились хлопковые плантации лидера революции 1910 года Франсиско Мадеро. Позднее земли в этом районе приобрели, зачастую за бесценок, многие «революционные» генералы, например соперник Карденаса в борьбе за пост президента в 1933 году калыист Мануэль Перес Тревиньо и генерал Эулохио Ортис.

¹ Шульговский А. Ф. Мексика на крутом повороте своей истории. М., 1967. С. 250

² Ruiz R. E. Triumphs and Tragedy. A History of the Mexican People. New York, 1992. P. 399

³ Шульговский А. Ф. Мексика на крутом повороте своей истории. М., 1967. С. 259

В 1928 году в Лагуне было 75 асиенд площадью от тысячи до 10 тысяч га, 19 – площадью более 10 тысяч га и три латифундии площадью более 100 тысяч гектаров. После революции помещики заработали здесь около 217 миллионов песо, но инвестировали в развитие производства лишь незначительную часть прибыли⁴.

До 1936 года Лагуну не затрагивала аграрная реформа, так как земли, хлопкоперерабатывающие предприятия и ирригационные сооружения представляли собой единый аграрно-индустриальный комплекс, приносивший Мексике довольно значительную часть валютных поступлений. Владельцы плантаций чувствовали себя там полновластными хозяевами – у них была своя сельская полиция. А местные чиновники, нередко находившиеся на содержании плантаторов, содействовали в подавлении протестных настроений в регионе.

Хозяева в Лагуне использовали как труд рабочих-поденщиков, так и батраков-пеонов, живших на асиендах («акасиљадос»).

Батраки существовали на нищенскую зарплату, получая 0,5 – 1 песо в день. К тому же работа была сезонной, что вынуждало этих людей постоянно искать дополнительные возможности прокормиться. Кризис в США привел к наплыву в Лагуну «брасерос» – выдворенных из Америки мексиканских сельскохозяйственных рабочих. Активно внедряемая механизация производства также привела к высвобождению нескольких тысяч рабочих рук. Это, в свою очередь, позволило плантаторам еще больше снизить заработную плату.

Но в 1935–1936 годах сельскохозяйственные рабочие Лагуны были уже неплохо организованы, а профсоюзами руководили в основном коммунисты. Предприниматели отвечали на акции протеста и забастовки массовыми увольнениями и привозили в Лагуну штрейкбрехеров («эскиролес») из других частей страны. Для вида плантаторы в 1934 году даже сами создали несколько «эхидос», чтобы ослабить борьбу батраков за землю. Этим общинам выделялись самые плохие земли, чтобы они своей нищетой отпугивали крестьян и батраков от коллективных форм землепользования.

До 1935 года забастовки в Лагуне носили спонтанный характер, но образование в феврале 1936-го КТМ коренным образом изменило ситуацию.

В мае 1936 года профсоюз сельскохозяйственных рабочих Лагуны ввиду отказа плантаторов обсуждать условия коллективного договора решил объявить всеобщую забастовку, на что имел по закону полное право. В ответ на это хозяева уволили наиболее активных членов профсоюза. Правительство вмешалось в трудовой спор, и представители плантаторов и рабочих были вызваны на переговоры в Мехико. Был достигнут компромисс, согласно ко-

⁴ Krauze E. Mexico. The Biography of Power. A history of Modern Mexico 1810–1996. New York, 1997. P. 462

торому рабочие обязались отложить забастовку на 20 дней, в плантаторы – восстановить на работе уволенных.

Предприниматели утверждали, что не могут выполнить одно из главных условий предлагаемого рабочими коллективного договора – повышение заработной платы, – так как это поставит компании на грань банкротства. Иностранные промышленники даже угрожали вообще уйти из Мексики. Для изучения платежеспособности компаний правительство направило в Лагуну группу экспертов.

Как и в феврале 1936 года в Монтеррее, предприниматели активно клеветали на «красный» профсоюз, обвиняя его в коммунистическом засилье и в попытке захватить политическую власть в регионе. Были сделаны попытки создать «альтернативные» карманные профсоюзы. Рабочим раздавались разовые подачки (например, радиоприемники), чтобы побудить их выйти из профсоюза и не принимать участие в забастовке. Хозяева даже наняли самолеты, которые разбрасывали в сопредельных с Лагуной регионах листовки, призывавшие всех желающих приходить на работу. В условиях массовой безработицы такая тактика не могла не принести успеха, и в Лагуну потянулись тысячи желающих заработать себе на кусок хлеба. Хозяевам удалось набрать до 10 тысяч новых батраков⁵.

Между тем правительственная комиссия пришла к благоприятным для рабочих выводам, но предприниматели с доводами экспертов не согласились. Тогда профсоюз 18 августа 1936 года объявил всеобщую забастовку, в которой приняли участие примерно 20 тысяч сельскохозяйственных рабочих.

Лагуну захлестнули кровавые столкновения между стачечниками и нанятыми хозяевами штрейкбрехерами

Местные примирительные комиссии по разрешению трудовых споров штатов Дуранго и Коауила объявили забастовку незаконной. Фактически Карденас столкнулся с демонстративным неповиновением местных властей, открыто вставших на сторону плантаторов. Это было неудивительно, если учесть, например, что командующий гарнизоном в главном городе Лагуны Торреоне сам владел примерно 2 тысячами га земли.

Президент, как всегда, действовал быстро и решительно и уже через неделю пригласил руководство стачечного комитета в Мехико. На встрече Карденас заявил, что решил провести в Лагуне масштабную аграрную реформу и лично контролировать ее ход.

Президент выполнил обещание и провел в Торреоне большую часть осени. В середине сентября 1936 года в Лагуну прибыла правительственная комиссия по проведению аграрной реформы.

С 1 октября 1936 года началось самое радикальное в истории Мексики перераспределение земельной собственности. 6 октября Карденас подписал

⁵ Шульговский А. Ф. Мексика на крутом повороте своей истории. М., 1967. С. 261

указ о проведении в регионе земельной реформы. Предполагалось не дробить на мелкие участки отлаженное крупное сельскохозяйственное производство, а передать его целиком в руки кооперативов сельскохозяйственных рабочих.

Когда генералу Эулохио Ортису сообщили о конфискации большей части его земельной собственности, он только пожал плечами и произнес: «Революция дала мне землю, и революция забрала ее у меня». Карденас же прокомментировал это в своем дневнике: «Он должен был сказать: во время революции я захватил землю, а теперь возвращаю ее народу»⁶.

20 ноября 1936 года, в день очередной годовщины со дня начала мексиканской революции 1910-го, президент присутствовал на волнующей церемонии, во время которой бывший солдат Вильи отдал свою винтовку в обмен на плут. Это должно было символизировать окончательную победу революции – те, кто сражались за свободу и землю, теперь получали и то и другое.

Привезенные хозяевами в Лагуну штрейкбрехеры вывозились армией за пределы региона. Плантаторов принудили соблюдать условия коллективного договора и нанимать на работу только членов профсоюза.

Предприниматели активно сопротивлялись конфискации земли. Они портили хлопкоочистительные машины и пытались привести в негодность ирригационные сооружения. Однако члены профсоюза создали специальные отряды, охранявшие передаваемую кооперативам собственность.

Реформа проводилась в стремительном темпе. Уже к концу ноября 1936 года 34 тысячи крестьян и сельскохозяйственных рабочих получили 73% всех орошаемых земель Лагуны (440 тысяч га). Прочие земли – примерно 70 тысяч гектаров – были разделены на участки не более 150 га и остались в собственности экс-плантаторов, ставших теперь «мелкими» земельными собственниками⁷.

Как и в СССР, создание кооперативов в Лагуне было непростым делом. Многие крестьяне хотели получить землю в собственность, и не желали становиться участниками нового предприятия. В 1961 году Карденас вспоминал, что создавал кооперативы в Лагуне нередко вопреки желанию части крестьянства⁸.

Получившие землю сельскохозяйственные рабочие и крестьяне были объединены в 341 производственный кооператив. Так началась мексиканская коллективизация сельского хозяйства.

⁶ Krauze E. Mexico. The Biography of Power. A history of Modern Mexico 1810–1996. New York, 1997. P. 463

⁷ Ruiz R. E. Triumphs and Tragedy. A History of the Mexican People. New York, 1992. P. 398

⁸ Krauze E. Mexico. The Biography of Power. A history of Modern Mexico 1810–1996. New York, 1997. P. 463

Каждый кооператив возглавляла административная комиссия из трех членов и трех заместителей. Деятельность комиссии контролировал наблюдательный совет из шести человек. Специальные учетчики («хефес де трабахо») распределяли работу между членами кооператива. На каждого кооператора была заведена учетная карточка, в которую вносилось количество отработанных им дней. В соответствии с трудовым вкладом между членами кооператива и распределялась полученная прибыль.

В реальности зачастую производственным процессом в кооперативах руководил Банк эхидального кредита, заинтересованный в возврате выделенных кредитных ресурсов, а значит – в хороших урожаях и рачительном ведении дела в кооперативах. Банк помогал коллективным «эхидос», направляя туда агрономов и содействуя сбыту продукции.

Кредиты банка кооперативы получали вместе с землей, и это позволяло им приобрести необходимую технику, удобрения и семена. Краткосрочные кредиты под будущий урожай предоставлялись на 18 месяцев и не могли превышать 70% его стоимости. Среднесрочные (на закупку техники, рекультивацию земли и удобрения) – на срок от одного до пяти лет. Кооперативы могли получить даже кредит на срок до 30 лет (например, для строительства ирригационных сооружений). Условия кредитования были довольно льготными.

Коллективные «эхидос» Лагуны стали называть «островками социализма в капиталистическом море»⁹. А враги Карденаса, естественно, именovali их «колхозами».

После Лагуны настал черед Юкатана, где эксплуатация рабочих и пеонов была, пожалуй, самой варварской в Мексике. Условия труда на плантациях хенекена¹⁰ были настолько тяжелыми, что во времена Порфирио Диаса на Юкатан ссылали в основном каторжников. Аграрная проблема на Юкатане носила еще и расовый характер – плантаторы были белыми, а рабочие – индейцами майя, и это придавало эксплуатации особенно жестокие формы.

Почти весь хенекен закупали американцы, и Великая депрессия в США нанесла по Юкатану сильнейший удар. В 1927–1935 годах из-за постоянного сокращения производства без работы на 6 месяцев ежегодно оставались примерно по 45 тысяч крестьянских семей¹¹.

⁹ Ruiz R. E. *Triumphs and Tragedy. A History of the Mexican People*. New York, 1992. P. 398

¹⁰ Хенекен (мексиканский сизаль) – многолетнее растение из рода агавы, используется до 18 лет. Ежегодно с растения срезают по несколько листьев, из которых делают грубое волокно, идущее на производство канатов и мешков.

¹¹ Шульговский А. Ф. *Мексика на крутом повороте своей истории*. М., 1967. С. 265

С 1916-го по 1936 год количество крупных плантаций-асиенд на Юкатане сократилось с 1161 до 583. Производство хенекена за тот же период упало с 1 007 000 до 594 000 тюков волокна¹². Количество занятых на плантациях снизилось с 56 610 до 25 582 человек. Многие сельскохозяйственные рабочие на Юкатане постоянно голодали, о чем и сообщали в многочисленных письмах президенту.

Так что аграрная реформа помимо установления социальной и национальной справедливости в землепользовании была призвана еще и остановить спад важной экспортной отрасли Мексики.

Как и в Лагуне, губернаторы Юкатана обычно находились под сильным влиянием плантаторов. Но и забастовочная борьба на полуострове носила еще более радикальный характер, чем в Лагуне. В результате забастовок октября 1935-го и июля 1936 года были вынуждены уйти в отставку губернаторы штата¹³.

Карденас посетил Юкатан в ходе своей избирательной кампании и обещал батракам создать на базе плантаций десятки коллективных «эхидос». Как только президент приступил к исполнению своих обязанностей, началась подготовка коренной аграрной реформы на полуострове, несмотря на скрытое сопротивление властей штата. В апреле 1936 года на Юкатане была образована правительственная комиссия по проведению реформы, которую возглавил уроженец штата Тамаулипас (и поэтому человек Портеса Хиля) Канделарио Рейес. Он оказался искренне предан делу и, к удивлению плантаторов, не брал взятки (за что его почтительно прозвали Неприкосновенный)¹⁴. Хозяева организовали против Рейеса масштабную кампанию клеветы и запугивания. Таксисты отказывались везти руководителя аграрной комиссии, а на многих кафе и ресторанах красовались надписи: «Канделарио Рейеса не обслуживаем».

На пути реформы стояли трудности финансирования – производство хенекена было делом, требовавшим солидных инвестиций. Если сорванный лист хенекена не обрабатывался в течение 24 часов, он терял свои товарные свойства. Сажать новые растения было тоже неэффективно – они начинали давать солидную прибыль только через несколько лет (обычно через семь). Аграрный банк соглашался кредитовать новые «эхидос» только в том случае, если они имели дневной доход на общинника в 2,5–4 песо. Однако пла-

¹² Evans S. Bound in twine: the history and ecology of the henequen-wheat complex for Mexico and the American and Canadian plains 1880–1950. College Station, Texas A&M University Press, 2007. P. 190

¹³ Fallaw B. Cardenas compromised: the failure of reform in postrevolutionary Yukatan. Duke University Press, 2001. P. 159

¹⁴ Fallaw B. Cardenas compromised: the failure of reform in postrevolutionary Yukatan. Duke University Press, 2001. P. 16

ны показывали, что механическое распределение плантаций позволит новым хозяевам зарабатывать не более 1,27 песо в день¹⁵.

Проблему представляла и нарезка территории будущих общин – надо было обеспечить всем доступ к машинам, расщеплявшим листья на волокно. Это оказалось крайне сложным делом. В результате некоторые поместья приходилось конфисковывать полностью, а некоторые – оставлять нетронутыми.

Но главной проблемой было то, что Аграрный кодекс запрещал наделять земель батраков-пеонов, которых на Юкатане было примерно 30 тысяч из 60 тысяч человек, занятых на плантациях. Хозяева умело натравливали пеонов на эхидатариев, утверждая, что у батраков всего лишь сменился эксплуататор. Раньше они жили на асиенде хозяина и получали от него помимо зарплаты и крова другие услуги (иногда, например, еду). Теперь же пеоны превращались в сельскохозяйственных рабочих, и их доходы падали.

Карденас пытался убедить пеонов образовывать профсоюзы и бороться за улучшение условий труда, но это улучшение могло теперь осуществляться только за счет снижения прибыли новых коллективных «эхидос».

Реформа на первом этапе странным образом подорвала и систему образования. Ранее по закону плантаторы были обязаны за свой счет содержать направленных правительством на полуостров учителей. Теперь, теряя землю и превращаясь в «мелких собственников» (бывшим хозяевам оставляли от 150 до 300 га земли), они освобождались от этой обязанности. Банк эхидального кредита учителей финансировать тоже не желал. В результате дети пеонов остались без школ.

Плантаторам даже удалось организовать на полуострове демонстрации пеонов с требованием остановить проведение аграрной реформы. Губернатор Юкатана и местная организация НРП требовали от президента замедлить ход реформы. В конце апреля 1935 года на Юкатане было создано пять новых «эхидос», и Банк эхидального кредита обещал финансовую поддержку еще девяти. Для решения проблемы образования Рейес предложил новым кооперативам оставлять каждый год определенный процент продукции с целью образования коллективного фонда по финансированию школ.

Некоторые крестьяне не хотели вступать в «эхидос» потому, что помимо земли к ним переходили и долги бывшего предприятия, а Банк эхидального кредита не хотел их списывать.

Тем не менее уже в 1935 году комиссия Рейеса и банк распределили 30% плантаций хенекена¹⁶.

¹⁵ Fallaw B. Cardenas compromised: the failure of reform in postrevolutionary Yukatan. Duke University Press, 2001. P. 16

¹⁶ Ruiz R. E. Triumphs and Tragedy. A History of the Mexican People. New York, 1992. P. 398

Летом 1936 года социальное напряжение на Юкатане, подогреваемое плантаторами, достигло такого накала, что в отставку подал однофамилец президента губернатор штата Фернандо Лопес Карденас, активный сторонник аграрной реформы.

Как и в случае с Лагуной, за дело пришлось взяться самому президенту, который прибыл на Юкатан 1 августа 1937 года. Карденас говорил, что намерен быстро и окончательно решить аграрную проблему Юкатана, чтобы «вызволить коренное население – большинство пеонов в зоне возделывания хенекена – из их бедственного положения»¹⁷. 3 августа 1937 года президент выступил в столице Юкатана Мериде перед собравшимися послушать его тысячами батраков-индейцев, размахивавших национальными трехцветными флагами и красными знаменами.: «...революция пришла предложить вам в виде плантаций сизаля минимальную компенсацию за ту кровь, которую вы пролили в борьбе за землю».

Президент был отзывчивым человеком и в большом, и в малом. Когда он ехал на автомашине по Юкатану, на подножку вспрыгнул нищий и попросил милостыню. Президент дал ему банкноту и сказал: «Возьми часть себе, а другую отдай тем, кто нуждается в помощи так же отчаянно, как и ты сам»¹⁸.

Карденас издал декрет об ускорении аграрной реформы на Юкатане, по которому землю теперь могли получить и пеоны. Правительство обещало помочь кредитами в приобретении необходимого промышленного оборудования и финансировании школ.

В своем указе из 12 пунктов Карденас подчеркнул, что в то время как индустрия хенекена с 1916 года находилась в постоянном упадке и трудящиеся классы были поставлены на грань физического вымирания, доходы плантаторов непрерывно росли.

Уже 22 августа 1937 года Карденас и губернатор Юкатана лично передали крестьянам первые конфискованные у помещиков земли. Через три недели 65% плантаций хенекена перешло в руки пеонов.

В течение августа – сентября 1937 года 34 тысячи крестьян и батраков получили землю – примерно половину всех обрабатываемых земель на полуострове. Было создано 272 коллективных «эхидос». Их средняя площадь составила 150 га – столько же земли оставалось и у бывших плантаторов. От последних общины получили машины, расщепляющие листья на волокно. Если в 1935 году эхидальные земли занимали 16% общего количества сельскохозяйственной земли, то в 1937-м – уже 63%, а в 1939-м – 69%¹⁹.

¹⁷ Krauze E. Mexico. The Biography of Power. A history of Modern Mexico 1810–1996. New York, 1997. P. 463

¹⁸ Krauze E. Mexico. The Biography of Power. A history of Modern Mexico 1810–1996. New York, 1997. P. 466

¹⁹ Шульговский А. Ф. Мексика на крутом повороте своей истории. М., 1967. С. 266

Система крупного помещичьего землевладения на Юкатане была бесспорно уничтожена всего за пару месяцев.

Для регулирования цены на хенекен в апреле 1938 года все коллективные «эхидос» и «мелкие собственники» были объединены в специальный сбытовой трест – Большое «эхидо», которым управляла «Ассоциация производителей хенекена Юкатана». Во главе ассоциации стоял исполнительный комитет из трех человек, каждый из которых представлял интересы соответственно коллективных «эхидос», бывших плантаторов и крестьян-единоличников.

Следует отметить, что орган НРП газета «Эль Насионал» предлагала передать расщепляющие волокна хенекена машины (дефибраторы) в государственную собственность, но на столь радикальный шаг Карденас не решился²⁰.

Президент не обошел вниманием и свой родной штат Мичоакан. Там выходцы из Италии имели большие поместья, где выращивали в основном рис и цитрусовые. Районы рисовых плантаций получили характерные названия «Новая Италия» и «Новая Ломбардия». В 1938 году семья латифундистов Данте Кузи – самые богатые люди не только Мичоакана, но и, возможно, всей Мексики потеряли свои земли. При этом Кузи были передовыми и культурными хозяевами – они строили для рабочих больницы и школы. Это признал в письме и сам президент. Однако Карденас попросил Кузи подготовиться к конфискации, так как у помещичьего землевладения нет будущего. В ноябре 1938 года пеоны и крестьяне получили асиенды Кузи полностью: с инвентарем и хозяйственными постройками.

1375 новых собственников были объединены в пять «эхидос», которые получили кредитную поддержку. Первую прибыль кооператоры потратили на бассейн и стадион. В 40-е годы «эхидос» фактически развалились, а их долги Банку эхидального кредита по настоянию Карденаса были, по сути, списаны.

В 1939 году Карденас добрался и до немцев, которые контролировали плантации кофе в южном штате Чьяпас и варварски эксплуатировали коренное индейское население. Кооперативы появились и в этом штате.

Восстановив историческую справедливость, Карденас в октябре 1937 года вернул в Соноре 17 тысяч гектаров орошаемых земель индейцам яки²¹. При Кальесе и Обрегоне это было бы просто невозможно, ибо Обрегон сам отбирал у индейцев плодородные орошаемые земли, на которых вел свой

²⁰ Evans S. Bound in twine: the history and ecology of the henequen-wheat complex for Mexico and the American and Canadian plains 1880–1950. College Station, Texas A&M University Press, 2007. P. 191

²¹ Ruiz R. E. Triumphs and Tragedy. A History of the Mexican People. New York, 1992. P. 399

бизнес. Сопротивление яки жестоко подавлялось при Обрегоне и Кальесе «революционной» армией. Теперь они получили возможность выращивать на орошаемых землях рис и пшеницу.

В 1935 году Карденас распределил в Соноре 1 923 456 га земли среди 110 286 крестьян, в 1936 году – 3 985 700 га среди 183 194 крестьян, в 1937 году – 5 811 893 га среди 199 347 крестьян.²²

Аграрная реформа в Соноре – политической вотчине Кальеса – была самым тесным образом связана с политической борьбой Карденаса против «хефе максимо». Ведь в отличие, например, от Юкатана, помещиками в Соноре были в основном «революционеры», получившие громадные латифундии из рук Обрегона и Кальеса. Только в декабре 1935 года, когда Кальес перешел к открытому противостоянию, в Соноре было распределено 700 тысяч га земли между 42 368 эхидатариями – что составляло 6% земель, переданных крестьянам за весь период, начиная с 1915 года²³.

Аграрная реформа Карденаса, пик которой пришелся на 1936–1937 годы, коренным образом изменила структуру землепользования в Мексике. Президент за время нахождения на посту передал крестьянам-общинникам (включая коллективные «эхидос») 18,4 миллиона гектаров земли, в том числе в 1936 году – 3,9 миллиона, в 1937 году – 5,4 миллиона, в 1938 году – 3,2 миллиона, в 1939 году – 2 миллиона и в 1940 году – 1,3 миллиона га²⁴.

Если в 1930 году общинники-эхидатарии составляли примерно 15,5% сельскохозяйственного населения, то в 1940 году – 41,8%²⁵. Общая доля «эхидос» в пахотных землях страны выросла с 13,3% до 47,4%. Важно отметить, что при Карденасе резко улучшилось и качество выделяемых общинам земель. Например, в 1930 году «эхидос» владели лишь 13,1% орошаемых площадей, а в 1940 году – уже 57,3%²⁶.

До Карденаса общинам не предоставляли никакого инвентаря и фактически не помогали кредитными ресурсами, а в 1935–1940 годах ситуация кардинально изменилась. В 1930 году на «эхидос» приходилось лишь 3,7% капитала, инвестированного в аграрный сектор, а в 1940 году – 52,6%²⁷.

Следует подчеркнуть, что если до Карденаса эхидатариям давали мизерные наделы, с которых они едва могли прокормиться, то в 1934–1940 годах средний надел каждого общинника составлял уже около 17 га. Это (а также

²² Sanderson S. E. *Agrarian populism and the Mexican State: the struggle for Land in Sonora*. University of California Press, 1981. P. 115

²³ Sanderson S. E. *Agrarian populism and the Mexican State: the struggle for Land in Sonora*. University of California Press, 1981. P. 114

²⁴ Ruiz R. E. *Triumphs and Tragedy. A History of the Mexican People*. New York, 1992. P. 399

²⁵ Шульговский А. Ф. Мексика на крутом повороте своей истории. М., 1967. С. 247

²⁶ Tobler H. W. *Die mexikanische Revolution*. Frankfurt am Main, 1984. S. 587

²⁷ Tobler H. W. *Die mexikanische Revolution*. Frankfurt am Main, 1984. S. 587

активное кредитование «эхидос» Банком эхидального кредита) привело к тому, что общины впервые стали производить продукцию не только для себя, но и на рынок, опровергая все утверждения кальистов о нежизнеспособности и отсталости коллективного землепользования. С 1935-го по 1940 год товарность эхидального сектора выросла с 48 млн до 247 млн песо²⁸.

Аграрная реформа провалилась бы, не будь своевременного ее финансирования властями. Если в 1936 году (первый год своего существования) Банк эхидального кредита предоставил общинам 23,3 миллиона песо, то в 1938 году – уже 63,4 миллиона²⁹. При этом банк кредитовал не только коллективные «эхидос», но и отдельных общинников в «эхидос» старого типа. Всего доступ к кредитам получили около 300 000 общинников. Деньги Банк эхидального кредита занял у Банка Мексики под залог урожая (рискованная с точки зрения того времени банковская операция).

Помогли, хотя и против своей воли, профинансировать аграрную реформу и американцы. Как уже упоминалось, в 1934 году в США был принят специальный закон о закупке серебра за границей. Эта мера задумывалась для того, чтобы закупать серебро за доллары (которым тогда в мире мало кто доверял) и заставить продавцов серебра закупать товары в США – и тем самым помочь американской экономике выбраться из кризиса. Серебро закупалось США по искусственно завышенной цене, и Мексика получала с каждой проданной унции 36% прибыли. В январе 1936 года мексикано-американское соглашение о закупках серебра было продлено по обоюдному желанию сторон³⁰.

США также предоставили Мексике доступ к средствам своего стабилизационного фонда для поддержания фиксированного курса мексиканского песо к доллару. Министр финансов Мексики Суарес предал своему американскому коллеге Моргентау благодарность Карденаса за тесное сотрудничество в финансовой сфере.

Аграрная реформа Карденаса, возможно, была бы менее радикальной, если бы не ожесточенное сопротивление имущих классов против любых попыток перераспределения земли. Это сопротивление ставило под удар политический авторитет государства и вынуждало президента идти на экстренные меры, заключавшиеся в ускоренном проведении аграрной реформы в тех районах, где противники режима были наиболее активными, – например в Соноре и Юкатане.

Тем не менее класс помещиков, понеся громадные потери, никуда не исчез, и в 1940 году в Мексике имелась 301 латифундия с площадью земель

²⁸ Шульговский А. Ф. Мексика на крутом повороте своей истории. М., 1967. С. 252

²⁹ Tobler H. W. Die mexikanische Revolution. Frankfurt am Main, 1984. S. 587

³⁰ Schuler F. E. Mexico between Hitler and Roosevelt. Mexican Foreign Relations in the Age of Lázaro Cárdenas 1934–1940. University of New Mexico Press, 1998. P. 43

свыше 40 тысяч га (15% всех сельскохозяйственных угодий более 5 га). Еще 32% земли приходилось на крупные поместья площадью от 20 тысяч до 40 тысяч га (таких было 420). В то же время в стране было 928 543 надела площадью менее 5 га, причем из этого количества 497 378 наделов – даже меньше одного гектара, что не позволяло тому, кто этот надел обрабатывал, прокормить семью³¹.

Коллективный сектор при Карденасе так и не стал преобладающим в мексиканском сельском хозяйстве. Всего производственных кооперативов насчитывалось 647, и в них работали 53 969 человек. Площадь кооперативов составляла примерно 6% всех земель, распределенных в ходе аграрной реформы.

Карденас создавал кооперативы, скорее исходя из технологической необходимости: производство некоторых технических культур, прежде всего хлопка и хенекена, требовало крупных механизированных хозяйств. Но если Кальес считал, что плантации таких культур вообще надо изъять из аграрной реформы, то Карденас удачно соединил принцип социальной справедливости и производственной необходимости, создав сельскохозяйственные кооперативы.

В 1937 году президент внес в Аграрный кодекс поправки, которые гласили: «В тех эхидо, которые заняты производством сельскохозяйственных культур, требующих промышленной переработки, прежде чем их продать, что, естественно, вызывает необходимость таких капиталов, каких не имеется у отдельных эхидатариев, в этих эхидо производство будет организовано на коллективных началах. Эту систему необходимо применять во всех случаях, когда это требуется для лучшего развития эхидального хозяйства»³².

В сельском хозяйстве многих европейских стран кооперативы были обычным делом. Тем не менее противники Карденаса поспешили обвинить президента в насаждении коммунистических экспериментов на селе. Об этом писал, например, бывший министр в правительстве Каррансы Луис Кабрера в своей книге с характерным наименованием «Коммунистический эксперимент в Мексике», выпущенной в 1937 году.

Карденас, признавая силу антикоммунистических предрассудков в стране, в публичных выступлениях повторял, что аграрная реформа базируется не на иностранных идеях, а на мексиканских традициях. Ведь «эхидос» существовали в Мексике еще до прихода испанцев, и ничего «исконнее» даже нельзя было себе представить.

Кооперативы сами доказали всем не только свою жизнеспособность, но и преимущество перед мелким собственником. В Лагуне в 1925–1936 годах обрабатывалось 114 609 га земли, а в 1936–1941 годах – 135 697 га. В 1938 году из собранного хлопка на долю волокна высшего качества приходилось

³¹ Шульговский А. Ф. Мексика на крутом повороте своей истории. М., 1967. С. 254

³² Шульговский А. Ф. Мексика на крутом повороте своей истории. М., 1967. С. 267

9,68%, а в 1939-м – уже 18,77%. В целом в 1935–1940 годах производство хлопка в кооперативных хозяйствах выросло на 64,69%, риса – на 34,56%, хенекена – на 19,45%, кофе – на 14,26%³³. Если в 1930 году общины и кооперативы производили 1% хлопка, то в 1940 году – 70%.

В кооперативах было 450 тракторов, 4337 сеялок различных типов, 136 грузовых машин, 373 железнодорожные платформы и т.д. Общая стоимость сельскохозяйственной техники на один гектар земли была в 1940 году в пять раз выше, чем десятью годами ранее³⁴. Во многих кооперативах, в том числе и в Лагуне, строились новое жилье, больницы и школы. Таким образом, изменился не только характер труда вчерашних батраков – изменилась и сама их жизнь.

Аграрную реформу Карденаса в целом и создание коллективного сектора в сельском хозяйстве в частности стоит оценить как громадный успех хотя бы потому, что столь радикальное преобразование отношений собственности на селе не привело к предрекавшемуся помещиками падению сельскохозяйственного производства. И это несмотря на крайне засушливые 1936–1938 годы. Производство продуктов питания в 1925–1940 гг в Мексике выросло на 50%, что было блестящим успехом и доказательством правильности аграрной реформы³⁵.

Кооперативные формы землепользования привели не только к повышению урожайности основных культур, но к стабильности доходов членов общин и коллективных «эхидос». Теперь крестьяне уже не боялись, что неурожай или болезни растений заставят их голодать. Если в 1934–1935 годах средние зарплаты сельскохозяйственных рабочих в Лагуне соответствовали средним по Мексике, то в 1939 году они были на треть выше³⁶.

Основной проблемой реформы была чересполосица в нарезке кооперативов, когда в их земли вклинивались угодья бывших помещиков, ставших «мелкими собственниками». Как и раньше, помещики перед конфискацией земли пытались раздробить свои латифундии и записать их часть на родственников и подконтрольных батраков. Чересполосица (в Лагуне ее называли «головоломкой») затрудняла эффективное применение техники на полях. В случае с Юкатаном чересполосица объяснялась еще и неравномерным распределением по полуострову машин, расщеплявших волокно.

В засушливой Лагуне в руках бывших помещиков осталось более половины колодцев (600). 500 кооперативных колодцев теперь должны были орошать уже не 70 тысяч га земли, как раньше, а вдвое больше.

³³ Шульговский А. Ф. Мексика на крутом повороте своей истории. М., 1967. С. 272

³⁴ Шульговский А. Ф. Мексика на крутом повороте своей истории. М., 1967. С. 272

³⁵ Tobler H. W. Die mexikanische Revolution. Frankfurt am Main, 1984. S. 592

³⁶ Mexico since Independence. Edited by Leslie Bethell. Cambridge University Press. 1998. P. 260

Главной экономической проблемой кооперативного сектора было то, что производимые им продукты, особенно, хенекен и хлопок, шли на экспорт в США³⁷. Поэтому кооперативы очень зависели от конъюнктуры американского рынка. А в США в 1937 году начался новый экономический спад³⁸. Мексиканская промышленность не могла заменить американскую в силу своей неразвитости.

К тому же в Юкатане пострадавшие от аграрной реформы американские компании попросту бойкотировали продукции кооперативов. Губернатор штата Юкатан Канто говорил, что американцы пытались «задушить стремление крестьян к освобождению, сбивая цены на хенекен»³⁹.

В своем отчете за 1938 год Банк эхидального кредита признавал, что сильная конкуренция частных собственников мешает развитию кооперативного движения.

Логичным путем здесь было бы создание мощного государственного сектора в обрабатывающей промышленности, который гарантировал бы кооперативам сбыт их продукции по стабильным и предсказуемым ценам. Но на это правительство Карденаса не пошло.

Президент, как будет показано ниже, в принципе поддерживал экспроприацию частных предприятий ради общественных нужд, но рассматривал такие меры, как единичные, – там, где собственники не выполняли требований законодательства. Мексике же был нужен настоящий рывок – создание новых производств и коренная реконструкция старых. Для этого требовались солидные финансовые средства, а их не было. Только безвозмездная экспроприация могла бы создать в стране значимый государственный сектор в тот период.

Интенсификация аграрной реформы столкнулась с предсказуемым ростом сопротивления помещиков, которое не прекращалось и в 20-е годы. Практически из всех штатов страны приходили сообщения об убийствах активистов «эхидос». Особенно доставалось учителям, активно пропагандировавшим на селе необходимость аграрной реформы. В 1936 году сообщения об убийствах учителей и подрыву зданий школ приходили из штатов Халиско, Нуэво-Леон, Идальго, Пуэбла, Юкатан, Морелос, Керетаро, Веракрус⁴⁰. В январе 1936 года более 30 тысяч учителей страны из многих штатов объявили забастовку в знак протеста против задержки зарплаты и преследований со стороны местных властей. Однако и сама

³⁷ Правда, как раз в 1936–1938 годах мировые цены на хлопок были неплохими.

³⁸ С августа 1937-го по июнь 1938 года индекс промышленного производства в США упал на 35%. Только осенью 1937 года работу в Америке потеряли 3 миллиона человек.

³⁹ Шульговский А. Ф. Мексика на крутом повороте своей истории. М., 1967. С. 276

⁴⁰ Elizaga R. S. Los Codigos Ocultos del Cardenismo. Mexico, 1996. P. 117

забастовка была в некоторых местах использована для репрессий против педагогов – губернатор Халиско Топете уволил 400 учителей, якобы как коммунистов⁴¹.

В 1936 году из штата Герреро в правительство Мексики пришло шесть запросов с требованием разоружить местные «белые банды», из Халиско – пять, из Мичоакана – четыре. Командиры армейских частей, призванные защищать крестьян от белых банд, зачастую эти банды, наоборот, поддерживали, так как многие генералы и старшие офицеры в 20-е годы успели превратиться в крупных землевладельцев.

Карденас реагировал на сообщения о росте насилия на селе двояко. Во-первых, в районах наиболее интенсивного распределения земли крестьянам раздавалось оружие. Например, посол США в Гватемале сообщал в государственный департамент, что в соседнем мексиканском штате Чьяпас крестьяне получили от правительства 3000 винтовок.

Во-вторых, весь 1936 год Карденас продолжал тасовать командующих военными зонами, чтобы они не образовали единый фронт на местах с имущими классами. Только в июле – августе 1936 года (начало радикальной аграрной реформы в Лагуне) Карденас сменил 10 командующих военными зонами (в том числе и в самой Лагуне – штате Коауила).

Примечательно, что когда Карденас приезжал на места и лично контролировал распределение земли, его не сопровождал министр сельского хозяйства Седильо, оппозиция которого коллективным формам землепользования была хорошо известно. Карденас, однако, не побоялся ввести общинные формы и в «фамильном» штате Седильо Сан-Луис-Потоси. Седильо пришлось сквозь зубы приветствовать то, что его ветераны становятся общинниками.

Карденас противопоставил оппозиции генералов и помещиков единую крестьянскую организацию Мексики, которая создавалась под прямым патронажем правительства. 28 августа 1938 года была учреждена Национальная крестьянская конфедерация (НKK) Мексики, в которой объединились около 3 миллионов крестьян и сельскохозяйственных рабочих. Первым президентом НKK стал уроженец Сан-Луис-Потоси Грасиано Санчес, по образованию – учитель. Он родился в 1890 году, участвовал в революционном движении с 1915 года и был активным соратником основателя первой общенациональной крестьянской организации – Национальной крестьянской лиги – коммуниста Урсуло Гальвана.

С самого начал Карденас использовал аграрную реформу и для подрыва влияния иностранных, прежде всего американских компаний в Мексике.

Показательным в этом смысле является случай с американской компанией «Лагуна Корпорейшн», которой принадлежало 604 тысячи акров

⁴¹ Elizaga R. S. Los Codigos Ocultos del Cardenismo. Mexico, 1996. P. 119

земли в прибрежной части Лагуны⁴². Для Карденаса эта территория была важна сразу по нескольким соображениям. Во-первых, в этом районе были разведаны солидные запасы нефти, но «Лагуна Корпорейшн» добычей не занималась. Во-вторых, зона владения американской компанией была приграничной и прибрежной и имела для Мексики военно-стратегическое значение на случай возможного вооруженного столкновения с теми же США.

«Лагуна Корпорейшн» была очень крепким орешком. У компании были налажены тесные связи с банковскими, медийными и правительственными кругами США. В частности, в ней был заинтересован американский медиамагнат Херст, а банки США охотно ссужали «Лагуну» в тяжелое время революционных потрясений в Мексике. Это объяснялось тем, что «Лагуна Корпорейшн» владела нефтеносными землями, имевшими огромный коммерческий потенциал (старые разработанные месторождения в Мексике уже начинали истощаться). Пока же «Лагуна Корпорейшн» производила каучук и древесную смолу, которую закупал гигант в области производства жевательной резинки в США «Ригли». В 1934 году прибыль «Лагуны» от продажи резиновых смол составила 83 652 доллара⁴³.

В 1935 году Карденас, используя законодательные акты об аграрной реформе, решил ликвидировать «Лагуну Корпорейшн». С 1935-го по 1939 год у компании было отобрано для распределения среди крестьян свыше 200 тысяч акров земли. «Лагуна» активно защищалась в судах, доказывая, что крестьян как таковых в этом покрытом лесами районе нет. Например, «поселок 47-й километр» получил на каждого из своих 31 жителя более 2000 акров земли⁴⁴.

Компания попыталась использовать для противодействия аграрной реформе своих рабочих, 85 из которых подписали петицию на имя губернатора штата. В ней утверждалось, что «поселок 47-й километр» вообще не является деревней, к тому же «Лагуна Корпорейшн» – ключевой экономический фактор прибрежного района Лагуны и только в 1938 году выплатила в виде заработной платы 542 491 песо.

Правительство Карденаса утверждало, что «Лагуна Корпорейшн» – монополия, мешающая развитию местной промышленности. В 1939 году «Лагуне» на три месяца пришлось прекратить все операции. Но к тому моменту Карденас уже готовился покинуть пост президента, а его преемник не разделял радикализма своего предшественника.

⁴² Hart J. M. *Empire and Revolution. The Americans in Mexico since the Civil War*. University of California Press, 2002. P. 384

⁴³ Hart J. M. *Empire and Revolution. The Americans in Mexico since the Civil War*. University of California Press, 2002. P. 386

⁴⁴ Hart J. M. *Empire and Revolution. The Americans in Mexico since the Civil War*. University of California Press, 2002. P. 386

Пример «Лагуны Корпорейшн» был характерным для «экономического национализма» Карденаса, принципа, который был закреплен в «шести-летнем плане» НРП.

Карденас лично руководил и конфискацией земель американских компаний в пограничном с США штате Нижняя Калифорния. Здесь американцам принадлежали не только самые лучшие земли, но и ирригационные сооружения. Для президента ликвидация американского засилья в штате имела первостепенное значение – США неоднократно обращались к Мексике с предложением «купить» Нижнюю Калифорнию, и Карденас опасался, что американские бизнесмены готовят почву для аннексии штата северным соседом. Ведь именно так Мексика потеряла Техас в 30-е годы XX века.

Пеоны в Нижней Калифорнии были так запуганы американцами, что отказывались брать землю и формировать кооперативы. Поэтому ряд первых «эхидос» пришлось формировать из крупье, официантов и парикмахеров, служивших в увеселительных заведениях для американцев. Но когда президент снова приехал в Нижнюю Калифорнию через два года, его уже встречали как героя. Матери протягивали Карденасу детей и кричали: «Дотронься до этого человека! Он дал нам землю!»

Американские собственники пострадали и от аграрной реформы в Соноре, когда индейцы яки получили назад отнятую у них ранее (и частично проданную американцам) орошаемую землю. В обмен на отказ от 300 га неорошаемой земли каждому американскому собственнику было обещано 100 га орошаемой, однако мексиканские власти своего обещания не выполнили. Посол Дэниэльс попытался оказать давление на МИД Мексики, но в июне 1938 года земли в долине яки были все же переданы бывшим сельскохозяйственным рабочим.

В июне 1939 году президент приехал к индейцам яки и пообещал помощь правительства в строительстве дорог, складов и мостов. Отказал Карденас только в финансировании новых церквей.

Аграрной реформе в Соноре активно противодействовали не только американцы, но и губернатор штата Йокуписио, по традиции считавший яки отсталым и неспособным на прогрессивные формы ведения хозяйства народом. В октябре 1938 года полиция штата арестовала активистов КТМ, помогавшим индейцам получать землю. Индейцев (в том числе и женщин) избивали и угрожали смертью, если они осмелятся принять землю. Воинственные яки взяли за оружие для самозащиты, и в регион пришлось срочно выехать министру обороны Авила Камачо, разоружившему часть индейцев. Во время предвыборной кампании 1940 году, уже будучи кандидатом в президенты, Авила Камачо заменил командующего войсками в Соноре, который, по его мнению, излишне симпатизировал индейцам⁴⁵.

⁴⁵ Sanderson S. E. Agrarian populism and the Mexican State: the struggle for Land in

«Эхидос» в Соноре должно было формировать не федеральное, а местное правительство. Но на деле губернатор, ярый противник коллективных форм ведения хозяйства, заставлял крестьян дробить кооперативы и брать мелкие участки в частную собственность. Такую позицию исподтишка поощряли и американцы.

В Соноре многие, даже учителя, считали, что индейцы яки не хотят работать, что они привыкли только воровать и пьянствовать.

Карденас, в отличие от сонорских властей и большей части белого населения штата, верил в светлое будущее коренных жителей Мексики. Он говорил: «Это неправда, что индеец является препятствием на пути своего собственного развития и что он безразличен к прогрессу. И если он лишь изредка показывает свои чувства счастья или грусти, пряча свои эмоции как финкс, то это потому, что он привык быть забытым»⁴⁶.

В октябре 1937 года заместитель министра иностранных дел Рамон Бетета (близкий соратник Карденаса, женатый на американке) собрал американских консулов в Мексике и дипломатов посольства США в Мехико, чтобы разъяснить им цели аграрной реформы. Бетета недвусмысленно заявил, что аграрная реформа проходит под девизом «Мексика – для мексиканцев» и на компенсацию американским собственникам рассчитывать не стоит. Мексика лишь возвращает себе свое главное национальное достояние – землю.

Американцы ответили на ускорение земельной реформы более интенсивным давлением на правительство Мексики с требованием как можно быстрее выплатить экспроприированным собственникам земли – гражданам США – стоимость конфискованных у них угодий, причем в твердой валюте. В апреле 1935 года в Мехико начались соответствующие двусторонние переговоры, однако через 4 месяца они были приостановлены без всякого результата.

7 и 15 декабря 1936 года с Карденасом встретился посол Дэниэльс. Он убеждал президента прекратить давление на американских собственников, которые ведут бизнес в Мексике на протяжении уже двух поколений. Они инвестировали большие средства в развитие агротехнической культуры и улучшение качества земли. Карденас возразил, что за время своего пребывания в Мексике американцы получили такую прибыль, что с лихвой компенсировали все свои капиталовложения. К тому же, подчеркнул президент, правительство Мексики намерено инвестировать все свободные средства в социально-экономическое развитие страны, и американским собственникам придется подождать.

Sonora. University of California Press, 1981. P. 117

⁴⁶ Krauze E. Mexico. The Biography of Power. A history of Modern Mexico 1810–1996. New York, 1997. P. 468

Независимая линия мексиканских властей жестко критиковалась многими депутатами американского Конгресса, подчас в весьма оскорбительной форме. Например, в апреле 1938 года член палаты представителей Пламли говорил: «Мексике надо преподать урок дисциплины. Твердый дипломатический, если возможно. Если нет – то военный... Мы имеем дело с бесчестной страной, со страной без морали... Тедди мыслил правильно: владей или контролируй эту территорию»⁴⁷.

«Экономический национализм» играл далеко не последнюю роль и в отношении Карденаса к рабочим и предпринимателям.

Основание КТМ и разгром «максимата» привели весной – летом 1936 года к росту забастовочного движения. Рабочие чувствовали свою силу (а после Монтеррея и поддержку президента) и старались добиться от своих хозяев более выгодных условий труда, прежде всего повышения заработной платы. Если в 1934 году отмечалось в среднем 16,4 забастовки за месяц, то в 1936 году 55,5 – наивысший показатель за все время пребывания Карденаса у власти.

Однако Карденас относился к различным забастовкам по-разному. Правительство не возражало против стачек, если хозяева нарушали Трудовой кодекс. Причем, в отличие от Кальеса, стремившегося подавлять стачки на иностранных предприятиях, Карденас забастовки на этих предприятиях даже поощрял. Но правительство, как и при Кальесе, очень чувствительно реагировало на прекращение работы стратегических предприятий, прежде всего железных дорог.

Профсоюз железнодорожников, который вошел в КТМ, был одним из самых боевых в Мексике. Переговоры, которые он начал с администрацией по заключению нового коллективного договора, к успеху не привели, и на 18 мая 1936 года была назначена всеобщая забастовка 45 тысяч железнодорожников⁴⁸. Рабочие рассчитывали на поддержку правительства и просчитались.

Федеральная комиссия (хунта) по урегулированию трудовых споров признала забастовку незаконной. Решение было вынесено даже без заслушивания аргументов рабочих и заготовлено заранее. Делегацию железнодорожников пригласили в комиссию, только чтобы подписать его.

Забастовочный комитет по рекомендации руководства КТМ решил не начинать стачку, чтобы не ссориться с правительством, которое угрожало применить против забастовщиков армию. Ломбардо Толедано уговаривал железнодорожников пожертвовать своими интересами ради поддержки режима Карденаса. Такая позиция КТМ вызвала резкое недовольство во многих профсоюзах. Высказывалось мнение, что Ломбардо Толедано хочет

⁴⁷ Пламли имел в виду президента США Теодора Рузвельта, практиковавшего в отношении Латинской Америки политику «большой дубинки».

⁴⁸ Шульговский А. Ф. Мексика на крутом повороте своей истории. М., 1967. С. 295

играть при Карденасе такую же роль, какую Моронес играл при Кальесе (будущее показало, что эта точка зрения была верной).

В срыве забастовки железнодорожников большое значение имела позиция лидера НРП Портеса Хилья, который после отъезда Кальеса в США превратился в основного противника организованного рабочего движения и КТМ, которую он обвинял в «коммунистических тенденциях». Официальный орган НРП газета «Эль Насиональ» заготовила сразу два номера на случай забастовки железнодорожников. В одном хвалили патриотизм рабочих, отказавшихся бастовать, другой, критиковавший их безответственность, вышел бы, если бы стачка все же состоялась⁴⁹.

КТМ для сохранения лица пришлось объявить 18 июня 1936 года генеральную забастовку солидарности с железнодорожниками. Вся экономическая жизнь страны была парализована на 15 минут. Рабочих поддержали студенты. КТМ продемонстрировала свою мощь.

Однако разочарование профсоюзов относительно позиции правительства длилось недолго. Летом 1936 года сорвались переговоры между профсоюзом электриков и хозяевами по вопросу заключения нового коллективного договора. Если рабочие-железнодорожники получали 61 сентаво в виде зарплаты с каждого песо прибыли, то электрики – лишь 17,5 сентаво. Поэтому они потребовали увеличения своей доли до 21 сентаво, что было довольно умеренной позицией, если учесть, что акционеры энергосетей (в основном иностранцы) получали с каждого песо 32 сентаво. За границу каждый год переводилось 30 миллионов песо прибыли.

Вот здесь Карденас мешать рабочим не стал.

Руководство энергетических компаний вести переговоры с профсоюзом отказалось, надеясь, что правительство Мексики, как и в случае с железнодорожниками, объявит забастовку незаконной.

16 июля 1936 года рабочие-электрики начали забастовку, охватившую столичный округ, а также штаты Мичоакан, Герреро, Идальго и другие. Портес Хиль направил президенту шифрованную телеграмму, предлагая запретить стачку, которая сопровождается «пагубной» (читай – коммунистической) агитацией. КТМ объявила стачку солидарности, к которой присоединились более 60 тысяч рабочих. 19 июля в Мехико прошли массовые митинги и демонстрации в поддержку электриков.

Противостояние показало всю необходимость образования единого профцентра – КТМ удалось собрать солидные средства, чтобы обеспечить семьи рабочих во время вынужденного простоя.

Возможно, позиция Карденаса относительно забастовки электриков окончательно сформировалась тогда, когда бастующие рабочие стали требовать национализации иностранных компаний. Забастовка была объявлена

⁴⁹ Шульговский А. Ф. Мексика на крутом повороте своей истории. М., 1967. С. 297

законной, а полиция и армия охраняли митинги стачечников. Когда компания отказалась вести с профсоюзом переговоры, Карденас пригрозил ее экспроприровать⁵⁰.

Это и стало решающим фактором успеха стачки. 25 июля 1936 года руководство «Компания де Лус» подписала с профсоюзом соглашение, по которому удовлетворялись основные требования рабочих.

Забастовка, а точнее, непримиримая позиция предпринимателей привела к тому, что были внесены изменения в Трудовой кодекс, обязавшие хозяев оплачивать праздничные дни. Это означало рост заработной платы на 16,66%.

Пример электриков оказался заразительным. В июле – октябре 1936 года забастовки охватили иностранные нефтяные компании «Уастека Петролеум», «Пирс Ойл», АСАРКО и «Эль Агила». В стачках участвовали более 5 тысяч рабочих. Забастовки сопровождались поджогами месторождений и убийствами некоторых представителей руководства компаний.

Бизнесмены, прежде всего американские, ответили на усиление забастовочной борьбы давлением на правительство, чтобы побудить его прекратить стачки. Например, американская компания «Стандард Фрут» пригрозила, что полностью уйдет из Мексики (она вела бизнес в штате Веракрус), если ее не защитят от «чрезмерных требований рабочих»⁵¹. Другие американские компании, например «Америкэн Сметтинг», пытались через суды добиться приостановления или отмены решений государственных арбитражных комиссий, но в основном безуспешно.

Под влиянием жалоб американского бизнеса в 1936 году изменилась тональность депеш посла Дэниэльса в Вашингтон. Он сообщал, что правительство Карденаса приступило к наступлению на частный бизнес, возможно, для того чтобы спровоцировать конфликт с США.

Особенно волновались нефтяные компании, помнившие явное недоброжелательное отношение к себе Карденаса, когда он в 1925–1928 годах командовал войсками в нефтеносном районе Мексики. Уже в середине 1935 года представители американского нефтяного бизнеса предупредили государственный департамент, что в Мексике не исключена национализация всей нефтяной промышленности и США надо подготовить ответные экономические санкции против Мексики⁵².

Сопротивление предпринимателей справедливым требованиям рабочих и их явное нежелание соблюдать положения Трудового кодекса вынудили президента в конце октября 1936 года внести в Конгресс проект закона об экспроприации, который был утвержден парламентом 23 ноября.

⁵⁰ Elizaga R. S. Los Codigos Ocultos del Cardenismo. Mexico, 1996. P. 128

⁵¹ Elizaga R. S. Los Codigos Ocultos del Cardenismo. Mexico, 1996. P. 129

⁵² Elizaga R. S. Los Codigos Ocultos del Cardenismo. Mexico, 1996. P.129

Закон формально развивал положения статьи 27 мексиканской Конституции, в которой говорилось, что общественное благо имеет приоритет перед частным. В нем уточнялось, как и по каким основаниям в Мексике может быть экспроприирована частная собственность. Оснований было много: в целях «общественного блага», для учреждения, поддержания и эксплуатации общественных служб (например, связи), для санации городов и портов, для строительства школ и больниц, для сохранения природы и памятников культуры, для удовлетворения общественных нужд в случае войны и беспорядков, для сохранения общественного спокойствия, для охраны и поддержания природных ресурсов, для создания предприятий, призванных удовлетворять общественные нужды, для создания населенных пунктов.

По закону, одобренному компартией как пример «революционного законодательства», можно было передать в собственность государства практически любое частное предприятие. Собственник получал право на обжалование решения об экспроприации, которое должно было быть опубликовано в открытой печати. Закон предусматривал и другие меры – например временное управление или секвестр.

В законе провозглашалось, что государство обязано выплатить собственнику компенсацию, однако предприниматели в это не верили, тем более что порядок компенсации не детализировался. К тому же сумма компенсации базировалась на стоимости имущества, которое сами предприниматели предоставляли государственным органам для целей налогообложения, а эта стоимость практически во всех случаях была заниженной.

Не случайно против закона об экспроприации выступили все организации мексиканских и иностранных предпринимателей – Конфедерация предпринимателей Мексиканской республики, Конфедерация торгово-промышленных палат, Ассоциация банкиров. Давление предпринимателей на правительство отмечал в своих депешах в Вашингтон посол Дэниэльс.

Исполняющий обязанности госсекретаря США Мур в депеше Дэниэльсу расценил закон как дающий право мексиканскому правительству на неограниченную экспроприацию частной собственности, в том числе и иностранной. Дэниэльс получил указание немедленно встретиться с Карденасом и получить заверения, что закон не будет применяться к американским гражданам. Президент принял посла, но требуемых гарантий не дал.

В поддержку закона выступили НРП, КТМ и компартия. Газета коммунистов «Эль Мачете» верно писала, что Карденас с помощью закона пытается создать в мексиканской экономике государственный сектор, чтобы поставить промышленность на службу целям индустриализации страны⁵³. Полностью же обобществить средства производства президент вовсе не стремился.

⁵³ Шульговский А. Ф. Мексика на крутом повороте своей истории. М., 1967. С. 171

Несмотря на неоднократно предрекавшуюся предпринимателями катастрофу, с мексиканской экономикой в 1935–1936 годах ничего страшного не случилось. Скорее наоборот. В 1934 году ВВП Мексики составил 4151 миллион песо, в 1935 году – 4540 миллионов, а в 1936-м – 5369 миллионов. Такие темпы роста не сильно отличалась по масштабам от времени правления Абелярдо Родригеса, но при нем в стране было гораздо меньше забастовок и аграрная реформа масштабно не проводилась. Устойчиво рос и мексиканский экспорт: в 1934 году он равнялся 178,8 миллиона долларов, в 1935-м – 208,6, а в 1936 году – 215,4 миллиона. Докризисного уровня 1929 года (274,7 миллиона долларов) этот показатель не достиг, но это было связано с трудностями не мексиканской, а мировой экономики (прежде всего американской).

Основным вопросом мексиканской внешней политики 1936 года была разразившаяся 18 июля 1936 года гражданская война в Испании. Многие мексиканцы ничего не знали о военном мятеже в стране своих предков почти целую неделю: в Мексике бастовали электрики, и газеты не выходили. Исключение составляла правая «Эксельсиор», у которой был дизель-генератор, позволявший выпускать газету, хотя и в уменьшенном масштабе⁵⁴.

Выход газет возобновился 25 июля 1936 года, и правительственная «Эль Насиональ» сразу и полностью встала на сторону законного правительства Испанской республики. Как и советские газеты, она публиковала военные коммюнике только официальных властей. «Эксельсиор» тоже печатала сводки республиканцев, но обязательно делала ссылку, что это не информация самой газеты.

Карденас находился на момент мятежа Франко в поездке по стране и некоторое время хранил молчание. Посол Испании в Мехико впоследствии сделал вывод, что на президента могла произвести впечатление распространяемая мятежниками и их покровителями дезинформация, что испанская армия восстала якобы в поддержку республики, против анархии. Однако Карденас быстро разобрался в ситуации, и Мексика стала единственной кроме СССР страной, немедленно оказавшей конкретную помощь Испанской республике.

Еще до Карденаса, 19 июля 1936 года с заявлением о полной поддержке испанской республики выступила НРП. Причем в подписанном лидером партии Портесом Хилем заявлении говорилось о схожести путча Франко с кровавым переворотом генерала Уэрты в Мексике в феврале 1913 года, в борьбе против которого и победила мексиканская революция⁵⁵.

⁵⁴ Matesanz J. A. Las raíces del exilio. Mexico ante la Guerra civil Espanola. Mexico, 1999. P. 35–36

⁵⁵ Matesanz J. A. Las raíces del exilio. Mexico ante la Guerra civil Espanola. Mexico, 1999. P. 54

Естественно, в поддержку испанского Народного фронта выступили все левые мексиканские партии и организации. 26 июля 1936 года в столичном театре «Принсипаль» был создан массовый митинг солидарности с народом Испании, в котором приняли участие КТМ, МКП и представители испанских левых организаций. 2 августа митинг солидарности с Испанией прошел уже на главной площади Мехико, Сокало, и собрал более 4 тысяч человек.

Однако уже выступления и резолюции митинга 26 июля привели к поляризации в мексиканском общественном мнении. Правые и церковь не решались открыто поддержать военный мятеж в Испании, поскольку это говорило бы о том, что они вполне могут поддержать такой же мятеж и против левого мексиканского правительства. Однако, придравшись к резолюции митинга 26 июля, в которой приветствовалось создание в Испании вооруженной рабочей милиции, мексиканские правые стали бездоказательно утверждать, что такую же вооруженную милицию левые (особенно, конечно, коммунисты) хотят создать и в Мексике для захвата власти.

Действительно, на митинге 2 августа представитель компартии и КТМ Мигель Анхель Веласко предложил создать в крупных городах рабочую милицию, но не для борьбы против Карденаса, а, наоборот, в поддержку правительства Мексики, которое тоже успело пережить не один военный мятеж. Ничего подрывного в этом не было, если учесть, что сам Карденас раздавал оружие крестьянам, не слишком доверяя лояльности многих мексиканских генералов. К тому же в 1936 году в Мексике еще тлели очаги вооруженного сопротивления «кристерос» и постоянно велась подрывная деятельность со стороны кальлистов.

10 августа 1936 года «Эсельсиор» распространила ложную информацию о том, что рабочая милиция уже создана в Мехико на базе столичных таксистов, которые в ноябре 1935 года обратили в бегство «золотых рубашек». Синхронно, в этот же день лидер правого Союза ветеранов революции генерал Даниэль Зертуче направил Карденасу письмо, в котором говорилось, что находящиеся на содержании иностранной державы демагоги на «коммунистическом» митинге 2 августа «обвинили Национальную армию в неспособности защитить государственные институты» и призвали раздать рабочим оружие. Естественно, Союз ветеранов протестовал против такого «абсурдного» требования со стороны группы «иностранцев и коммунистов»⁵⁶.

Но Союз ветеранов нарвался на резкую критику со стороны Сената, члены которого обвинили людей Зертуче в том, что они обидели собравшихся на митинг рабочих, назвав их коммунистами. Интересно, что скандал вокруг письма «ветеранов» вызвал расслоение среди фракции НРП в Конгрессе и

⁵⁶ Elizaga R. S. Los Codigos Ocultos del Cardenismo. Mexico, 1996. P. 166

привел, в конце концов, к отставке лидера НРП Портеса Хиля, не согласного с заявлениями левых в Сенате.

Секретариат КТМ 11 августа опроверг фальшивку «Эксельсиор», а также распускаемые правыми столь же ложные слухи о том, что мексиканский пролетариат готовит всеобщую забастовку в знак солидарности с Испанией. В заявлении секретариата КТМ абсолютно правильно определялась цель всех ложных слухов: посеять недоверие «между армией и пролетариатом»⁵⁷. «КТМ, – отмечалось в заявлении, – полностью доверяет правительству во главе с генералом Ласаро Карденасом и верит в высокое чувство ответственности национальной армии».

В клеветнической кампании против компартии Мексики принял участие и военный атташе США в Мехико Маршберн (следивший за всеми проявлениями работы коммунистов, что было весьма странно для военного атташе). В октябре 1936 года он направил в Вашингтон якобы перехваченный им секретный циркуляр МКП, подписанный членом Центрального комитета партии Энрике Сарагосой. В документе содержалось указание об организации на местах вооруженной милиции, которая должна была следить за «кристерос», реакционными группами и лидерами правых сил, а также развернуть работу и в мексиканской армии⁵⁸.

Первым удалось создать в Мексике такой климат истерии вокруг несуществующей рабочей милиции, что КТМ попросила у правительства взять под охрану полиции штаб-квартиры профсоюза на местах, чтобы предотвратить вооруженные провокации.

Между тем прокатившиеся по всем крупным городам Мексики митинги солидарности с Испанией уже в августе привели и к материальным результатам. 6 августа 1936 года профсоюз железнодорожников постановил отчислить в пользу испанского народа часть заработной платы своих членов. Те, кто получал более 300 песо в месяц, перечисляли 2%, от 200 до 300 песо – 1,5%, от 100 до 200 песо – 1%. КТМ постановила создать в каждом штате Мексики комитеты солидарности с Испанией, которые должны были собирать средства для республиканцев. Следует подчеркнуть, что летом 1936 года столь массовое движение солидарности с Испанией отмечалось только в двух странах мира – в СССР и Мексике. Советские профсоюзы тоже собирали в помощь Испании большие суммы.

Сразу после того как стало ясно, что борьба в Испании затягивается, многие мексиканцы, как и граждане СССР, изъявили готовность поехать на Пиренеи, чтобы сражаться на стороне республики. 12 августа 1936 года в Мексике был образован Левый мексиканский легион, куда записались около

⁵⁷ Matesanz J. A. Las raíces del exilio. Mexico ante la Guerra civil Española. Mexico, 1999. P. 63

⁵⁸ Elizaga R. S. Los Codigos Ocultos del Cardenismo. Mexico, 1996. P. 165

800 человек, бывших бойцов Мадеро, Вильи и Сапаты. Резолюция Легиона был по-военному краткой: «1. Ехать в Испанию и помочь с оружием в руках народному правительству. 2. Собрать средства, чтобы не стать обузой. 3. Просить сеньора посла Испании предоставить транспорт, используя компанию «Трансатлантика»⁵⁹. Однако в тот период посол Испании в Мехико Гордон Ордас, видимо, полагал, что иностранные добровольцы не понадобятся. Испанской республике не хватало современного оружия, и эта нехватка стала особенно ощутимой, когда уже летом 1936 года силы мятежников получили подкрепление в виде германских и итальянских самолетов.

Посол Мексики в Мадриде генерал Мануэль Перес Тревиньо, соперник Карденаса в борьбе за пост президента в 1933 году, отдыхал, как и большинство его коллег, в момент мятежа на севере Испании в Сан-Себастьяне и не мог попасть в Мадрид, поскольку мятежники прервали сухопутное сообщение между севером и остальной частью республики. Поэтому свой первый запрос на поставку оружия испанское правительство направило через мексиканского посла во Франции.

В самой Мексике вторая половина августа 1936 года была беспокойной из-за разногласий между лидером НРП Портесем Хилем и президентом. Карденаса больше всего беспокоило, что Портес Хиль, имеющий определенную политическую опору в нескольких штатах, может пойти на открытый разрыв с правительством. Демарш вполне могли бы поддержать как кальисты, так и Сатурнино Седильо. Это было крайне невыгодно Карденасау в тот момент, когда он собирался начать широкомасштабную аграрную реформу в стране.

20 августа 1936, как упоминалось выше, Портес Хиль подал в отставку с поста лидера НРП. Его преемником стал верный соратник Карденаса, бывший министр внутренних дел Сильвано Барба Гонсалес. В Мексике ничего не произошло, за исключением нового облика газеты НРП «Эль Насиональ». Теперь она состояла из тематических рубрик, посвященных разным сторонам жизни страны: «Жизнь штатов», «Женская страница», «Жизнь и здоровье», «Военная страница», «Внешние дела» и т.д.

28 июля 1936 года испанский посол в Париже Фернандо де лос Риос передал своему мексиканскому коллеге, бывшему губернатору Веракруса Адальберто Техеде необычную просьбу. Уже с самых первых дней мятежа законное правительство Испании столкнулось с двучленной позицией так называемых демократических стран Запада. На словах они поддерживали правительство Испании, пришедшее к власти в результате свободных выборов, но на практике чинили всякие препятствия, не давая нормально закупать столь необходимое республике оружие. Поэтому Фернандо де лос Риос про-

⁵⁹ Matesanz J. A. Las raíces del exilio. Mexico ante la Guerra civil Espanola. Mexico, 1999.

сил, чтобы Мексика якобы для себя (а на самом деле для Испании) купила в Бельгии или Англии 10–12 бомбардировщиков, 25 тысяч бомб и 1500 пулеметов⁶⁰.

Уже на следующий день мексиканское правительство ответило согласием. МИД Мексики лишь потребовал от Техеды, чтобы сделка не вызвала негативных последствий в отношениях между Мексикой и Францией. Видимо, поэтому (то есть из-за противодействия Франции) она и не состоялась.

10 августа 1936 года Карденас записал в своем дневнике, что дал согласие на просьбу посла Испании в Мексике о продаже оружия и распорядился направить в Веракрус с целью последующей транспортировки в Испанию 20 тысяч винтовок калибра 7 мм и 20 миллионов патронов мексиканского производства⁶¹. Конечно, Испании были нужны самолеты, танки и орудия. Но ничего из этого Мексика не производила и сама зависела от США по данным видам вооружения. Танков в мексиканской армии вообще не было.

Тем не менее сам факт оперативной помощи сражавшейся Испании со стороны Мексики имел огромное значение в тот период, когда мир (за исключением СССР) явно не симпатизировал законному испанскому правительству.

Запрос испанского посла требовал срочной реакции, ибо 16 августа 1936 года в порт Веракрус прибыло испанское судно «Магальянес», принадлежавшее компании «Трансатлантика» и временно конфискованное испанским правительством для военных нужд. Это был редкий шанс быстро переправить оружие в Испанию. В порту Веракрус «Магальянес» встретила восторженная толпа рабочих, маршировавших с деревянными винтовками (многие шли босиком) под красным знаменем с серпом и молотом. Рабочие пели «Интернационал»⁶².

Против этой демонстрации 17 августа немедленно высказалась якобы неполитическая Конфедерация среднего класса. Вероятно, ее членам не понравились нападки на Гитлера и Муссолини, звучавшие на митинге в Веракрусе. Конфедерация голословно утверждала, что матросы «Магальянес» – опасные агитаторы и анархисты, недостойные представлять в Мексике «испанский менталитет».

23 августа 1936 года в 18.20 «Магальянес» с грузом оружия стоимостью примерно 3,5 миллиона песо отплыл в Испанию. По просьбе посла Испании в Мехико генерал Мухика предоставил кораблю двух мексиканских радио-

⁶⁰ Matesanz J. A. Las raices del exilio. Mexico ante la Guerra civil Espanola. Mexico, 1999. P. 114

⁶¹ Matesanz J. A. Las raices del exilio. Mexico ante la Guerra civil Espanola. Mexico, 1999. P. 115

⁶² Matesanz J. A. Las raices del exilio. Mexico ante la Guerra civil Espanola. Mexico, 1999. P. 117

телеграфистов (своим испанцы не доверяли). Мексиканское правительство пыталось сохранить отправку оружия в тайне, однако посол США Дэниэльс все же узнал об этом.

20 августа 1936 года – видимо, отнюдь не случайно – в Мексику с «дружеским» визитом прибыли два корабля береговой охраны США и один линкор.

К сожалению, Карденасу в очередном отчете перед мексиканским Конгрессом 1 сентября 1936 года пришлось отреагировать на поздравление одного из депутатов по поводу того, что мексиканское оружие отправлено в Испанию (присутствовавшего на сессии посла Испании встретили овацией), и, по сути, подтвердить этот факт. Для нацистской агентуры в Мексике не составило труда узнать, как именно это произошло.

7 сентября 1936 года на секретной сессии Сенат Мексики одобрил продажу оружия как шаг, полностью соответствующий идеалам мексиканской революции⁶³. Эта мера резко снизила и накал антикоммунистических сообщений правых газет, например «Эксельсиор», которые четко поняли, что президент занял недвусмысленную позицию по отношению к событиям в Испании. В этих условиях чрезмерные симпатии к франкистским мятежникам могли обернуться для правой печати административными репрессиями со стороны властей.

В конце сентября 1936 года «Магальянес», к удивлению капитана, спокойно прошел контролировавшийся мятежниками Гибралтарский пролив. Правда, мощный прожектор франкистов из Сеуты долго провожал мексиканский корабль, но на этом все и закончилось. В Средиземном море «Магальянес» стали конвоировать боевые корабли республиканцев, и казалось, что никаких опасных приключений так и не будет.

Однако корабль подвергся бомбардировке двух немецких самолетов со «свастикой» на крыльях. Немцы сбросили 30 стокилограммовых бомб, но промахнулись. Республиканский эсминец «Санчес Баркаистеги» и крейсер «Сервантес» открыли по самолетам зенитный огонь, и немцам пришлось подняться на высоту до 4000 метров, откуда бомбардировка была уже не столь опасной.

Во второй половине того же дня на «Магальянес» налетели уже итальянские бомбардировщики, сбросившие 16 бомб. Но итальянцы были еще хуже немцев в смысле летной квалификации, и «Магальянес», следуя зигзагом, уклонился от попаданий. В 16.45 мексиканский корабль вошел в Картахену, и республика получила столь долгожданное оружие.

Орвэлл утверждал позднее, что мексиканские винтовки попали на Арагонский фронт, который держали анархисты. Это весьма сомнительно –

⁶³ Matesanz J. A. Las raíces del exilio. Mexico ante la Guerra civil Espanola. Mexico, 1999. P. 122

в сентябре – октябре 1936 года все оружие шло под Мадрид, где решалась судьба республики. И так неплохо вооруженные анархисты в Арагоне сохраняли полное спокойствие, пока мятежники перебрасывали оттуда последние резервы, чтобы захватить столицу Испании. По воспоминаниям тогдашнего генерального секретаря Испанской социалистической рабочей партии (ИСРП) Хуана Видарте, оружие распределял лично премьер-министр Ларго Кабальеро, и оно попало милиции, пытавшейся сдерживать натиск отборных частей мятежников на Мадрид⁶⁴. Однако милиция не имела ни опыта, ни военной подготовки, поэтому много мексиканских винтовок были потеряны в боях или достались противнику. Часть винтовок поступила на вооружение интернациональных бригад, которые, в конце концов, и спасли Мадрид в ноябре 1936 года⁶⁵. Другую часть груза «Магальянес» осенью 1936 года республиканский флот доставил на северный фронт.

1 октября 1936 года испанский парламент на своей последней сессии в Мадриде овацией поблагодарил Мексику за столь своевременную помощь. 13 октября 1936 года военный атташе США в Мексике проинформировал свое начальство об отправке Мексикой в Испанию 8 миллионов патронов и 8000 винтовок⁶⁶.

В сентябре 1936 года посол Испании в Мексике Ордас договорился с американскими бизнесменами о закупке 50 самолетов, бомб, 5000 пулеметов «томпсон» и 400 французских пулеметов «гочкис». Один из продавцов заявил Ордасу, что у него есть разрешение на вывоз, но только не в Испанию. Ордас немедленно связался с Карденасом, и тот разрешил переправить оружие через Мексику. Но у Ордаса тогда не было денег – они появились позднее, когда СССР, используя золотой запас Испании, начал активно закупать для республики оружие.

В ноябре 1936 года послу Испании в Мехико удалось через подставных лиц закупить в США три самолета «Локхид»⁶⁷. Многочисленные посредники (в том числе и связанные с мафией) предлагали в США испанскому правительству любое вооружение за наличные деньги, и республиканцы создали в Вашингтоне специальную закупочную комиссию, в которую вошел и посол Испании в Мехико. 25 ноября 1936 года Ордас получил 3 миллиона фунтов стерлингов⁶⁸ и отбыл в Вашингтон для закупки оружия. По

⁶⁴ То же самое подтверждает в своих мемуарах президент Испанской республики Мануэль Асанья.

⁶⁵ Matesanz J. A. Las raices del exilio. Mexico ante la Guerra civil Espanola. Mexico, 1999. P. 135

⁶⁶ Elizaga R. S. Los Codigos Ocultos del Cardenismo. Mexico, 1996. P. 168

⁶⁷ Alpert M. A new international history of the Spanish Civil War. London, 1997. P. 108

⁶⁸ Деньги переводились через Великобританию, и тамошние банки всячески затягивали трансфер средств, ссылаясь на неясности с произношением имени получателя – «Ордас» или «Ордакс».

пути посол едва не погиб, когда его самолет совершил вынужденную посадку в Техасе. Из-за задержек с переводом денег Ордас не успел купить бомбардировщики, что было не столь обидно – в Испанию уже стали прибывать новейшие советские бомбардировщики СБ.

В декабре 1936 года у Ордаса было уже 9 миллионов долларов, переведенных через советский банк во Франции. Это была часть золотого запаса Испании, переправленного республиканским правительством в СССР⁶⁹. Кроме того, американский бизнесмен, президент компании «Вималерт Корпорейшн» Роберт Кьюз получил от советской торговой компании «Амторг» в США большие суммы денег на закупку оружия для Испании⁷⁰.

Ордас закупил в конце 1936 года 16 самолетов в США, и они были переправлены в Веракрус, где ждали okazji, чтобы отплыть в Испанию.

Администрация Рузвельта после нападения фашистской Италии на Эфиопию добилась принятия закона о запрете поставок оружия сторонам военных конфликтов (Акт о нейтралитете от 31 августа 1935 года). Однако в Испании шла внутренняя гражданская война, и этот закон в данном случае силы не имел. Тем не менее администрация США активно препятствовала американским компаниям, желавшим продать оружие в Испанию.

11 августа 1936 года Рузвельт объявил о «моральном эмбарго» на поставку оружия в Испанию – то есть о необязательном запрете, которого гражданам США рекомендовалось придерживаться добровольно. Это «моральное эмбарго», правда, не помешало компании «Тексако» продать мятежникам бензин, что сыграло огромную роль в войне – именно американским горючим управлялись немецкие и итальянские самолеты, бомбившие Мадрид.

Как только Рузвельт узнал о том, что американские самолеты попали в Мексику, он стал оказывать давление на Карденаса с тем, чтобы президент Мексики запретил транспортировку оружия в Испанию⁷¹. Не желая портить отношения с США, Карденас был вынужден дать заверения, что оружие не покинет Мексику без согласия страны-производителя, то есть США⁷².

В декабре 1936 года упоминавшийся выше Кьюз обратился в госдепартамент с официальной просьбой разрешить экспорт в Испанию оружия и

⁶⁹ Кстати, получение Ордасом денег убедительно опровергает бытующую до сих пор у не слишком серьезных исследователей версию, что СССР якобы попросту присвоил себе «испанское золото».

⁷⁰ Alpert M. A new international history of the Spanish Civil War. London, 1997. P. 111

⁷¹ Демократическая партия США, лидером которой был президент, зависела от голосов избирателей-католиков, а многие из них под влиянием церкви поддерживали франкистов. В ноябре 1936 года демократы выиграли промежуточные выборы в Конгресс, однако позиция администрации не изменилась.

⁷² Alpert M. A new international history of the Spanish Civil War. London, 1997. P. 108

снаряжения на 3 миллиона долларов. Госдепартамент был вынужден признать, что поставка оружия в Испанию законна, но заявил, что такая мера «не отвечает интересам» США и «непатриотична». Лицензии на экспорт были выданы Кьюзу 28 декабря 1936 года. Пытаясь сорвать поставку оружия, Рузвельт внес в Конгресс США предложение о распространении Акта о нейтралитете на гражданские войны. В то время как Кьюз готовил к отправке самолеты, Конгресс дебатировал инициативу президента⁷³. Корабли ВМС США находились в боевой готовности, чтобы сразу после принятия закона перехватить судно с оружием.

2 января 1937 года под давлением американцев временный поверенный в делах Мексики в США Луис Кинтанилья был вынужден сделать официальное заявление о том, что правительство Мексики не станет закупать в других странах оружие для отправки в Испанию. Если же американское оружие уже находится в Мексике, то без согласия США его не направят в Испанию⁷⁴. 3 января 1937 года МИД Мексики передало ноту схожего содержания посольству США в Мехико. Министр внутренних дел США в тот же день одобрительно отозвался о мексиканской политике, «добровольно» поддержавшей линию Рузвельта.

В то время как 403 депутата палаты представителей Конгресса США против одного одобрили предложение Рузвельта о распространении Акта о нейтралитете на гражданские войны (и тем самым фактически поддержали франкистов), корабль «Мар Кантабрико» с закупленным для Испании оружием на борту успел покинуть территориальные воды США. Корабль ускользнул из 3-мильных территориальных вод США за час до того, как палата представителей приняла свое решение. 13 января 1937 года «Мар Кантабрико» прибыл в Веракрус с огромным плакатом на мостике: «Слава Мексике. Тебя приветствует антифашистская Испания».

В феврале 1937 года с разрешения мексиканского правительства «Мар Кантабрико» отплыл из Веракруса, держа курс на Сантандер⁷⁵. Надо было успеть перебросить оружие на Северный фронт, пока корабли ВМС Англии в соответствии с решениями Лондонского комитета по невмешательству не начали полную блокаду северного побережья Испании, остававшегося под контролем правительственных войск. Успешный рейд «Магальянеса» несколько расслабил экипаж «Мар Кантабрико», хотя на подходе к побережью Испании корабль все же на всякий случай поднял флаг Великобритании, чтобы сбить с толку франкистов.

⁷³ Ордас уже оплатил 15 самолетов и заказал еще 41.

⁷⁴ Matesanz J. A. *Las raíces del exilio. Mexico ante la Guerra civil Espanola*. Mexico, 1999. P. 151

⁷⁵ По сообщениям мексиканских газет, на борту корабля было 8 самолетов, 50 оружий и 14 миллионов патронов.

Мятежники, однако, знали о приближающемся корабле и от агенты нацистов в Мексике, и даже из газет. Новейший крейсер франкистов «Канариас» три дня патрулировал подходы к Сантандеру, проверяя подозрительные суда. «Мар Кантабрико» шел без эскорта – ВМС республики к тому моменту были в Средиземном море. 8 марта 1937 года крейсер мятежников «Канариас» перехватил «Мар Кантабрико» и выстрелами из орудий вынудил его остановиться. На борту стали рваться боеприпасы, и корабль едва не затонул. Радист «Мар Кантабрико» успел передать сигнал SOS от имени якобы британского корабля, но поспешившие на выручку 4 английских эсминца опоздали.

Впоследствии «Мар Кантабрико» был зачислен во флот франкистов, а закупленное в США с таким трудом оружие досталось мятежникам. Команду корабля франкисты расстреляли.

Карденас неоднократно пытался побудить Рузвельта занять более активную позицию против массовой интервенции Германии и Италии в Испании на стороне Франко. 17 июня 1937 года мексиканский президент записал в своем дневнике: «Сегодня я направил новое послание господину президенту Рузвельту через наше посольство, прося его изучить форму, в которой правительство Соединенных Штатов может оказать моральное воздействие на европейские державы, чтобы прекратить вмешательство иностранных воинских контингентов во внутреннюю борьбу, которую ведет испанский народ.

Если бы Соединенные Штаты решили вмешаться путем дипломатических жестов, то борьба в Испании не продлилась бы так долго.

После того как мятежники победят в Испании, уже недалек будет тот день, когда Германия и Италия, вместе с военной кастой Испании, займут высокомерную позицию по отношению к народам Америки...

Россия не осталась безучастной к борьбе, она помогает легитимному правительству Испании.

Мексика также продолжает оказывать свою скромную помощь.

Мотив для помощи Мексики Испании? Солидарность с ее идеологией»⁷⁶.

Итак, Мексика продолжала оставаться единственной страной в мире, кроме Советского Союза, продолжавшей помогать Испанской республике. К октябрю 1936 года в Испанию отправились уже 240 мексиканцев (в том числе и лидер компартии Давид Альфаро Сикейрос), чтобы с оружием в руках защищать республику⁷⁷. Рабочие мексиканского государственного арсе-

⁷⁶ Gilly A. El cardenismo. Una utopia Mexicana. Mexico, 2001. P. 79

⁷⁷ Elizaga R. S. Los Codigos Ocultos del Cardenismo. Mexico, 1996. P. 169. В январе 1937 года Сикейрос, находившийся к моменту начала гражданской войны в Испании в США, прибыл в Испанию и прочел в университете Валенсии лекцию «Искусство

нала решили работать сверхурочно, чтобы на полученные средства оплатить оружие для Испании. Железнодорожники приняли постановление о бесплатной транспортировке грузов для Испанской республики.

В то же время «Эксельсиор» печатала материалы испанской фаланги и заявления различных правых мексиканских организаций в поддержку франкистов. Мексиканские правые считали, что в Испании, как и в Мексике, идет борьба между патриотами и безродными коммунистами. Конечно, в этом случае симпатии мексиканских правых были на стороне первых.

Кажется естественным, что Мексика и СССР, которые активно помогали Испании, должны были хотя бы на этой почве договориться о восстановлении нормальных дипломатических отношений, тем более что никаких проблем на этом пути уже не имелось. Мексиканские коммунисты активно поддерживали политику Карденаса. В свою очередь, самый массовый мексиканский профцентр КТМ с симпатией относился к Советскому Союзу, а его лидер Ломбардо Толедано постоянно ссылался, к месту и не к месту, на руководящие установки Коминтерна.

Посол Мексики в Испании, близкий друг первого советского полпреда в Мексике Станислава Пестковского Рамон де Негри предложил Карденасу восстановить дипломатические отношения с СССР, так как обе страны занимают абсолютно идентичные позиции по отношению к гражданской войне в Испании. Карденас не согласился с этим предложением, поскольку хотел избежать негативной реакции в странах Латинской Америки, «опасающихся обновленческого влияния мексиканской политики». Карденас считал также, что в то время как Мексика якобы помогает Испании бескорыстно, со стороны СССР в помощи Испании присутствуют «национальные амбиции»⁷⁸.

Однако восстановлению дипломатических отношений между двумя самыми прогрессивными режимами того времени помешали не только осто-

как оружие в борьбе». В феврале 1937 года Сикейрос (ему было уже 40 лет) вступил добровольцем в организованный коммунистами «Пятый полк» – лучшее соединение Испанской республики. За храбрость, проявленную в тяжелых боях на реке Харама, ему присвоили звание майора (в Мексике он был капитаном). Позднее Сикейрос возглавил 82-ю бригаду Народной армии под Теруэем, состоявшую из анархистов. Те встретили попытки нового командира навести порядок в бригаде полной обструкцией. Тем не менее даже во главе такой части Сикейросу удалось взять город Селадес к северу от Теруэля. Позднее Сикейроса назначили командующим 29-й дивизией Народной армии, в которой было 16 тысяч бойцов.

⁷⁸ Gilly A. El cardenismo. Una utopia mexicana, Mexico, 2001. P. 79-80. Из этого видно, насколько Карденас был в плену антикоммунистических предрассудков. Или точнее, учитывал эти предрассудки в других странах, особенно в США. Сталин пошел на помощь Испании неохотно именно потому, что считал эту страну абсолютно неважной с точки зрения внешней политики СССР. Его, как и Рузвельта, больше беспокоила агрессивная политика Японии на Дальнем Востоке.

рожная позиция Карденаса, но и приезд в Мексику Льва Троцкого, а также события в Москве.

Троцкий после выдворения из СССР в 1929 году жил во Франции и Норвегии. Он создал альтернативное объединение коммунистических партий – IV Интернационал, резко критиковавший Сталина и все, что происходило в СССР. Раскол в коммунистическом движении был особенно опасен на фоне успехов фашизма в мире. В Испании Троцкого поддерживала левая партия ПОУМ, также громогласно бичевавшая коммунистов, которые были основной силой Народной армии Испании.

Троцкий дошел до того, что обвинил Сталина в мятеже Франко. 23 апреля 1937 года он писал: «Установим еще раз основные факты. Армия Франко создана под прямым покровительством Асаньи,⁷⁹ т.е. Народного фронта, включая социалистических и сталинских, а затем и анархистских вождей. Затяжной характер войны есть прямой результат консервативно-буржуазной программы Народного фронта, т.е. сталинской бюрократии»⁸⁰. Несомненно, в то время подобного рода бредовые левацкие утверждения были только на руку врагам республиканской Испании.

В августе 1936 года в советской столице начался первый публичный судебный процесс против бывших лидеров ВПК(б) Каменева и Зиновьева, которых называли лидерами антисоветского троцкистско-зиновьевского центра и обвинили в том, что они вместе с Троцким хотят свергнуть в СССР существующий строй. Всех 16 подсудимых 24 августа приговорили к расстрелу.

Троцкий в этих условиях стал опасаться за свою жизнь и решил эмигрировать из Европы в США. Однако американцы не пожелали его у себя видеть, и тогда он попытался обосноваться в Мексике. Его приезд в Мексику Троцкого лоббировал Диего Ривера, в сентябре 1936 года вступивший в троцкистскую Международную коммунистическую лигу. Сикейрос заклеил Риверу как беспринципного оппортуниста, и на одном из митингов оба художника едва не начали стрелять друг в друга из пистолетов⁸¹.

В ноябре 1936 года Ривера получил телеграмму из Нью-Йорка от Аниты Бреннер, члена комитета в защиту Троцкого, с просьбой рассмотреть возможность приема Троцкого в Мексике (норвежское правительство готови-

⁷⁹ До того как стать президентом Испанской республики, Асанья был военным министром и лишил Франко командования, сделав его начальником военной академии. Тот же Асанья отправил Франко в фактическую ссылку командовать гарнизоном Канарских островов. Арестовать Франко Асанья не мог, так как никаких улик против этого генерала не было. Еще в начале 1936 года сам Франко колебался и не решался примкнуть к заговору военных.

⁸⁰ Бударйтскис И., Васильев М. Антология позднего Троцкого. М., 2007. С. 168

⁸¹ Marnham P. Dreaming with His Eyes Open: A Life of Diego Rivera. University of California Press, 2000. P.276

лось выслать его из страны и держало под домашним арестом). Ривера обратился к Карденасу и предложил свой дом для проживания Троцкого.

Карденас решил продемонстрировать всему миру независимость мексиканского правительства от Москвы и Коминтерна и уже 3 декабря 1936 года дал согласие на предоставление Троцкому политического убежища в Мексике. В письме министру иностранных дел Мексике Айю Карденас отмечал, что его решение продиктовано стремлением Мексики защитить свободу мысли. Кроме того, Мексика достаточно стабильна, чтобы выдержать на своей территории проживание такого пламенного революционного агитатора⁸². Видимо, принимая Троцкого, Карденас рассчитывал еще и на рост международного престижа Мексики.

В поддержку Троцкого активно выступала Социалистическая партия США, члены которой, узнав о предоставлении ему Мексикой убежища, устроили в Нью-Йорке митинг в честь Карденаса.

Интересно, что позиция Карденаса находилась в явном противоречии с точкой зрения Мексики на восстановление дипломатических отношений с СССР – мексиканцы требовали от будущего советского полпредства в Мехико как раз воздерживаться от пропаганды.

В любом случае, Карденас сделал свой выбор, и вполне естественно, что в Москве предоставление убежища Троцкому расценили как недружественный акт.

КТМ в своем заявлении подчеркнула, что не разделяет взглядов Троцкого, резко критиковавшего политику Народного фронта. КТМ также отмечала, что если все левые силы Мексики поддерживают правительство Карденаса, то «Троцкий уже одним своим присутствием воодушевляет группу своих адептов, которые предлагают немедленное вооруженное восстание и установление диктатуры пролетариата...»⁸³

Коммунисты расценили решение Карденаса как серьезный ущерб международному положению Мексики и вредный шаг с точки зрения помощи борющейся Испании. Они были более чем правы – приезд Троцкого помешал СССР и Мексике наладить тесное сотрудничество в деле содействия испанским республиканцам. Генеральный секретарь ЦК КПМ Лаборде заявил, что предоставление убежища Троцкому «противоречит интересам народа и правительства»⁸⁴.

В поддержку Троцкого выступили анархистский профцентр ВКТ и профсоюз нефтяников, где тоже были сильны анархо-синдикалистские тенденции. Диего Ривера назвал Лаборде «наймитом Сталина»⁸⁵.

⁸² Elizaga R. S. Los Codigos Ocultos del Cardenismo. Mexico, 1996. P. 171

⁸³ Elizaga R. S. Los Codigos Ocultos del Cardenismo. Mexico, 1996. P. 171

⁸⁴ Elizaga R. S. Los Codigos Ocultos del Cardenismo. Mexico, 1996. P. 172

⁸⁵ Ривера стал испытывать симпатии к троцкизму после визита в СССР в 1927 году, где

и США. Общественное мнение с ужасом узнавало, что столь любимый почти всеми мексиканскими интеллектуалами Советский Союз, по мнению Троцкого, превратился в кровавую контрреволюционную диктатуру «термидорианца» Сталина.

Прибыв в Мексику, Троцкий с удовлетворением написал, что СССР удивлен решением Карденаса предоставить ему политическое убежище.

Не будет преувеличением сказать, что именно деятельность Троцкого нанесла самый сильный удар по социалистическим и коммунистическим идеалам в Мексике и крайне высокому до тех пор престижу СССР в стране. Фразы Троцкого, что он остается коммунистом и поддерживает завоевания Октябрьской революции 1917 года, уже не играли никакой роли. После статей Троцкого правительство Карденаса вообще перестало рассматривать возможность возобновления дипломатических отношений между Мексикой и СССР. И это в то время, когда США, Англия и Франция пытались наладить взаимодействие с Москвой в деле отражения фашистской агрессии в Европе и на Дальнем Востоке.

Троцкий поселился в «Голубом доме» Диэго Риверы в предместье Мексики Койокан.

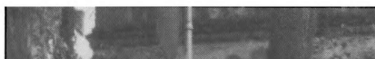
В феврале 1937 года Троцкий образовал комиссию IV Интернационала для проведения альтернативного международного судебного процесса, в котором сам он с готовностью предстал в роли обвиняемого. Троцкий даже предлагал, чтобы Мексика экстрадировала его в СССР (впрочем, не слишком серьезно – между Советским Союзом и Мексикой не было договора о правовой помощи).

«Суд» состоялся в Мехико в апреле 1937 года⁸⁹ и полностью оправдал Троцкого по всем пунктам обвинения, которые были предъявлены ему во время процесса в Москве в августе 1936 года. Решения суда были растиражированы мексиканской и американской прессой как новое доказательство преступности советского режима. Хотя некоторые американские видные публицисты (например, Карлтон Билс, член комиссии «контрпроцесса») справедливо отмечали, что организованный Троцким суд был не менее пристрастным, чем московский⁹⁰.

В мае 1937 года испанские троцкисты из ПОУМ при поддержке анархистов организовали мятеж в Барселоне и сняли с фронта свои части. Примечательно, что франкисты не стали наступать на оголенном участке фронта – радиостанция мятежников, наоборот, призывала поумовцев ско-

⁸⁹ В составе суда было 11 человек во главе с американским философом Джоном Дьюи. Материалы комиссии Дьюи активно публиковали и троцкисты в Испании.

⁹⁰ Когда Билс высказал точку зрения, что Троцкий готов везде и по любому поводу делать революции, в то время как Сталин – это зрелый государственный деятель, заботящийся об интересах СССР, Троцкий назвал его сталинистом.

что они заинтересованы только в делах на своем предприятии (в крайнем случае – на соседних).

Благодаря росту влияния компартии, которая всегда видела в профсоюзах инструмент для борьбы за интересы рабочего класса в целом, и была образована КТМ. Но именно рост влияния коммунистов практически во всех профсоюзах и не устраивал так называемую марксистскую группу бывших крестов во главе с Ломбардо Толедано.

Группа Толедано боролась против компартии испытанными еще со времен КРОМ методами – с помощью подлогов и манипуляций подтасовывались выборы профсоюзных комитетов, которые, в свою очередь, посылали на заседания Национального совета КТМ нужных Ломбардо Толедано делегатов. Особую активность в этом смысле развил оргсекретарь КТМ и активный антикоммунист Фидель Веласкес.

Компартия, следуя указаниям Коминтерна, вплоть до самоуничтожения терпела подрывную работу группы Толедано во имя сохранения единства профсоюзного движения. Но многие профсоюзы, в отличие от КПМ, не желали мириться с нарушениями демократических принципов в работе КТМ.

Уже в июне 1936 года на II пленуме Национального совета из КТМ вышел влиятельный профсоюз рабочих горнодобывающей и металлургической промышленности. Горняки обвинили группу Веласкеса – Толедано в попытке распустить их профцентр и подчинить местные профсоюзы своему влиянию⁹². Только уговоры коммунистов предотвратили еще более серьезный раскол – примеру горняков были готовы последовать и другие профсоюзы.

Группа Веласкеса – Толедано препятствовала развертыванию профсоюзной работы среди учителей и госслужащих, так как именно среди них было велико влияние коммунистов. Руководство КТМ отказывалось признавать учрежденные учителями профсоюзные ячейки и не принимало их в КТМ.

На выборах руководства отделений КТМ в штатах группа Толедано – Веласкеса навязывала кандидатов по согласованию с властями, а кандидатам от самих рабочих чинились разнообразные препятствия. В Лагуне (ключевом регионе Мексики с точки зрения проведения аграрной реформы) лидеры КТМ отказались признать выборы руководства профорганизаций, так как на них победили сторонники компартии или просто неугодные Веласкесу люди⁹³. Дело дошло до того, что Веласкеса и его сторонников изгоняли с профсоюзных собраний. Естественно, Толедано приписывал это справедливое негодование рабочих «подрывным проискам» компартии.

На III пленуме Национального совета зал заседания покинули электрики, обвинив Веласкеса в открытом мошенничестве. Тот по образцу аме-

⁹² Elizaga R. S. Los Codigos Ocultos del Cardenismo. Mexico, 1996. P. 141

⁹³ Шульговский А. Ф. Мексика на крутом повороте своей истории. М., 1967. С. 314

риканского АФТ создавал фиктивные профсоюзы, делегаты от которых поддерживали группу Толедано на сессии совета. В то же время реальные профсоюзы не могли прислать делегатов в Национальный совет, так как их квота была передана «бумажным» профорганизациям.

В январе 1937 года коммунисты собрались на свой VI съезд, который впервые с 1929 года проходил в легальных условиях в лучшем месте Мехико – театре «Идальго». Одновременно, в чем тоже был тонкий расчет Толедано, в Веракрусе открылись заседания IV пленума Национального совета КТМ.

Генеральный секретарь КПМ Лаборде с гордостью констатировал рост влияния КПМ практически среди всех групп мексиканского населения, за исключением крупных предпринимателей (большинство из которых в любом случае были иностранцами). Например, на Юкатане коммунисты пользовались большим авторитетом среди сельскохозяйственных рабочих, учителей, госслужащих, женщин и молодежи, то есть практически среди всех социально активных слоев населения штата. В родном штате президента Мичоакане за компартией шли учителя, женщины и горняки. В основном центре мексиканской нефтедобычи штате Тамаулипас компартию поддерживали железнодорожники, нефтяники, учителя, электрики и женщины. Практически те же самые группы населения были сторонниками компартии в цитадели мексиканского бизнеса – штате Нуэво-Леон.

Поэтому, несмотря на свою формально небольшую численность (около 2000 человек⁹⁴), коммунисты играли в Мексике чрезвычайно важную роль, так как эти 2000 членов были в руководстве многотысячных общественных организаций и профсоюзов. Причем коммунисты вели за собой именно те слои населения, на которые опиралось правительство Карденаса при проведении реформ. В этих условиях группа Толедано опасалась, что она может стать просто ненужной для правительства, – ведь Карденас, в отличие от Кальеса, не имел антикоммунистических предрассудков и был бы готов сотрудничать напрямую с КПМ.

«Наша партия, – заявил Лаборде на съезде КПМ, – прекращает быть маленькой группой изолированных от масс агитаторов и превращается в настоящую политическую партию пролетариата, в важный фактор политической и социальной жизни Мексики»⁹⁵.

Но именно эта тенденция как раз и не устраивала Ломбардо Толедано. Он хотел занять при Карденасе такое же положение, какое его бывший шеф Моронес занимал при Кальесе, – то есть пост формального или неформаль-

⁹⁴ Впрочем, надо отметить, что кроме НРП все остальные общемексиканские партии были и того меньше. К тому же компартия была единственной общенациональной партией с индивидуальным членством, в то время как НРП того периода была не более чем конгломератом местных организаций из разных штатов.

⁹⁵ Elizaga R. S. *Los Codigos Ocultos del Cardenismo*. Mexico, 1996. P. 143

ного руководителя трудовых отношений в Мексике. На этом пути коммунисты были только препятствием.

Ломбардо Толедано расстроило и то, что коммунисты на съезде выразили поддержку «левой политике» правительства, в результате чего фактически и официально перестали считать себя оппозиционной силой. Однако коммунисты справедливо отмечали: то, что пока все прогрессивные реформы в Мексике базируются только на воле одного человека, ставит эти преобразования под угрозу после 1940 года, когда Карденас по Конституции перестанет быть президентом. Только мощное общенародное движение во главе с пролетариатом может сделать реформы необратимыми. Отмечая рост сопротивления имущих классов против политики Карденаса, Лаборде отметил, что Мексика переживает критический период своей истории – либо революция победит окончательно, либо ей придется отступить.

На съезде отмечался и растущий антикоммунизм руководства КТМ (новых «моронитов»). Партия ясно заявила, что не позволит ликвидировать профсоюзную демократию и подчинить КТМ воле кучки людей.

Между тем IV пленум КТМ в Веракрусе открылся скандалом. В знак протеста против вмешательства группы Веласкеса в выборы профбюро на местах, особенно в Лагуне, представители сразу 23 профсоюзов покинули зал заседаний. Среди «диссидентов» (по версии Толедано – раскольников) находились крупнейшие профсоюзы страны – железнодорожники и электрики. По сигналу руководства КТМ в зал ворвались вооруженные люди, мешавшие всем несогласным выражать свою точку зрения.

Профсоюзную федерацию Нижней Калифорнии не допустили на заседание, потому что она ранее отказалась предоставить место в своей делегации человеку Веласкеса (тот потребовал прислать ему незаполненное удостоверение делегата, чтобы он сам вписал туда нужную фамилию). С другой стороны, были признаны полномочий делегации профсоюза из штата Оахака, которого вообще не существовало в действительности.

Воспользовавшись уходом инакомыслящих, группа Толедано немедленно исключила из КТМ федерацию металлургов и вывела из комитета трех секретарей, в том числе и коммуниста Веласко, который, собственно, и должен был занять по воле большинства делегатов учредительного съезда КТМ пост оргсекретаря вместо Веласкеса⁹⁶. Это был раскол, но Ломбардо Толедано смело пошел на него, потому что прекрасно понимал тогдашнюю линию Коминтерна: Москва не позволит мексиканским коммунистам уйти из КТМ, и тем придется вернуться и подчиниться его, Толедано, «марксистам».

Бывший ярый антикоммунист, Ломбардо Толедано немедленно пожаловался на мексиканских коммунистов Москве, утверждая, что КПМ являет-

⁹⁶ Elizaga R. S. Los Codigos Ocultos del Cardenismo. Mexico, 1996. P. 146

ся единственной партией в мире, не выполняющей решение Коминтерна о едином Народном фронте. Себя же Толедано скромно считал лидером этого фронта в Мексике и любое несогласие воспринимал как подрыв руководящих установок Коминтерна.

«Проблема состоит в том, – говорил Толедано, – что товарищи из КПМ не пожелали понять, что КТМ является единым фронтом пролетариата, а не гомогенной организацией... которая должна придерживаться единого мнения и проводить единую тактику...»⁹⁷

Однако попытка переложить вину за раскол на коммунистов уже в то время была отвергнута вышедшими из КТМ профсоюзами. Например, в заявлении электриков говорилось: «Надо, к тому же, сказать, что в КТМ дебатруется отнюдь не вопрос о коммунизме и не из-за идеологии некоторые люди предложили «очистить» от коммунистов рабочие организации. В действительности же дело обстоит так, что коммунисты имеют очень «плохую» привычку разоблачать перед трудящимися тех лидеров, которые их обманывают и эксплуатируют, и, естественно, эту «раскольническую» деятельность не могут терпеть эти лидеры...»⁹⁸

С позиции силы новый секретариат КТМ обратился к 23 «диссидентским» профсоюзам с предложением вернуться, но при условии свободы КТМ от «политических влияний» (то есть от влияния компартии как политической организации)⁹⁹. Во имя абстрактного «единства» конфедерации профсоюзам фактически предлагалось отказаться от выборности и признать в качестве лидеров тех, кого «рекомендует» секретариат КТМ.

После 1 мая 1937 года исключенные из Национального комитета три члена предложили коммунистам создать новый профцентр на базе «диссидентских» профсоюзов, которые представляли 376 тысяч человек¹⁰⁰. Причем эти профсоюзы (электрики, горняки и железнодорожники) были самыми сильными и влиятельными в Мексике. Не приходится сомневаться, что, пойдя коммунисты на этот шаг, группа Толедано вскоре бы вообще утратила свое влияние на рабочее движение, так как серьезных профцентров под ее руководством не осталось бы.

Представители исключенных из КТМ профсоюзов встретились с президентом и попросили его стать арбитром при разрешении внутрипрофсоюзного спора. Карденас поручил разобраться с конфликтом в КТМ своему соратнику сенатору Сото Рейесу, но Толедано сорвал эту миссию.

⁹⁷ Elizaga R. S. Los Codigos Ocultos del Cardenismo. Mexico, 1996. P. 148

⁹⁸ Шульговский А. Ф. Мексика на крутом повороте своей истории. М., 1967. С. 318

⁹⁹ Шульговский А. Ф. Мексика на крутом повороте своей истории. М., 1967. С. 316

¹⁰⁰ Всего в КТМ на тот момент насчитывалось более 900 тысяч членов, но эти данные представляются завышенными – некоторые профсоюзы либо преувеличивали количество своих членов, либо существовали только на бумаге.

Между тем раскольническая деятельность Толедано начинала сказываться на авторитете КТМ. Весной 1937 года НРП формировала списки кандидатов для предстоявших выборов в Конгресс, и Толедано надеялся, что в этих списках будет фигурировать и его группа как представитель интересов пролетариата. Однако кандидатуры Толедано были провалены. Ломбардо Толедано написал жалобу президенту, но получил ответ от лидера НРП Сильвано Барбы: дескать, он пытался сделать все, что мог, но кандидаты КТМ должного большинства голосов при оставлении списков не получили¹⁰¹.

«Вождь мексиканского пролетариата» лишний раз убедился, что правительство готово на него опираться, но не сотрудничать на равноправной основе. Новым Моронесом для Карденаса Толедано стать не удалось.

Примечательно, что за всеми перипетиями внутрипрофсоюзного конфликта внимательно следил военный атташе США, регулярно направляя отчеты в Вашингтон.

Не добившись поддержки от Карденаса, Ломбардо Толедано нашел ее в Коминтерне.

Коммунистический интернационал поручил разобраться в мексиканских баталиях лидеру компартии США Эрлу Браудеру, члену Интернациональной контрольной комиссии КИ. Браудер опубликовал в центральном органе компартии США газете «Дейли Уоркер» открытое письмо с осуждением политики компартии Мексики, чем, естественно, сразу же ослабил позиции коммунистов в споре с группой Толедано. В письме утверждалось, что коммунисты ведут «братоубийственную» борьбу и что они слишком рвутся вперед, не учитывая более медленной скорости движения своих союзников.

Браудер лично прибыл в Мехико и принял участие в работе пленума ЦК КПМ 26–30 июня 1937 года. В своем выступлении, начатом здравицами в честь Сталина, Рузвельта и Карденаса, он потребовал от коммунистов восстановления единства КТМ «любой ценой». Характерно, что Браудер уехал с пленума, даже не выслушав генерального секретаря ЦК КПМ Лаборде¹⁰².

Ломбардо Толедано мог торжествовать. Коммунисты вернулись в КТМ на его условиях – исключенных из Национального комитета трех членов на должностях не восстановили. Но для Толедано это оказалось пирровой

¹⁰¹ Elizaga R. S. Los Codigos Ocultos del Cardenismo. Mexico, 1996. P. 149

¹⁰² В 1944 году Браудер за ненадобностью распустил компартию США и был позднее осужден за это как правый оппортунист. Исключен из компартии в 1946 году. Выступал на слушаниях комиссии сенатора Маккарти по расследованию «антиамериканской деятельности» с критикой компартии США. В 1957 году во время одной телепередачи Браудер заявил: «То, что меня изгнали из коммунистической партии, было лучшим моментом моей жизни».

победой – профсоюзы электриков и горняков в КТМ так и не вернулись. Поэтому в глазах Карденаса ценность КТМ (а значит, и его лидера) существенно снизилась.

Еще более сильным был удар по авторитету компартии, что потом нашло отражение в развитии внутривластной ситуации в Мексике. Оказалось, что тактика Коминтерна по созданию широкого Народного фронта работала только тогда, когда и другие партнеры по фронту этого хотели. На практике и в Мексике, и в Испании союзники коммунистов по коалициям всячески стремились подорвать влияние компартий на массы и за счет этого укрепить собственные позиции.

К неудовольствию Карденаса, Ломбардо Толедано не удалось консолидировать под своим руководством все мексиканское рабочее движение. В конце 1937-го и в начале 1938 года продолжались кровавые уличные столкновения между текстильщиками из КРОМ и КТМ в Пуэбле и Веракрусе. Карденас призывал рабочих прекратить братоубийственную борьбу, упрекая их в том, что они подрывают не только свою репутацию, но и престиж правительства, но ни Ломбардо Толедано, ни Моронес не реагировали. В феврале 1938 года терпение Карденаса лопнуло, и он декретировал образование единого профсоюза текстильщиков. Тех, кто не пожелал вступить в единый профсоюз, высылали из региона или лишали работы на год¹⁰³.

Если Кальес в свою бытность президентом во внутрипрофсоюзной борьбе всегда поддерживал КРОМ, то Карденас старался соблюдать максимально возможную равноудаленность. Он, конечно, предпочел бы КТМ в качестве единого партнера правительства со стороны рабочих. Но Толедано в силу своего диктаторского стиля руководства не смог объединить вокруг себя рабочее движение страны.

В августе 1937 года Ломбардо Толедано решил продемонстрировать Карденасу свою незаменимость. Он передал в прокуратуру некий документ, из которого следовало, что германское и итальянское посольства готовят в Мексике мятеж, чтобы превратить ее во вторую Испанию. В заговоре якобы участвуют «дорадос», Конфедерация среднего класса, Союз ветеранов и ряд бывших и действующих генералов. Карденас, однако, распорядился не давать делу ход, отметив, что никакой угрозы существующей власти в настоящее время не просматривается.

Своими акциями Толедано только предоставлял удобную мишень противникам Карденаса, которые пытались связать президента с лидером КТМ. Например, сенатор Падилья, взявший у Кальеса интервью в июне 1935 года, обрушился с критикой на Толедано, так как тот подрывал престиж властей. Падилья, поддержанный сторонником Мухики сенатором Сото Рейесом, заявил, что все левые Мексики с Карденасом, а не с Димитровым. Сото Рейес

¹⁰³ Elizaga R. S. Los Codigos Ocultos del Cardenismo. Mexico, 1996. P. 272

прямо обвинил Ломбардо Толедано в том, что он нагнетает слухи о фашистском заговоре, чтобы подправить свою подмоченную внутренними склоками в КТМ репутацию. У правительства достаточно сил, чтобы раздавить любой мятеж в зародыше, так как народ с Карденасом.

Ломбардо Толедано через прокуратуру пытался дискредитировать Падилю и Сото Рейеса как «кальистов», но безуспешно.

Между тем президент продолжал свои реформы.

В июне 1937 года правительство Карденаса национализировало мексиканские железные дороги, применив закон об экспроприации. Формально с 1926 года государство и так владело 51% акций железных дорог, однако фактически администрация находилась в руках иностранцев¹⁰⁴. Основной целью менеджмента было погашение облигационного долга железных дорог перед иностранными держателями облигаций. Поэтому инвестиции в развитие железнодорожного транспорта были незначительными. Основной упор менеджмент при поддержке Кальеса делал на сокращение расходов на заработную плату путем увольнения «избыточного» персонала. Попытки забастовок довольно боевого профсоюза железнодорожников неизменно подавлялись властями со ссылкой на то, что это мешает развитию национальной экономики.

Осуществляя национализацию, Карденас преследовал первоначально две цели. Во-первых, лишить иностранцев контроля над железными дорогами. Во-вторых, освободить железные дороги от непосильного долгового бремени. Именно поэтому «железнодорожный» долг после национализации был консолидирован с государственным долгом Мексики. Профсоюз железнодорожников поддержал национализацию, правда, по своим собственным соображениям – рабочие думали, что национализация станет началом создания мощного госсектора в мексиканской экономике и первым шагом на пути Мексики к социализму. Генеральный секретарь профсоюза железнодорожников Хуан Гутьеррес на встрече с Карденасом зачитал меморандум профсоюза на имя президента, в котором выражалась уверенность, что правительство «стремится социализировать все отрасли экономической деятельности в качестве единственного средства постепенного преобразования капиталистической системы...»¹⁰⁵.

И действительно, в декрете о национализации четко просматривалась антикапиталистическая тенденция. В документе подчеркивалось, что национализация должна покончить с господством частнособственнических интересов, наносящих ущерб мексиканскому народу¹⁰⁶.

¹⁰⁴ Middlebrook K. J. The paradox of revolution: labor, the state, and authoritarianism in Mexico. JHU Press, 1995. P. 124

¹⁰⁵ Шульговский А. Ф. Мексика на крутом повороте своей истории. М., 1967. С. 332

¹⁰⁶ Шульговский А. Ф. Мексика на крутом повороте своей истории. М., 1967. С. 333

Сенатор Сото Рейес предложил Карденасу передать управление железными дорогами самим рабочим, а именно профсоюзу железнодорожников. Президент в принципе поддержал эту идею на встрече с железнодорожниками в июне 1937 года, однако переговоры между правительством и профсоюзом об условиях передачи затянулись почти на год. 1 ноября 1937 года правительство передало профсоюзу свои предложения, по которым у государства сохранялись основные рычаги управления. Например, именно оно должно было определять величину тарифов (мексиканские железные дороги, несмотря на растущую конкуренцию автомобильного транспорта, все еще перевозили до 95% грузов в стране).

После завершения переговоров между правительством и профсоюзом 15 апреля 1938 года законопроект о новой системе управления железными дорогами был внесен в Конгресс, который немедленно его одобрил. 1 мая 1938 года, в День международной солидарности трудящихся мексиканские железные дороги были переданы под управление «рабочей администрации». Эта администрация состояла из семи человек, назначенных профсоюзом. Однако правительство определило, что коэффициент расходов к доходам железных дорог не должен превышать уровень 1937 года, то есть 85%¹⁰⁷. Долг железных дорог взяли на себя совместно правительство и рабочая администрация, но был установлен четкий процент (10%) от доходов, предназначенный для финансирования ремонта дорог и подвижного состава. Также заранее определенная доля доходов должна была переводиться федеральному правительству и иностранным кредиторам.

В этих условиях ни о какой реальной самостоятельности «рабочей администрации» говорить не приходилось. Фактически администрация должна была только следить за соблюдением предписанных правительством жестких финансовых нормативов.

Выступая на церемонии передачи рабочим контроля над железными дорогами, генеральный секретарь профсоюза подчеркнул: «...в борьбе против капитализма мы отстаиваем ту точку зрения, что управление трудящимися отдельными отраслями экономики должно осуществляться с максимальной эффективностью и ответственностью. Настал момент это доказать, так как железные дороги, источник нашей работы, находятся в наших руках»¹⁰⁸.

Первоначально рабочая администрация с энтузиазмом взялась за дело. Успехи и ответственное поведение рабочей администрации признавал даже коммерческий атташе посольства США в Мексике. Был сокращен управленческий персонал, а требования рабочих о повышении зарплаты игнорирова-

¹⁰⁷ Middlebrook K. J. The paradox of revolution: labor, the state, and authoritarianism in Mexico. JHU Press, 1995. P. 124

¹⁰⁸ Шульговский А. Ф. Мексика на крутом повороте своей истории. М., 1967. С. 335

лись. Бастовать теперь железнодорожники не могли, так как их собственный профсоюз управлял предприятием.

В 1937 году доходы железных дорог составили 142 миллиона песо, а расходы – 121 миллиона. В 1938 году соответствующие цифры (в миллионах песо) равнялись 143 и 122, в 1939-м – 154,8 и 130,8, в 1940-м – 159 и 139.

Таким образом, установленная правительством норма в 85% сначала соблюдалась, но потом персонал железных дорог начал расти. Если в 1937 году среднегодовая численность рабочих и служащих составляла 38 895 человек, то в 1938 году – 44 783 человека. Расходы на выплату заработной платы увеличились в 1938–1939 годах на 16,3%. Если на зарплату в 1937 году расходовалось 55,4% доходов, то в 1940 году – 64,6%¹⁰⁹. Эти выплаты не позволили соблюдать установленные правительством нормативы по обслуживанию внешнего долга дорог. К началу 1939 года «рабочая администрация» констатировала операционный дефицит в 2 миллиона песо.

Это неудивительно, если учесть, что до 1937 года иностранный менеджмент особенно не заботился о поддержании железных дорог в хорошем состоянии. По оценкам, только на неотложные ремонтные работы требовалось около 200 миллионов песо. Для этого, в свою очередь, требовалось закупать за границей (прежде всего в США) практически все предметы оборудования¹¹⁰. Но курс мексиканского песо к доллару США упал с 3,60 песо за доллар до 6,15, и это сразу сделало ремонт практически нерентабельным.

Через некоторое время упала и исполнительская дисциплина, что привело к крушениям поездов, сопровождавшихся человеческими жертвами. Естественно, эти случаи были обыграны правой прессой как «крах коммунистического эксперимента» на железных дорогах. В 1940 году правительство предложило «рабочей администрации» или сократить персонал на 8 тысяч человек, или урезать заработную плату на 20%. В то же время власти упорно отказывали железным дорогам в повышении тарифов на перевозку, что и было одной из главных причин бедственного финансового положения «рабочей администрации».

В 1940 году новый президент Мексики Авила Камачо распустил «рабочую администрацию» и поставил железные дороги под прямое управление государства.

Таким образом, попытки создать из железных дорог «остров социализма» провалились потому, что условия работы этому острову диктовало капиталистическое море. Неудачный опыт мексиканского «самоуправляюще-

¹⁰⁹ Middlebrook K. J. The paradox of revolution: labor, the state, and authoritarianism in Mexico. JHU Press, 1995. P. 125

¹¹⁰ В 1938 году 57,67% мексиканского импорта приходилось на США.

гося социализма» уже после Второй мировой войны с лихвой повторила Югославия. Любопытно, что мотивация для подобных экспериментов с рабочим самоуправлением в Мексике и в Югославии была сходной. Обе эти страны пытались создать демократическую модель социализма с использованием рыночной экономики в противовес государственному социализму СССР с государственной плановой экономикой. Однако советская модель оказалась более жизнеспособной именно потому, что была последовательной.

Если в СССР государство определяло зарплаты, то оно же определяло и цены на производимую всеми предприятиями продукцию. Это позволяло балансировать экономические показатели различных секторов экономики. В Мексике же желание рабочих железных дорог иметь высокую заработную плату наталкивалось на рыночную стихию цен, которые и препятствовали этому росту. Например, повышению тарифов на железнодорожные перевозки в Мексике мешала конкуренция частного автомобильного транспорта, самостоятельно определявшего тарифы на транспортировку грузов. В этих условиях «социалистический эксперимент» на железных дорогах был обречен на неудачу, так как вся остальная экономика по-прежнему работала на рыночных капиталистических началах.

Провал «рабочей администрации» на железных дорогах нанес сильнейший удар по популярности социалистических идей в Мексике. Ведь большинство рабочих понимали под социализмом именно переход к ним контроля на своем отдельном предприятии. Предполагалось, что, полностью присвоив прибавочную стоимость, рабочие станут жить лучше. Но желание рабочих одного предприятия по получению этой самой прибавочной стоимости наталкивалось на желание, например, рабочих предприятий-смежников, которые тоже хотели увеличить свою зарплату, повышая расценки на поставляемую коллегам продукцию. Таким образом, начиналась борьба между рабочими коллективами, что вело как раз не к повышению, а к понижению заработной платы.

Именно к такому развитию событий привела попытка Карденаса создать в промышленности Мексики кооперативный сектор.

Кооперативы не являются чем-то противоположным рыночной экономике, однако правительство Карденаса и НРП с самого начала заявляли, что мексиканские кооперативы в промышленности будут зародышем общественного, социалистического сектора народного хозяйства. Предполагалось, что государство всемерно поддержит кооперативы, и они в перспективе будут доминировать в промышленности. КТМ полностью поддержала планы Карденаса, заявив, «что долг революционного рабочего класса состоит в том, чтобы способствовать усилению вмешательства демократического мексиканского государства в управление экономикой страны, что будет лучшим средством сделать преобладающей революционную экономическую систему

по сравнению с системой, которую представляет частнособственнический капитализм»¹¹¹.

В конце 1937 года правительство внесло в Конгресс законопроект о кооперативных предприятиях, целью которого объявлялось освобождение рабочего класса. Уже при обсуждении законопроекта некоторые депутаты доказывали его утопичность – кооперативы не сделают рабочих независимыми от стихии рынка, скорее, превратят их в коллективного капиталиста на своем предприятии. «Кооперативный» социализм критиковал Нарсисо Бассольс в статье с характерным названием «Кооперативистская панацея».

Однако политический энтузиазм возобладал, и закон был принят.

Как и в случае с аграрной реформой, Карденас решил в октябре 1937 года создать специальный банк для финансирования кооперативов – Рабочий банк. Как и Банк эхидального кредита в случае с сельскохозяйственными кооперативами, Рабочий банк имел очень большие полномочия. Он мог, например, смещать руководство промышленного или ремесленного кооператива, если полагал, что он неправильно ведет дело на предприятии. Если это не помогало, то банк мог даже распустить сам кооператив.

К 1941 году в Мексике было 1715 кооперативов, в которые входил 163 501 член¹¹². Из них 937 кооперативов, объединявших 132 тысячи человек, были учреждены при Карденасе. В руки рабочих по закону об экспроприации перешли несколько типографий, некоторые цементные фабрики, предприятия по переработке сахара и текстильные предприятия.

Но, как и в сельском хозяйстве, условия работы промышленных кооперативов диктовала рыночная стихия. Изначально многие кооперативы находились не в самой хорошей конкурентной позиции, так как в руки рабочих передавались зачастую нерентабельные, небольшие заводы с устаревшим оборудованием. Иногда сами хозяева делали все, чтобы подвести себя под экспроприацию и получить выкуп от государства.

По большей части не имея собственных транспортных средств и навыков сбыта, кооперативы попадали в кабалу к торговцам-перекупщикам, продавая им свою продукцию по низким ценам. Это, в свою очередь, диктовало необходимость довольно низких зарплат. Например, рабочие кооператива «Сан-Мартин де лас Пирамидас» получали в час 0,11 песо. Этот кооператив производил в день 600–800 пар резиновой обуви и продавал ее торговцам по 0,90 песо за пару. Сам же перекупщик сбывал обувь уже по 2–4 песо за пару¹¹³.

На табачной кооперативной фабрике «Нуэва Луча» («Новая борьба») в штате Веракрус рабочие вынуждены были трудиться по 12 часов, зарабатывая в день примерно 1,70 песо.

¹¹¹ Шульговский А. Ф. Мексика на крутом повороте своей истории. М., 1967. С. 324

¹¹² Шульговский А. Ф. Мексика на крутом повороте своей истории. М., 1967. С. 327

¹¹³ Шульговский А. Ф. Мексика на крутом повороте своей истории. М., 1967. С. 328

В «социалистических» кооперативах сразу же началось имущественное расслоение. Руководство установило себе неплохие оклады, но иногда не выплачивало рабочим заработную плату месяцами, ссылаясь на сложное финансовое положение предприятия.

Некоторые предприниматели сами заключали соглашение со «своими» рабочими и передавали им предприятие в виде кооператива. Сами предприниматели обычно становились поставщиками на свое бывшее предприятие сырья и продавцами готовой продукции, используя свои отлаженные связи с партнерами. Теперь бывший хозяин зарабатывал даже больше на «ножнице цен», продавая кооперативу сырье втридорога и приобретая готовую продукцию по заниженным ценам. В то же время на бывшем предпринимателе уже не лежала ответственность за заключение или выполнение коллективного договора с рабочими.

В среде рабочих-кооператоров росло недовольство: никакого «социализма» или хотя бы существенного улучшения условий труда на горизонте не наблюдалось. 90% кооперативов выплачивали рабочим даже меньшую заработную плату, чем на схожих частных предприятиях. Руководство КТМ было вынуждено официально признать, что «производственные кооперативы потерпели полную неудачу»¹¹⁴.

Рабочие требовали у правительства субсидий, но Рабочий банк отказывался поддерживать нерентабельное производство. Между кооперативами смежных отраслей началась активная ценовая война, которую разжигали предприниматели. В некоторых штатах кооперативные предприятия, занимавшиеся переработкой сельскохозяйственной продукции, пытались заставить получивших землю крестьян и общины снижать отпускные цены. Это вело уже к вражде между рабочими и крестьянами, так как и за тех и за других вступались их профсоюзы.

Кооперативный эксперимент стал бурей в стакане воды и никоим образом не изменил структуру мексиканской промышленности.

Политика в области образования была, пожалуй, одной из немногих внутриполитических тем, где Карденас опирался на солидный задел прежних администраций. И Обрегон, и Кальес уделяли образованию повышенное внимание, считая, что именно с его помощью можно плавно войти в социализм, ничего не меняя в структуре собственности на производительные силы.

Сам Карденас тоже был горячим поклонником всеобщего образования, хотя и не считал, что оно может заменить структурные реформы в экономике. Учителя при Карденасе стали привилегированным слоем общества. Примерно 15% из них были коммунистами, а большинство – сочувствующими; в некоторых штатах слова «учитель» и «коммунист» стали синонимами. Задачей учителя, особенно сельского, было не только образование,

¹¹⁴ Шульговский А. Ф. Мексика на крутом повороте своей истории. М., 1967. С. 328

но и мобилизация населения на поддержку аграрной реформы и борьба с контрреволюцией и религиозными предрассудками. В Лагуне, например, учителя оказывали большую помощь сельскохозяйственным рабочим при землемерных работах и организации кооперативов.

Карденас говорил, что сельский учитель «должен стать наставником не только для детей, но и для взрослых, и должен заботиться об улучшении жизни в деревне. Учитель должен помогать крестьянам в борьбе за землю, а рабочим – в их стремлении получать установленную законом заработную плату»¹¹⁵.

Учителя стремились выполнять указы президента и поэтому, как упоминалось выше, становились первыми жертвами самых разномастных контрреволюционеров – от «кристерос» до нанятых помещиками или иностранными компаниями «белых банд» или киллеров-«пистолерос». Работа сельского учителя держалась на энтузиазме – зарплата была невысокой, а многие крестьяне просто не могли себе позволить отдавать детей учиться: те с малых лет помогали родителям зарабатывать на кусок хлеба. Следует отметить также, что в связи с взрывообразным ростом числа сельских школ не хватало квалифицированных учителей, тем более с законченным педагогическим образованием.

Церковь продолжала активную пропаганду против «сексуального образования». Фактически оно так и не добралось до большинства школ, тем не менее священники протестовали даже против того, что на уроках ботаники учителя показывали детям пестики и тычинки цветов. Среди самих учителей, призванных нести в массы «социалистическое образование», по некоторым оценкам, было до 60% верующих католиков. Между тем папское послание мексиканской католической церкви от 12 января 1936 года запрещало любому верующему быть социалистом и пропагандировать социалистическое учение.

В «шестилетнем плане» было предусмотрено каждый год повышать долю расходов на образование в государственном бюджете на 1 %¹¹⁶. В 1934 году эта доля и так была значительной (15%), а к 1940 году ей предстояло вырасти до 20%.

Образование по-прежнему именовалось «социалистическим», и многие учителя воспринимали это буквально. В многочисленных школах и вузах, даже в Высшей военной школе, ученики и студенты знакомились с произведениями Маркса и Ленина. Учащиеся живо интересовались советским опытом, и этот интерес заметно вырос, когда стали приходить вести о феноменальных успехах советской индустриализации.

¹¹⁵ Mexico since Independence. Edited by Leslie Bethell. Cambridge University Press. 1998. P. 269

¹¹⁶ Mexico since Independence. Edited by Leslie Bethell. Cambridge University Press. 1998. P. 265

При Карденасе учебные программы впервые стали уделять большое внимание формированию у учеников прогрессивного мировоззрения. Например, детям от 9 до 11 лет рассказывали об испанском завоевании Мексики. Ученикам постарше говорили уже о борьбе трудящихся города и деревни за улучшение своего положения. Рассматривались и роль Мексики в мире, и попытки империализма помешать достижению страной подлинной экономической независимости. Естественно, посвящались уроки и роли церкви в мексиканской истории.

Чтобы показать засилье иностранного капитала в мексиканской экономике, издавались специальные карты, на которых демонстрировалось, например, производство сахара в стране. На основе этих карт учитель объяснял важность той или иной отрасли для национальной экономики и необходимость контроля над ней со стороны самих мексиканцев.

Карденас заботился и о дальнейшем развитии сети государственных школ, прежде всего на селе. В 1934 году в стране было 8477 школ, в 1937-м – уже 12 284, в 1940-м – 13 016¹¹⁷.

Как и при Кальесе, при Карденасе большое значение придавалось получению учениками не только общетеоретических знаний, но и практических профессиональных навыков. Количество промышленных, технических и торговых училищ в 1934–1940 годах выросло с 19 до 40. Создавались и специализированные сельскохозяйственные школы: в 1940 году их было 55.

Для подготовки учителей с профессиональными навыками в 1937 году был учрежден Политехнический институт.

Карденас, дед которого был индейцем, уделял особое внимание образованию коренного населения страны. Министерству образования помогал специально созданный департамент по делам индейцев. В отдаленном и населенном в основном индейцами штате Чьяпас программы развития сельских школ были запущены одновременно с аграрной реформой.

Несмотря на то, что доля расходов на образование в бюджете при Карденасе не достигла 20%, а колебалась между 12 и 14%, в реальном исчислении расходы на образование практически удвоились, так как резко вырос и сам бюджет.

В 1935 году правительство ужесточило регламентацию частных школ. Чтобы получить от властей разрешение на образовательную деятельность, они тоже должны были ввести «социалистическое образование». Государство оставляло за собой право удалять из частных школ не соответствующих этому критерию учителей.

Как и в области рабочего движения, Карденас стремился объединить всех учителей в единый профсоюз, который должен был стать проводником влияния федерального правительства в системе образования (большинство

¹¹⁷ Шульговский А. Ф. Мексика на крутом повороте своей истории. М., 1967. С. 156

школ находилось в юрисдикции штатов и муниципалитетов). В феврале 1938 года был создан мощный единый профсоюз – Синдикат работников образования Мексиканской республики.

В 1940 году грамотными были 50% мексиканцев мужского пола и 42% женщин¹¹⁸.

Реформы Карденаса требовали больших капиталовложений со стороны государства, что быстро привело к дефициту государственного бюджета и необходимости поиска новых источников доходов. Кальес, как мы помним, считал необходимым всегда иметь сбалансированный бюджет. Наличие такого бюджета сковывало государственное финансирование, зато положительно воспринималось иностранными держателями мексиканских долговых облигаций. Но если бы Карденас следовал этой практике, никаких коренных реформ в Мексике в 30-е годы просто не могло бы быть по определению.

В определенной мере Карденасу повезло – к моменту его прихода к власти мировая экономика начала выходить из Великой депрессии. Доходы правительства выросли в 1932–1936 годах примерно в два раза. Однако рост расходов был еще более значительным, что объяснялось именно начавшимся активным вмешательством государства в экономику. Если в 1934 году расходы составили 265 миллионов песо, то в 1936 году (начало масштабных реформ) – 406 миллионов, а в 1938-м – 504 миллиона¹¹⁹. Это привело к бюджетному дефициту в 5,5% в 1936 году и 15,1% – в 1938 году.

Но, к чести Карденаса, надо сказать, что он и его министр финансов Суарес весьма умело применили для ускорения развития страны кейнсианскую политику дефицитного финансирования, которую в то время успешно осуществлял в Германии Гитлер, в США – Рузвельт, а в СССР – Сталин.

Был изменен закон о Банке Мексики, и теперь правительство могло пользоваться ресурсами этого эмиссионного учреждения. Кабинет министров выпускал облигации, Банк Мексики покупал их, выпуская для этого в обращение новые деньги. К концу 1937 году правительство таким образом заняло у центрального банка 89,3 миллиона песо, а к 1940 году у Банка Мексики имелось государственных облигаций уже на 293 миллиона песо¹²⁰.

Дефицитное финансирование привело к резкому росту денежной массы в стране. В 1936 году в обращении находилось денег на 703 миллиона песо (в том числе металлических – на 160,5 миллиона, бумажных – на 299,1 миллиона, депозитов до востребования – на 243,4 миллиона). В 1940 году де-

¹¹⁸ Britton J. A. Molding the hearts and minds: education, communications, and social change in Latin America. Scholarly Resources Inc, 1994. P. 115

¹¹⁹ Mexico since Independence. Edited by Leslie Bethell. Cambridge University Press. 1998. P. 289

¹²⁰ Шульговский А. Ф. Мексика на крутом повороте своей истории. М., 1967. С. 186

нег в обращении было уже на 1004,8 миллиона (в том числе бумажных – на 367,6 миллиона, депозитов – на 329,3 миллиона).

Несомненно, без роста фактически ничем не обеспеченной денежной массы мексиканская экономика не могла бы добиться в 30-е годы серьезных успехов. А они были налицо. Например, только производство электроэнергии выросло в 1934–1940 годах на 43% за счет интенсивного строительства небольших ГЭС. Это помогло, в свою очередь, сделать многие районы Мексики пригодными для земледелия, что позволяло активизировать аграрную реформу. Если стоимость продукции мексиканской промышленности в 1930 году равнялась 598 миллионам песо, то в 1940 году – 1526 миллионам. Обрабатывающая промышленность в стране выросла в 1935–1940 годах на 42%¹²¹.

Однако на первых порах, пока не развернулся еще кооперативный сектор на селе и не началось строительство ГЭС, выпуск новых денег привел к росту цен, особенно на продукты питания. Больше всего – в среднем на 26% – увеличились цены на продукты как раз в 1936–1938 годах, когда особенно активно проводились социально-экономические реформы. Цена на основной продукт питания подавляющего большинства населения – кукурузу – выросла на 70%. Критики Карденаса поспешили объяснить это ошибками аграрной реформы. Мол, теперь отсталые крестьяне-общинники еле-еле производят продукты только для себя, а городам их не хватает.

Однако в 1936–1939 годах валовое производство кукурузы было примерно таким же, как в 20-е годы, что можно расценивать как успех, если учесть крайне неблагоприятные погодные условия в Мексике (то есть засуху) именно в этот период. Если бы не увеличение посевной площади в ходе аграрной реформы, то Мексика вообще могла бы столкнуться с дефицитом продовольствия.

Благодаря строительству за государственный счет ирригационных сооружений процент пшеницы, выращиваемой на орошаемых землях, вырос с 1937-го по 1940 год с 9% до 15%, кукурузы – с 19% до 28%¹²². За время правления Карденаса орошаемых земель в Мексике стало больше на 58 тысяч гектаров. Прежняя многовековая фатальная зависимость Мексики от постоянных засух была фактически минимизирована.

При Карденасе поистине громадные средства были затрачены и на улучшение агротехники, что привело к росту урожайности основных продовольственных культур. С помощью государственных средств крестьяне получили 7,5 миллиона килограмм семян (в том числе и улучшенных сортов; этими се-

¹²¹ Шульговский А. Ф. Мексика на крутом повороте своей истории. М., 1967. С. 182–183

¹²² Ochoa E. C. Feeding Mexico. The political uses of Food since 1910. Scholarly Resources Inc, 2002. P. 42

менами было засеяно 15 тысяч гектаров пшеницы, бобов и кукурузы¹²³) и 15 тонн инсектидов. Правительство создано 13 экспериментальных хозяйств, где крестьяне могли познакомиться с передовыми методами земледелия.

Рост цен в 1937 году вызвало прежде всего сокращение валового сбора пшеницы на 22%, связанное с неблагоприятными погодными условиями (урожай 1936 года был хорошим). Неблагоприятные последствия неурожая усугублялись еще и тем, что в 30-е годы в Мексике быстро росли города. Население Мехико увеличилось на 30%, Гвадалахары – на 27%, Монтеррея – на 40%. Это было неизбежным следствием развития промышленности.

С 1934-го по 1938 год цены на продукты выросли в Мексике в среднем на 58%, на одежду – более чем на 80%. Впервые рост цен стал обгонять рост зарплаты городских рабочих (она за это же время увеличилась на 32%)¹²⁴.

Рабочие проявляли естественное недовольство ростом цен, хотя следует отметить, что в целом при Карденасе рост заработной платы опережал инфляцию: жизненный уровень рабочих и кооперированного крестьянства вырос. Не желая ссориться с Карденасом, КТМ упрекала в росте цен не правительство, а «бессовестных спекулянтов», в чем тоже была доля истины.

2 апреля 1937 года должна была состояться всеобщая забастовка протеста против дороговизны. Карденас попросил рабочих отложить стачку, обещав, что правительство предпримет меры для контроля роста цен. Как обычно, президент сдержал слово.

Уже в начале 1937 года правительства отдельных штатов, например Дуранго, издали специальные декреты, запрещающие торговцам накапливать у себя зерно с целью взвинчивания цен. Были образованы специальные комиссии, инспектировавшие частные предприятия торговли. Газета НРП «Эль Насиональ» всячески пропагандировала этот опыт.

Правительство в 1937 году прибегло к ряду мер, направленных против роста цен на продовольствие. В июне было учреждено агентство по регулированию цен на пшеницу. Оно должно было под руководством Министерства экономики балансировать внутренние цены на зерно, прибегая при необходимости к импорту пшеницы из США (против таких мер возражали отечественные производители, зато их поддерживали мукомольные предприятия). К концу года было импортировано 5000 тонн пшеницы, и цены стабилизировались.

¹²³ Возможно, ошибкой правительства было то, что упор делался на возделывание гораздо менее приспособленной к мексиканским условиям пшеницы. Кукурузе уделялось меньше внимания. Но эта ошибка была вызвана благородными намерениями – Карденас хотел, чтобы любой гражданин Мексики получил возможность есть пшеничный хлеб, который был тогда еще недоступен миллионам людей.

¹²⁴ Ochoa E. C. Feeding Mexico. The political uses of Food since 1910, Scholarly Resources Inc, 2002. P. 46

В очередном послании Конгрессу 1 сентября 1937 года Карденас раскритиковал спекулянтов и пообещал, что правительство защитит от инфляции трудящиеся классы.

В 1938 году было учрежден Комитет по контролю над ценами на продовольственном рынке. В его задачи входили закупка у производителей основных продуктов питания (пшеница, кукуруза, фасоль и рис) и проведение с помощью этих резервов интервенций на рынке. Продукты из государственных хранилищ продавались по твердым ценам, что вынуждало частных торговцев тоже снижать свои расценки.

Правда, то, что правительство закупало продовольствие у производителей по низким ценам, не отвечало интересам этих самых производителей. С одной стороны, им был гарантирован сбыт, с другой – иногда цены Комитета не учитывали рост издержек производства или неблагоприятные погодные условия того или иного периода¹²⁵. Многие «эхидос» возмущались, что цены Комитета даже не покрывают их издержек производства (например, цены на кукурузу в Дуранго в размере 90 песо за тонну).

К тому же от политики комитета выигрывали производители, чьи земли находились рядом с крупными городами, так как расходы на перевозку по железной дороге были весьма значительными. Например, тонна зерна в северном штате Синалоа стоила по ценам комитета 80 песо, а его перевозка до Мехико обходилась еще в 28,43 песо.

Комитет, обладая небольшим аппаратом, работал в основном с крупными производителями. В 1939–1940 годах он закупил примерно 4% годового урожая пшеницы и 1% – кукурузы¹²⁶.

Комитет гораздо охотнее закупал пшеницу за границей (в США), поскольку это требовало меньше административной работы – можно было сразу заключить контракт на большой объем, в то время как в Мексике пришлось бы работать с десятками мелких производителей. Если до образования комитета стоимость импорта зерна в общей стоимости мексиканского импорта не превышала 0,2%, то после начала регулирования цен (в 1938 году) эта доля составила 3,5%.

Относительно фасоли комитет играл гораздо более существенную роль: в 1940-м он закупил 38% урожая этой культуры, который в том году упал на 35%. Такая мера позволила сдерживать взрывной рост цен.

В 1938 году в каждом штате были образованы комиссии, которые устанавливали максимальные цены в розничной торговле на основные продукты питания. Комитет сам приступил к продажам продовольствия через

¹²⁵ Ochoa E. C. Feeding Mexico. The political uses of Food since 1910. Scholarly Resources Inc, 2002. P. 53

¹²⁶ Ochoa E. C. Feeding Mexico. The political uses of Food since 1910. Scholarly Resources Inc, 2002. P. 55

своих дилеров. Эти дилеры были обязаны продавать продукцию Комитета по фиксированным ценам. В Мехико авторизованных комитетом дилеров было больше всего – 22¹²⁷.

Например, если в октябре 1938 года кукуруза продавалась частными торговцами по 17 сентаво за килограмм, то комитет сбывал ее по 15 сентаво. «Комитетский» рис стоил 32 сентаво за килограмм, «частный» – 38. Однако некоторые дилеры все же пытались продавать доставшиеся им по дешевке продукты по ценам частного рынка. Комитету пришлось нанять инспекторов, которые следили за авторизованными дилерами. Тех обязали поставить продукты с ценниками на видное место, чтобы облегчить инспекции работу. Были предписаны стандарты веса на хлеб и кукурузные лепешки («тортильи»), которые изготовлялись из зерна комитета.

Однако торговцы все равно ухитрялись обходить все меры контроля, и в августе 1939 года комитет предпринял логический шаг, открыв первый собственный магазин. В конце 1939 года только в столичном федеральном округе таких магазинов насчитывалось уже 25. Помимо зерна и муки в них продавали сахар, ляд и молоко. Государственные магазины сильно проигрывали частным торговцам потому, что работали 8 часов, строго соблюдая трудовое законодательство, в то время как частники, имевшие в основном семейные магазины, продавали свои товары по 15 часов в день. Практически все государственные магазины работали с убытком.

Была сделана попытка создать кооперативные или профсоюзные магазины, которым комитет доверял куда больше, чем частным торговцам. Первый «профсоюзный магазин» открылся в Мехико в апреле 1939 года и каждый день обслуживал более 1200 покупателей.

Карденас через НРП поощрял создание кооперативов потребителей, которые должны были покупать продукты непосредственно у производителей, чтобы избежать накручивания цен посредниками. К концу президентского срока Карденаса в Мексике было 52 таких кооператива, но реально работали 39.

Естественно, меры правительства вызвали озлобленную критику торгового капитала, хотя никаким «коммунизмом» здесь и не пахло. Конфедерация торгово-промышленных палат Мексики забросала президента письмами протеста и проплатила статьи в ведущих газетах с критикой «бюрократического» вмешательства государства в рыночные процессы. Торговцы доказывали общественности, что деятельность комитета приведет лишь к дефициту продовольствия и расцвету «черного рынка».

Однако запугать Карденаса было невозможно. Орган НРП «Эль Насиональ» предупредил, что если частные торговцы не прекратят припрятать

¹²⁷ Ochoa E. C. Feeding Mexico. The political uses of Food since 1910. Scholarly Resources Inc, 2002. P. 59

вать продукты в расчете на дальнейший рост цен, то правительство может прибегнуть против них и к насильственным действиям¹²⁸.

Меры правительства дали немедленный эффект – уже в последнем квартале 1938 года цены на продовольствие снизились на 8%, цены в целом – на 4%¹²⁹. Для того чтобы скомпенсировать девальвацию песо, в 1938 году правительство ввело налоги на экспорт и резко сократило государственные расходы на крупные проекты. Например, практически полностью прекратилось строительство дорог. В 1937–1938 годах расходы государства на капитальное строительство упали в расчете на душу населения на 38%. Рабочим госсектора и госслужащим пришлось немного затянуть пояса – такого резкого роста зарплаты, как в первые годы правления Карденаса, уже не наблюдалось. Все эти меры были вызваны желанием президента не допустить нового витка роста цен на продукты.

Карденас пытался решить проблему финансирования возросших в ходе его реформ государственных расходов частично за счет более сильного налогообложения внешней торговли, что не могло не затронуть интересы основного торгового партнера Мексики – Соединенных Штатов¹³⁰.

Уже в апреле 1935 года президент декретировал увеличение налога на поставляемое в США серебро. Это было двойным ударом по американцам, так как само производство серебра в Мексике на 70% находилось в руках американских компаний, а большая его часть экспортировалась в те же США. В январе 1937 года Карденас увеличил на 25% все внешнеторговые пошлины. 1 января 1938 года президент ввел фактически запретительные тарифы от 200 до 400% на некоторые импортируемые из США товары. Тем самым Карденас хотел уже не столько решить проблему финансирования государственных расходов, сколько защитить отечественного производителя от американской конкуренции.

Новое повышение тарифов последовало уже в августе 1938 года, и опять были затронуты многие американские товары, например автомобили с 4–8 цилиндровыми двигателями. С каждой такой машины взималась пошлина 700 песо (ранее – 200 песо). 5 августа 1938 года был введен чрезвычайный 12%-ный налог на экспорт, ударивший в основном по американским горнодобывающим компаниям в Мексике, которые экспортировали большую часть своей продукции к себе на родину. Введение этого налога мексиканское правительство объяснило необходимостью субсидировать цены импортных товаров для населения.

¹²⁸ Шульговский А. Ф. Мексика на крутом повороте своей истории. М., 1967. С. 174

¹²⁹ Mexico since Independence. Edited by Leslie Bethell. Cambridge University Press. 1998. P. 291

¹³⁰ В 1935–1937 годах внешнеторговые тарифы и пошлины составляли примерно 26,5% доходов федерального правительства Мексики.

Следует отметить, что и США в годы Великой депрессии ввели практически запретительные тарифы на многие статьи импорта для защиты своей собственной промышленности. В 1932 году под новые таможенные тарифы попадало 31,8% мексиканского экспорта в США, в 1938 году – 23,9%¹³¹.

Кооперативы в промышленности и независимая внешнеторговая политика Карденаса традиционно воспринимались американским истеблишментом как доказательство коммунистических настроений мексиканского президента. Стайлс Бриджес, сенатор от штата Нью-Хэмпшир в марте 1939 года упрекал Рузвельта за то, что, не реагируя на политику Карденаса, США поддерживают установление коммунизма в Мексике.

Впрочем, американские парламентарии использовали любой повод для беспочвенных обвинений в адрес Мексики. Например, сенатор от Северной Каролины Рейнольдс потребовал официального расследования ситуации в Мексике на том основании, что эта страна предоставила убежище Троцкому. Под давлением антикоммунистической истерии ужесточилась позиция и администрации Рузвельта. Госсекретарь Хэлл заявил, что Мексика все ближе и ближе к «марксистским и коммунистическим основам»¹³².

Однако Карденаса не испугали воинственные настроения к северу от Рио-Гранде. Наоборот, в начале 1938 года президент Мексики нанес сокрушительный удар по американским интересам в своей стране.

Мексиканская добыча нефти к 1937 году на 98% находилась в руках иностранцев. Своего пика нефтедобыча в Мексике достигла в 1921 году, когда было произведено 193 миллиона баррелей «черного золота». В 1932 году (из-за мирового экономического кризиса, истощения старых месторождений и ухода многих американских компаний в Венесуэлу¹³³) добыча нефти упала до 33 миллионов баррелей, но к 1936 году опять несколько выросла – до 47 миллионов¹³⁴. Рост был связан с вводом в строй большого месторождения в Поса-Рика. Это месторождение, принадлежавшее «Эль Агила», давало в середине 30-х годов треть общенациональной нефтедобычи.

Новые нефтяные скважины в Мексике в 20-е – 30-е годы были, за исключением Поса-Рика, гораздо хуже старых. В 1921 году на пике добычи нефти в Мексике первоначальный дебет новой скважины составлял 3 662 552 баррелей в сутки, а в 1930 году – всего 61 327 баррелей. В 1919 году нефть давали 76% пробуренных скважин, в 1929 году – 28%. Например, в 1926 году было пробурено 808 новых скважин, из которых 318 оказались продуктив-

¹³¹ https://circle.ubc.ca/bitstream/handle/2429/5122/ubc_1994-0255.pdf?...1

¹³² https://circle.ubc.ca/bitstream/handle/2429/5122/ubc_1994-0255.pdf?...1

¹³³ К 1929 году Венесуэла вышла на третье место в мире по добыче нефти, а Мексика опустилась на седьмое.

¹³⁴ Mexico since Independence. Edited by Leslie Bethell. Cambridge University Press. 1998. P. 279

ными. В 1936 году было пробурено всего 84 новые скважины, в том числе 29 продуктивных. Дневной дебет новых скважин в 1936 году не превышал 31 тысячи баррелей в сутки¹³⁵.

В 20-е – 30-е годы изменилось соотношение сил между американскими компаниями и британской «Эль Агила» (официальное название «Мексикэн Игл Ойл Компани»), которую с 1927 года стала контролировать «Шелл». Первоначально в мексиканской добыче доминировали американцы, однако уже с начала 20-х годов они стали все активнее добывать нефть в Венесуэле, которая казалась им политически более надежной. Свои скважины в Мексике американские компании вырабатывали, но новых месторождений в концессию не приобретали.

Неудивительно, что в 1934 году «Эль Агила» добывала 46,01% всей мексиканской нефти, а на долю крупнейшей американской компании «Уастека Петролеум» приходилось 11,92%¹³⁶. Причем «Эль Агила» добывала более дорогую и качественную легкую нефть. Эта компания вела сейсмическую геологоразведку и применяла современные технологии (например, буры с алмазными наконечниками и улавливание попутного газа). Производительность скважин «Эль Агила» за три года, предшествовавшие нефтяному конфликту, выросла на 42,6%.

Программа правительства Карденаса по ускоренному строительству автомобильных дорог¹³⁷ принесла нефтяным компаниям большую выгоду, так как они могли продавать больше нефтепродуктов в самой Мексике, избегая уплаты экспортных пошлин.

В 1933 году «Эль Агила» захватила 33,7% мексиканского рынка бензина, у американской «Уастека Компани» (принадлежала группе «Стандард Ойл») было 24,3%, у также американской «Синклер-Пирс» – 21,6%, у «Калифорния Стандард» – 20,4%. «Эль Агила» планировала построить нефтеперерабатывающий завод в Мехико и проложить к нему трубопровод из района нефтедобычи. Американские компании никакой серьезной инвестиционной деятельности в Мексике не вели.

Если в 1924 году иностранные нефтяные компании инвестировали в нефтедобычу в Мексике 540 миллионов долларов (5,6 миллиардов долларов в ценах 2009 года), то в 1936 году – 126 миллионов долларов (1,6 миллиарда в ценах 2009-го)¹³⁸. Большая часть этих инвестиций выражалась в закупке оборудования для нефтедобычи в США.

¹³⁵ www.econ.barnard.columbia.edu/.../Maurer%20Empire%20Struck%20Back.pdf

¹³⁶ Для «Эль Агилы», «Мексикэн Петролеум» и «Пенн-Мекс» Мексика была ключевым рынком – они добывали в этой стране почти всю свою нефть.

¹³⁷ В 1928 году протяженность мексиканских автодорог равнялась 695 километрам, в конце 30-х годов – 9929 километрам.

¹³⁸ www.econ.barnard.columbia.edu/.../Maurer%20Empire%20Struck%20Back.pdf

Несмотря на истощение нефтяных богатств Мексики, стоимость активов ведущих иностранных компаний в стране не уменьшалась. Если принять, например, стоимость активов «Эль Агила» (без наличных в кассе и дебиторского долга) в 1922 году за 100%, то в 1935 году они составляли уже 185%, в 1937 году – 147%. Падение было связано с новыми, более высокими роялти, которые «Эль Агила» платила мексиканскому правительству в виде части своей продукции с месторождений в Поса-Рик.

Американские нефтяные компании опасались полной национализации нефтедобычи Карденасом еще в 1935 году, но нет никаких оснований утверждать, что эта мера тогда входила в планы президента. Конечно, никаких симпатий к иностранным нефтедобытчикам Карденас не испытывал. Примерно половина нефти по мировым ценам продавалась за границу, прежде всего в США и Великобританию. В самой же Мексике иностранные компании торговали нефтепродуктами по завышенным ценам. Например, бензин в Мексике стоил на 93% дороже, чем в США, а керосин – на 341%¹³⁹.

В 1934 году (еще до прихода Карденаса к власти) Мексику захлестнули протесты против повышения цен на бензин до 20 сентаво за литр, и правительство ввело в этом секторе рынка ценовой контроль. Предельная цена на бензин была установлена в 18 сентаво, 8 из которых приходилось на налоги.

По-прежнему все ключевые должности на предприятиях нефтедобычи занимали иностранцы, которым платили в разы больше, чем мексиканцам. Карденас помнил, как во время его командования военной зоной в районе нефтедобычи в 1925 – 1928 годах нефтяные компании попытались преподнести ему новенький «паккард», чтобы генерал не вмешивался в трудовые споры.

Тем не менее вплоть до 1938 года правительство Карденаса проводило прагматическую политику и даже поощряло иностранные капиталовложения в нефтедобычу, выделяя иностранцам лицензии на освоение новых перспективных участков добычи.

Созданная в 1934 году мексиканская государственная компания «Петромекс», имея в 1935-м 1,75% нефтедобычи, никакой конкуренции иностранному капиталу составить не могла.

Проблемы иностранных нефтяных компаний начались в августе 1935 года, когда рабочие-нефтяники, всегда отличавшиеся радикализмом и пребывавшие под сильным влиянием анархистов, создали единый профсоюз – Синдикат рабочих-нефтяников Мексиканской республики (испанская аббревиатура СТПРМ)¹⁴⁰. В июле 1936 года на своем первом чрезвычайном

¹³⁹ Шульговский А. Ф. Мексика на крутом повороте своей истории. М., 1967. С. 349

¹⁴⁰ С начала 20-х годов из-за падения нефтедобычи численность рабочих-нефтяников в Мексике сократилась с 50 тысяч до 13 тысяч человек.

съезде профсоюз решил добиться от компаний заключения нового коллективного договора. В ноябре 1936 года компании получили от профсоюза требования, содержавшие 240 пунктов.

Нефтяники требовали, в частности, повышения заработной платы на 130% (компании потом утверждали, что на 500%), «мексиканизации» рабочей силы (то есть предоставления коренным жителям Мексики тех рабочих мест, которые до сих пор занимали иностранцы), предоставления работы только членам профсоюза (за исключением должностей топ-менеджмента) и 40-часовой рабочей недели¹⁴¹. В случае если эти требования не будут приняты в короткий срок, профсоюз угрожал отраслевой забастовкой.

Правительство Карденаса отговорило рабочих от стачки, так как остановка нефтедобычи могла бы нанести серьезный удар по национальной экономике и доходным статьям бюджета. По рекомендации Карденаса профсоюз пошел на переговоры с компаниями, которые затянулись на полгода и не привели ни к каким результатам. В это время компании распространяли в прессе информацию о «жадности» нефтяников, которые и так получают более высокую заработную плату, чем работники других отраслей. Мол, требования нефтяников в случае их удовлетворения приведут к росту цен на бензин и керосин, а значит, ударят по интересам других рабочих и населения в целом.

В мае 1937 года переговоры были прерваны, и профсоюз назначил забастовку на 31 мая. Накануне забастовки КПМ и КТМ призвали всех трудящихся проявить солидарность с нефтяниками, которые борются не только за улучшение условий своего труда, но и за достоинство всех мексиканцев против империалистической эксплуатации. В случае необходимости КТМ был готов объявить всеобщую забастовку солидарности¹⁴².

Компании, в свою очередь, и не думали идти на компромисс. Они считали, что Мексика не вынесет остановки нефтедобычи и правительству придется объявить забастовку незаконной, чтобы спасти страну от катастрофы. Так как все инженерные должности на нефтедобывающих предприятиях занимали иностранцы, компании были уверены в том, что сами мексиканцы не смогут наладить добычу и переработку «черного золота».

Казалось, начало забастовки подтверждает прогнозы компаний. В городах стала ощущаться нехватка бензина, что сразу же отразилось на общественном транспорте и грузовых перевозках. На заправках образовались длинные очереди. Некоторые водители прикрепляли к своим машинам плакат примерно следующего содержания: «Мы с вами, трудящиеся-нефтяники, но помните, что у нас есть семьи»¹⁴³.

¹⁴¹ Mexico since Independence. Edited by Leslie Bethell. Cambridge University Press. 1998. P. 280

¹⁴² Шульговский А. Ф. Мексика на крутом повороте своей истории. М., 1967. С. 352

¹⁴³ Шульговский А. Ф. Мексика на крутом повороте своей истории. М., 1967. С. 353

Карденас попросил КТМ воздержаться от всеобщей стачки, которая не повредила бы интересам нефтедобывающих компаний, но нанесла бы ущерб национальной экономике.

6 июля 1937 года КТМ решила отказаться от забастовки солидарности, чтобы не усугублять экономических трудностей страны.

Однако, вопреки ожиданиям компаний, правительство не выступило против забастовки, заявив, что рабочие имеют право на такое средство борьбы за улучшение своего положения. 21 мая 1937 года Карденас лишь призвал обе стороны по возможности быстрее придти к компромиссу.

Экономические трудности Мексики, возникшие в результате забастовки, привели к серьезным спорам в профсоюзе нефтяников. Некоторые члены руководства профсоюза стояли за забастовку до победного конца. Другие предлагали одновременно наладить импорт горючего, чтобы облегчить страдания ни в чем не повинных потребителей. Третья группа предлагала прекратить забастовку и передать спор на рассмотрение правительству. В результате дискуссий возобладала именно третья точка зрения, и 6 июня 1937 года забастовка была временно прекращена.

Иностранные нефтяные компании восприняли прекращение стачки как доказательство верности своих прогнозов. Они не боялись рассмотрения спора Федеральной комиссией по трудовым спорам, полагая, что с ней можно говорить с позиции силы.

Федеральная арбитражная комиссия по трудовым конфликтам еще 31 мая 1937 года объявила забастовку нефтяников законной. После обращения профсоюза она назначила комиссию экспертов для обследования финансового состояния нефтяных компаний, чтобы установить, возможно ли с точки зрения рентабельности производства требуемое профсоюзом увеличение заработной платы. Компании согласились принять экспертную комиссию.

В Вашингтоне внимательно следили за разворачивающимся спором. 3 июля 1937 года госсекретарь Хэлл попросил временного поверенного в делах США в Мексике Боула «держатъ госдепартамент в курсе»¹⁴⁴. В июле Боул еще полагал, что правительство Мексики просто хочет повысить налог на нефтедобычу на 10%. О национализации речь не шла. Заместитель министра иностранных дел Мексики Бетета заверил временного поверенного, что декрет о налоге будет подписан только после разрешения трудового спора на нефтепромыслах. Сам налог был структурирован так, чтобы побудить нефтяные компании добывать больше нефти, а не превращать Мексику в «нефтяной резерв» на «черный день»¹⁴⁵. 14 июля 1937 года Бетета «кон-

¹⁴⁴ Foreign Relations of the United States (FRUS). Volume V, 1937. P. 645

¹⁴⁵ Налог должен был составлять 10% на первую добытую тысячу кубических метров, 12,5% – на вторую и 15% на всю остальную нефть, добытую сверх этого объема.

фиденциально» предупредил Боула, что правительство Мексики намерено в судебном порядке добиваться от американской «Уастека Компани» внесения в бюджет налогов, которые компания утаила за последние годы¹⁴⁶. Вероятно, Бетета основывал такую точку зрения на выводах работавшей на нефтепромыслах правительственной комиссии.

Между тем упомянутая комиссия, в состав которой входили видные эксперты-экономисты, например Сильва Эрцог, проделала свою работу в короткие сроки и 3 августа 1937 года представила свое заключение в Федеральную арбитражную комиссию.

Выводы экспертов были для компаний неутешительными. Аргумент работодателей, что нефтяники и так получают более высокую заработную плату, чем другие рабочие, был отвергнут, поскольку стоимость жизни в районах нефтедобычи в разы превосходила среднюю по стране. Дневной заработок нефтяника в Тампико в 10 песо по покупательной способности равнялся дневному заработку в 1 песо рабочего в Мехико¹⁴⁷. В сравнении с США, где некоторые нефтяные компании, находившиеся в Мексике, тоже вели добычу, положение было еще более очевидным: мексиканский нефтяник получал треть от заработка своего американского коллеги. При этом за счет более жесткой эксплуатации средняя производительность у мексиканского нефтяника была в 12 раз выше, чем у американца.

Комиссия выяснила также, что иностранные компании всячески занижали истинные размеры получаемой ими в Мексике прибыли. Так, сами компании утверждали, что получили в 1936 году прибыли на 20 миллионов песо, а комиссия оценила ее в 56 миллионов¹⁴⁸. Одним из методов утайки прибыли было занижение экспортных цен, а это, в свою очередь, означало еще и утаивание налогов от мексиканского государства¹⁴⁹. Причем если нефтяные компании утверждали, что их норма прибыли постоянно снижается, то комиссия пришла к прямо противоположному выводу: в 1934 году компании получили на вложенный капитал 16,53% чистой прибыли, а в 1935-м – 17,82%.

Общий вывод комиссии гласил, что компании вполне могут повысить заработную плату рабочим на 26,3 миллионов песо в год (это было меньше, чем требовали нефтяники). Минимальная дневная заработная плата должна

Предусматривались штрафные санкции за умышленное снижение объемов нефтедобычи. Боул совершенно верно сообщил в Вашингтон, что за счет нового налога Карденас планирует финансировать свои социально-экономические реформы.

¹⁴⁶ Foreign Relations of the United States (FRUS). Volume V, 1937. P. 648

¹⁴⁷ Шульговский А. Ф. Мексика на крутом повороте своей истории. М., 1967. С. 357

¹⁴⁸ Шульговский А. Ф. Мексика на крутом повороте своей истории. М., 1967. С. 357

¹⁴⁹ 15 июля 1937 года Боул сообщил в Вашингтон, что комиссия, направленная на «Уастека Компани» в связи с решением трудового конфликта, нашла доказательства уклонения компании от уплаты налогов.

составлять 5,40 песо (компании предлагали 2 песо). В целом по решению комиссии зарплата должна была вырасти в среднем на 20%.

Комиссия высказалась также за введение 40-часовой рабочей недели и 8-часового рабочего дня. 10% будущей зарплаты она предлагала удерживать и вместе с аналогичной суммой со стороны работодателя направлять на создание системы социального страхования рабочих. Рабочие, проработавшие не менее 10 лет, должны были получить право на оплачиваемый отпуск в 21 день. Ничего революционного или «коммунистического» в выводах комиссии не было.

Американские нефтяные компании встретили в штыки как выводы комиссии¹⁵⁰, так и предполагаемое правительством Мексики установление налога на нефтедобычу. Еще в меморандуме в госдепартамент от 14 июля 1937 года компании протестовали против нового налога, утверждая, что и так платят в мексиканский бюджет слишком много. Новый налог сделает «продолжение операционной деятельности очень проблематичным»¹⁵¹. Интересно, что компании считали готовившийся Карденасом налог нарушением договоренности 1927 года между Кальесом и тогдашним американским послом Морроу, хотя эта так называемая договоренность была никак не оформлена. К тому же как президент Мексики Карденас вовсе не обязан был ее придерживаться.

В отличие от самих нефтяных компаний, временный поверенный в делах США Боул полагал, что в случае открытого разрыва нефтяных компаний с мексиканским государством Мексика сможет найти необходимые для поддержания работы нефтепромыслов технические кадры, как в самой стране, так и за границей.

Весь июль 1937 года госдепартамент США боролся против грядущего нефтяного налога, но выводы комиссии по трудовому спору показали американцам, что уплата налога была для компаний куда более приемлемой альтернативой.

4 августа 1937 года Боул сообщил о выводах комиссии экспертов в Вашингтон¹⁵². В частности, он передал вывод комиссии, что все иностранные компании окупили свои инвестиции в Мексике как минимум 10 лет тому назад. К тому же британская компания «Агила», сосредоточив в своих руках 59,33% нефтедобычи в 1936 году, превратилась в монополиста. Прибыль работающих в Мексике иностранных компаний выше, чем прибыль нефтяных компаний в США, причем особенно высокими эти прибыли были в последние три года.

¹⁵⁰ Правда, Боул сообщал в Вашингтон, что, по мнению компаний, выводы комиссии оказались не такими «неудовлетворительными», как они предполагали.

¹⁵¹ Foreign Relations of the United States (FRUS). Volume V, 1937. P. 649

¹⁵² Foreign Relations of the United States (FRUS). Volume V, 1937. P. 659–660

Компаниям дали 72 часа на определение своей позиции, и она была четко выражена в интервью представителя «Стандард Ойл» в Мексике Андерсона: «Мы не можем и не желаем платить»¹⁵³.

В конфиденциальной беседе с послом Дэниэльсом Андерсон пояснил причины столь непримиримой позиции. По его мнению, Мексика не в состоянии выдержать остановку нефтедобычи, так как это оставит правительство Карденаса без денег. Даже если мексиканцам и удастся добыть нефть, то они все равно не смогут ее продать, так как у Мексики нет собственного танкерного флота.

Для подкрепления своей непримиримой линии компании сразу же после опубликования решения экспертной комиссии начали переводить за границу свои средства и увольнять с работы наиболее активных членов профсоюза как «агитаторов». За год с июня 1937-го по июнь 1938-го денежные вклады в мексиканских банках снизились на 82 миллиона песо. Таким образом, мексиканскому правительству была фактически объявлена экономическая война.

18 августа 1937 года в госдепартаменте прошла встреча руководства этого ведомства (заместитель госсекретаря Самнер Уэллес, глава Отдела американских республик Даггэн) с представителями американских нефтяных компаний в Мексике (в основном подразделения «Стандард Ойл»). Администрации Рузвельта пришлось признать, что пока мексиканское правительство действует в рамках закона. Однако нефтяные компании убеждали чиновников госдепартаamenta, что уступка Мексике будет означать ослабление позиций США в Латинской Америке и даже во всем мире¹⁵⁴.

Когда Уэллес спросил, «чего желают» компании от правительства США, те попросили обратить внимание мексиканского правительства на нежелательность дополнительной финансовой нагрузки на нефтедобычу. Уэллес ответил, что госдепартамент довел эту точку зрения до сведения мексиканского правительства еще в июле 1937 года в связи с возможным введением нового налога¹⁵⁵. Тогда компании попросили добиться от Карденаса приостановления исполнения решения Федеральной арбитражной комиссии, чтобы дать возможность госдепартаменту «изучить вопрос». Но Уэллес понимал, что для такого требования нет никаких законных оснований, и порекомендовал компаниям обратиться в суд, пообещав предоставить в их распоряжение юрисконсульта дипломатического ведомства.

Карденас, как сообщал временный поверенный в делах США Боул 28 августа 1937 года, выразил готовность принять представителей нефтяных компаний и выслушать их доводы. Уже 29 августа президент Мексики выпол-

¹⁵³ Шульговский А. Ф. Мексика на крутом повороте своей истории. М., 1967. С. 358

¹⁵⁴ Шульговский А. Ф. Мексика на крутом повороте своей истории. М., 1967. С.365–366

¹⁵⁵ Foreign Relations of the United States (FRUS). Volume V, 1937. P. 667

нил свое обещание. Компании пригрозили прекратить нефтедобычу, если Федеральная арбитражная комиссия поддержит доводы экспертов. Карденас в весьма примирительном тоне заметил, что его встревожили сообщения американских газет о том, что он якобы хочет изгнать из Мексики иностранный капитал. Но единственное, чего желает правительство Мексики, – установление справедливых отношений между трудом и капиталом¹⁵⁶. Покупку у нефтяных компаний их бизнеса правительство Мексики рассматривает лишь как вынужденное решение, если будут исчерпаны все другие альтернативы. Карденас выразил мнение, что обращение нефтяных компаний за дипломатической поддержкой только осложнит ситуацию. Вышеупомянутый Андерсон из «Уастека Компани» предупредил Карденаса, что уже получено «добро» акционеров на немедленное прекращение нефтедобычи, если Федеральная арбитражная комиссия подтвердит выводы экспертов. Он же попытался сравнить президента с рабочими: поддерживая требования профсоюза о повышении зарплаты, мексиканское правительство само лишает себя налоговых поступлений от нефтедобычи.

По итогам встречи стороны договорились продолжить поиски компромиссного решения проблемы¹⁵⁷. Карденас обещал в послании к Конгрессу 1 сентября 1937 года призвать профсоюз нефтяников к благоразумию. Как всегда, президент сдержал свое слово. 13 сентября он даже направил открытое письмо к рабочим-нефтяникам, призывая их поставить на первое место не свои интересы, а интересы всей страны и «самокритично» оценить собственные действия в трудовом конфликте.

Однако компромиссную позицию Карденаса американские нефтяные компании расценили как слабость и сами по-прежнему не желали идти ни на какие компромиссы.

Тогда Карденас решил расколоть единый фронт нефтяных компаний и договориться с британской «Эль Агила». Он верно рассчитал, что бескомпромиссная линия американского нефтяного бизнеса объяснялась тем, что для «Стандард Ойл» Мексика не играла особой роли. Американский нефтегигант добывал нефть в основном на родине и в Венесуэле. Поэтому американцы могли себе позволить на время прекратить все операции в Мексике без ущерба для общего финансового результата. Они полагали, что долго Мексика без нефти не продержится¹⁵⁸.

¹⁵⁶ Foreign Relations of the United States (FRUS). Volume V, 1937. P. 670–671

¹⁵⁷ Комментируя результаты встречи, Боул отмечал, что Карденасу срочно нужно примерно 25 миллионов песо на аграрную реформу в Лагуне, поэтому нефтяным компаниям придется заплатить в любом случае. Но, с другой стороны, если нефтяные компании прекратят добычу, доходы мексиканского правительства снизятся на 50%. Именно этим и объясняется уверенность компаний в своей победе.

¹⁵⁸ В принципиальном плане следует отметить, что США в 1938 году полностью

Победа в споре с мексиканским правительством, по замыслу «Стандарда Ойл», должна была преподнести хороший урок Венесуэле и удержать ее от повторения мексиканского примера, то есть не пытаться увеличить налогообложение или заработную плату рабочих. Еще и поэтому линия американских нефтяных компаний в Мексике была бескомпромиссной, хотя даже госдепартамент уговаривал их придти к соглашению с Карденасом.

Напротив, для «Эль Агила» нефтедобыча в Мексике играла главную роль, и компания была намерена остаться в стране всерьез и надолго. Отсюда ее готовность к компромиссу с властями.

В ноябре 1937 года Карденас предложил «Эль Агила» новые концессии в районе Поса-Рика¹⁵⁹, если компания согласится платить в казну больше налогов. «Эль Агила» согласилась платить от 25 до 35% роялти с новых скважин, и Карденас немедленно выделил концессии. Это был верный тактический ход. Во-первых, он опровергал пропаганду американских нефтяных компаний, что Мексика выдавливает из страны иностранный капитал. Во-вторых, всем стало ясно, что компании зря приbedнялись и вполне могут поступиться частью своей прибыли без ущерба для производства.

Естественно, Карденас предложил «Уастека Петролеум» соглашение на тех же принципах, на которых его подписала «Эль Агила». 17 ноября 1937 года Дэниэльс сообщил в госдепартамент, что соглашение Карденас с «Эль Агила» ставит в тяжелое положение американские компании, проводящие «жесткую» линию в нефтяном конфликте¹⁶⁰.

Американцам удалось заставить британцев (в том числе и через Форин-офис) сохранить «единый» фронт, и в середине декабря «Пирс Ойл», «Уастека Компани» и «Эль Агила» начали сворачивать нефтедобычу, ссылаясь на растущую подрывную деятельность профсоюза¹⁶¹. «Уастека» объявила об окончательном закрытии 23 скважин и «передислокации» рабочих в другие районы. Фактически это был локаут, запрещенный мексиканским трудовым законодательством. В ответ рабочие стали брать под охрану скважины, чтобы предотвратить саботаж со стороны иностранного менеджмента. Дэниэльс расценил эти действия профсоюза как «коммунистическую активность». Однако Рузвельт и госдепартамент хранили молчание – формального повода для протеста у США просто не было.

обеспечивали себя собственной нефтью и даже защищали своих производителей с помощью таможенных пошлин от нефтяного импорта. Для Англии, напротив, поставки мексиканской нефти имели очень важное значение, особенно после того, как Румыния, основной европейский производитель нефти, примкнула к Германии.

¹⁵⁹ Месторождения легкой нефти в этом районе были настолько богатыми, что даже при мировой цене в 1 доллар за баррель они приносили прибыль.

¹⁶⁰ Шульговский А. Ф. Мексика на крутом повороте своей истории. М., 1967. С. 364

¹⁶¹ Elizaga R. S. Los Codigos Ocultos del Cardenismo. Mexico, 1996. P. 189

Карденас понял, что урегулировать конфликт на основе компромисса не удастся, и дал «добро» Федеральной арбитражной комиссии на вынесение решения по трудовому спору в нефтяном секторе.

Пока Карденас пытался договориться с нефтяными компаниями, Федеральная арбитражная комиссия медлила с вынесением своего решения на основе многотомного отчета экспертов. Профсоюз нефтяников стал угрожать новой забастовкой, требуя, чтобы Федеральная арбитражная комиссия, наконец определилась. 18 декабря 1937 года Федеральная комиссия в целом утвердила выводы экспертной комиссии и постановила взыскать с нефтяных компаний упомянутые выше 26 миллионов песо.

Нефтяные компании обратились в Верховный суд Мексики с иском об отмене решения Федеральной арбитражной комиссии. Они утверждали, что их прибыль составила не 77 миллионов песо, как утверждала экспертная комиссия, а всего 18 миллионов. Поэтому выполнение требования об увеличении зарплаты якобы будет означать нерентабельность производства¹⁶².

Вторая встреча президента с делегацией нефтяных компаний состоялась 18 октября 1937 года. Бизнесмены жаловались на забастовки (их якобы было 91 с ноября прошлого года) и опять грозили приостановлением добычи. Карденас опять обещал разобраться. Представители компаний ушли, по сообщению Дэниэльса, «с надеждой, но не со слишком большой надеждой»¹⁶³.

Рассмотрение дела в Верховном суде порождало у компаний определенный оптимизм. Они помнили, что именно после решения Верховного суда в 1927 году был отменен «нефтяной закон» Кальеса 1925 года и их на время оставили в покое.

Однако общественная атмосфера в Мексике была в 1937 году совсем иной, чем в 1927-м. КТМ 16 февраля 1938 года разослала циркуляр всем местным организациям, призывая провести по всей стране митинги в поддержку нефтяников. Было дано также указание завалить Верховный суд телеграммами с требованием отклонить иск компаний¹⁶⁴.

Профсоюз нефтяников в секретном циркуляре местным организациям еще 3 февраля 1938 года просил подобрать среди членов профсоюза квалифицированный персонал для управления нефтепромыслами на случай, если

¹⁶² В меморандуме для госдепартамента, подготовленном для встречи с Уэллесом, компании утверждали, что выполнение решения экспертной комиссии приведет к дополнительным расходам в 46 миллионов песо, а доход их составляет всего 20 миллионов песо. В этом же меморандуме компании утверждали, что целью мексиканского правительства является полная национализация нефтяной промышленности.

¹⁶³ Foreign Relations of the United States (FRUS). Volume V, 1937. P. 674

¹⁶⁴ Шульговский А. Ф. Мексика на крутом повороте своей истории. М., 1967. С. 369

компании прекратят добычу нефти. Этот циркуляр попал в распоряжение посла США Дэниэльса.

2 марта 1938 года, в день, когда Верховный суд должен был вынести свое решение, к зданию суда стали стекаться сотни людей. Вся Мексика замерла в ожидании вердикта. В зале суда в ложах для гостей было необычно много представителей прессы и иностранных дипломатов.

Бурные дебаты шли в Конгрессе. Многие депутаты настаивали на немедленной национализации нефтяного сектора перед лицом открытого саботажа нефтяных компаний. Депутат Бельоа заявил, что нефтяные компании хотят разжечь в Мексике беспорядки и превратить ее во вторую Испанию¹⁶⁵.

Верховный суд принял решение, подтверждающее вердикт Федеральной арбитражной комиссии. Нефтяным компаниям было дано 72 часа, чтобы его выполнить. Примечательно, что проигравшие никакого особого возмущения не выразили, но и решение выполнять не стали. Они уже полностью настроились на экономическую войну с Мексикой и пытались поставить страну на колени, саботируя нефтедобычу.

4 и 7 марта 1938 года Карденас опять встречался с представителями нефтяных компаний, убеждая их пойти на компромисс. Но те были непреклонны. На встрече 7 марта, ровно в полдень, Карденас категорично спросил представителей компаний, что они намерены делать. Те столь же категорично ответили, что будут бороться против решения Федеральной арбитражной комиссии, так как выполнить его не представляется возможным.

По этому поводу британский посол в Мексике О'Мэлли сказал своему американскому коллеге: «...компании не верят, что Карденас сделает то, о чем говорит»¹⁶⁶. Посол ссыался на конфиденциальные сведения, полученные им из штаб-квартир нефтяных компаний. Дэниэльс же 5 марта 1938 года записал в дневнике, что у Карденаса не остается другого выхода, как взять под контроль нефтедобычу, чтобы обеспечить бесперебойное функционирование нефтепромыслов¹⁶⁷.

Между тем 7 марта 1938 года сам Карденас еще действительно не знал, как ему реагировать на столь дерзкое поведение иностранных фирм. Решение было принято поздно вечером 9 марта 1938 года, когда прези-

¹⁶⁵ Шульговский А. Ф. Мексика на крутом повороте своей истории. М., 1967. С. 370

¹⁶⁶ Gilly A. El cardenismo. Una utopia mexicana. Mexico, 2001. P. 28

¹⁶⁷ К моменту национализации пять крупных иностранных компаний – «Эль Агила» (дочерняя фирма «Шелл») и американские «Уастека», «Синклер», «Мексикэн Галф» и «Империи» – контролировали 92,95% мексиканского экспорта нефти. 32,79% экспорта нефти шло в США, 23,27% – в Великобританию, 10,36% – в голландскую Вест-Индию (на нефтеперерабатывающий завод на Арубе) и 10,08% – в Германию. На Италию приходилось всего 0,04% экспорта. Япония мексиканскую нефть тогда вообще не покупала.

дент возвращался с сахарного завода имени Эмилиано Сапаты в штате Морелос. Остановив машину, он позвал к себе сопровождавшего его министра связи и коммуникаций генерала Мухику. Собеседники сошлись во мнении, что фактический мятеж компаний против мексиканского законодательства предоставляет уникальную возможность вернуть народу Мексики его природные ресурсы. И Карденас, и Мухика были едины в том, что необходима национализация нефтяной промышленности. Оба генерала полагали маловероятным, что Англия и США прибегнут к военным мерам в условиях надвигающейся мировой войны и провокаций «нацифашистов»¹⁶⁸.

Если Карденас во время этой судьбоносной беседы взвешивал все «за» и «против», то Мухика настойчиво убеждал президента и друга немедленно декретировать национализацию «любой ценой».

10 марта 1938 года Карденас собрал ключевых членов правительства (министра финансов Сауреса, министра экономики Буэнростро, заместителя министра иностранных дел Бетету, главу департамента труда Вильялобоса, главу Банка Мексики Монтеса де Оку) и сообщил им о возможной предстоящей национализации. Президент умолчал, что уже принял окончательное решение предыдущим вечером.

11 марта компании попросили президента Мексики о новой встрече, но наткнулись на отказ. Карденас передал, что все, что мог, сказал 7 марта, и если компании согласны с его предложениями, им надо обращаться в Федеральную арбитражную комиссию. Таким образом, даже 11 марта нефтяные компании еще могли спасти свою собственность.

13 марта представитель «Эль Агила» встретился с рабочими и предложил им заключить компромиссное соглашение в обход вердикта Федеральной арбитражной комиссии. 14 марта Верховный суд потребовал от компаний выполнить решение Федеральной комиссии в течение 24 часов¹⁶⁹.

16 марта «Эль Агила» выразила готовность пойти на увеличение зарплаты в объеме, предписанном Федеральной арбитражной комиссией. Но было уже поздно, тем более что американские компании по-прежнему не желали идти на компромисс.

Между тем американские СМИ и некоторые сенаторы опять стали резко критиковать Карденаса за то, что он якобы хочет ввести в Мексике коммунизм¹⁷⁰. Нефтяной конфликт окончательно стал политическим и превратился в тест на суверенитет мексиканского правительства.

¹⁶⁸ Gilly A. El cardenismo. Una utopia mexicana. Mexico, 2001. P. 16

¹⁶⁹ В этот же день Карденас отметил в своем дневнике казнь Бухарина, Рыкова, Ягоды и других «выдающихся деятелей Советского Союза». Президент Мексики не верил в обвинения, предъявленные этим людям.

¹⁷⁰ Elizaga R. S. Los Codigos Ocultos del Cardenismo. Mexico, 1996. P. 193

Компании снова обратились в суд, пытаясь доказать, что Федеральная арбитражная комиссия не имела законных полномочий для решения конфликта в отрасли. Тем самым они выиграли еще четыре дня, но иск был отвергнут.

Сами американские компании по-прежнему не верили, что Карденас осмелится на национализацию. Об этом 16 марта 1938 года главе латиноамериканского отдела госдепартамента Даггэну заявил Харольд Уокер, представитель «Стандард Ойл». У мексиканского правительства, говорил он, не хватит смелости, чтобы выполнить решение собственного Верховного суда¹⁷¹.

А у Карденаса фактически и не оставалось иного выхода для предотвращения экономического коллапса страны, кроме национализации нефтяной промышленности.

Обострялась и обстановка в мире. 15 марта 1938 года Карденас по поводу аннексии Гитлером Австрии записал в дневнике, что преступление совершенное еще в 1935 году в отношении Эфиопии, повторилось вновь: «Германия договорилась с Англией и Францией и делит в Европе маленькие страны».

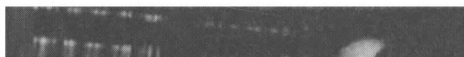
17 марта посол США Дэниэльс сообщил министру иностранных дел Мексики Айю, что компании готовы повысить зарплату на 26 миллионов песо, но возражают против других статей коллективного договора с рабочими. Это было началом капитуляции, но прежняя спесь подвела иностранных инвесторов – они уже опоздали. Время компромиссов прошло.

Федеральная арбитражная комиссия объявила, что с 18 марта 1938 года объявляются расторгнутыми все трудовые контракты на нефтепромыслах. 18 марта в 20.00 Карденас собрал правительство и объявил о предстоящей национализации нефтяной промышленности. Он пригласил и Ломбардо Толедано, чтобы проинформировать крупнейший профцентр страны. Реакция Толедано оказалась более чем странной. Он уговаривал Карденаса не заходить так далеко и ограничиться временным взятием нефтепромыслов под контроль правительства. Когда Ломбардо Толедано вернулся от Карденаса, он был в панике и предрекал, что уже завтра к Мексике подойдут корабли ВМС Англии и США¹⁷².

В тот же вечер, в 22.00, за два часа до официального прекращения контрактов, президент Карденас выступил по радио и объявил о национализации нефтяной промышленности. Президент подчеркнул, что был вынужден пойти на этот шаг. Продолжение конфликта привело бы к тому, что «финансовая деятельность была бы парализована, все виды торговли, общественные работы, мероприятия первостепенной важности были бы невозможны и существование самого правительства оказалось бы под угрозой, ибо по-

¹⁷¹ Gilly A. El cardenismo. Una utopia mexicana. Mexico, 2001. P. 46

¹⁷² Gilly A. El cardenismo. Una utopia mexicana. Mexico, 2001. P. 57

Интересно, что первыми, кто предложил правительству финансовую помощь (кредит в 3 миллиона песо), стала Ассоциация мелких сельскохозяйственных производителей, куда входили и пострадавшие от аграрной реформы помещики. Карденас был тронут этим шагом и поручил губернаторам штатов тщательно учитывать интересы этой группы населения при дальнейшем проведении преобразований на селе¹⁷⁵.

Чтобы предотвратить вывод нефтяными компаниями капиталов за границу, Банк Мексики 18 марта приостановил продажу долларов и золота (через несколько дней продажу долларов возобновили). Для пополнения резервов правительства началась усиленная чеканка серебряных монет.

Юридически решение Карденаса о национализации основывалось на законе 1936 года об экспроприации частных предприятий ради общественного блага. Для управления нефтепромыслами был создан Административный совет из девяти человек, двое из которых назначались Министерством финансов, трое – Министерством экономики, один – государственной нефтяной администрацией, а трое – профсоюзом нефтяников.

Американские нефтяные компании немедленно обратились в госдепартамент с требованием подвергнуть Мексику санкциям. Истерию нагнетал и посол Дэниэльс, который сообщил в Вашингтон, что Карденас окончательно подпал под влияние коммунистов и готовится объявить в стране военное положение¹⁷⁶. Однако президент Рузвельт хранил молчание. Он без всякой симпатии относился и к нефтяным компаниям в самих США, а те спонсировали его основных противников – республиканцев.

21 марта 1938 года на пресс-конференции госсекретарь Корделл Хэлл заявил, что решение о национализации нефтяной промышленности Мексики было для США совершенно неожиданным. Хэлл признал право Мексики на национализацию и в качестве компромисса предложил, чтобы компенсация за экспроприированную собственность не превысила 500 миллионов долларов¹⁷⁷. До уплаты этой суммы, по мнению Хэлла, можно было бы оставить нефтепромыслы в руках компаний, признав собственность на них за Мексикой. Компании продолжают нефтедобычу в качестве операторов, и часть прибыли будет переводиться на уплату компенсации.

За закрытыми дверями тон американцев был куда более жестким. На встрече с мексиканским послом в Вашингтоне Кастильо Нахерой 21 марта заместитель госсекретаря Уэллес назвал национализацию «самоубийственной политикой»¹⁷⁸. Теперь, после национализации, мировой рынок будет

¹⁷⁵ Elizaga R. S. Los Codigos Ocultos del Cardenismo. Mexico, 1996. P. 194

¹⁷⁶ Elizaga R. S. Los Codigos Ocultos del Cardenismo. Mexico, 1996. P. 197

¹⁷⁷ Такая «щедрость» была корыстной – Институт Брукинга в самих США оценивал собственность национализированных компаний в 200 миллионов долларов.

¹⁷⁸ Шульговский А. Ф. Мексика на крутом повороте своей истории. М., 1967. С. 381

бойкотировать мексиканскую нефть, и ее придется продавать фашистским державам Германии и Италии, что сделает Мексику пособником их агрессивной внешней политики. Последний аргумент был приведен Уэллесом не случайно – только что Германия «присоединила» к себе Австрию, и Мексика наряду с СССР была одной из немногих стран, кто решительно осудил «аншлюс». Уэллес порекомендовал, чтобы Карденас пересмотрел декрет о национализации.

27 марта Дэниэльс вручил министру иностранных дел Мексики Айю резкую ноту Хэлла. США требовали немедленной компенсации и, чтобы подкрепить свои требования, прекратили закупку мексиканского серебра. Резкость и «несвоевременность» ноты поразили даже Дэниэльса. Посол считал, что обмен публичными протестами только ужесточит позицию Мексики, которая будет стремиться сохранить лицо. Мексиканцы, напротив, отказались принять ноту, если она не будет опубликована.

Карденас выиграл войну нервов – Дэниэльс просил считать ноту Хэлла «неполученной». 30 марта Хэлл опять выступил на пресс-конференции и на сей раз старался выражаться более миролюбиво. Карденас понимал, кому он обязан резкой сменой тона, и направил приветственное послание «государственному деятелю самой могущественной страны американского континента» Рузвельту, чья реакция на действия мексиканского правительства «завоевала высокую оценку народа Мексики»¹⁷⁹.

Американцы попытались также с помощью интервенции «уронить» цены на серебро и на мировом рынке. Американские таможенники на границе пытались отговорить граждан США от поездок в Мексику. Из-за антимексиканской истерии в британских и американских СМИ государственные облигации Мексики упали в цене на 30%. Американская горнодобывающая компания «Америкэн Сметтинг» в Мексике объявила локаут в знак солидарности с нефтяными компаниями, чем грубо нарушила мексиканское законодательство.

Но санкции никакого действия не возымели, и вскоре США опять возобновили закупки мексиканского серебра.

Карденас, однако, не обманывался насчет временного затишья в стане своих врагов. Пока президент боролся за восстановление суверенитета Мексики над ее недрами, в самой Мексике зрел опасный заговор против нового режима, в котором участвовали все враги Карденаса – от американских нефтяных компаний до нацистских агентов и Кальеса.

К началу 1937 года внутривластительное положение Карденаса было прочным как никогда. Если бы в то время в стране прошли свободные выборы, то президент легко получил бы более 90% голосов. На его стороне твердо стояли рабочие и крестьянские массы страны.

¹⁷⁹ Elizaga R. S. Los Codigos Ocultos del Cardenismo. Mexico, 1996. P. 199

К лету 1937 года армия подавила последние очаги «второй кристиады», и в Мексике впервые за много лет воцарился внутренний мир. Впрочем, еще в начале этого года стало ясно, что хозяин положения – правительство, поэтому в феврале 1937 года Карденас принял закон об амнистии, по которому в страну могли вернуться около 10 тысяч эмигрантов – участников настоящих и фиктивных мятежей начиная с 1922 года (например, бывший президент Мексики Адольфо де ла Уэрта).

Однако радикальные реформы Карденаса быстро сплотили против него единый фронт внутренней и внешней реакции.

Легальную оппозицию режиму представляла собой Социал-демократическая партия во главе с бывшим лидером Национальной кооперативистской партии начала 20-х годов Хорхе Прието Лауренсом. Программой партии было построение общества, «равноудаленного от капитализма и социализма». Своими основными противниками социал-демократы считали НРП, КПМ и КТМ¹⁸⁰. Несмотря на то, что партия позиционировала себя как «центристская», она вошла в союз с праворадикальным АРМ, лидер которого Николас Родригес бежал в США. Заявления партии были пропитаны антикоммунистической риторикой. Социал-демократы хотели «спасти» мексиканскую революцию от «крайне левых сил», к которым причисляли и Карденаса.

Родригес был изгнан из Мексики в августе 1936 года, отделения АРМ были закрыты, а само движение – объявлено вне закона. Интересно, что, несмотря на просьбу мексиканского правительства, власти США не хотели принимать у себя этого борца с коммунизмом как «нежелательный элемент». Министерство юстиции США выдвинуло против Родригеса обвинение в незаконном въезде в страну, однако почему-то спустило дело на тормозах.

По данным американской разведки, у Родригеса было 2–3 тысячи долларов, которыми его снабдили для антиправительственной борьбы богатые мексиканцы и иностранцы. Свою штаб-квартиру Родригес устроил в приграничном техасском городе Эль-Пасо, но, по сведениям американцев, он выезжал и в Мексику. Лидер АРМ связался с Кальесом, и бывший «хefe максимо» заверил, что поддержит его в борьбе с мексиканским коммунизмом. Не прерывал Родригес и связей с АО НСДАП в Мексике.

Начало радикальной аграрной реформы усилило сопротивление против президента, и у этого сопротивления осенью 1937 года появился вождь общенационального масштаба.

Находясь на посту министра сельского хозяйства, Сатурнино Седильо не только не участвовал в проведении нового этапа аграрной реформы, но и публично критиковал создание коллективных «эхидос». В то время как

¹⁸⁰ Elizaga R. S. Los Codigos Ocultos del Cardenismo. Mexico, 1996. P. 139

Карденас лично распределял землю на Юкатане и в Лагуне, Седильо объезжал колонии своих ветеранов в штатах Сан-Луис-Потоси, Идальго и Тамаулипас, чтобы не терять их поддержку.

Ветераны Седильо были не кооператорами, а мелкими собственниками, и их поселения имели с 1921 года статус военных колоний – то есть владельцы земельных наделов были легально вооружены и входили в армейский резерв. Седильо опасался, что затеянное Карденасом кооперирование лишит его сторонников оружия. А главное – они перестанут быть «его людьми» и сделаются сторонниками президента. Поэтому Седильо всячески препятствовал проведению аграрной реформы на подконтрольной ему территории, тем более что он сам и ряд его ближайших приверженцев были крупными землевладельцами.

Реакционная пресса всячески подогревала оппозиционность тщеславного Седильо, выдвигая его на роль «спасителя нации» от коммунистических экспериментов Карденаса. В свою очередь, левые силы клеймили Седильо как махрового реакционера, саботирующего все реформы президента. Об этом, в частности, без усталости говорил депутат Конгресса Аурелио Манрике¹⁸¹.

Карденас, естественно, знал о настроениях Седильо, но пока ограничился лишь тем, что фактически отстранил профильного министра от проведения аграрной реформы.

В августе 1937 года газета «Ла Пренса» опубликовала серию статей о готовящемся в Мексике мятеже. Его организаторами были Николас Родригес и ряд нацистских агентов, в том числе глава пресс-службы АО НСДАП в Мексике Дитрих. С помощью некоторых американских бизнесменов, в том числе Смитерса, была налажена контрабанда оружия из США. Разведка Карденаса доносила президенту также, что группа Родригеса связана с Седильо через сонорского губернатора Романа Йокуписио. Центром подрывных операций был приграничный техасский город Эль-Пасо. В самой Мексике мятежники располагали несколькими готовыми к восстанию отрядами общей численностью примерно 1000 человек, разбитыми на группы по 50 человек.

В отчете перед Конгрессом 1 сентября 1937 года Карденас прозрачно намекнул, что знает о планах мятежа и что ради спокойствия в стране готов предпринять самые решительные меры. В качестве социальной базы путчей президент определил всех тех, кто лишился в ходе реформ былых привилегий и теперь вызывает к «гарантиям и порядку»¹⁸².

В начале сентября в прессе появились данные о нецелевом расходовании средств министром сельского хозяйства. Седильо направлял предназначенные для проведения аграрной реформы деньги на вооружение своих «воен-

¹⁸¹ Elizaga R. S. Los Codigos Ocultos del Cardenismo. Mexico, 1996. P. 206

¹⁸² Elizaga R. S. Los Codigos Ocultos del Cardenismo. Mexico, 1996. P. 208

щиков помимо самого Седильо входили командующий войсками в штате Сан-Луис-Потоси генерал Франсико Каррера Торрес, губернатор штата Сакатекас Феликс Баньюэлос, губернатор Соноры Йокуписио и губернатор Мичоакана Хильдардо Маганья.

Участие в заговоре губернатора Соноры было особенно тревожным сигналом для Карденаса, так как Йокуписио считался человеком Портеса Хиля¹⁸⁴. У бывшего президента были связи среди крестьянских организаций, и он мог придать «верхушечному» мятежу массовый характер. Разведка доносила Карденасу, что Йокуписио уже обустроил в Соноре несколько тайных аэродромов, на которые самолетами (формально закупленными губернатором для авиашколы в столице Соноры Эрмосильо) прибывало контрабандное оружие.

Однако Карденас был на шаг впереди заговорщиков. Как только Седильо вернулся в свой родной штат, вслед за ним туда были передислоцированы 8 тысяч солдат федеральной армии и 3 тысячи крестьян-резервистов из соседних штатов. Авиационную школу вооруженных сил перевели из Сан-Луис-Потоси в Мехико. Из Министерства сельского хозяйства удалили около 500 сторонников Седильо. В октябре 1937 года в окрестностях Мехико полиция прекратила работу тайного радиопередатчика, который информировал Седильо о событиях в столице¹⁸⁵. Были арестованы три преподавателя авиашколы в Соноре, у которых нашли адресованные Седильо письма недвусмысленного содержания.

Президент думал, что восстание назначено на 16 сентября 1937 года. Те же сведения были и у американского военного атташе. Посольство США предполагало, что к мятежу примкнет один из самых влиятельных (и богатых) генералов мексиканской армии Альмасан.

Как только Седильо вернулся в родной штат, он организовал там демонстрации против президента и в свою собственную поддержку. Купленные или обманутые генералом крестьяне кричали: «Смерть Карденасу!» Митинги сторонников президента разгонялись с применением огнестрельного оружия. Фактически штат Сан-Луис-Потоси попал в руки оппозиции – там стало опасно даже говорить о симпатиях к главе государства.

Террор против сторонников Карденаса развязали и в соседнем штате Тамаулипас, что было опасно вдвойне. Во-первых, беспорядки в этом штате, центре нефтедобычи, играли на руку пропаганде нефтяных компаний, убеждавшей американское общественное мнение, что в Мексике царит анархия и народ стихийно поднимается против «коммуниста» Карденаса. Во-вторых, Тамаулипас был «вотчиной» Портеса Хиля, бывшего лидера

¹⁸⁴ Adrian A. Bantjes *As If Jesus Walked on Earth: Cardenismo, Sonora, and the Mexican Revolution*. Wilmington, 1998. p. 178

¹⁸⁵ Elizaga R. S. *Los Codigos Ocultos del Cardenismo*. Mexico, 1996. P. 209

НРП¹⁸⁶, а его участие в путче могло расколоть правящую партию. К тому же в октябре 1937 года в убийстве 14 крестьян в Тамаулипасе был замешан один из местных лидеров НРП некий Суньига. Но вскоре сторонники Седильо убили главу НРП в Сан-Луис-Потоси Томаса Тапио.

Лига аграрных сообществ в Тамаулипасе, созданная в свое время Портесом Хилем, распространяла среди крестьян подготовленный «дорадос» с немецкой помощью памфлет об «антимексиканской политике» Карденаса, которая ведет Мексику к экономическому краху. В памфлете Карденас именовался «дураком» и «предателем», готовым отдать Мексику на откуп Москве.

Сам Седильо, зная печальный исход предыдущих военных мятежей, все же опасался пойти на открытый разрыв с президентом. Он попросил Карденаса оставить ему официальную вооруженную охрану. К тому же Седильо настаивал на том, чтобы в штате остался преданный ему лично 36-й кавалерийский полк федеральной армии. 10 октября 1937 года Карденас написал бывшему министру письмо, в котором решительно требовал от него прекратить вмешательство в политическую жизнь штата Сан-Луис-Потоси и «посвятить себя земледелию» на своем ранчо «Лас Паломас»¹⁸⁷. 36-й полк был переведен в штат Гуанахуато.

К середине октября 1937 года Карденас сосредоточил в штате Сан-Луис-Потоси значительные вооруженные силы. По данным американского военного атташе, там находились 8–10 тысяч солдат регулярной армии и 4700 резервистов. На расстоянии не более 400 миль от штата находились в боевой готовности еще 77 тысяч резервистов, которых можно было бы быстро перебросить в Сан-Луис-Потоси в случае необходимости. Верные Седильо силы насчитывали примерно 15 тысяч бойцов и 15 самолетов и были сконцентрированы вокруг ранчо опального генерала «Лас Паломас»¹⁸⁸.

Карденас пытался с опорой на армию заменить седильистские власти штата Сан-Луис-Потоси, затем создать там, как и по всей стране, мощные рабочие и крестьянские организации и, опираясь на них, провести наконец в штате полномасштабную аграрную реформу, чтобы лишить клан Седильо экономической мощи.

18 ноября 1937 года президент нанес удар по заговорщикам в Мехико. Произведенные аресты заставили Седильо отложить переворот. Он решил заручиться поддержкой американцев и немцев.

¹⁸⁶ Карденас знал, что Седильо активно распределяет оружие среди своих сторонников в Тамаулипасе.

¹⁸⁷ Elizaga R. S. *Los Codigos Ocultos del Cardenismo*. Mexico, 1996. P. 211

¹⁸⁸ Всего в мексиканской армии в то время было 56 700 военнослужащих (55 самолетов). В крестьянских резервах числились 81 765 человек, сведенных в 117 пехотных батальонов, у которых было 96 275 винтовок.

В ноябре Седильо встретился с Дэниэльсом и передал сфабрикованный при помощи АО НСДАП документ, якобы украденный его людьми из архива Ломбардо Толедано. Речь шла об «инструкциях» из Москвы не только для Толедано, но и для Карденаса и его ближайшего соратника генерала Мухики. Дэниэльс на такую грубую фальшивку не купился и лишь сообщил в Вашингтон, что «документ» должен вызвать у США тревогу по поводу предстоящего взятия коммунистами власти в Мексике¹⁸⁹. Сам Седильо сказал Дэниэльсу, что покинул правительство, потому что оно готовит коммунистическую революцию в Мексике.

В США знали, что Седильо через американского летчика Клойда Клевенджера пытается установить связи с нефтяными компаниями и наладить контрабанду из Америки оружия, которую и должны были финансировать эти компании.¹⁹⁰ Седильо оказывала поддержку американская фирма «Америкэн Сметлинг», предоставившая свою территорию для обустройства складов оружия. Напомним, что именно эта компания позднее объявила локаут в знак солидарности с нефтяными компаниями после их национализации в марте 1938 года. Военный атташе США считал, что Седильо установил рабочие контакты с германским посольством в Мехико через Николаса Родригеса.

Нацисты осторожно поддерживали Седильо, так как были недовольны помощью Карденаса Испанской республике и общим прогрессивным курсом мексиканского правительства. В Берлине полагали, что при президенте Седильо поставки нефти и минерального сырья из Мексики будут обеспечены.

Член НСДАП барон Эрнест фон Мерк был назначен командующим полицией Сан-Луис-Потоси¹⁹¹ и получил задание тренировать седильистов на случай вооруженного столкновения с правительственными войсками¹⁹². В апреле 1938 года фон Мерк попытался установить связь с посольством США в Мехико, но там отказались его принять, чтобы не быть скомпрометированными впоследствии возможным соучастием в мятеже Седильо.

30 июня 1937 года в Тампико из Нью-Йорка прибыл пароход «Пануко» с грузом для некоего Армерии Эстрады. Отправителем значилась известная

¹⁸⁹ Elizaga R. S. Los Codigos Ocultos del Cardenismo. Mexico, 1996. P. 213

¹⁹⁰ С деньгами (причем долларами) у Седильо, похоже, проблем не было. Клевенджер предложил другому американскому летчику за работу на мексиканца 1000 долларов в месяц – неплохая по тем временам сумма. Летчиков завербовала для Седильо «Стандард Ойл».

¹⁹¹ Шульговский А. Ф. Мексика на крутом повороте своей истории. М., 1967. С. 398

¹⁹² Фон Мерк ранее служил в немецкой армии, но, видимо, на момент мятежа Седильо весной 1938 года не имел прямого контакта с Берлином. Сам фон Мерк считал, что Седильо и его сторонники должны представить свое движение как «чисто национальное», не связанное ни Германией, ни с Италией.

американская фирма по производству оружия «Винчестер». «Винчестеру» этот груз (винтовки, пистолеты и 140 ящиков патронов разного калибра) заказал некий итальянец Бенито Эстрада. Из Тампико груз был немедленно переправлен железной дорогой в Сан-Луис-Потоси. Там его встретил барон фон Мерк и перевез на ранчо Седильо. Через неделю тот же фон Мерк встретил и партию «сельскохозяйственного оборудования» из США. На самом деле это был динамит. Все свои действия фон Мерк постоянно согласовывал с нацистским посольством в Мехико, куда часто выезжал.

В январе 1938 года на Юкатан в качестве «туристов» прибыла группа офицеров вермахта для рекогносцировки с целью налаживания возможной переброски в Мексику оружия морем. Юкатан был выбран немцами не случайно. Предполагалось, что, опираясь на недовольных аграрной реформой плантаторов, в случае мятежа захватить власть в Юкатане будет несложно. Рядом находился штат Чьяпас, кофейные плантации которого принадлежали немцам. Плантаторы Чьяпаса боялись, и не зря, что скоро потеряют ответственность в ходе аграрной реформы.

В граничащей с этим штатом Гватемале немецкая дипмиссия формировала отряды мексиканских эмигрантов, которые должны были вторгнуться в Чьяпас при поддержке войск гватемальского диктатора Убико. Из Гватемалы была налажена контрабанда оружия в Чьяпас через порты Обрегон и Параисо. По данным американского посольства в Гватемале, всю эту работу организовал секретарь германской дипмиссии в Гватемале Хельмут Дитмар. Дитмар посещал также и «Немецкий клуб» в Тапачуле (Мехико), где встречался с «кофейными баронами» Чьяпаса¹⁹³.

21 декабря 1937 года фон Мерк вылетел в Гватемалу, чтобы лично проследить за прибытием из Германии в порт Пуэрто-Барриос партии оружия, которую нужно было переправить в штаты Чьяпас и Кампече (реками или на ослах через практически непроходимые и неохраемые джунгли на границе между Мексикой и Гватемалой).

Гватемальский диктатор Убико был горячим поклонником Муссолини, а глава итальянской дипмиссии в Гватемале – фактически главным советником гватемальского президента¹⁹⁴. Итальянская компания «Бреда» по запросу итальянского посла в Гватемале Сотаниса направила Убико 280 пулеметов, 60 зенитных пушек и 70 орудий малого калибра. Естественно, для внутренних нужд Убико зенитные пушки были не нужны. Но они были бы незаменимы в случае гватемальско-мексиканского конфликта. Мексиканская армия не могла быть быстро переброшена в Чьяпас (железнодорожного со-

¹⁹³ Вскоре, правда, «Немецкий клуб» был сожжен неизвестными дотла.

¹⁹⁴ Итальянская агентура активно действовала и в самой Мексике. Именно итальянцы узнали маршрут корабля «Мар Кантабрико» и сообщили об этом франкистам, которые смогли перехватить предназначавшееся для республиканцев оружие.

общения с этим штатом не имелось), и поэтому на первой стадии конфликта Мексике пришлось бы задействовать свою авиацию. Вот здесь и пригодились бы зенитные пушки из Италии.

В марте 1938 года мексиканские самолеты во время облета практически необитаемого района штата Кампече неожиданно обнаружили почти полностью построенный аэродром посреди джунглей на границе с Гватемалой. Затем было обнаружено еще два тайных аэродрома.

Контрабандой оружия из США занимался и губернатор Соноры. В феврале 1938 года он закупил автоматы «томпсон» и патроны к ним¹⁹⁵. В Соноре часто бывал секретарь немецкой дипмиссии Генрих Норте, имевший личный самолет «для увеселительных целей». Встречался Норте и с Седильо¹⁹⁶.

Помощником Норте в Мехико был немецкий эмигрант, которого знали под именем Ханс Хельбинг. На самом деле этого человека звали Ханс-Хайнрих фон Хольойфер. Веймарская республика требовала у США его экстрадиции за совершенные в Германии преступления, и Хольойфер в 1926 году переехал в Гватемалу, а оттуда в 1931 году, уже под новым именем, – в Мексику. Муж сестры Хольойфера после 1933 года занял важный пост в гестапо. Именно Хольойферу было поручено принять контрабандный груз оружия из Германии на берегу штата Кампече в декабре 1937 года.

Если бы Германии и Италии удалось поднять мятеж против Карденаса одновременно на севере (Сан-Луис-Потоси) и на юге (Юкатан, Чьяпас, Кампече), то у этой авантюры были бы все шансы перерасти в затяжной конфликт. В этом случае немцы могли бы предложить Карденасу свои услуги для ликвидации мятежа и обеспечить, таким образом, себе влияние на мексиканскую внутреннюю и внешнюю политику.

5 октября 1937 года немецкий посол в Мексике фон Колленберг встретился со своими коллегами из Японии и Италии¹⁹⁷. Характерно, что было решено проводить встречу не в одном из посольств, а в здании общества итальянцев в Мехико. Все три посла подъехали туда не на дипломатических машинах, а на такси.

На этой встрече было решено подключить к готовящемуся мятежу предпринимателей и националистов – Конфедерацию среднего класса¹⁹⁸

¹⁹⁵ Elizaga R. S. Los Codigos Ocultos del Cardenismo. Mexico, 1996. P. 217

¹⁹⁶ До прибытия в Мексику в 1935 году Норте работал в Москве и Софии и был связан с гестапо. Причем в Москву он прибыл почти сразу после прихода Гитлера к власти.

¹⁹⁷ Elizaga R. S. Los Codigos Ocultos del Cardenismo. Mexico, 1996. P. 218

¹⁹⁸ За несколько дней до встречи все три посольства получили послание Конфедерации среднего класса, в котором говорилось об общности целей этой организации и трех фашистских держав – борьбе против евреев и коммунистов.

и Националистический союз Мексики. Однако в ноябре 1937 года, как уже упоминалось, среди националистов были произведены аресты (во время обысков полиция нашла закупленный при помощи Конфедерации среднего класса динамит), и активность этой группы серьезно ослабилась. Карденас, в свою очередь, спустил следствие по делу группы националистов на тормозах, так как понимал, что оно выведет на немецкое посольство. В условиях грядущего конфликта с США по поводу национализации нефтяных компаний ссориться еще и с Германией президент не хотел.

После арестов 18 ноября 1937 года немецкое посольство прекратило прямые контакты с заговорщиками и предпочитало действовать через «Немецкое народное сообщество» (то есть фактически через АО НСДАП). Связанный с АО НСДАП Родригес пытался организовать контрабанду оружия в Монтеррей, где его ждали люди из Конфедерации среднего класса. 31 января 1938 года «дорадос» Родригеса даже совершили на пограничный город Матаморос налет, в ходе которого погиб один мексиканский полицейский. Через два дня «дорадос» попытались атаковать другой пограничный город – Рейносу, расположенную к западу от Матамороса, однако наткнулись на сопротивление крестьян, вооруженных винтовками, пистолетами и ножами.

В готовящемся заговоре принимал участие и бывший «верховный вождь» Плутарко Кальес, который встретился с Николасом Родригесом 19 февраля 1938 года. В трехчасовом разговоре Кальес обещал поддержку в борьбе с коммунизмом в Мексике (читай – с Карденасом). После этой встречи Родригес вышел на своего давнего знакомого – немецкого агента Германа Швинна, который занимался, в частности, переправкой из США в Мексику нацистских пропагандистских материалов через порт Гуайямас¹⁹⁹. Швинн обеспечил двум агентам Родригеса фальшивые паспорта, и они направились в Мехико.

Карденас знал о помощи немцев Седильо, но предпочитал не рвать с Германией, которая в условиях сложных отношений с США становилась важным торговым партнером Мексики. Как и сами немцы, Карденас действовал неявными, конспиративными методами. Например, мексиканская полиция ликвидировала немецкого агента в Веракрусе Чарльза Пильгрема. В руки полиции попал архив Пильгрема, из которого следовало, что немцы имели свою агентуру (около 40 человек) в профсоюзе нефтяников и на нефтепромыслах «Эль Агила». Президент осторожно отнесся к этим документам – они могли быть сфабрикованы американцами, чтобы скомпрометировать рабочее движение Мексики и стоявшего за ним самого Карденаса²⁰⁰.

¹⁹⁹ Швинн был одним из организаторов АО НСДАП в Мексике и еще в 1933 году организовал в Мехикали встречу с Родригесом и националистическим Союзом ветеранов. Именно после этой встречи Родригес создал движение «дорадос».

²⁰⁰ Американская разведка распускала слухи, что именно немецкие офицеры тренируют крестьян, которым Карденас выдал оружие.

Возможно, связи с немцами и итальянцами и погубили мятеж Седильо еще до того, как он начался. Американцам не очень нравился Карденас, но видеть в президентском кресле в Мексике прогермански настроенного человека они не хотели в любом случае. Это прекрасно понимал и Карденас. Именно поэтому он и решился на национализацию нефтяных компаний. Ведь если бы США сделали ставку на приход к власти Седильо, то национализированные Карденасом нефтепромыслы могли бы достаться немцам.

Как только спала первая волна возмущения после национализации, а Карденас понял, что Рузвельт не предпримет силовых мер в защиту нефтяных компаний, президент Мексики перешел к активным действиям против Седильо. 5 апреля 1938 года Седильо получил приказ принять командование войсками в родном штате Карденаса – Мичоакане²⁰¹. В этом штате действовали преданные президенту массовые рабочие и крестьянские организации, и Седильо лишался, таким образом, политической опоры.

Седильо под разными предлогами уклонялся от выполнения приказа, а потом вообще заявил, что уходит из политики. Все эти заверения были сделаны с одной целью – не уезжать из Сан-Луис-Потоси. Фон Мерк пытался в это время доказать в американском посольстве, что в армейских кругах на Седильо готовится покушение и он будет убит сразу, как только покинет родной штат. Фон Мерк предъявил в посольстве ряд документов – например письмо одного капитана подполковнику, где шла речь о манипуляциях на профсоюзных выборах в Сан-Луис-Потоси с целью не допустить избрания сторонников Седильо. Самого Седильо фон Мерк пытался представить в посольстве США как хорошего и бесхитростного человека, павшего жертвой политических интриг его противников²⁰².

Чтобы задобрить американцев, фон Мерк даже представил им некий «манифест» мексиканских граждан к зарубежной общественности, в котором Карденаса обвиняли в занижении стоимости экспроприированных нефтяных компаний²⁰³. Скорее всего, фальшивку подготовили сами эти компании.

Примерно в одно и то же время с фон Мерком на связь с госдепартаментом вышел вышеупомянутый американский пилот Клевенджер. Он сообщил, что Седильо рассчитывает на помощь не менее 75% армии, якобы недовольной Карденасом. Восстание должно начаться помимо Сан-Луис-Потоси также в Соноре, Чиуауа, Халиско, Чьяпасе и на Юкатане. Сам Седильо располагает 8000 вооруженными сторонниками и боеприпасами, достаточными для ведения боевых действий в течение четырех месяцев. Он,

²⁰¹ Шульговский А. Ф. Мексика на крутом повороте своей истории. М., 1967. С. 399

²⁰² Фон Мерка приняли в посольстве США в начале мая 1938 года.

²⁰³ Elizaga R. S. Los Codigos Ocultos del Cardenismo. Mexico, 1996. P. 223

Клевенджер, направлялся в Англию, чтобы получить финансовую помощь от «Шелл» – материнской компании национализированной «Эль Агила».

Однако ни фон Мерк, ни Клевенджер ничего уже не могли сделать. Еще 20 апреля 1938 года свое слово сказал президент США. Рузвельт ясно дал понять, что США не останутся безучастными к попыткам Германии прибрать к рукам Мексику. Америка не даст превратить Мексику во вторую Испанию: «Испания находится на расстоянии трех дней пути от Германии, а Мексика – всего на расстоянии семи дней»²⁰⁴.

В начале мая 1938 года Седильо дал интервью американской газете «Миннеаполис Трибьюн». Он сказал, что мог собрать 10 тысяч человек и уйти в горы, но это ничего не даст, а он не дурак, чтобы бессмысленно тратить силы. Не он контролирует ситуацию, а сама ситуация заставляет его предпринимать те или иные меры²⁰⁵. Этим интервью Седильо как бы говорил Карденасу – оставьте меня в покое, и я ничего не предприму.

Также Седильо выразил мнение, что экономическая политика правительства попирает права и свободы граждан и ведет к деспотизму («богатство не должно использоваться для разрушения богатства»).

Демарш Седильо удивительно точно «совпал» по времени с грубым давлением Великобритании на правительство Карденаса.

11 мая 1938 года англичане передали Карденасу необычайно грубую ноту с требованием начать наконец регулярно платить компенсацию за ущерб, понесенный британскими гражданами в годы революции. Чтобы выставить Мексику на посмеище, англичане требовали немедленно внести очередной взнос в размере 371 тысяч песо. 13 мая мексиканский посол передал ответную ноту, чек на 371 тысяч песо и заявил, что Мексика разрывает дипломатические отношения с Великобританией²⁰⁶. В английском парламенте некоторые депутаты стали призывать к вооруженной интервенции в Мексике, что было только на руку Седильо, надевавшемуся, что угроза войны с Англией отвлечет Карденаса от него самого.

Однако и национализация нефтяной промышленности, и последующая достойная линия Карденаса перед лицом иностранного давления только сплотили вокруг президента широкие народные массы. 1 мая 1938 года по Мехико прошли маршем более 120 тысяч рабочих. Профсоюзы в сопредельных с Сан-Луис-Потоси штатах получили указание следить за основными транспортными магистралями, чтобы предупредить армию о возможном начале мятежа Седильо.

Правительство Карденаса делало вид, что в Сан-Луис-Потоси все спокойно и что оно не верит слухам о готовящемся восстании генерала

²⁰⁴ Rippey M. *Oil and the Mexican Revolution*. Leiden, 1972. P. 240

²⁰⁵ Elizaga R. S. *Los Codigos Ocultos del Cardenismo*. Mexico, 1996. P. 225

²⁰⁶ Шульговский А. Ф. Мексика на крутом повороте своей истории. М., 1967. С. 380

Седильо. Однако во второй декаде мая в штат были дополнительно переброшены 9 тысяч солдат. 18 мая 1938 года в Сан-Луис-Потоси приехал сам Карденас. Президент с балкона резиденции губернатора обратился к людям на центральной площади столицы штата: в то время как страна борется за национальное достоинство с иностранными нефтяными компаниями, в Сан-Луис-Потоси сохраняется тревога населения относительно возможного мятежа генерала Седильо²⁰⁷. Карденас призвал сторонников Седильо отказаться от борьбы против правительства и обещал им амнистию. Оружие президент предложил сдать армейскому командованию. Одновременно без огласки Седильо было предложено покинуть Мексику.

Седильо на своем ранчо ожидал подхода тысяч своих сторонников. Но они так и не появились. Вместо них к ранчо «Лас Паломас» прилетели 10 самолетов правительственной армии. Опасаясь бомбежки, Седильо вместе с несколькими сторонниками бежал в горы. Генерал Авила Камачо нашел на ранчо «манифест к нации», в котором Карденас объявлялся диктатором и «копией Сталина». Интересно, что в манифесте Седильо решительно отрешивался от связей с нефтяными компаниями и «фашистами» и единственной целью своего движения объявлял борьбу с коммунизмом²⁰⁸. Не имея желания меряться с правительственными силами в открытом бою, Седильо отдал своей несуществующей армии приказ о переходе к партизанской войне мелкими группами. Это была попытка сохранить хорошую мину при плохой игре – крупных отрядов у генерала просто не имелось. Он обещал всем офицерам федеральной армии, которые примкнули к нему, повышение в чине, а солдатам – двойное жалованье²⁰⁹.

Вслед за Седильо, величавшим себя «главнокомандующим Конституционной армии Мексики», скрылся его ставленник – губернатор штата Сан-Луис-Потоси Эрнандо Нетро. С самолета были сброшены листовки губернатора, в которых он объявлял о неповиновении штата Карденасу. Конгресс штата также заявил, что не будет признавать центральные власти в Мехико.

Между тем армия под командованием генерала Авилы Камачо без особого труда громила в штате отдельные группы седильистов (численностью от 100 до 300 человек). В тайном ангаре было захвачено два новых американских самолета типа «говард». Пока войска сжимали кольцо окружения вокруг самого Седильо, он по радио обращался ко всем мексиканцам с призывом взяться за оружие. Своим «ребятам» он обещал, что скоро придут 5000 лошадей и достаточное количество боеприпасов. Седильо отдал при-

²⁰⁷ Elizaga R. S. Los Códigos Ocultos del Cardenismo. Mexico, 1996. P. 228

²⁰⁸ 9 апреля 1938 года Дэниэль сообщил госсекретарю Хэлли, что, по данным нефтяных компаний, «в пределах» 30 дней начнется восстание против Карденаса.

²⁰⁹ Шульговский А. Ф. Мексика на крутом повороте своей истории. М., 1967. С. 400

каз взрывать железнодорожные пути и мосты, чтобы затруднить продвижение правительственных сил.

В других штатах все было спокойно. Нефтяные компании поспешили заверить Карденаса, что не имеют с мятежом ничего общего. Фон Мерк бежал в США.

30 мая 1938 года Карденас лишил полномочий власти штата Сан-Луис-Потоси за участие в мятеже и объявил сам мятеж подавленным.

Начало открытого путча Седильо против Карденаса застало немецкого посла в Мехико фон Колленберга в США. Вероятно, не случайно – немецкий посол хотел лишний раз показать, что Германия непричастна к мятежу. Временный поверенный в делах Германии в Мексике первый секретарь Норте в депеше в Берлин сообщал, что о преждевременном выступлении Седильо можно только сожалеть. Во-первых, политическая нестабильность в Мексике может отрицательно сказаться на торговле этой страны с Германией. Во-вторых, путч даст лишний повод для обвинения Германии во вмешательстве во внутренние дела Мексики. В-третьих, «здоровые идеи» Седильо исчезнут с мексиканской политической сцены²¹⁰.

Карденас предпочел не ссориться с немцами – они были очень важны в условиях бойкота США и Англии в отношении закупок мексиканской нефти. Заместитель министра иностранных дел Бетета даже извинился перед немецким послом за антигерманскую кампанию левых сил в связи с мятежом Седильо.

Между тем Седильо скрывался в горах. Под его непосредственным началом было около тысячи человек. Своим отрядам он отдал приказ избегать открытых столкновений с армией. Мятежный генерал явно чего-то ждал. До американского посольства доходили сведения, что Седильо готовится бежать в США, где его ждет в специально снятом доме Николас Родригес.

Однако в январе 1939 года Седильо был убит в перестрелке.

В разгроме Седильо сыграли большую роль рабочие организации, особенно железнодорожники, обеспечившие быструю переброску армии в Сан-Луис-Потоси. Компартия призвала трудящихся-католиков не поддаваться на провокации Седильо и оставаться лояльными по отношению к законному правительству Мексики.

Карденас, как обычно быстро, провел в штате Сан-Луис-Потоси аграрную реформу и распределил между крестьянами более 390 тысяч гектаров земли, принадлежавшей самому Седильо и его разбогатевшим на революции соратникам.

Мятеж Седильо только ускорил давно планировавшуюся Карденасом реформу правящей партии. Кальес задумывал НРП в 1929 году как клуб

²¹⁰ Schuler F.E. Mexico between Hitler and Roosevelt. Mexican Foreign Relations in the Age of Lazaro Cardenas 1934–1940. University of New Mexico Press, 1998. P. 135

вождей и местных князьков, которые должны были «выбирать» единого кандидата в президенты от «революционной семьи». Карденас же видел в партии опору для радикальных социально-экономических реформ, и, по его мнению, НРП должна была стать политической родиной для всех мексиканцев, поддерживающих его программу.

Уход с поста лидера НРП Портеса Хиля в августе 1936 года развязал Карденасу руки для реформы партии. В сентябре 1936 года партия обратилась с довольно самокритичным воззванием к населению страны. В нем признавалось, что до сих пор в НРП было мало демократии и центральное руководство навязывало местным организациям своих кандидатов на внутрипартийных выборах. Теперь эту практику предлагалось в корне изменить, чтобы дать возможность рядовым членам активнее участвовать в формировании программы партии.

Сама эта программа также должна была стать новой. В манифесте признавалось, что при капитализме формальное равенство всех граждан является фикцией и только коренные социально-экономические реформы смогут создать в Мексике подлинную «новую» демократию. Очень важным было положение манифеста о том, что мексиканская революция не является чисто национальным явлением, а представляет собой часть мирового процесса борьбы трудящихся за свое освобождение: «Идеи не имеют родины, и их нельзя заключить в каких-то национальных границах»²¹¹.

Таким образом, документ решительно порывал с ранее господствовавшим в правительстве мнением, что никакие иностранные «экзотические» идеи для Мексики неприемлемы.

Обострение борьбы с нефтяными компаниями и угроза реакционного мятежа побудили Карденаса форсировать реформу НРП. 18 декабря 1937 года состоялось совещание руководства партии, об итогах которого нацию проинформировал в специальном обращении сам президент. Карденас раскритиковал бюрократический стиль руководства в НРП и заявил, что основные ключевые посты в партии должны занять представители трудящихся.

В начале марта 1938 года практически одновременно с национализацией нефтяной промышленности были опубликованы программные документы новой правящей партии, которая должна была прийти на смену НРП, – Партии мексиканской революции. Девизом ее стал лозунг «За демократию трудящихся»²¹².

Программа партии ориентировала на борьбу за построение в Мексике социалистического общества. Причем в качестве одного из средств дости-

²¹¹ Шульговский А. Ф. Мексика на крутом повороте своей истории. М., 1967. С. 130–131

²¹² La Botz D. Democracy in Mexico: peasant rebellion and political reform. South End Press, 1995. P. 56

жения этой цели признавалась классовая борьба. В программе также говорилось, что «партия обязуется в соответствии с революционными принципами честно служить делу освобождения пролетариата, что является самым высоким идеалом достижения социальной справедливости»²¹³. Среди конкретных мер партия предлагала поэтапную национализацию крупной промышленности и перестройку всего сельского хозяйства на коллективистских принципах.

Но сама по себе программа в Мексике того периода ничего не решала. Кальес в 20-е годы пользовался не менее радикальной риторикой и тоже объявлял себя борцом за социализм и интересы пролетариата. Подавляющее большинство мексиканцев искренне верили в социализм, но почти никто не знал, что это такое.

Организационное строение новой партии было весьма оригинальным, и именно оно похоронило впоследствии реформы Карденаса. В ПМР не допускалось индивидуальное членство. Партия должна была состоять из общественных организаций, поделенных на четыре сектора: рабочий, крестьянский, военный и народный. Основу рабочего сектора составила КТМ, крестьянского – созданная в феврале 1938 года единая крестьянская организация Мексики. Военный сектор представлял федеральную армию. В народный сектор входили госслужащие, женские, молодежные и кооперативные организации.

Если учесть, что Карденас прочно контролировал рабочие и крестьянские организации²¹⁴, госслужащих и армию, то новая партия должна была объединить под жестким контролем правительства основные общественные силы страны и стать, таким образом, Народным фронтом в условиях Мексики.

Новую партию немедленно поддержал Ломбардо Толедано, который, видимо, рассчитывал играть в ней одну из ведущих ролей как лидер рабочего сектора. Возможно, Толедано даже видел себя в качестве преемника Карденаса на посту президента.

В январе 1938 года именно Ломбардо Толедано охарактеризовал новую партию как мексиканскую форму Народного фронта. Он заявил, что КТМ не хочет «советизировать» правительство, но желает участвовать в создании народной партии, в которой пролетариат занял бы важное место. От Национального совета КТМ Ломбардо Толедано получил полномочия «контролировать и направлять» политическую активность рабочих в рядах новой партии²¹⁵.

²¹³ Шульговский А. Ф. Мексика на крутом повороте своей истории. М., 1967. С. 133

²¹⁴ Причем рабочие и крестьянские организации обязались не сливаться друг с другом, искусственно поддерживая свою обособленность.

²¹⁵ Elizaga R. S. Los Codigos Ocultos del Cardenismo. Mexico, 1996. P. 280

Мятеж Седильо позволил КТМ добиться в апреле 1938 года провозглашенной еще два года назад под влиянием событий в Испании цели – создания вооруженных рабочих батальонов. Все члены КТМ получили указание проходить военную подготовку под руководством армейских офицеров – батальоны должны были стать резервом вооруженных сил. Но тем самым КТМ только еще больше подчинила себя правительству.

Таким образом, ПМР объединила почти все общественные слои страны, и это предопределило отсутствие у партии реальной единой программы. В ПМР вошли как коммунисты, так и антикоммунисты. Там были и горячие сторонники реформ Карденаса, и армейские генералы, говорившие, что с реформами надо поскорее заканчивать. В момент основания ПМР держалась на популярном президенте. Но в 1940 году Карденасу предстояло покинуть свой пост, и его преемник был пока не известен.

Коммунисты на своем пленуме в сентябре 1937 года определили режим Карденаса как «национально-революционный» (так же Коминтерн охарактеризовал и республиканский режим в Испании). При Карденасе открывалась возможность перехода Мексики на путь социалистического развития, и, естественно, КПМ всеми силами поддерживала президента. Поэтому коммунисты признали ПМР специфической формой Народного фронта и постановили присоединиться к этой организации. К тому же Устав ПМР сохранял за всеми коллективными членами полную внутреннюю автономию – фактически партийная дисциплина распространялась только на вопрос выдвижения единого кандидата в президенты от ПМР.

Возможно, у компартии в то время не было другого выхода – если бы она осталась вне ПМР, это было бы расценено Карденасом как уход КПМ в оппозицию. Однако, вступив в партию, коммунисты фактически утратили самостоятельное политическое лицо. Ведь теперь в ходе избирательной кампании они должны были поддерживать единого кандидата ПМР. Но у компартии не было абсолютно никаких реальных рычагов, чтобы повлиять на процесс выдвижения этого самого единого кандидата. Фактически своего преемника определяли сам Карденас и военная секция ПМР. Напротив, Карденас впервые подчинил влиянию правительства компартию, которая с момента своего основания сохраняла политическую независимость от властей.

Собственно, Карденас и организовал новую партию 30 марта 1938 года для объединения всех своих сторонников на выборах 1940 года. Он понимал – от того, кто станет президентом страны, будет зависеть судьба реформ.

Это понимали и американцы – они хотели затормозить реформы в Мексике, чтобы поставить будущего главу государства перед свершившимся фактом.

США решили, что мятеж Седильо должен несколько уgomонить Карденаса, и перешли в наступление на дипломатическом фронте. 21 июля

1938 года госсекретарь Хэлл направил Мексике необычно жесткую по содержанию ноту, в которой требовал немедленно начать выплаты американским гражданам, пострадавшим от аграрной реформы в Мексике. Если Мексика опять вздумает оттягивать выплаты, Хэлл угрожал передать дело в международный арбитраж. На встрече с послом Мексики в Вашингтоне Хэлл был еще более откровенен – Мексика, по его мнению, все отчетливее становится на «марксистский» путь, доказательством чего и является «конфискационная» аграрная реформа.

Собственно, такая позиция США для Карденаса новостью не была. Однако теперь ему было необходимо считаться еще и с тем, что немедленной компенсации требовали и нефтяные компании. У Мексики денег на компенсацию не было. Точнее, выплата компенсации означала бы немедленное прекращение финансирования всех внутренних реформ, прежде всего аграрной²¹⁶.

В унисон с США прекращения аграрной реформы стали требовать правые представители правящей партии в мексиканском Конгрессе, во главе которых стоял генерал Акоста²¹⁷. Эта группировка представляла интересы революционеров-нуворишей и была опасна тем, что говорила фактически от лица большинства старших офицеров и генералов мексиканской армии, превратившихся в крупных землевладельцев. Правда, сами генералы считали себя «мелкими собственниками».

3 августа 1938 года Мексика ответила на ноту Хэлла. В ответе подчеркивалось суверенное право страны на продолжение аграрной реформы: «Будущее нации не может быть поставлено под угрозу из-за невозможности немедленно выплатить стоимость собственности, принадлежавшей маленькой группе иностранцев, которые стремятся только к личному обогащению»²¹⁸. Мексика не отказывалась платить, но оставляла за собой право самостоятельно установить сроки выплат, исходя из экономического положения страны.

22 августа американцы опять потребовали в официальной ноте немедленной уплаты компенсации. Мексика обвинялась в «грабеже законно приобретенной собственности американских граждан». На эту ноту ответил Карденас в очередном послании Конгрессу 1 сентября 1938 года, подчеркнув, что не намерен отказываться от продолжения аграрной реформы. 10 сентября в выступлении на антивоенном конгрессе мексиканский президент сам перешел в контрнаступление и заклеил американскую диплома-

²¹⁶ Надо отметить, что в апреле 1938 года (когда в воздухе Мексики витала опасность антиправительственного мятежа при поддержке Германии) Карденас обещал США начать помесечную выплату компенсаций с июня 1938 года.

²¹⁷ Шульговский А. Ф. Мексика на крутом повороте своей истории. М., 1967. С. 406

²¹⁸ Шульговский А. Ф. Мексика на крутом повороте своей истории. М., 1967. С. 407

тию, которая «превратилась в орудие защиты привилегированных концессий, нежелательных вкладчиков капитала и угрозу существования слабых народов»²¹⁹.

И все же Карденас сдался – 6 сентября 1938 года мексиканский посол в Вашингтоне Нахера сообщил от имени своего президента, что Мексика пока не будет конфисковывать американскую собственность в ходе аграрной реформы²²⁰. Карденас обещал также решить вопрос выплаты компенсации в течение шести месяцев. За этот срок стороны должны были определить общую сумму компенсации.

Мексиканское правительство согласилось на переговоры с США по вопросу компенсации, и они прошли в октябре – ноябре 1938 года. Американцы могли торжествовать победу, так как Мексика пообещала замедлить темпы проведения аграрной реформы на период переговоров. Примечательно, что США настаивали на скорейшем завершении переговоров, ссылаясь в числе прочего на тревожное положение в мире, перед лицом которого все «американские республики» должны скорее урегулировать имеющиеся между ними разногласия.

В конце сентября 1938 года мексиканцы обещали заложить в бюджет на следующий год минимум 500 тысяч песо на выплату компенсаций²²¹. Американцев эта сумма не впечатлила – по их мнению, в таком случае выплаты затянулись бы на многие годы. Однако Мексика считала, что стоимость конфискованной у граждан США земли не превышает 2–3 миллионов долларов. США требовали уже в 1939 году заплатить 1 миллион долларов.

26 октября Карденас пригласил в Национальный дворец американского посла и подтвердил готовность своей страны платить компенсации в зависимости от экономического положения Мексики. Хотя общая сумма компенсаций была не определена, Карденас соглашался выплатить США по миллиону долларов в 1939–1941 годах²²². К тому же президент Мексики опять пообещал не трогать американских граждан в ходе аграрной реформы до тех пор, пока не определится окончательная сумма.

2 ноября 1938 года США согласились с предложением Мексики, но с условием, что только первый платеж составит 1 миллион долларов, а последующие суммы будут зависеть от определенного специальной двусторонней комиссией объема общей компенсации.

Таким образом, с помощью жесткого дипломатического давления Вашингтону фактически удалось заставить Мексику существенно снизить темпы проведения аграрной реформы. Если в 1937 году в стране было пере-

²¹⁹ Шульговский А. Ф. Мексика на крутом повороте своей истории. М., 1967. С. 408

²²⁰ Foreign Relations of the United States (FRUS). Volume V, 1938. P. 702–703

²²¹ Foreign Relations of the United States (FRUS). Volume V, 1938. P. 709

²²² Foreign Relations of the United States (FRUS). Volume V, 1938. P. 712

дано крестьянам и сельскохозяйственным рабочим 5,3 миллиона гектаров земли, то в 1938 году – 3,3 миллиона, а в 1939-м – 1,7 миллиона гектаров²²³.

Карденас пошел на уступки по вопросу о компенсациях во многом для того, чтобы не допустить никакого отступления по отношению к нефтяным компаниям, которые продолжали требовать возврата им национализированной собственности.

Президент Мексики правильно рассчитал, что в администрации Рузвельта не очень любят «нефтяных баронов» и если США получают от Мексики деньги по аграрным компенсациям, то Вашингтон не будет слишком рьяно отстаивать интересы нефтяного лобби.

За несколько месяцев до вышеописанных событий, 31 мая 1938 года госсекретарь Хэлл пригласил представителей нефтяных компаний на секретное совещание и сообщил, что Мексика готова передать национализированную собственность в управление бывшим владельцам, чтобы часть получаемой прибыли шла на компенсацию²²⁴. Похоже, Хэлл хотел ограничиться лишь ролью посредника на переговорах между Мексикой и нефтяными компаниями. Однако представитель «Стандард Ойл» Фариш настаивал на содействии госдепартамента в получении немедленной компенсации, как это было сделано, например, в Испании. Но Хэлл прямо сказал, что не видит никакого шанса для возврата собственности в Мексике, если только США не сделают это путем военных действий²²⁵.

До конца 1938 года американцы на официальном уровне не проявляли никакой активности в «нефтяном вопросе», пытаясь добиться от Мексики уступок, прежде всего по аграрной реформе.

Как только Карденас снял накал страстей, предложив США миллион долларов в 1939 году, он перешел в контрнаступление. В послании Конгрессу Мексики от 22 декабря 1938 года президент предложил изменить статью 27 Конституции, чтобы навсегда запретить предоставление концессий на добычу углеводородного сырья. Добыча нефти и газа отныне должна была стать исключительной прерогативой государства.

В Конгрессе США разразилась буря негодования. В январе 1939 года сенатор Рейнольдс внес проект резолюции о положении в Мексике, в которой выдвигалось требование возвращения национализированной собственности²²⁶. 1 февраля 1939 года аналогичная резолюция была внесена на обсуждение палаты представителей. Американские конгрессмены требовали

²²³ Шульговский А. Ф. Мексика на крутом повороте своей истории. М., 1967. С. 410

²²⁴ Это был довольно хитрый ход Карденаса – если бы нефтяные компании согласились с этой схемой, то они официально признали бы правомочность национализации и вынуждены были бы прекратить бойкот мексиканской нефти на мировом рынке.

²²⁵ Foreign Relations of the United States (FRUS). Volume V, 1938. P. 754

²²⁶ Шульговский А. Ф. Мексика на крутом повороте своей истории. М., 1967. С. 412

от правительства активной защиты интересов нефтяных компаний. Однако госдепартамент по-прежнему придерживался тактики беспристрастного наблюдателя, рекомендуя нефтяным компаниям напрямую вести переговоры с мексиканским правительством.

Тем не менее демократы в Конгрессе давили на Рузвельта – сосед США, Мексика, снабжает гитлеровскую Германию нефтью²²⁷. В преддверии президентских выборов 1940 года это могло стоить демократам многих голосов левонастроенных избирателей. Но Рузвельт пока хранил молчание.

Нефтяному лобби не оставалось ничего другого, как направить в Мехико представителя группы «Стандард Ойл» адвоката Дональда Ричберга²²⁸. Он был известен как юрист многих крупных американских корпораций (например, «Форда»)²²⁹.

Мексиканцам было не совсем понятно, говорит ли Ричберг от имени всех национализированных компаний или только от имени «Стандард Ойл»²³⁰.

Тем не менее в переговорах с ним в марте 1939 года принял участие лично Карденас, что говорит о доброй воле мексиканского президента в разрешении вопроса компенсации за национализированную нефтяную отрасль. К тому же приезд Ричберга «совпал» с выдвижением бывшим министром обороны генералом Амаро своей кандидатуры на пост президента. Амаро, ярый кальист, подверг резкой критике национализацию нефтяной отрасли, заявив, что это только создаст для Мексики ненужные международные финансовые обязательства.

Переговоры между Карденасом и американским эмиссаром с самого начала были обречены: Ричберг в доверительной беседе сообщил Дэниэльсу, что приехал говорить не о компенсации, а о восстановлении прежнего состояния дел. Но Карденас был готов идти на компромисс по всем вопросам, кроме одного: управление нефтяной отраслью должно было в любом случае остаться в руках мексиканского государства.

²²⁷ У Мексики не было иного партнера для сбыта в условиях тотального бойкота мексиканской нефти на американском и британском рынках.

²²⁸ Ричберг был близок к Рузвельту и принимал непосредственное участие в разработке некоторых законодательных актов «нового курса». В 1933 году он даже возглавил Национальный чрезвычайный комитет, который должен был давать рекомендации президенту по оперативному управлению экономикой страны.

²²⁹ Time, 20.03.1939

²³⁰ Сначала нефтяные компании хотели направить в Мексику бывшего военного министра США Патрика Херли. Американский журнал «Тайм» писал с издевкой, что Херли жил в тех районах США, где еще осталось коренное население, и так как Карденас является индейцем, то Херли может найти с ним общий язык. Но Херли (который работал в то время юристом нефтяной компании «Синклер») был республиканцем и не подошел для Рузвельта.

Другим условием мексиканского президента (который и не возражал против схемы выплаты компенсации за счет прибыли от продажи нефти с участием бывших владельцев) было то, что продажа нефтепродуктов на территории самой Мексики также должна контролироваться государством. Что касается экспорта (60% от производства), то именно с него должны получать часть доходов бывшие владельцы в порядке компенсации на национализированное имущество²³¹.

Для ускорения выплаты компенсации мексиканское правительство предлагало немедленно провести оценку стоимости национализированной собственности нефтяных компаний.

Помимо негативных условий, Карденас сформулировал и позитивные:

- немедленная оценка стоимости имущества и начало выплаты компенсации;

- заключение долгосрочных контрактов между правительством Мексики и бывшими владельцами об участии последних в эксплуатации промыслов (при этом экономические вопросы оставались в руках мексиканцев, а компаниям отводилась роль технических экспертов);

- гарантии для новых инвестиций с целью увеличения дебета добычи и строительства объектов инфраструктуры (например, нефтепроводов и нефтеперерабатывающих заводов).

Как легко установить, Карденас был готов к компромиссу.

Но компании имели совсем другие представления о решении проблемы. Они требовали, чтобы мексиканское правительство передало им назад нефтепромыслы в управление на очень длительный срок (например, 50 лет). При этом ключевые с экономической точки зрения параметры операционной деятельности на этот срок (цены, зарплата рабочих и налогообложение) должны быть зафиксированы на все время действия договора. Абсолютно неприемлемым для Мексики было и требование компаний, чтобы договор о длительном управлении Мексика подписала не с ними самими, а с правительством США.

Госдепартамент формально не вмешивался в переговоры Ричберга, но заместитель госсекретаря Уэллес «рекомендовал» послу Мексики в Вашингтоне принять предложение компаний. Если Мексика будет сопротивляться, то правительству США придется все же встать на защиту своих граждан. В беседе с послом 2 августа 1939 года Уэллес даже пригрозил, что при затягивании переговоров Конгресс США может отменить закон о закупках мексиканского серебра.

Однако в 1939 году официальному Вашингтону приходилось быть осторожным – в мире явно пахло мировой войной, и в этих условиях позиция Мексики становилась для американцев очень важной. Излишнее давление могло толкнуть Мексику в объятия Германии, Италии и Японии.

²³¹ Шульговский А. Ф. Мексика на крутом повороте своей истории. М., 1967. С. 414

Еще в апреле 1938 года госдепартамент провел специальное исследование и пришел к выводу, что Мексика может обеспечить большую часть японского импорта сырой нефти²³² (пока Япония импортировала почти всю нефть у британских и американских компаний и стремилась преодолеть эту зависимость). Япония была готова закупать мексиканскую нефть, но для этого требовалось создать погрузочные мощности на тихоокеанском побережье Мексики (порт Салина-Крус), и в июне 1939 года Мексика этим активно занималась.

В апреле 1939 года Мексика заключила крупную бартерную сделку с Италией. Итальянцы поставили в Мексику 3 600 000 килограммов искусственного шелка (заняв тем самым 77% соответствующей сферы мексиканского рынка) и получили в обмен нефть. Это раззадорило японцев, которые были конкурентами Италии на мировом рынке искусственного шелка. Токио предложил купить у Мексики по 50 тысяч тонн сырой и тяжелой нефти (мазут) в обмен на искусственный шелк из Японии. Переговоры Карденаса с Ричбергом заставили японцев занять более активную позицию. После начала в сентябре 1939 года Второй мировой войны в Европе японцы через подставную мексиканскую компанию получили лицензию на разведочное бурение в районе Веракруса. Военный атташе посольства США сообщал, что японцы приобрели две лицензии и еще шесть находятся в процессе рассмотрения²³³.

По бартерным соглашениям с Германией Мексика продала ей нефти на 8 миллионов долларов²³⁴. Германия потребляла в 1938 году 44 миллиона баррелей нефти (США – 1 миллиард, СССР – 183 миллиона, Великобритания – 76 миллионов). Из них 60% приходилось импортировать из-за пределов подвластной нацистам Европы (из союзной Румынии Германия получала всего 2,8 миллиона баррелей). К моменту начала войны импорт нефти Германией из-за океана еще более вырос и достиг 33 миллионов баррелей.

Дневная добыча нефти в самой Германии и на оккупированных ей территориях в 1940 году распределялась следующим образом:

Австрия – 10 тысяч баррелей
Румыния – 172,9 тысячи баррелей
Дания – 12,2 тысячи баррелей
Франция – 151 тысяча баррелей
Италия – 57 тысяч баррелей
Норвегия – 1200 баррелей²³⁵

²³² Paz Salinas M. E. Strategy, security, and spies: Mexico and the U.S. as Allies in World War II. P. 39

²³³ Paz Salinas M. E. Strategy, security, and spies: Mexico and the U.S. as Allies in World War II. Pennsylvania State University, 1997. P. 41

²³⁴ Шульговский А. Ф. Мексика на крутом повороте своей истории. М., 1967. С. 421

²³⁵ За годы войны немцы смогли увеличить нефтедобычу: в 1943 году Германия и подвластные страны добывали 172 тысячи баррелей в сутки.

Эта добыча могла удовлетворить обычную потребность Германии в нефтепродуктах и обеспечить войну только на одном фронте. Сюда надо добавить и синтетический бензин, который немцы делали из угля (более 129 тысяч баррелей в сутки в 1943 году).

В 1939 году немцы смогли накопить достаточный для блицкрига стратегический нефтяной резерв в 15 миллионов баррелей²³⁶, но для затяжной войны такого количества было недостаточно.

Для Германии импорт нефти из Мексики был настолько важен, что страну с визитом посетил брат Яльмара Шахта – президента Рейхсбанка, «финансового гуру» Гитлера, отвечавшего за экономическую подготовку Германии к войне.

8 декабря 1938 года было объявлено о крупной бартерной сделке между Мексикой и Германией на 17 миллионов долларов. США попытались заставить Мексику отказаться от нее, но безуспешно. С 1 по 16 января 1939 года из Тампико в Германию отправилось 7 танкеров, которые перевезли 722 687 баррелей нефти²³⁷. Помимо этого немцы закупили мексиканскую нефть через одну небольшую техасскую компанию. Немцы частично платили в долларах (в июле – августе 1939 года – до 50% закупок), хотя из-за бойкота мексиканской нефти английскими и американскими компаниями Мексике приходилось продавать свою нефть Германии дешево.

Всего в 1937 году Германия закупила 2 441 498 баррелей мексиканской нефти, в 1938 году – 2 097 044, а в 1939-м – 1 498 383 (с 3 сентября 1939 года британский флот осуществлял тотальную морскую блокаду Германии, и ее морская торговля фактически прекратилась). Помимо нефти Германия импортировала из Мексики и бензин: 11,9 миллиона тонн в 1937 году и 40,4 миллиона в 1938-м²³⁸.

Италия в 1939 году (в начале мировой войны) вывозила из Мексики 407 тысяч баррелей ежемесячно. Итальянцы обещали в счет нефти продать Мексике несколько танкеров, но начавшаяся война помешала реализации этого проекта. Всего в 1937 году Италия закупила 187 240 баррелей мексиканской нефти, а в 1939 году – уже 3 315 107 баррелей²³⁹. Еще почти столько же (3 212 820 баррелей) Италия купила за первые полгода 1940-го, когда она еще не участвовала во Второй мировой войне. В 1939 году на Италию пришлось 25% мексиканского экспорта нефти.

В американской прессе стали появляться инспирированные нефтяными компаниями материалы о том, что Карденас после национализации нефтя-

²³⁶ В 1939 году у немцев был резерв бензина в 280 тысяч тонн (дизельного топлива – 138 тысяч тонн), в 1940 году – 626 тысяч тонн бензина и 296 тысяч тонн дизельного топлива.

²³⁷ Rippy M. Oil and the Mexican Revolution. Leiden, 1972. P. 254

²³⁸ Rippy M. Oil and the Mexican Revolution. Leiden, 1972. P. 254

²³⁹ Rippy M. Oil and the Mexican Revolution. Leiden, 1972. P. 256

ной промышленности стал пособником агрессивных государств. Однако, как уже отмечалось, Карденас был вынужден продавать нефть Германии, Италии и Японии лишь потому, что американские и английские нефтяные компании после национализации организовали бойкот мексиканской нефти на мировом рынке. К тому же итальянцы покупали столько же нефти у «Стандард Ойл» и «Шелл», бойкотируя мексиканскую нефть, сколько у Мексики.

В августе 1939 года Мексика выступила с актуализированными компромиссными предложениями на переговорах с Ричбергом. По новому плану предполагалось создать смешанную компанию, в которой приняли бы участие и нефтяные фирмы. Но в совете директоров большинство должно было все равно принадлежать мексиканцам. Тем не менее американским компаниям передавалось право экспорта за границу, что было бесспорно выгодно для США и по политическим соображениям – теперь именно Вашингтон мог бы контролировать направления экспорта мексиканского «черного золота».

Предложение Карденаса было компромиссом еще и потому, что оно шло против мнения профсоюза нефтяников, который еще в мае 1939 года категорически высказался против любого участия бывших иностранных собственников в управлении нефтяной промышленностью.

Однако и это предложение не устроило Ричберга – он настаивал на том, чтобы участие мексиканского государства из проекта было исключено, так как это-де сковывает частную инициативу.

10 августа 1939 года представитель «Стандард Ойл» Фариш обвинил мексиканское правительство в нежелании вести конструктивные переговоры. Одновременно американские газеты опубликовали текст компромиссных предложений Карденаса, хотя стороны договаривались о конфиденциальности переговоров. В этих условиях посол Мексики в США Нахера объявил о прекращении переговоров, а мексиканская пресса дезавуировала компромиссные предложения, подчеркнув, что они являются вымыслом. Лидер Партии мексиканской революции Эриберто Хара также опроверг все сообщения о том, что Карденас пошел на уступки компаниям.

Таким образом, Карденас убедился, что его готовность к компромиссу была использована американцами для дискредитации главы мексиканского государства. Для Карденаса это было абсолютно неприемлемо, учитывая разворачивающуюся в Мексике кампанию подготовки президентских выборов 1940 года. Госдепартамент опять попытался откреститься от возникшего скандала. Заместитель госсекретаря Уэллес утверждал, что дипломатическое ведомство США было не в курсе переговоров, но лукавил: 2 августа 1939 года он сам подробно обсуждал с Нахерой новые мексиканские компромиссные предложения²⁴⁰.

²⁴⁰ Шульговский А. Ф. Мексика на крутом повороте своей истории. М., 1967. С. 418

После «слива» конфиденциальной информации касательно переговоров в прессу и последовавшего за этим прекращения самих переговоров госдепартамент устами Уэллеса пригрозил 12 августа 1939 года принятием конкретных мер против Мексики. Не вызывает сомнения, что угрозы прозвучали после того, как Уэллес получил письмо президента «Стандард Ойл оф Нью-Джерси» Фариша от 10 августа, в котором тот прямо требовал восстановления контроля нефтяных компаний над своей бывшей собственностью.

Однако бескомпромиссность нефтяных компаний в августе 1939 года сыграла с ними такую же дурную шутку, как и в марте 1938 года, – начавшаяся 1 сентября 1939 года Вторая мировая война лишила США возможности силового давления на Мексику.

Но введение Англией морской блокады против Германии в сентябре 1939 года резко увеличило экономическую зависимость Мексики от США, поскольку торговля с Европой фактически прекратилась. Если в августе 1939 года Мексика экспортировала 2 миллиона баррелей нефти, то в сентябре – только 1,067 миллиона баррелей. Во многом это объяснялось прекращением поставок в Германию, которая в 1939 году в среднем ежемесячно закупала 793 тысячи баррелей мексиканской нефти. Сократили закупку нефти итальянцы (хотя Италия до июня 1940 года формально не участвовала во Второй мировой войне) – с 407 тысяч баррелей ежемесячно в январе – августе 1939-го до 266 тысяч баррелей того же года. Скандинавские страны вообще прекратили импорт мексиканской нефти.

Зато увеличили закупку мексиканской нефти американцы: с 392 тысяч баррелей ежемесячно в первые 8 месяцев 1939 года до 640 тысяч баррелей в сентябре 1939 года.

Карденас пытался всеми силами избежать роста зависимости мексиканской экономики от США или хотя бы ослабить ее. Еще в январе 1938 года Мексика резко (до 100–200%) повысила тарифы на импортируемые из США товары. В июле 1939 года Мексика ввела новый налог в 12% на экспорт минерального сырья, который шел почти полностью в США. Если в 1937 году объем торговли Мексики с США составлял 245,1 миллиона долларов, то в 1938 году – 187,9 миллиона²⁴¹. Национализация нефтяной промышленности и последовавший за ней бойкот, организованный английскими и американскими компаниями, привел к резкому сокращению экспорта мексиканской нефти в США: с 3,5 миллиона баррелей в 1937 году до 2,5 миллиона – в 1938-м.

Карденасу удалось почти невозможное: несмотря на бойкот, объем внешней торговли Мексики в 1939 году не только не упал, а вырос по сравнению с 1938-м: экспорт в 1938 году равнялся 838 миллионов песо, а в 1939 году –

²⁴¹ Rippy M. Oil and the Mexican Revolution. Leiden, 1972. P. 258

914 миллионов, импорт соответственно – 494 и 629 миллионов²⁴². Даже с учетом девальвации мексиканской валюты по отношению к доллару США это было хорошим результатом.

Правда, с экспортом нефти из-за бойкота все было не так радужно: если принять экспорт нефти 1929–1933 годов за 100% (по физическому объему), то в 1938 году экспорт нефти составил 72,9%, а в 1939 году – 77,08%. Если в 1937 году экспорт нефти и нефтепродуктов составил 152 миллиона песо, то в 1938 году – 79,4 миллиона, а в 1939-м – 82,6 миллиона песо. Но при этом следует учитывать, что до марта 1938 года львиная доля экспортной выручки оседала в кассах иностранных нефтяных компаний, а теперь все доходы принадлежали правительству Мексики.

Вторая мировая война не могла не привести к росту зависимости Мексики от торговли с США. Если в 1938 году доля США в экспорте Мексики составляла 67%, то в 1939 году – уже 74%, причем рост торговли пришелся именно на военные месяцы, начиная с сентября 1939 года.

В этих условиях Карденасу пришлось резко сократить темп проведения социально-экономических реформ. Президент Мексики понимал, что теперь возможные экономические санкции США способны привести к коллапсу всего мексиканского народного хозяйства.

Чтобы остановить инфляцию – из-за войны и таможенной политики самой Мексики импортные товары резко выросли в цене, – Карденас через Федеральную комиссию по урегулированию трудовых споров фактически запретил в 1940–1941 годах повышение минимальной заработной платы. Естественно, эта мера вызвала недовольство профсоюзов.

В начале 1940 года профсоюз электриков попытался добиться от американских компаний повышения зарплаты, но правительственный департамент труда, по сути, сорвал забастовку, заставив рабочих продолжить затянувшиеся переговоры с хозяевами. Правительство поддерживала КТМ, которая еще в 1939 году потребовала от своих профцентров предварительно согласовывать все забастовки в важных отраслях с властями. 1 июня 1940 года электрики опять попытались объявить стачку. Но именно в этот день КТМ достигла с хозяевами соглашения, по которому создавалась смешанная комиссия для проверки финансового состояния энергетических компаний, утверждавших, что они не могут по соображениям рентабельности пойти на повышение заработной платы.

Несмотря на сдержанность рабочих в борьбе за свои права, рост цен не прекратился. Правительству и ПМР пришлось выступить с осуждением безответственных действий национальной буржуазии, беззастенчиво использовавшей военное время для увеличения своих прибылей. Однако Конфедерация торговых и промышленных палат на своем съезде в конце 1939

²⁴² Rippy M. *Oil and the Mexican Revolution*. Leiden, 1972. P. 259

года ответила на эту критику требованием упразднить государственный Комитет по контролю над ценами на основные продовольственные товары²⁴³.

Осенью 1940 года электрики все же провели забастовку в Монтеррее, и крупнейший город на два дня остался без электричества. Но общей картины в стране это не изменило: жизненный уровень рабочих из-за роста цен продолжал снижаться.

В 1939–1940 годах резко замедлились и темпы проведения аграрной реформы, во многом из-за вышеописанного давления США. В 1940 году среди крестьян было распределено 1 867 724 гектаров – в расчете на год это все равно больше, чем до прихода Карденаса к власти. Однако все получившие землю крестьяне подали свои петиции с просьбой о наделении еще в 1938 году. По оценке компартии, с конца 1939 года (то есть после начала Второй мировой войны) правительство Карденаса фактически свернуло аграрную реформу. Между тем в стране было еще около 2 миллионов безземельных батраков.

Такое положение дел объяснялось не только прессингом американцев, но и растущим сопротивлением против аграрных преобразований среди военной и бюрократической верхушки самой Мексики. Генералы и высшие чиновники понимали, что Карденас скоро уйдет, и призывали президента «консолидировать» свои достижения, чтобы дать возможность новому президенту «упорядочить» положение в экономике после столь радикальных преобразований.

К тому же начала сказываться нехватка средств. Банк эхидального кредита с 1940 года перешел к финансированию кооперативов на чисто коммерческой основе – при этом многие кооперативы вообще лишились кредитной поддержки, так как не могли гарантировать быстрый возврат средств. Кооператоры требовали снижения процентной ставки по кредитам. А банк был вынужден их повышать, чтобы угнаться за инфляцией. Карденас субсидировать процентные ставки отказался – у правительства не было свободных средств, а дефицитное финансирование, по мнению президента, теперь могло привести только к дальнейшему росту цен.

Прогноз коммунистов относительно того, что зависимость судьбы реформ от одного человека не приведет к добру, начинал сбываться.

Карденас в конце 1939 года фактически остановился в своих реформах на полпути – без продолжения национализации ведущих отраслей промышленности нельзя было создать единый госсектор, через который можно было бы планировать экономическое развитие, в том числе и ценовую политику²⁴⁴. Без национализации кооперативы, железные дороги и нефтяная про-

²⁴³ Шульговский А. Ф. Мексика на крутом повороте своей истории. М., 1967. С. 423

²⁴⁴ Между тем вмешательство государство при Карденасе привело к невиданным в мексиканской истории темпам промышленного роста – до 8,6% в год. Если в 1930–

мышленность, принадлежа государству, все равно работали по рыночным принципам – то есть ориентировались на максимизацию прибыли, а не на решение стоявших перед страной задач развития. Ценовое планирование в рамках Комитета по регулированию цен было эмбриональным и никогда не затрагивало существенную часть рынка продуктов питания.

Карденас не смог решиться на полный разрыв с частной стихией. Теперь все зависело от того, кто станет его преемником. А это, в свою очередь, фактически решала Партия мексиканской революции. Было понятно, что любой ее кандидат в тех условиях почти автоматически станет президентом страны.

В сентябре – октябре 1938 года Ломбардо Толедано попытался представить самого себя одним из возможных кандидатов на пост президента. В сентябре 1938 года лидер КТМ председательствовал на учредительном съезде Центра трудящихся Латинской Америки. Теперь он становился политиком международного масштаба и предполагал, что от этого выиграет и международный престиж Мексики. Под нажимом Толедано съезд одобрил предложение о том, что профсоюзы должны быть верным партнером государства.

Однако такие верноподданнические действия Толедано не принесли ему благословения Карденаса на выдвижение собственной кандидатуры. Против Толедано решительно были настроены Конгресс и «военный сектор» ПМР, и Карденас встал на сторону военных и депутатов. В октябре 1938 года Департамент труда передал Ломбардо Толедано послание Карденаса, в котором президент расценивал готовящиеся КТМ забастовки в сфере услуг (особенно электроснабжения) как незаконные. Правительство сорвало забастовку в Лагуне. Это был прямой удар по престижу Ломбардо Толедано.

Со всей очевидностью выяснилось, что никакой мало-мальски серьезной роли рабочим в «Народном фронте» (то есть в ПМР по Ломбардо Толедано) не отводилось.

Толедано пытался переломить ситуацию, и в ноябре 1938 года в Монтеррее прошла демонстрация КТМ, на которой было заявлено, что профцентр не потерпит в качестве кандидата в президенты от КТМ никакого представителя правых или центристских сил. Однако такие заявления вызвали протест других профсоюзных организаций, например ВКТ, которая угрожала разрывом отношений с ПМР. Состоялась 30-тысячная рабочая манифестация против диктаторских замашек КТМ, и ее лидер в штате Нуэво-Леон Родригес бежал из Монтеррея.

После этого на заседании IX сессии Национального совета КТМ в ноябре 1938 года было заявлено, что в духе борьбы с «личными амбициями»

1935 годах объем промышленного производства вырос на 16,2%, то в 1935–1940 годах – на 35,5%.

ни один из членов национального руководства конфедерации не будет выдвигать свою кандидатуру на пост президента²⁴⁵.

Таким образом, всем в Мексике стало ясно, что выдвижение кандидатуры нового президента от ПМР будет происходить без участия рабочих организаций.

В январе 1939 года состоялся VII съезд мексиканской компартии. До этого коммунисты почти всегда выходили на президентские выборы с собственной кандидатурой. Теперь все ждали, бросят ли коммунисты вызов Карденасу. Однако генеральный секретарь КПМ Лаборде в телеграмме президенту от 13 января 1939 года подчеркнул, что партия всецело поддерживает главу государства в его борьбе против реакции и за выполнение программы мексиканской революции.

Тон съезду опять задал лидер компартии США Браудер, который заявил, что в условиях приближающейся мировой войны главной задачей коммунистов является борьба против фашизма, а не за социализм. Отсюда вытекала линия на полную поддержку правительства Карденаса как антифашистского. Мятеж Седильо, отметил Лаборде, продемонстрировал опасность фашистского переворота и в самой Мексике. Лаборде даже призвал США восстановить свои экономические позиции в Мексике, которые в последнее время захватывают страны фашистского блока.

Таким образом, все выступление Лаборде на съезде точно соответствовало указаниям Сталина мировому коммунистическому движению образца января – августа 1939 года: заключение союза с западными странами против Германии, Италии и Японии.

Также под влиянием позиции Москвы Лаборде отметил, что троцкизм превратился в «пятую колонну» фашизма и потребовал высылки Троцкого из Мексики.

Представляется, что объективно Троцкий в то время действительно играл на руку нацистам, яростно выступая против народных антифашистских фронтов во всем мире. Например, в работе «Агония капитализма и задачи IV Интернационала» (июнь 1938 года) он писал: «...соглашательская политика «народных фронтов» обрекает рабочий класс на бессилие и расчищает дорогу фашизму. «Народные фронты», с одной стороны, фашизм – с другой являются последними политическими ресурсами империализма в борьбе против пролетарской революции... Долой бонапартистскую шайку Каина-Сталина!»²⁴⁶

Что касается кандидата в президенты, то фактически съезд постановил поддержать того, кого выдвинет ПМР. Такое решение вызвало протесты многих делегатов, которые настаивали на выдвижении собственного кан-

²⁴⁵ Elizaga R. S. *Los Codigos Ocultos del Cardenismo*. Mexico, 1996. P. 285

²⁴⁶ Будрайтскис И., Васильев М. *Антология позднего Троцкого*. М., 2007. С. 300

дидата, хотя бы для того, чтобы у партии была более сильная и самостоятельная позиция внутри ПМР. Однако мнение Лаборде и Браудера возобладавало.

Еще с конца 1938 года многие генералы и губернаторы штатов стали предпринимать усилия, чтобы помешать Карденасу выдвинуть кандидатом в президенты генерала Мухику – радикального сторонника главы государства, при котором, без сомнения, реформы в Мексике приобрели бы по-настоящему глубинный характер. В конце 1938 года Карденас встретился с несколькими губернаторами штатов в Мичоакане и выразил поддержку Мухике²⁴⁷.

Чтобы не допустить Мухику до президентского кресла, умеренно и консервативно настроенные круги ПМР стали активно продвигать кандидатуру бесцветного и осторожного министра обороны генерала Авилы Камачо²⁴⁸. Камачо при поддержке «военного сектора» ПМР выступал против создания рабочих батальонов, а во время мятежа Седильо отказался вооружить рабочих и крестьян для борьбы против путчистов. Брат министра обороны Максимино Камачо, командующий войсками в Веракрусе, придерживался еще более консервативных взглядов.

За спиной губернаторов – сторонников Авилы Камачо стоял бывший лидер НРП Портес Хиль, личный враг Мухики. Портес Хиль смог сколотить блок депутатов в поддержку Камачо и в обеих палатах мексиканского Конгресса. 16 ноября 1938 года 27 сенаторов на специальной встрече решили сконцентрировать усилия, чтобы не допустить выдвижения Мухики. За умеренного Авилу Камачо стояли «революционные латифундисты» – генералы и чиновники, получившие в ходе революции большие земельные угодья и не желавшие теперь с ними расставаться. Бескомпромиссный и неподкупный Мухика был для их благосостояния смертельной угрозой.

Все предпринимательские организации страны также стояли за Авилу Камачо. Генерала поддерживало также большинство СМИ.

У Мухики были некоторые сторонники в Конгрессе (например, сенатор Сото Рейес). Его поддерживали революционная интеллигенция и широкие

²⁴⁷ Contreras J. México 1940: industrialización y crisis política: Estado y sociedad civil. Mexico, 1992. P. 14

²⁴⁸ Мануэль Авила Камачо родился в 1896 году в штате Пуэбла (третий ребенок в семье, где было 9 детей). Университетского образования получить не смог, хотя учился в подготовительной школе на юриста. В 1914 году вступил в армию конституционалистов в звании второго лейтенанта и к 1920 году стал полковником. В 1920 году служил начальником штаба у Карденаса в Мичоакане. В 1929 году под командованием Карденаса участвовал в подавлении мятежа Эскобара, став бригадным генералом. В 1937 году был назначен военным министром. Авила Камачо был военным, обязанным своей карьерой лично Карденасу. Никаких заслуг на поле боя он не имел, за что и получил прозвище Неизвестный Солдат.

массы. Но эти массы через КТМ были жестко включены в механизм правящей партии ПМР, а в этой партии реальная власть принадлежала профессиональным политикам (депутатам и губернаторам штатов) и военным. Однако среди правящей военно-бюрократической верхушки у Мухики, по сути, был только один соратник – сам президент.

В ноябре 1938 года еще казалось, что президент скажет свое решающее слово в пользу Мухики. Близко стоявший к Карденасу лидер ПМР Луис Родригес в своем выступлении 19 ноября 1938 года похвалил коммунистов («ударную бригаду трудящихся земли») и призвал не допустить выдвижения кандидатом в президенты правого консервативного политика²⁴⁹. Сам Карденас решительно высказался в том же месяце против «преждевременной» предвыборной кампании «некоторых официальных кругов», под которой он подразумевал именно активность консервативных кругов в поддержку Авила Камачо.

Однако мнение президента было проигнорировано – при содействии губернаторов штатов тут и там возникали «спонтанные» комитеты в поддержку кандидатуры Авила Камачо. Опасаясь остаться в меньшинстве и не успеть на отходящий поезд, несколько депутатов Конгресса от КТМ также примкнули к «большинству» депутатского корпуса. В конце 1938 года из 58 сенаторов 42 заявили о поддержке Авила Камачо. Карденаса явно хотели поставить перед свершившимся фактом²⁵⁰. За Мухику открыто высказалось только 10 сенаторов, 6 пока еще не заняли четкой позиции.

Сторонники Мухики добились было создания комиссии по выработке правительственной программы на 1940–1946 годы, чтобы закрепить там продолжение реформ, но консервативные круги ПМР фактически свели деятельность этого органа на нет.

В декабре 1938 года под влиянием заявлений президента открытая агитация за Авилу Камачо поутихла, но организационная деятельность в его поддержку не прекращалась ни на минуту. Уже 6 января 1939 года было объявлено о создании комитета в поддержку «предварительной кандидатуры» Авила Камачо. Причем в заявлении комитета подчеркивалось, что в его рядах нет коммунистических элементов²⁵¹. 12 января 1939 года сторонники Мухики в Сенате осудили создание комитета как открытую оппозицию президенту, считавшему предвыборную агитацию преждевременной. Несмотря на свое меньшинство в Сенате и палате представителей, сторонники Мухики

²⁴⁹ Contreras J. México 1940: industrialización y crisis política: Estado y sociedad civil. Mexico, 1992. P. 26–27

²⁵⁰ Contreras J. México 1940: industrialización y crisis política: Estado y sociedad civil. Mexico, 1992. P. 29

²⁵¹ Contreras J. México 1940: industrialización y crisis política: Estado y sociedad civil. Mexico, 1992. P. 36

считали, что на их стороне президент, а также рабочий и крестьянский секторы ПРМ.

Поэтому 20 января 1939 года был создан центр в поддержку кандидатуры Мухики как выразителя «чисто левых» идеалов революции, сторонника коллективных форм ведения сельского хозяйства и человека, для которого общественное благо было выше любых частнокапиталистических интересов. Воззвание в поддержку Мухики подписали 12 сенаторов.

Фронты предвыборной гонки определились, и теперь решающее слово было за президентом. Однако президент молчал. Сторонники Мухики стали подозревать, что глава государства предал своего самого близкого соратника и наставника. Карденас же полагал, что поддержка кандидатуры Мухики равнозначна расколу ПРМ, так как губернаторы, депутаты и военный сектор партии уже высказались в пользу Авила Камачо. На сторону последнего склонялись и вожди крестьянской конфедерации.

Позднее Карденас также говорил, что против Мухики и в пользу Авила Камачо его заставила высказаться международная обстановка (то есть давление США).

КТМ хранила молчание, но было件нятно, что Ломбардо Толедано поддержит любого кандидата, если тот, в свою очередь, поможет ему сохранить контроль над КТМ. Основными врагами Толедано оставались коммунисты, авторитет которых все время рос. В этих условиях кандидатура консерватора и антикоммуниста Авила Камачо была для Ломбардо Толедано предпочтительной. 8 февраля 1939 года руководство КТМ направило в местные организации циркуляр с информацией о подготовке пленума Национального совета КТМ, на котором должна была быть поддержана кандидатура Авила Камачо. 22 февраля 1939 года Национальный совет, который контролировала группа Ломбардо Толедано, провозгласил кандидатом от ПРМ Ави́лу Камачо. Мухику «марксист» Ломбардо Толедано окрестил «левым экстремистом».

Поддержку Авила Камачо Толедано аргументировал таким образом: если будет выдвинут Мухика, то в стране произойдет военный мятеж правых сил, а это нежелательно. Авила Камачо как министр обороны сможет консолидировать армию, и путча не будет²⁵². Кроме того, как и Карденас, Ломбардо Толедано призвал поддержать кандидатуру Авила Камачо во имя сохранения единства революционных сил.

Летом 1939 года на сессии генерального совета ПМР военные и депутаты угрожали расколом партии, если будет выдвинута кандидатура Мухики. В этих условиях 14 июля 1939 года сам Мухика выступил с обращением к мексиканскому народу, в котором объявил, что снимает свою кандидату-

²⁵² В начале 1939 года все командующие военными зонами были членами ПРМ (кроме генерала Альмасана) и сторонниками кандидатуры Авила Камачо.

ру²⁵³. Таким образом, правые победили, шантажируя Карденаса мифическим единством не менее мифической «революционной семьи».

Тактика единого фронта сыграла дурную шутку и с компартией – во имя того же единства коммунисты поддерживали кандидатуру антикоммуниста Авила Камачо. Получалось, что союз КПМ и ПМР был союзом всадника и лошади, причем коммунистам отводилась роль последней. Толедано мог тешить свое непомерное самолюбие по крайней мере тем, что его привлекали к формальному процессу выдвижения кандидатуры Авила Камачо. Коммунистов же об этом вообще никто не спрашивал.

Правда, генеральный секретарь КПМ Лаборде на пленуме ЦК КПМ в сентябре 1939 года не мог не отметить, что среди сторонников Авила Камачо активизируются реакционные силы. Но и этот пленум закончился выдвижением лозунга «Единство – любой ценой».

Следует отметить, что на такую позицию КПМ влияла международная обстановка. Для коммунистов Мексики сильным ударом была советско-финская война, которую и Карденас, и все мексиканские СМИ осудили как агрессию СССР. Это снижало авторитет коммунистов в период предвыборной борьбы.

К тому же во время Второй мировой войны в Мексике усилились тенденции к прекращению внутренней политической борьбы и радикальных реформ во имя сохранения добрых отношений с США – основным союзником Мексики в возможном противостоянии с державами «оси». Сторонники Авила Камачо утверждали, что любая другая кандидатура, особенно Мухики, вызовет резкое неприятие США, а в условиях войны это может быть опасно.

В этом смысле показательно выступление Карденаса в Чильпансинго (штат Герреро) 20 февраля 1940 года, в котором он как бы подводил итоги своей деятельности. Уходящий президент защищал свои реформы, доказывая, что никакой дезорганизации в экономику они не внесли, носили умеренный характер и не угрожали частной собственности. Много времени Карденас посвятил уверениям в том, что его правительство никогда не было коммунистическим: «Таким образом, в Мексике не существует коммунистического правительства. Наша конституция носит демократический и либеральный характер с некоторыми умеренными чертами социализма в тех своих частях, которые регулируют земельную собственность, а также в отношениях между трудом и капиталом»²⁵⁴.

Такая оборонительная линия лучше всего отражает господствовавшие тогда среди политической элиты Мексики настроения.

²⁵³ Шульговский А. Ф. Мексика на крутом повороте своей истории. М., 1967. С. 434–435

²⁵⁴ Шульговский А. Ф. Мексика на крутом повороте своей истории. М., 1967. С. 439

Шестилетний план для нового президента, который разрабатывала ПМР, был довольно радикальным по фразеологии (декларировалось продолжение реформ в интересах рабочих и крестьян), но крайне расплывчатым в сфере конкретных программных требований. Упор делался на «гармонизацию» отношений между трудом и капиталом. Классовая борьба нехотя признавалась, но целью провозглашалось ее смягчение.

Сам Авила Камачо в своих выступлениях не переставал делать реверансы в сторону США. 22 февраля 1940 года в интервью он заявил: «Я надеюсь убедить Соединенные Штаты и другие страны вкладывать в Мексику свои капиталы. Этим капиталовложениям будут даны всемерные гарантии»²⁵⁵.

Отечественных предпринимателей кандидат ПМР уверял, что обеспечит гармонию между трудом и капиталом. Профсоюзы Авила Камачо призвал отказаться от любых политических требований и прекратить поощрять «боевой дух» трудящихся города и деревни. Теперь, мол, другое время: «Чрезвычайно важно осознать тот факт, что путем установления полного взаимопонимания между трудом и капиталом нам удастся создать такое отечество, которое зиждило бы свое благосостояние на прочных экономических основах»²⁵⁶.

Только в октябре 1939 года Авила Камачо посетил деловую столицу Мексики Монтеррей четыре раза, чтобы заручиться поддержкой бизнес-элиты Мексики. В его честь предприниматели дали роскошный ужин в одном из лучших ресторанов города²⁵⁷. Интересно, что даже с точки зрения американцев предприниматели Монтеррея были слишком реакционными – в США их подозревали в симпатиях к нацизму.

Карденас выставил Авиле Камачо, которого считал своим другом, ряд условий: законодательство 1934–1940 годов не должно изменяться, новый президент должен избегать публичной критики своего предшественника, брат Авилы Камачо Максимино не должен становиться членом кабинета министров, позиции КТМ и Ломбардо Толедано в структуре власти не должны ущемляться.

По сообщениям одного британского дипломата, Авила Камачо передал эти условия в госдепартамент с целью получить согласие Вашингтона. Оно было дано, но при условии, что президент Авила Камачо в случае необходимости предоставит США военные базы на территории Мексики²⁵⁸.

²⁵⁵ Шульговский А. Ф. Мексика на крутом повороте своей истории. М., 1967. С. 441

²⁵⁶ Шульговский А. Ф. Мексика на крутом повороте своей истории. М., 1967. С. 441

²⁵⁷ Niblo S. R. Mexico in the 1940s: Modernity, Politics, and Corruption. Scholarly Resources Inc, 2001. P. 85

²⁵⁸ Niblo S. R. Mexico in the 1940s: Modernity, Politics, and Corruption. Scholarly Resources Inc, 2001. P. 86

«Добро» Вашингтона обеспечивало спокойное избрание Авилы Камачо, и брат будущего президента уже организовал строительную компанию в предвкушении будущих подрядов.

На выборах 1940 года решила выступить объединенным фронтом и мексиканская реакция, для которой и Авила Камачо был слишком радикальным революционером. Лидером правого блока стал самый богатый генерал мексиканской армии Хуан Эндрю Альмасан. Этот человек был гораздо более интересной и необычной фигурой, чем бывший бухгалтер Авила Камачо.

Альмасан родился в 1891 году в штате Герреро. Его отец был фермером, а мать, по словам самого Альмасана, – потомком последнего императора ацтеков Монтесумы. В 1907 году, будучи студентом медицины, Альмасан примкнул к оппозиции против диктатора Порфирио Диаса. В 1910 году он последовал за Мадеро в эмиграцию в США и был в апреле 1911 года послан им в Морелос, где убедил Эмилиано Сапату сражаться на стороне вождя революции. Когда Сапата перешел в оппозицию к Мадеро, Альмасан остался с крестьянским лидером. После переворота Уэрты в феврале 1913 года диктатор предложил Сапате мир, но получил отказ. Однако Альмасан согласился на предложение президента-диктатора и стал под его знамена. Вместе с Паскуалем Ороско он сражался против Вильи. После разгрома Уэрты Альмасан опять перешел под командование Сапаты. В декабре 1914 года он сыграл большую роль в захвате города Пуэбла – самом крупном успехе Освободительной армии Юга. С 1916 года Альмасан со своим отрядом примкнул к движению Феликса Диаса, так как полагал, что Сапата не проявляет достаточной активности в борьбе против Каррансы. Тем не менее вплоть до 1920 года Альмасан сражался против режима Каррансы в штатах Пуэбла, Оахака и Герреро как независимый командир, взаимодействуя как с Сапатой, так и с Диасом.

Поддержав мятеж Обрегона против Каррансы в 1920 году, Альмасан легализовался, официально стал генералом мексиканской армии и занялся бизнесом в качестве директора дорожностроительной компании. Полученные прибыли он инвестировал в недвижимость, в том числе и в районе Монтеррея, с предпринимательской элитой которого быстро сошелся. Став министром коммуникаций в кабинете Ортиса Рубио, Альмасан обогатился еще больше, так как передавал подряды на строительство дорог (например, Панамериканской автострады) своей собственной компании. При Карденасе Альмасан приобрел долю и в серебряных рудниках (напомним, что именно в это время США стали закупать мексиканское серебро по завышенным ценам). К 1939 году Альмасан стал одним из самых богатых граждан Мексики.

Он был очень удобной президентской кандидатурой для всех тех, кто был против продолжения реформ Карденаса. С одной стороны, революционные заслуги Альмасана, сторонника Сапаты, были куда как более впечат-

шителей этого органического единства, то есть анархистов. Правительство, по замыслу синаркистов, должно было быть корпоративистским (по образцу Германии и Италии) и обеспечивать гармонию всех слоев общества, не нарушая социальной иерархии.

60% членов союза синаркистов в первые годы существования организации (1937–1938-й) были сконцентрированы на территории бывшего восстания «кристерос»²⁵⁹ – в штатах Мичоакан, Керетаро и Гуанахуато. В союзе, прообразом которого была испанская фаланга, поддерживалась строгая дисциплина. Члены синаркистского союза проходили военно-спортивную подготовку и подчинялись «генеральному штабу». Неудивительно, что с синаркистами сразу установил контакт лидер «дорадос» Родригес.

Национальный союз синаркистов возник в мае 1937 года на базе «антикоммунистического центра» в Гуанахуато, который возглавлял немец, нацист Хельмут Оскар Шрейтер (преподаватель местного университета). Первым лидером союза стал Хосе Антонио Уркиса, убитый в апреле 1938 года²⁶⁰.

В рядах синаркистов в 40-е годы состояли несколько сотен тысяч человек, в основном крестьян, не получивших никакой выгоды от аграрной реформы. Союз синаркистов заявлял в программных заявлениях (например, манифесте от 12 июня 1937 года), что он был создан «настоящими патриотами» в качестве реакции крестьян на «ошибки мексиканской революции». Аграрная реформа, утверждал союз, привела к перераспределению земель, но не повысила уровень жизни большинства крестьян, страдающих от сильной дороговизны. А так называемые революционные политики обогатились на реформе, заменив помещиков старого образца.

Синаркисты умело агитировали против «эхидос», которые якобы являются для государства инструментом экономического закабаления крестьян. Такая пропаганда имела под собой некоторую почву, если учесть активное вмешательство Банка эхидального кредита в повседневную жизнь многих кооперативов. Союз синаркистов провозглашал: «Крестьянин, земля должна быть твоей!.. Да, только твоей! Как женщина, земля должна быть твоей, а не политика, не касика. Только твоей. Ведь за это ты сражался. За это ты борешься, ибо ты хочешь, чтобы твои дети не страдали от нищеты, чтобы в твоём доме всегда был маис, огонь в очаге и всегда царил мир»²⁶¹.

К моменту начала предвыборной кампании движение синаркистов охватило практически всю республику. Если в декабре 1938 года синаркистов

²⁵⁹ Aguilar R., Zermeno G. P. Religión, política y sociedad: el sinarquismo y la iglesia en México. Mexico, 1992. P. 93

²⁶⁰ В 1942 году американская разведка официально причислила синаркистов к пятой колонне нацистов Мексике.

²⁶¹ Шульговский А. Ф. Мексика на крутом повороте своей истории. М., 1967. С. 446

было не более 30 тысяч, то на момент президентских выборов летом 1940 года лидеры синаркистского союза утверждали, что в его рядах уже 360 тысяч человек²⁶².

Популярность синаркизму придавала и его борьба против «англо-саксонского материализма» и за союз с «матерью-Испанией» (где к тому времени победил Франко).

Задачей синаркистов в предвыборной кампании Альмасана был захват избирательных участков и недопущение на них неудобных избирателей (такая же тактика применялась и ПРМ).

Предвыборная программа Альмасана, собственно, не слишком отличалась от заявлений Авила Камачо. Альмасан тоже выступал против классовой борьбы и за социальную гармонию. «Рабочий лидер» Моронес у него, как всегда, отвечал за жанр политической провокации – он утверждал, что мексиканские коммунисты при содействии Коминтерна и испанских эмигрантов формируют вооруженные отряды для захвата власти²⁶³. Скоро якобы эти отряды заменят собой регулярную армию.

Крестьянам Альмасан и его идеолог по крестьянскому вопросу Сото-и-Гама обещали освобождение от «диктатуры эхидо» и поощрение мелкой частной собственности на селе.

Как и Авила Камачо, Альмасан выступал за привлечение в страну иностранного капитала. Возврата национализированной нефтяной промышленности он не требовал, но заявлял, что с политикой экспроприаций необходимо покончить. Правда, Альмасан обещал национализировать основные отрасли промышленности (например, электроэнергетику) и направить прибыль национализированных предприятий на социальные нужды.

В США внимательно следили за предвыборной кампанией в соседней Мексике. Как обычно, американцы попытались использовать ее для усиления давления на Мексику с целью добиться все же выплаты компенсации и за конфискацию земель в ходе аграрной реформы, и за национализированную нефтяную промышленность.

Рузвельт, по обыкновению, использовал в качестве тарана Конгресс США. В апреле 1940 года член палат представителей республиканец Хеннингс внес на рассмотрение проект резолюции с требованием провести расследование политики мексиканского правительства в отношении американских граждан. Уже в самом проекте давалась и будущая оценка расследования – утверждалось, что Мексика грубо нарушает международное право.

²⁶² García de León H. H. Historia política del sinarquismo, 1934–1944. Mexico, 2004. P. 181

²⁶³ Действительно, в Мексике с санкции президента существовали невооруженные рабочие батальоны, проходившие военную подготовку под руководством армейских офицеров.

Газета «Нью-Йорк Таймс» (обычно неплохо информированная) писала, что резолюцию Хеннингса поддерживает правительство США.²⁶⁴

Между тем 2 декабря 1939 года Верховный суд Мексики отклонил иск нефтяных компаний о возвращении им национализированного имущества. После этого правительство США прибегло к открытым экономическим санкциям, повысив 12 декабря пошлины на ввозимую из Мексики нефть²⁶⁵.

Вашингтон стал продвигать идею о вынесении спора с Мексикой на суд международного арбитража. Против этой меры, сочтя ее излишней «мягкотелостью», поначалу выступила Великобритания, но англичан удалось быстро убедить. 11 января 1940 года заместитель госсекретаря США Уэллес предложил арбитраж министру финансов Мексики Суаресу. Однако Карденас в интервью иностранным корреспондентам в январе 1940 года решительно высказался против международного арбитража. Президент Мексики подтвердил, что его страна готова начать выплату компенсации за национализированное имущество и не видит необходимости подключать для этого международных посредников.

В январе 1940 года США передали Мексике список своих претензий в связи с конфискацией собственности американских граждан в ходе аграрной реформы. Но никаких документов, подтверждающих правильность этих данных, предъявлено не было. Не было в списке и самого главного – стоимости ущерба, компенсировать который рассчитывали американцы. Карденас, однако, выразил готовность обсуждать с американскими представителями каждую претензию²⁶⁶.

Тогда Мексикой решила заняться и созданная еще в 1938 году так называемая комиссия Дайса (члена палаты представителей от Техаса) по расследованию «антиамериканской деятельности» в США. Родившийся в 1900 году Мартин Дайс-младший, самый молодой член палаты представителей на момент избрания (тогда ему было 29 лет), вел предвыборную кампанию под демагогическими лозунгами борьбы с «капиталистической тиранией»²⁶⁷. Дайсу покровительствовал техасец Джон Гарнер, вице-президент США и друг Альмасана. В Конгрессе Дайс сделал себе имя как борец против иммиграции, призывавший выслать из страны всех мексиканцев.

Комиссия Дайса была первой ласточкой маккартизма и пыталась обнаружить в Соединенных Штатах коммунистический заговор. В апреле 1940 года Дайс нашел этот самый заговор в Мексике, где «царят анархия» и неуважение к частной собственности. Американцы довели себя антикоммуни-

²⁶⁴ Шульговский А. Ф. Мексика на крутом повороте своей истории. М., 1967. С. 454

²⁶⁵ Пошлины на мексиканскую нефть стали на 79% выше, чем на венесуэльскую.

²⁶⁶ Foreign Relations of the United States (FRUS). Volume V, 1940. P. 948

²⁶⁷ Morgan T. Reds. McCarthyism in Twentieth-Century America. New York, 2003. P. 185

стической истерией до такого состояния, что весной 1940 года сосредоточили на границе с Мексикой до 150 тысяч солдат и офицеров армии США.

В мае 1940 года с разоблачением выводов Дайса пришлось выступить Карденасу. Президент отметил, что кампанию диффамации насчет мнимого «коммунистического заговора» разжигают враги Мексики за границей.

Американцы пытались использовать предвыборную кампанию в Мексике, чтобы побудить Карденаса занять более определенную позицию по отношению ко Второй Мировой войне (Мексика объявила о своем нейтралитете 4 сентября 1939 года).

24 мая 1940 года Уэллес сообщил послу Мексики в Вашингтоне Нахере, что «агенты Оси» попытаются использовать в своих целях мексиканские выборы. Нахера правильно понял это «дружеское предостережение» как давление и ответил, что все «агенты Оси» в Мексике под контролем и от них ничего не зависит. Чтобы успокоить американцев, Нахера передал слова Карденаса, что в случае агрессии против американского континента и вступления США в войну Мексика без колебаний встанет на сторону Вашингтона²⁶⁸. Вооруженные силы США смогут использовать для морских операций территорию Мексики. Карденас лишь просил, чтобы переговоры о возможном военном сотрудничестве проходили в тайне, иначе мексиканское общественное мнение будет взбудоражено, и этим воспользуется оппозиция.

Между тем враги Мексики действительно не дремали, но это были отнюдь не немцы. Альмасан понимал, что шансов на победу на выборах не имеет, и уже в начале 1940 года стал готовить военный мятеж. В феврале – марте 1940 года в Торреоне проходили встречи сторонников Альмасана (например, генерала Кирога) с представителями нефтяных компаний и комиссии Дайса Джоном Андерсоном и Уильямом Стоуном. Американцы обещали Альмасану материальную помощь. Была налажена контрабанда оружия из США через город Салтильо. Моронес пытался мобилизовать в поддержку Альмасана американский профцентр АФТ, для чего еще летом 1939 года посетил США.

Кальес в США также пытался мобилизовать финансовые средства в поддержку Альмасана.

На руку Альмасану была и общая политическая ситуация в стране. В октябре 1939 года, воспользовавшись в качестве предлога освобождением Красной Армией Западной Белоруссии и Западной Украины, некоторые члены «народного сектора» ПМР внесли в Конгресс проект резолюции о роспуске мексиканской компартии. Однако большинство депутатов резолюцию не поддержали.

²⁶⁸ Paz Salinas M. E. Strategy, security, and spies: Mexico and the U.S. as Allies in World War II. Pennsylvania State University, 1997. P. 51

Пытались сторонники Альмасана добиться и запрета на въезд в Мексику эмигрантов-республиканцев (якобы коммунистических агентов, специально направленных Москвой для дестабилизации Мексики). Характерно, что с такими же утверждениями в «Послании к мексиканской нации» в мае 1940 года выступили испанские фалангисты.

Однако Карденас занял принципиальную позицию, и Мексика приняла у себя несколько тысяч республиканцев.

Таким образом, политическая атмосфера в Мексике к моменту президентских выборов 7 июля 1940 года была накалена до предела: Альмасан был, пожалуй, самым сильным и опасным кандидатом на пост президента от оппозиции со времен победы мексиканской революции. Как обычно, выборы сопровождались уличными столкновениями и человеческими жертвами. Только в Мехико в день выборов были убиты около 30 человек и 300 получили ранения различной тяжести²⁶⁹. Однако административный ресурс ПМР и губернаторов штатов сделал свое дело.

ФБР США сообщало в своем анализе возможной нестабильности в Мексике в связи с выборами, что Авила Камачо победит «независимо от результатов голосования», так как все члены избирательных комиссий на 100% состоят из его сторонников²⁷⁰. Перспективу мятежа Альмасана после выборов ФБР расценивало как маловероятную, потому что генерал не станет рисковать своим налаженным строительным, банковским и нефтяным бизнесом. Тем более что этот бизнес зависит от государственных подрядов.

ФБР видело главную угрозу стабильности Мексики в Карденасе. Брат Авилы Камачо (губернатор Веракруса) сообщил, что президент может использовать беспорядки для аннулирования выборов и объявления в стране чрезвычайного положения на два года. В этот период Карденас будет править, опираясь на рабочие батальоны КТМ. Поэтому, говорил брат Авилы Камачо, кандидат в президенты от ПМР пытается договориться с Ломбардо Толедано, чтобы побудить его отвернуться от Карденаса.

7 июля 1940 года победа Авилы Камачо выглядела бесспорной – за него, по официальным данным, проголосовали 2 476 641 избирателей. Альмасан получил на выборах 151 101 голос (5,72%).

Многолетняя революция закончилась. Мексика вступала в новый период своей истории.

²⁶⁹ Шульговский А. Ф. Мексика на крутом повороте своей истории. М., 1967. С. 458

²⁷⁰ Niblo S. R. Mexico in the 1940s: Modernity, Politics, and Corruption. Scholarly Resources Inc, 2001. P. 87–88

Краткая хронология истории Мексики (1928–1940 годы)

1928, декабрь – 1930, февраль.

Правление Эмилио Портеса Хилья – временного президента страны.

1929, март.

Основание Национально-революционной партии Мексики (НРП).

1929, март – май.

Военный мятеж под руководством генерала Эскобара.

1929, май – июнь.

Расстрел правительственными войсками видного коммуниста Гуадалупе Санчеса. Протест Коминтерна. Запрет коммунистической партии Мексики. Обострение советско-мексиканских отношений.

1929, июнь.

Достижение компромисса между католической церковью и правительством Мексики. Окончание восстания «кристерос».

1930, январь.

Разрыв Мексикой дипломатических отношений с СССР.

1930, февраль – 1932, сентябрь.

Президентство Паскуаля Ортиса Рубио.

1931, август.

Принят Трудовой кодекс.

1932, сентябрь – 1934, декабрь.

Президентство Абельардо Родригеса. Пик влияния Плутарко Кальеса на политическую жизнь Мексики.

1933, декабрь.

НРП принимает правительственную программу – «шестилетний план» – и выдвигает кандидатом на пост президента генерала Ласаро Карденаса.

1934, март.

Принятие Аграрного кодекса.

1934, июль.

Ласаро Карденас избран президентом Мексики.

1935, июнь.

Разрыв Карденаса с Кальесом. Конец «максимата».

- 1935, декабрь.
Кальес возвращается в Мексику из США и начинает борьбу против Карденаса.
- 1936, февраль.
Массовые антиправительственные демонстрации в Монтеррее, организованные предпринимателями.
- 1936, февраль.
Образование Конфедерации трудящихся Мексики (КТМ), стоящей на позициях классовой борьбы.
- 1936, июль.
Начало гражданской войны в Испании. Мексика одной из первых стран оказывает республиканскому правительству помощь.
- 1936, октябрь.
Принятие закона о праве государства национализировать частную собственность ради общественного блага.
- 1936, октябрь.
Начало радикальной аграрной реформы и создание первых сельскохозяйственных производственных кооперативов.
- 1937, январь.
В Мексику прибывает Лев Троцкий, получивший в этой стране политическое убежище.
- 1937, июнь.
Национализация железных дорог. В 1938 году они передаются под управление рабочих.
- 1938, март.
Национализация нефтяной промышленности Мексики.
- 1938, март.
Национально-революционная партия преобразована в Партию мексиканской революции (ПМР).
- 1938, май.
Попытка мятежа генерала Сатурнино Седильо при поддержке иностранных нефтяных компаний и нацистской агентуры в Мексике.
- 1939, сентябрь.
Мексика объявляет о нейтралитете во Второй мировой войне.
- 1940, июль.
На президентских выборах побеждает кандидат ПМР Авила Камачо.

Список источников и литературы

- Альперович М. С., Руденко Б. Т.* Мексиканская революция 1910–1917 гг. и политика США. М., 1958
- Андреев Г.* Экспорт американского капитала: Из истории экспорта капитала США как орудия экономической и политической экспансии. М., 1957
- Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04 (секретариат Чичерина)
- Будрайтскис И., Васильев М.* Антология позднего Троцкого. М., 2007
- Вольский А.* История мексиканских революций. М., 1928
- Галеана П.* Хуарес в истории Мексики. М., 2008
- Григорьева З. К.* Иностранный капитал в экономике Мексики. М., 1976
- Гонионский С. А.* Сандино. М., 1965
- Гордин А. Я.* Три войны Бенито Хуареса. М., 1984
- Думпьерре Э., Крус Ф. П.* Умираю за революцию. М., 1986
- Ермолаев В. И.* Из истории рабочего и коммунистического движения в Латинской Америке. М., 1982
- Зарницкий С. В., Сергеев А. Н.* Чичерин. М., 1975
- Иноземцев Н. Н.* Внешняя политика США в эпоху империализма. М., 1960
- История Латинской Америки 1918–1945. М., 1999
- Коллонтай А. М.* Революция – великая мятежница... Избранные письма 1901–1952 гг. М., 1989
- Коллонтай А. М.* Дипломатические дневники. 1922–1940. В 2 томах. М., 2001
- Лавров Н. М.* Мексиканская революция 1910–1917 гг. М., 1972
- Ларин Н. С.* Борьба церкви с государством в Мексике (восстание «кристерос» в 1926–1929 гг.). М., 1965
- Маккензи К.* Коминтерн и мировая революция 1919–1943. М., 2008
- Манькин А. С.* Изоляционизм и формирование внешнеполитического курса США 1923–1929. М., 1980

- Мексика: тенденции экономического и социально-политического развития. М., 1983
- Менжинский Е. Мексика. М., 1937
- Новая краткая история Мексики. М., 2008
- Основат А. С. Диего Ривера. М., 1969
- Очерки истории Министерства иностранных дел России. Том 2. 1917–2002 гг. М., 2002
- Очерки новой и новейшей истории Мексики. М., 1960
- Погосов Ю. В. Мелья. М., 1968
- Потокова Н. В. Агрессия США против Мексики 1846–1848. М., 1962
- Рид Д. Восставшая Мексика. 10 дней, которые потрясли мир. Америка 1918. М., 1968
- Селиванов В. Н. Латинская Америка: от конкистадоров до независимости. М., 1984
- Сизоненко А. И. Советский Союз и Латинская Америка. М., 1964
- Сизоненко А. И. В стране ацтекского орла: Первые советские полпреды в Мексике. М., 1969
- Сизоненко А. И. Очерки истории советско-латиноамериканских отношений. М., 1971
- Сизоненко А. И. Непроторенными путями: первые советские дипломаты и ученые в Латинской Америке. М., 1988
- Сикейрос Д. А. Меня называли лихим полковником. М., 1986
- Соколов А. А. Рабочее движение Мексики (1917–1929). М., Издательство МГУ, 1978
- Черняк Е. Б. Жандармы истории. М., 1969
- Хейфец Л. С. Латинская Америка в орбите Коминтерна (опыт биографического словаря). М., 2000
- Шейнис З. С. Максим Максимович Литвинов: революционер, дипломат, человек. М., 1989
- Шейнис З. С. Путь к вершине. Страницы жизни А. М. Коллонтай. М., 1987
- Шириня К. К. Стратегия и тактика Коминтерна в борьбе против фашизма и войны (1934–1939 гг.). М., 1979
- Шульговский А. Ф. Мексика на крутом повороте своей истории. М., 1967
- Adrian A. Bantjes As If Jesus Walked on Earth: Cardenismo, Sonora, and the Mexican Revolution. Wilmington, 1998
- Aguilar R., Zermeno G. P. Religión, política y sociedad: el sinarquismo y la iglesia en México. Mexico, 1992

- Alpert M.* A new international history of the Spanish Civil War. London, 1997
- Arena S. Z.* Aspectos socioeconómicos de la problemática en México. México, 2003
- Areous G. I. B.* El modelo mexicano de regulación laboral. FLACSO México, 2000
- Bassols N.* Obras. México, 1954
- Benítez F.* Lázaro Cárdenas y la revolución mexicana. III. El Cardenismo. México, 2004
- Bortz J.* Revolution within the revolution: cotton textile workers and the Mexican labor regime, 1910–1923. Stanford University Press, 2008
- Britton J. A.* Molding the hearts and minds: education, communications, and social change in Latin America. Scholarly Resources Inc, 1994
- Buchenau J., Beezley W. H.* State governors in the Mexican Revolution 1910–1952. Rowman and Littlefield Publishers Inc, 2009
- Buchenau J.* In the shadow of the giant: the making of Mexico's Central America policy, 1876–1930. University of Alabama Press, 1996
- Buchenau J.* Plutarco Elías Calles and the Maximato in Revolutionary Mexico: A Reinterpretation // www-gewi.uni-graz.at/jbla/JBLA_Band.../jbla06_229_254.pdf
- Butler M.* Popular piety and political identity in Mexico's Cristero Rebellion: Michoacán, 1927–29. Oxford University Press, 2004
- Calderón Roberto R.* Mexican coal mining labor in Texas and Coahuila, 1880–1930. Texas A&M University Press, 2000
- Camacho M. B. L.* Joaquín Amaro y el proceso de institucionalización del ejército mexicano 1917–1931. México, UNAM, 2003
- Camp R. A.* Mexican political Biographies. University of Texas Press, 1995
- Camp R. A.* Generals in the Palacio: the Military in Modern Mexico. Oxford University Press, 1992
- Castro J. R.* La clase obrera en la historia de México. En la presidencia de Plutarco Elías Calles (1924–1928). México, Siglo XXI, 1983
- Castro P., Castro Martínez P. F.* Adolfo de la Huerta: la integridad como arma de la revolución. Siglo XXI, 1998
- Cardenas L.* Apuntes. Una selección, México. México, 2003
- Cardenas L.* Obras/Apuntes 1913/1940. México, 1972
- Caballero Cervantes J. C., Buve R. Th. J.* El movimiento revolucionario en Tlaxcala. Universidad Iberoamericana, 1994
- Cimet A.* Ashkenazi Jews in Mexico: ideologies in the structuring of a community. State University of New York, 1997
- Concheiro E., Modonesi M., Crespo H. G.* El comunismo: otras miradas desde América Latina. México, UNAM, 2007

- Contemporary Mexico: papers of IV International Congress of Mexican History. University of California Press, 1976
- Contreras J.* México 1940: industrialización y crisis política: Estado y sociedad civil. Mexico, 1992
- Córdova A.* La ideología de la Revolución Mexicana: La formación del nuevo regimen. Ediciones Era, 1992
- Craven D.* Art and Revolution in Latin America 1910–1990. Yale University Press, 2006
- Davis D. E.* Urban leviathan: Mexico City in the twentieth century. Temple University Press, 1994
- De La Pedraja Toman, R. Wars of Latin America 1899–1941. McFarland and company Inc Publishers, 2006
- Deutscher I.* Trotzki. Der unbewaffnete Prophet 1929–1940. Stuttgart, Berlin, Kökn, Mainz, 1972
- Diaz R. L.* La crisis Obregón-Calles y el estado mexicano. Mexico, Siglo XXI, 1980
- Díaz Soto y Gama A., Castro P., Castro Martínez P. F.* Historia del agrarismo en México. Ediciones Era, 2002
- Draper Th.* American Communism and Soviet Russia. New York, 1986
- El estado y la politica obrera del cardenismo. Mexico, 1999
- Elizaga R. S.* Los Codigos Ocultos del Cardenismo. Mexico, 1996
- Espacio Publico y reconstruction de la ciudadania. Kuri P. R (coord.). FLACSO Mexico, 2003
- Evans S.* Bound in twine: the history and ecology of the henequen-wheat complex for Mexico and the American and Canadian plains 1880–1950. College Station, Texas A&M University Press, 2007
- Fallaw B.* Cardenas compromised: the failure of reform in postrevolutionary Yukatan. Duke University Press, 2001
- Foreign Relations of the United States. Different Volumes
- Garrido L. J.* El partido de la Revolucion institucionalizada. La formacion el Nuevo estado en Mexico (1928–1945). Mexico, 1982
- Garcia de Leon H. H.* Historia politica del sinarquismo, 1934–1944. Mexico, 2004
- Gilly A.,* El cardenismo. Una utopia mexicana, Mexico, 2001
- Hall L. B.* Alvaro Obregon. Power and Revolution in Mexico, 1911–1920. College Station, 1981
- Haley P. E.* Revolution and Intervention: The Diplomacy of Taft and Wilson with Mexico, 1910–1917. The Massachusetts Institute of Technology, 1970

- Hart J. M.* Revolutionary Mexico: The coming and process of the Mexican revolution. Berkeley, University of California Press, 1989
- Hart J. M.* Empire and Revolution. The Americans in Mexico since the Civil War. University of California Press, 2002
- Henderson T. J.* The worm in the wheat: Rosalie Evans and agrarian struggle in the Puebla-Tlaxcala Valley of Mexico, 1906–1927. Duke University Press, 1998
- Henke K. D.* Die Dresdner Bank im dritten Reich. München, 2006
- Hill L. D.* Emissaries to a Revolution. Woodrow Wilson's Executive Agents in Mexico. Baton Rouge, 1973
- Hodges D. E.* Mexican Anarchism after the Revolution. University of Texas Press, 1995
- Hodges D. C., Gandy D. R.* Mexico, the end of the revolution, Greenwood Publishing Group, 2002
- Jacobs I.* La revolución mexicana en Guerrero: Una revuelta de los rancheros, Ediciones Era, 1990
- Katz F.* Revuelta, rebelión y Revolución: : la lucha rural en México del Siglo XVI al Siglo XX, Ediciones Era, 2004
- Katz F.* Nueve ensayos mexicanos, Mexico, 2007
- Klinghoffer A. J., Klinghoffer J. A.* International citizens' tribunals: mobilizing public opinion to advance human rights. PALGRAVE, 2002
- Knight A.* The Mexican Revolution. Volume 1. Porfirians, Liberals and Peasants. London, 1986
- Knight A.* The Mexican Revolution. Volume 2. Counter-revolution and Reconstruction. London, 1986
- Krauze E.* Plutarco Calles. Reformar desde el origen, Mexico, 1992
- Krauze E.* Mexico. The Biography of Power. A history of Modern Mexico 1810–1996. New York, 1997
- La Botz D.* Democracy in Mexico: peasant rebellion and political reform. South End Press, 1995
- La clase obrera en la historia de Mexico: en el cardenismo (1934–1940). Mexico, 1999
- La clase obrera en la historia de Mexico. Una epoca de crisis (1928–1934). Mexico, 2005
- Las Elecciones en Mexico, Casanova P. G. (coord.). Siglo veintiuno editores. Mexico
- Lear J.* Workers, neighbors, and citizens: the revolution in Mexico City. Lincoln, University of Nebraska Press, 2001
- León S., Fernández del Castillo G. P.* De fuerzas políticas y partidos políticos. Plaza y Valdes, Mexico, 1988

- Lieuwen E.* Mexican Militarism: The Political Rise and Fall of the Revolutionary Army, 1910–1940. Greenwood Press, 1968
- Marnham P.* Dreaming with His Eyes Open: A Life of Diego Rivera. University of California Press, 2000
- Matesanz J. A.* Las raíces del exilio. Mexico ante la Guerra civil Española. Mexico, 1999
- Medin T.* El minimato presidencial: historia política del Maximato 1928–1935. Mexico, 1982
- Mexico since Independence. Edited by Leslie Bethell. Cambridge University Press, 1998
- Meyer J.* La cristiada: el conflicto entre la Iglesia y el Estado 1926–1929. Mexico, 2005
- Meyer L.* Su Majestad británica contra la Revolución Mexicana, 1910–1950: el fin de un imperio informal. Mexico, 1991
- Meyer M., Sherman W.* The Course of Mexican History. New York, 1987
- Middlebrook K. J.* The paradox of revolution: labor, the state, and authoritarianism in Mexico. JHU Press, 1995
- Morgan T.* Reds. McCarthyism in Twentieth-Century America. New York, 2003
- Niblo S. R.* Mexico in the 1940s: Modernity, Politics, and Corruption. Scholarly Resources Inc, 2001
- O'Brien T.* The Revolutionary Mission: American Enterprise in Latin America, 1900–1945. Cambridge University Press, 1996
- Ochoa E. C.* Feeding Mexico. The political uses of Food since 1910. Scholarly Resources Inc, 2002
- Paz Salinas M. E.* Strategy, security, and spies: Mexico and the U.S. as Allies in World War II. Pennsylvania State University, 1997
- Portes Gil E.* Autobiografía de la Revolución Mexicana // www.antorcha.net/.../autobiografia/bibliografia.html
- Purnell J.* Popular movements and state formation in revolutionary Mexico: the agraristas and cristeros of Michoacán. Duke University Press, 1999
- Ragsdale K. B.* Wings over the Mexican Border. University of Texas Press, 1997
- Rama C. M., Cappelletti A. J.* El Anarquismo en América Latina. Fundación Biblioteca Ayacuch, 1990
- Rancano M. R.* Una discusión sobre el tamaño del ejército mexicano 1876–1930 // Estudios de historia moderna y contemporánea de México. Julio-diciembre 2006
- Rascón A. D.* La política de reforma agraria en Chihuahua, 1920–1924: sus efectos hasta 1940, Plaza y Valdes, 2003
- Riot, Rebellion, and Revolution. Rural Social Conflicts in Mexico. Edited by F. Katz. Princeton University Press, 1988

- Rippy M.* Oil and the Mexican Revolution. Leiden, 1972
- Rodríguez J. E. O., Vincent K.* Myths, misdeeds, and misunderstandings: the roots of conflict in U.S.-Mexican relations. Rowman & Littlefield, 1997
- Romero Sotelo M. E., Ludlow L.* Temas s debate moneda y banka en Mexico 1884–1954. Mexico, 2006
- Ruiz R. E.* The Great Rebellion. Mexico 1905–1924. New York, 1980
- Sánchez J.C.M.*, Reforma agraria: del latifundio al neoliberalismo, Plaza y Valdes, 2003
- Sánchez F. P.* La política económica de la Revolución Mexicana, 1911–1924. UNAM, 2006
- Sherman J. W.* The Mexican right: the end of revolutionary reform, 1929–1940. Greenwood Publishing Group, 1997
- Sanderson S. E.* Agrarian populism and the Mexican State: the struggle for Land in Sonora. University of California Press, 1981
- Schuler F. E.* Mexico between Hitler and Roosevelt. Mexican Foreign Relations in the Age of Lazaro Cardenas 1934–1940. University of New Mexico Press, 1998
- Sherman J. W.* The Mexican right: the End of Revolutionary Reform 1929–1940. London, 1997
- Snodgrass M.* Deference and defiance in Monterrey. Workers, Paternalism and Revolution in Mexico 1890–1950. Cambridge University Press, 2003
- Spencer D.* The impossible Triangle. Mexico, Soviet Russia and the United States in the 1920s. Duke University Press, 1999
- Stein P.* Siqueiros: his life and works. International Publishers and Co, 2004
- Tello C.* Estado y desarrollo económico en México 1920–2006. Mexico, 2007
- The Cambridge History of Latin America. Volume VII. Edited by Leslie Bethell. Cambridge University Press, 1990
- The Communist International 1919–1943 Documents. Volume 3. 1929–1943. Frank Cass and Company Limited, 1971
- The Mexican Petroleum Industry in the twentieth century. Edited be J. C. Brown and A. Knight. University of Texas Press, 1992
- The women's revolution in Mexico 1910–1953. Edited by S. E. Mitchell and P. A. Schell. Rowman & Littlefield Publishers, Inc, 2006
- Tobler H. W.* Die mexikanische Revolution. Frankfurt am Main, 1984
- Vázquez J. Z., Meyer L.* The United States and Mexico. Chicago, 1995
- Villafañe V. L.* La formación del sistema político mexicano. Mexico, 1986
- Womack J.* Zapata and the Mexican Revoltion. New York, 1969

КНИГИ, ИЗДАННЫЕ РУССКИМ ФОНДОМ СОДЕЙСТВИЯ ОБРАЗОВАНИЮ И НАУКЕ

*Более подробную информацию о наших книгах
(аннотации, оглавления, отдельные главы)*

Вы можете найти на сайте:

www.s-and-e.ru

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ:

1. Назаренко А.В. «Древняя Русь и славяне». Из серии: Древнейшие государства Восточной Европы.
2. «Древняя Русь в свете зарубежных источников: Античные источники. Том I». Подосинов А.В. (составитель). Под редакцией Джаксон Т.Н., Коноваловой И.Г.
3. «Древняя Русь в свете зарубежных источников: Византийские источники. Том II». Бибииков М.В. (составитель). Под редакцией Джаксон Т.Н., Коноваловой И.Г.
4. «Древняя Русь в свете зарубежных источников: Восточные источники. Том III». Коновалова И.Г. (составитель). Под редакцией Джаксон Т.Н., Коноваловой И.Г.
5. «Древняя Русь в свете зарубежных источников: Западноевропейские источники. Том IV». Составитель А.В. Назаренко. Под редакцией Джаксон Т.Н., Коноваловой И.Г.
6. «Древняя Русь в свете зарубежных источников: Древнескандинавские источники. Том V». Глазырина Г.В., Джаксон Т.Н., Мельникова Е.А.
7. Столярова Л.В., Каштанов С.М.: «Книга в Древней Руси (XI—XVI вв.)»
8. «Древнейшие государства Восточной Европы. Пространство и время в средневековых текстах». Ответственный редактор Глазырина Г.В.

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ И ТЕХНИКИ:

9. Котельников В.Р.: «Отечественные авиационные поршневые моторы 1910—2009»
10. Степанов А.С.: «Развитие Советской Авиации в Предвоенный Период (1938 — первая половина 1941 года)»

ЭТНОГРАФИЯ, АРХЕОЛОГИЯ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА:

11. Логинов К.К.: «Обряды, обычаи и конфликты традиционного жизненного цикла русских Водлозерья»

АНТИЧНОСТЬ И ВИЗАНТИНИСТИКА:

12. Люттвак Эдвард Н. «Стратегия Византийской империи». Edward N. Luttwak: "The Grand Strategy of the Byzantine Empire". Перевод с английского А.Н. Коваль.
13. Позднев М.М. «Психология искусства. Учение Аристотеля»
14. Суриков И.Е.: «Аристократия и демос: политическая элита архаических и классических Афин»
15. Суриков И.Е.: «Античный полис»
16. «Gaudeamus Igitur: Сборник статей к 60-летию А.В. Подосинова». Под редакцией Джаксон Т.Н., Коноваловой И.Г., Цецхаладзе Г.Р.
17. Ревзин Григорий: «Путешествие в Античность»
18. Смышляев А.Л.: «История Древнего Рима от Ромула до Гракхов», учебное пособие.
19. Виноградов А.Ю. «Миновала уже зима языческого безумия. Церковь и церкви Херсона в IV веке по данным литературных источников и эпиграфики».
20. Аристей. Классическая филология и античная история. Журнал, выпуск №1.
21. Файер В.В. Александрийская филология и гомеровский гекзаметр.

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ:

22. Антоненц Е.В.: «Введение в Римскую Палеографию»
23. «Вопросы эпиграфики. Выпуск 1». Под редакцией Авдеева А.Г.
24. «Вопросы эпиграфики. Выпуск 2». Под редакцией Авдеева А.Г.
25. «Вопросы эпиграфики. Выпуск 3». Ответственный редактор Авдеев А.Г.
26. «Вопросы эпиграфики. Выпуск 4», сборник статей, ответственный редактор Авдеев А.Г.

БЕЗ СЕРИИ:

27. Евсеева Л.М., Лидов А.М., Чугреева Н.Н.: «Спас Нерукотворный в русской иконе».
28. Ахмед Рашид: «Талибан». Перевод с английского Поваляев М.В.
29. В.В. Библихин. «Слово и событие. Писатель и литература». Собрание сочинений. Том I.
30. А.М. Фомин. «Война с продолжением. Великобритания и Франция в борьбе за «Османское наследство», 1918-1923»
31. Юлиана Нориджская. Откровения Божественной Любви / Пер., вступ. ст., примеч., подгот. среднеангл. текста Ю. Дресвиной. Julian of Norwich. Revelations of Divine love / Edition, introduction, translation and commentaries by Juliana Dresvina.
32. Исэров А. А. США и борьба Латинской Америки за независимость, 1815—1830 гг.
33. Седакова О.А. «Четырехтомное издание избранных произведений: Стихи (1-й том)»
34. Седакова О.А. «Четырехтомное издание избранных произведений: Переводы (2-й том)»
35. Седакова О.А. «Четырехтомное издание избранных произведений: Poetica (3-й том)»
36. Седакова О.А. «Четырехтомное издание избранных произведений: Moralia (4-й том)»

КНИГИ, ПЛАНИРУЮЩИЕСЯ К ИЗДАНИЮ В 2011 ГОДУ

(книги, уже готовые к изданию или находящиеся на стадии редактур и верстки):

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ:

1. Каштанов С.М.: «Исследование о молдавской грамоте XV века»
2. Мереминский С.Г.: «История Англо-Венгрии Хантингдонский»
3. Баранова С.И.: Керамическая «летопись» колокольни храма Святых Адриана и Наталии (Святых Апостолов Петра и Павла) в Москве.
4. «Каталог натальных крестов, обнаруженных в ходе археологических исследований в Москве в 1989—2009 гг.». Под руководством Главного археолога города Москвы, академика РАН и ААН, профессора Александра Григорьевича Векслера.
5. Каталог «Скандинавские древности на территории Руси. VIII—XIII вв.». Руководители проекта: д.и.н. Мельникова Е.А., д.и.н. Петрухин В.Я., к.и.н. Пушкина Т.А., д-р И. Янссон.
6. Аржанов Ю.Н. «Сирийские ветхозаветные псевдоэпиграфы»

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ:

7. Столярова Л.В.: «Детектив 16-го века: расследование причин смерти царевича Дмитрия на базе сохранившихся исторических источников»

8. В.А. Ткаченко «Некрополь Свято-Троицкой Сергиевой лавры конца XIV — начала XXI в.»

9. Евсеева Л.М.: «Аналогичные иконы в Византии и Древней Руси. Образ и литургия»

10. «Древнейшие государства на территории Восточной Европы». Ежегодный сборник статей, за 2008 год — посвящен юбилею Пашуты. Ответственный редактор Мельникова Е.А., Институт Всеобщей Истории.

11. Монография: «Древняя Русь в свете зарубежных источников». Под редакцией Т.Н. Джаксон», И.Г. Коноваловой, Е.А. Мельниковой, А.В. Подосинова, Г.В. Глазыриной. Данная монография издается в комплекте с пятитомником одноименной хрестоматии: «Античные источники», «Византийские источники», «Древнескандинавские источники», «Восточные источники», «Западноевропейские источники».

ЭТНОГРАФИЯ, АРХЕОЛОГИЯ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА:

12. Криничная Н.А.: «Крестьянин и природная среда в свете мифологии. Былички, бывальщины, поверья Карелии и сопредельных областей»

13. Лобанова Н.В., В.Ф. Филатова: «Археологические памятники в районе Онежских петроглифов»

14. Лобанова Н.В.: «Петроглифы Онежского озера»

15. Кривошапова Ю.А.: «Русская народная энтомология: этнолингвистический аспект»

ЕВРОПЕЙСКАЯ МЕДИЕВИСТИКА:

16. Мереминский С.Г.: «Формирование традиции: английское историописание вторая половина 11 – первая половина 12 веков»

17. Виноградов П.Г.: «Средневековое поместье в Англии». Подготовка книги к переизданию, комментарии и вступительная статья Гладков А.К.

18. Виноградов П.Г.: «Римское право в средневековой Европе». Подготовка книги к переизданию, комментарии и вступительная статья Гладков А.К.

19. Виноградов П.Г.: «Исследования по социальной истории Англии в Средние века». Подготовка книги к переизданию, комментарии и вступительная статья Гладков А.К.

20. Виноградов П.Г.: «Исследование по истории феодального строя Лангобардской Италии». Подготовка книги к переизданию, комментарии и вступительная статья Гладков А.К.

21. Гимон Т.В.: «Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: Сравнительное исследование»

22. Перевод книги: «Stender-Petersen A. Die Varägersage als Quelle der altrussischen Chronik. Aarhus, 1934». Редактура и подготовка вступительной статьи Е.А. Мельникова

23. Перевод книги: «Goetz L.K. Deutsch-russische Handelsgeschichte des Mittelalters. Lübeck, 1922.» Редактура и подготовка вступительной статьи Е.А. Мельникова

ИСТОРИЯ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ:

24. Платошкин Н.Н. Трехтомное издание книги: «История Мексиканской революции»: 1-й том: «Предпосылки и ход революции: 1910—1917 года»;

25. Платошкин Н.Н. Трехтомное издание книги: «История Мексиканской революции»: 2-й том: «Революция у власти: 1917—1928 года»;

26. Платошкин Н.Н. Трехтомное издание книги: «История Мексиканской революции»: 3-й том: «Коренные реформы: 1928—1940 года».

27. Платошкин Н.Н.: «Чили: кризисы 1964—1973 годов. Влияние США»
28. Платошкин Н.Н.: «Интервенция США в Доминиканской республике 1965 года»

АНТИЧНОСТЬ И ВИЗАНТИНИСТИКА:

29. Домановский А.Н.: «Государственный контроль и регулирование торговли в Византии IV—IX вв.»
30. Сорочан С.Б.: «Византийский Херсон (вторая половина VI — первая половина X вв.). Очерки истории и культуры»
31. Гай Юлий Цезарь (книга 1): «Записки о войне с галлами». Введение и комментарии Соболевский С.И.
32. Гай Юлий Цезарь (книга 2): «Записки о войне с галлами». Введение и комментарии Соболевский С.И.
33. Лидов А.М.: «Росписи Ахталы»
34. Суриков И.Е.: «Античная Греция: политика в контексте эпохи. Година междоусобиц»
35. «Латинские Панегирики — XII — PANEGYRICI LATINI». Перевод с латинского языка, статья, комментарии и приложение И.Ю. Шабага.
36. Помпоний Мела, «Описание Земли». Перевод с латыни, комментарии и подготовка текста — коллектив авторов под редакцией А.В. Подосинова.

ИСТОРИЯ 20-ГО ВЕКА:

37. «Многосторонняя дипломатия в биполярной системе международных отношений» (отв. ред. Н.И. Егорова).
38. «Сборник статей в честь Виктора Леонидовича Малькова». (Отв. ред. Н.И. Егорова).
39. Куликов В.П.: «История Русского Военного Воздушного Флота 1885—1917»
40. Сборник статей по материалам семинара «Холодная война». Составитель Степанов А.С.

МЕТОДОЛОГИЯ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК, ГЕОПОЛИТИКА И ГЕОЭКОНОМИКА И ДР.:

41. Люттвак Э. «Стратегия: логика войны и мира». Перевод с английского: Edward N. Luttwak "The Strategy: Logic of War and Peace"
42. Люттвак Э. «Политические перевороты: практическое пособие»: Edward N. Luttwak "Coup d'Etat: Practical Handbook"
43. Рахаев Д.Я.: «Политика России на Северном Кавказе в первой четверти XVIII века»

УЧЕБНИКИ И УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ:

44. Рязановский А.Р.: Пособие по математике для поступающих в «математические вузы»: «500 способов и методов решения задач по математике»
45. Абрамсон Я.И.: «Учебное пособие по математике для учащихся начальных классов»

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ БИБИХИНА В.В.:

46. Биbihин В.В.: «Введение в философию права». Том II.
47. Биbihин В.В.: «Новый Ренессанс». Том III.

КНИГИ НАШЕГО ИЗДАТЕЛЬСТВА МОЖНО ПРИОБРЕСТИ В МАГАЗИНАХ:

В офисе нашего издательства (Москва, ул. Малая Пироговская, дом 13.
Тел: +7 (495) 708-34-90, +7 (499) 766-46-19.

1. Интернет-магазины:

www.biblion.ru и www.urss.ru

2. Книжные магазины:

РОССИЯ

Москва

- «Книжная галерея «НИНА»» (м. «Павелецкая», ул. Бахрушина, д. 28).
www.kniginina.ru.
 - «ФАЛАНСТЕР» (м. «Пушкинская», Малый Гнезниковский пер., д. 12).
www.falanster.ru.
 - «ГНОЗИС» (м. «Парк Культуры», Зубовский пр., д. 2; 1-й гуманитарный корпус МГУ).
 - «АКАДЕМКНИГА» (м. «Академическая», ул. Вавилова, д. 55/7).
 - «АКАДЕМКНИГА» (м. «Цветной бульвар», Цветной бульвар, д. 21).
 - «У КЕНТАВРА» (м. «Новослободская», ул. Чаянова, д. 15: здание РГГУ).
 - РОССПЭН: «Книжный киоск РОССПЭН» (ул. Дм.Ульянова, д. 19.
м. «Академическая»).
 - РОССПЭН: «Книжный киоск в библиотеке ИНИОН» (Нахимовский
проспект 51/21, здание ИНИОН, 2-й этаж. [м. Профсоюзная]).
 - «ГИЛЕЯ». (123104, Москва, Тверской бульвар, д. 9).
- Тел: +7-495-925-81-66. <http://gileia.org/contacts>

Санкт-Петербург

- «КНИЖНЫЙ ОКОП» (Тучков пер., д. 11/5, лит. А, пом. 15-Н., Васильевский
Остров).
- «ИСТОРИЧЕСКАЯ КНИГА» (ул. Чайковского, д. 55) *www.aletheia.spb.ru.*
- «ДМИТРИЙ БУЛАНИН» (ул. Петрозаводская, д. 9: рядом со зданием
исторического института) *www.dbulanin.ru*
- «АКАДЕМКНИГА». (Литейный проспект, дом 57). Тел.: 272-36-65.
- «АКАДЕМКНИГА». (ул. Петрозаводская, д. 76). Тел.: 235-40-64.
- «АКАДЕМКНИГА». (Менделеевская линия, д. 1. Васильевский Остров).
Тел.: 328-38-12.
- «АКАДЕМИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА». (Васильевский Остров, 6-я линия,
д. 11).
- «ПОРЯДОК СЛОВ». (Набережная реки Фонтанка, д. 15).
www.wordorder.ru

Великий Новгород

- «НОВГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ ЯРОСЛАВА МУДРОГО» (ул. Студенческая, Парковая: здание Гуманитарного института, книжный киоск).

Ярославль

- «КНИЖНАЯ ЛАВКА ГУМАНИТАРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ» (ул. Свердлова, д. 9: бывший кинотеатр «АРС»).

Республика Карелия

- «ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ». (г. Петрозаводск, пр. Ленина, д. 33: книжный киоск).

Вологда

- «ДЕЛОВАЯ КНИГА» (г. Вологда, ул. Предтеченская д. 31).
Тел: +7, 8-8172-72-61-28, d.book@visp.ru

Красноярск

- «АКАДЕМКНИГА» (66049, Красноярск, ул. Сурикова, дом 45). Тел: 8 (391) 227-03-90.

Томск

- «АКАДЕМКНИГА» (634050, Томск, Набережная реки Ушайки, дом 18 а).
Тел: 8 (3822) 51-60-36.
- «ПОЗИТИВ» (634050, Томск, Проспект Ленина, дом 24 а).
Тел: 8 (3822) 53-40-74.

Новосибирск

- «АКАДЕМКНИГА» (г. Новосибирск, Красный проспект, 51). Тел: +7 (383) 2211560.
- «АКАДЕМКНИГА» (630090 Новосибирск, Морской проспект, 22).
Тел. +7 (3832) 35-09-22.

УКРАИНА

- Официальный представитель в Украине Филюк Олег Васильевич:
тел. CDMA: +38 (044) 221-97-44, GSM: +38 (063) 487-27-84.
E-mail: Helg11@yandex.ru; RUSfondUKR@yandex.ua

Киев

- «БУКИНИСТ-ЦЕНТР» (ул. Лютеранская, д. 4: рядом с Крещатиком).
Тел: +380-44-279-57-31.

- «АКАДЕМКНИГА» (01030, ул. Богдана Хмельницкого, д. 42, тел.: +380-44-234-51-42).
- «АКАДЕМКНИГА №7» (01025, ул. Сретенская, 17, тел.: +380-272-34-72, 272-35-82).
- «МОГИЛЯНСЬКА КНИГАРНЯ» (центральный вход: 04070, пл. Контрактова, д. 4, тел.: +380-44-581-52-23, E-mail: mogilyanka@bigmir.net)
- Интернет-магазин www.artlover.com.ua, E-mail: info@artlover.com.ua
- «ЗНАННЯ» (01001, ул. Крещатик, д. 44. Тел.: +380-279-10-45, 234-22-91).
- «НАУКОВА ДУМКА» (01001, ул. Грушевского, 4). Тел.: +380-278-06-96, 279-12-01).
- «Киевский национальный университет им. Шевченко» (книжный магазин в корпусе Института филологии: 01030, бульвар Шевченка, д. 14).
- «Киевский национальный университет им. Шевченко» (книжный магазин в главном корпусе): 01034, ул. Владимирская, д. 60.
- «Киевский национальный университет им. Шевченко» (книжный магазин в корпусе Института международных отношений): 04119, ул. Мельникова, д. 36/1.

Харьков

- «УНИВЕРСИТЕТСКАЯ КНИГА» (площадь Свободы, 4: книжный магазин в главном корпусе Харьковского Национального Университета им. Каразина). Тел.: +380-44-456-84-63.
- «ЛИТЕРА НОВА» («Litera Nova») (ст. м. Советская, ул. Квитки-Основьяненко 4/6: рядом с Органным залом). Тел.: (057) 731-40-59, 719-52-40; www.iap.kharkov.ua, <http://litera-book.com.ua/>
- ДОМ КНИГИ «Books» (ул. Сумская, 21). Тел. +38-057-714-04-71.
- АВИОНИКА (61022, г. Харьков, ул. Сумская, 51).

Тернополь

- «ЯРОСЛАВ МУДРЫЙ» (ул. Руська, 19). Тел. +38-0352-43-10-21.

Винница

- «КОБЗАРЬ» (ул. Привокзальная, 2/1). Тел. +38-043-261-77-44.

ГЕРМАНИЯ

Франкфурт-на-Майне

- «KNIZHNIK Internationale Buchhandlung» (Inhaber Dmitrij Anzupow. Verkehrsnummer 29582. Danziger Platz 2-4, 60314, Frankfurt am Main, +49(0) 69 40 80 78 70) www.knizhnik.de/ru

При оптовых закупках возможны скидки, с вопросами обращайтесь к директору издательства Андрею Гореву: andrey.gorev@bk.ru или к заместителю директора Любови Горевой: L.izdat@bk.ru

Научное издание

Платошкин Николай Николаевич
История Мексиканской революции.
Время радикальных реформ
1928–1940 гг.
Том 3

*Печатается по решению Ученого совета
Университета Дмитрия Пожарского*

Дизайн обложки
Е. А. Горева
Макет и верстка
И. Р. Яворский

Подписано в печать 20.04.11. формат 70.100/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Garamond. Печать офсетная.
Тираж 2000 экз. Заказ № 3233

Русский Фонд Содействия Образованию и Науке.
119435, Москва, Малая Пироговская, 13.
www.s-and-e.ru

Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., д. 6

ISBN 978-5-91244-036-6

9 785912 440366